

КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЧЕРНОМОРСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИШТИНА-ЛЕПОСАВИЧ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ
УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ МЕГХАЛАЙЯ
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
«ШКОЛА МОЛОДОГО ПОЛИТОЛОГА»

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
СМЫСЛЫ И СИМВОЛЫ
ВОЙНЫ И МИРА»**

**Сборник научных трудов XLV Международного
Харакского форума**

(Ялта-Симферополь, 22-25 апреля 2025 г.)

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2025

УДК 32 (31)
ББК 74.00
П 50

*Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Т.А. Сенюшкина, доктор политических наук, профессор.

Научные редакторы:

М.В. Масаев, доктор философских наук;

Е.А. Сенюшкин, кандидат политических наук, доцент.

Рецензенты:

Драган Танчич, доктор политических наук, профессор;

Раджив Кумар, доктор политических наук, профессор;

Миодраг Гордич, доктор политических наук, профессор.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50

Политическое пространство и социальное время: смыслы и символы войны и мира. Сборник научных трудов XLV Международного Харакского форума 22-25 апреля 2025 г., г. Ялта – Симферополь / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной; [науч.ред.: М.В. Масаев, Е.А. Сенюшкин]. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2025. – 372 с.

ISBN 978-5-908076-51-7

В сборнике размещены материалы XLV Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: смыслы и символы войны и мира», состоявшегося в г. Ялта и г. Симферополь 22-25 апреля 2025 г. Обобщаются теоретические дискуссии, посвящённые осмыслению тенденций развития политического пространства и социального времени, раскрываются актуальные вопросы изучения войны и мира в контексте современных международных политических процессов. Книга будет полезна исследователям, занимающимся междисциплинарными исследованиями на стыке политологии, философии, правоведения, социологии и международных отношений.

УДК: 32 (31)

ББК: 74.00

ISBN 978-5-908076-51-7

© Сенюшкина Т.А., 2025

© ИТ «АРИАЛ»,

макет, оформление, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое читателю издание содержит научные труды, которые нашли своё отражение в докладах, прозвучавших на площадках XLV Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: смыслы и символы войны и мира», состоявшегося 22-25 апреля 2025 года в г. Ялта и г. Симферополь в смешанном формате (оффлайн/онлайн).

Форум был организован Крымским федеральным университетом имени В.И. Вернадского, Севастопольским государственным университетом, Черноморским информационно-аналитическим центром, Институтом сербской культуры Приштина/Лепосавич, Сербия, Университетом имени Джавахарлала Неру, г. Дели, Индия, Университетом науки и технологий, г. Мегхалайя, Индия и Студенческим научным обществом «Школа молодого политолога».

В работе форума приняли участие 124 представителя научного сообщества России и зарубежных стран, таких как Беларусь, Индия, Сербия, Казахстан, Узбекистан, Республика Кипр и Польша.

Традиционно основной площадкой форума стал Харакс – бывшее великокняжеское имение Георгия Михайловича Романова в Ялте (Гаспра), располагавшееся на месте древней Римской крепости Харакс, основанной в I веке н.э.

В рамках XLV Международного Харакского форума были проведены: пленарная сессия, две секции (секция 1. «Отражение политического пространства и социального времени в современных теориях власти и общества»; секция 2. «Смыслы и символы войны и мира»); круглый стол памяти А. С. Панарина «Стратегическая нестабильность в XXI веке»; XVII Международный семинар «Религия и гражданское общество» и XXVI Международный семинар «Этничность и власть», а также Школа молодого политолога».

Оргкомитет форума выражает благодарность Черноморскому информационно-аналитическому центру и лично его директору А.В.Мохову за финансовую поддержку данного издания.

Сенюшкина Т.А.

*Сопредседатель оргкомитета форума,
доктор политических наук, профессор*

**ДИНАМИКА ОЦЕНОК МИРОВЫМ СООБЩЕСТВОМ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА РФ
(НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТОВ ГОЛОСОВАНИЙ В
ГА ООН)**

Авдиенко А.О.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия», студент
E-mail: anton.avdienko0812@gmail.com*

Научный руководитель – Никифоров А.Р.,

*кандидат исторических наук,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
доцент кафедры политических наук и международных отношений*

Аннотация. В статье исследуется отношение государств мира к внешней политике России. На основании анализа результатов голосования в ГА ООН за резолюции, предложенные Россией, а также и направленных против неё, делается вывод о том, что мировое сообщество в целом имеет скорее недружественную к внешнеполитическому курсу РФ позицию. Однако результаты голосования по резолюциям ES-11/7 и ES-11/8, после двухгодичной паузы после принятия резолюции ES-11/6, демонстрируют значительный рост уровня сопротивления части мирового сообщества «проукраинскому» варианту мирного урегулирования конфликта и выражают поддержку компромиссному способу урегулирования конфликта.

Ключевые слова: Генеральная ассамблея ООН, ГА ООН, Россия в мировой политике, внешняя политика России, результаты голосования в ГА ООН.

**DYNAMICS OF ASSESSMENTS BY THE WORLD
COMMUNITY OF THE FOREIGN POLICY COURSE OF THE
RUSSIAN FEDERATION (BASED ON THE ANALYSIS OF THE
VOTING RESULTS IN THE UNGA)**

Avdienko A.O.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Tavrida Academy, student
E-mail: anton.avdienko0812@gmail.com*

Scientific supervisor - Nikiforov A.R.,

candidate of historical sciences,

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, associated professor of
the department of political sciences and international relations*

Abstract. *The article examines the attitude of the world's states towards Russia's foreign policy. Based on the analysis of the results of the voting in the UN General Assembly for resolutions proposed by Russia, as well as those directed against it, it is concluded that the international community as a whole has a position rather unfriendly to the foreign policy course of the Russian Federation. However, the results of the voting on resolutions ES-11/7 and ES-11/8, after a two-year pause since the adoption of resolution ES-11/6, demonstrate a significant increase in the level of resistance of part of the world community to the “pro-Ukrainian” version of the peaceful settlement of the conflict and express support for a compromise solution to the conflict.*

Keywords: *UN General Assembly, UNGA, Russia in world politics, Russian foreign policy, UNGA voting results.*

24 февраля 2025 г. были приняты 2 последних, на данный момент, резолюции в рамках Чрезвычайной специальной сессии ГА ООН по Украине. В рамках данной сессии в сумме было принято 8 проектов резолюций за 3 полных года существования. Следует отметить антироссийский характер резолюций, характерный для всех итоговых проектов резолюций в рамках данной сессии. Результаты голосования по данным резолюциям отражены в таблице 1.

Таблица 1. Список всех резолюций Чрезвычайной специальной сессии ГА ООН по Украине [1-8].

Код	Заголовок резолюции	Дата принятия	За	Возд.	Пр.
ES-11/1	Агрессия против Украины	02.03.2022	141	35	5
ES-11/2	Гуманитарные последствия агрессии против Украины	24.03.2022	140	38	5
ES-	Приостановление прав	07.04.2022	93	58	24

11/3	членства Российской Федерации в Совете по правам человека				
ES-11/4	Территориальная целостность Украины: защита принципов, закрепленных в Уставе ООН	12.10.2022	143	35	5
ES-11/5	Содействие осуществлению правовой защиты и обеспечению возмещения ущерба в связи с агрессией против Украины	14.11.2022	94	73	14
ES-11/6	Принципы Устава Организации Объединенных Наций, лежащие в основе достижения всеобъемлющего, справедливого и прочного мира на Украине	23.02.2023	141	32	7
ES-11/7	Содействие достижению всеобъемлющего, справедливого и прочного мира на Украине	24.02.2025	93	65	18
ES-11/8	Путь к миру	24.02.2025	93	73	8

Как видно из таблицы выше, результаты претерпевали немалые изменения. Так, среди проголосовавших ЗА принятие проектов резолюций (против России), наблюдается два усредненных варианта голосования: 1 - ± 141 голос; 2 - ± 93 голоса. Следовательно, около 93 стран всегда голосовали против России, а 48 государств на протяжении всей сессии колебались (на разных заседаниях сессии, помимо

поддержки, также воздерживались или голосовали против принятия проектов резолюций).

Среди воздержавшихся также наблюдается два усредненных варианта голосования: 1 - ± 35 голосов; 2 - ± 67 голосов. Следовательно, около 35 стран стабильно воздерживались от голосования, а 32 государства на протяжении всей сессии колебались (принимали, помимо нейтральной, антироссийскую или пророссийскую позицию).

Среди отдавших свой голос ПРОТИВ также наблюдается схожая динамика. Также присутствуют два усредненных варианта голосования: 1 - ± 6 голосов; 2 - ± 19 голосов. Таким образом, помимо 6 стран, стабильно голосовавших в поддержку России, также наблюдается 13 государств, чья позиция от резолюции к резолюции менялась (вместо поддержки России они либо воздерживались, либо голосовали ЗА принятие антироссийских резолюций).

Для максимально точного отражения динамики голосования по антироссийским резолюциям мы использовали математический метод ранжирования. Допустим, голос ЗА принятие резолюции оценивается в условные 0 баллов поддержки; воздержавшийся или отсутствующий голос - 0,5; ПРОТИВ - 1. В итоге, просуммировав набранные баллы поддержки каждой страны, можно понять её общую оценку внешнеполитического курса РФ.

Таким образом, проанализировав и просуммировав все голоса по 8 резолюциям, мы выделили пять условных групп государств по их отношению к внешнеполитическому курсу РФ:

1. Недружественные к внешнеполитическому курсу РФ страны, всегда голосующие ЗА проекты антироссийских резолюций, набравшие в сумме на всех голосованиях 0 баллов.

2. Скорее недружественные к внешнеполитическому курсу РФ нейтральные страны, чаще голосующие ЗА, иногда воздерживаясь, набравшие в сумме на всех голосованиях от 0,5 до 3,5 баллов.

3. Нейтральные к внешнеполитическому курсу РФ страны, всегда воздерживающиеся от голосования. Государства, набравшие в сумме на всех голосованиях 4 балла.

4. Скорее дружественные к внешнеполитическому курсу РФ нейтральные страны, чаще воздерживающиеся, иногда голосующие ПРОТИВ. Государства, набравшие в сумме на всех голосованиях от 4,5 до 7,5 баллов.

5. Дружественные к РФ страны, всегда голосующие ПРОТИВ антироссийских резолюций. Государства, набравшие в сумме на всех голосованиях 8 баллов.

К первой группе государств относятся: Андорра, Австралия, Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Болгария, Канада, Чили, Кот-д'Ивуар, Хорватия, Кипр, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Гватемала, Исландия, Ирландия, Италия, Япония, Латвия, Либерия, Лихтенштейн, Литва, Люксембург, Мальта, Монако, Черногория, Мьянма, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Перу, Филиппины, Польша, Португалия, Южная Корея, Молдова, Румыния, Сан Марино, Сейшельские Острова, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, Турция, Соединенное Королевство, Уругвай - 52 государства - 0 баллов

Ко второй группе государств относятся:

1. Албания, Кабо-Верде, Коморские Острова, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Фиджи, Ямайка, Малави, Мальдивы, Маврикий, Мексика, Науру, Папуа - Новая Гвинея, Сент-Люси, Самоа, Сьерра-Леоне, Сингапур, Восточный Тимор, Украина - 19 государств - 0,5 балла

2. Антигуа и Барбуда, Аргентина, Барбадос, Белиз, Бутан, Камбоджа, Чад, Колумбия, Джибути, Эквадор, Гайана, Грузия, Индонезия, Кения, Кирибати, Малайзия, Маршалловы Острова, Микронезия, Непал, Нигерия, Северная Македония, Панама, Парагвай, Сент-Китс и Невис, Сербия, Соломоновы Острова, Сомали, Суринам, Тонга, Тринидад и Тобаго, Тунис, Вануату - 32 государства - 1 балл

3. Афганистан, Багамские Острова, Бенин, ДР Конго, Гамбия, Гана, Венгрия, Египет, Замбия, Иордания, Катар, Кувейт, Ливия, Палау, Сент-Винсент и Гренадины, США, Таиланд - 17 государств - 1,5 балла

4. Бахрейн, Бразилия, Бруней, Гренада, Гаити, Гондурас, Израиль, Ливан, Мавритания, Оман, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Саудовская Аравия, ОАЭ, Йемен - 15 государств - 2 балла.

5. Бангладеш, Ботсвана, Доминика, Ирак, Лесото, Мадагаскар, Марокко, Нигер - 8 государств - 2,5 балла.

6. Габон, Сенегал, Южный Судан, Тувалу - 4 государства - 3 балла.

7. Ангола, Армения, Сальвадор, Гвинея-Бисау, Монголия, Того, ЮАР - 7 государств - 3,5 балла.

К третьей группе государств относятся: Азербайджан, Венесуэла, Гвинея, Индия, Камерун, Эсватини, Мозамбик, Намибия, Танзания, Пакистан, Туркменистан, Уганда, Шри-Ланка - 13 государств - 4 балла

К четвертой группе государств относятся:

1. Алжир, Боливия, Конго, Экваториальная Гвинея, Казахстан, Кыргызстан, Лаос, Таджикистан, Узбекистан, Вьетнам - 10 государств - 4,5 балла.

2. Буркина-Фасо, Бурунди, Зимбабве, Иран, Китай, Куба, Судан, Эфиопия - 8 государств - 5 баллов.

3. ЦАР - 5,5 баллов.

4. Мали - 6,5 баллов

5. Эритрея, Никарагуа, Сирия - 3 государства - 7 баллов.

К пятой группе государств относятся: Беларусь, КНДР, Россия - 3 государства - 8 баллов.

Как видно из вышеуказанного списка, мировое сообщество не имеет четкой антироссийской позиции. Однако существует сформированная коалиция антироссийски настроенных государств, всегда голосующая против России. Данная коалиция обладает внушительными 26,9 % от всех голосов, что оказывает колоссальное влияние на результаты голосования и, как следствие, принятие антироссийских резолюций в ГА ООН.

К такому роду государств относятся те страны, которые набрали в сумме 0 баллов по всем 8 голосованиям. Стоит отметить, что из 52 таких государств большинство так или иначе связаны с НАТО (являются членами НАТО, кандидатами на вступление, партнерами, внеблоковыми союзниками и т.д.). Только Чили, Кот-д'Ивуар, Либерия, Гватемала, Мьянма, Перу, Уругвай и Сейшельские острова не имеют прямых связей с НАТО [9].

Отдельно стоит отметить позицию США, которые на протяжении всей сессии голосовали против России, однако со сменой администрации и с приходом Д. Трампа к власти, американская позиция изменилась. По последним двум резолюциям от февраля 2025 г. американцы высказались против и воздержались, что позволило их отнести ко II группе, с 1,5 баллами поддержки.

Несмотря на влияние данной коалиции, мировое большинство (52,8% голосов) не имеет столь радикальной антироссийской позиции. Но всё же данные страны имеют скорее недружественную к внешнеполитическому курсу РФ позицию. В сумме, I и II группа набрали 79,7% против 13,6% коалиции VI и V

групп, при 6,7% нейтралов. Это говорит о значительном перевесе антироссийского мнения в мировом сообществе.

Среди VI и V групп следует отметить относительно большую поддержку России со стороны стран Африки, Центральной Азии. Суммарно 11 стран из Африки и все страны Центральной Азии придерживаются скорее дружественной позиции к внешнеполитическому курсу РФ, ещё 6 африканских стран имеют нейтральную позицию. Это говорит об успешности российской региональной дипломатии на этих направлениях.

Также отдельно стоит выделить позицию Китая, как не менее крупного, в сравнении с США, игрока. Китай относится к IV группе государств, он дважды высказался ПРОТИВ и 6 раз воздержался от голосования. На протяжении всей чрезвычайной сессии китайские представители высказывались в поддержку России: осуждали политику расширения НАТО и направляли внимание мировой общественности на предысторию конфликта в Украине [10]. Пекин также неоднократно высказывался о своей готовности выступить в роли посредника в переговорах между Киевом и Москвой [11], [12].

Таблица 2. Средний балл поддержки по каждой резолюции (от 0 до 1) [1-8]

Код	Заголовок резолюции	Дата принятия	Ср. знач. баллов поддержки
ES-11/1	Агрессия против Украины	02.03.2022	0,15
ES-11/2	Гуманитарные последствия агрессии против Украины	24.03.2022	0,15
ES-11/3	Приостановление прав членства Российской Федерации в Совете по правам человека	07.04.2022	0,32
ES-11/4	Территориальная целостность Украины: защита принципов,	12.10.2022	0,14

	закрепленных в Уставе ООН		
ES-11/5	Содействие осуществлению правовой защиты и обеспечению возмещения ущерба в связи с агрессией против Украины	14.11.2022	0,29
ES-11/6	Принципы Устава Организации Объединенных Наций, лежащие в основе достижения всеобъемлющего, справедливого и прочного мира на Украине	23.02.2023	0,15
ES-11/7	Содействие достижению всеобъемлющего, справедливого и прочного мира на Украине	24.02.2025	0,31
ES-11/8	Путь к миру	24.02.2025	0,27

Данные из табл. 2 отражают среднюю динамику голосования по антироссийским резолюциям. Из таблицы видно, что ни разу средний бал не доходил до отметки 0,5, что подтверждает ранее озвученный тезис о принадлежности мирового сообщества ко II группе “скорее недружественных к внешнеполитическому курсу РФ” стран.

Однако исходя из результатов голосования по последним двум резолюциям, можно говорить о положительной для РФ динамике голосования, так как прежде такие положительные для РФ результаты достигались по откровенно губительным для России в практическом смысле резолюциям.

Так, резолюция ES-11/3 касалась приостановки членства России в Совете по правам человека [3]. Резолюция ES-11/5, в свою очередь, охватывала создание механизма по подсчёту ущерба “нанесенного Российской Федерацией” для дальнейшего “возмещения вреда”, что в свою очередь может привести к появлению новых экономических вызовов для России [5].

Таким образом, проанализировав все принятые резолюции в рамках Чрезвычайной специальной сессии ГА ООН по Украине, можно сделать следующий вывод. Мировое сообщество в целом имеет скорее недружественную к внешнеполитическому курсу РФ позицию. Однако

результаты голосования по резолюциям ES-11/7 и ES-11/8, после двухгодичной паузы с принятия резолюции ES-11/6, демонстрируют значительный рост уровня сопротивления части мирового сообщества “проукраинскому” варианту мирного урегулирования конфликта и выражают поддержку компромиссного способа урегулирования конфликта. Не исключено, что при дальнейших голосованиях в рамках данной сессии эта тенденция может получить развитие.

Список литературы

1. Агрессия против Украины. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3959039?ln=ru>
2. Гуманитарные последствия агрессии против Украины. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3965954?ln=ru>
3. Приостановление членства Российской Федерации в Совете по правам человека. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3967778?ln=ru>
4. Территориальная целостность Украины: защита принципов Устава Организации Объединенных Наций. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3990400?ln=ru>
5. Содействие обеспечению правовой защиты и возмещению ущерба за агрессию против Украины. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3994052?ln=ru>
6. Принципы Устава Организации Объединенных Наций, лежащие в основе всеобъемлющего, справедливого и прочного мира в Украине. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4003921?ln=ru>
7. Содействие установлению всеобъемлющего, справедливого и прочного мира в Украине. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4076672?ln=ru>
8. Путь к миру. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4076673?ln=r>

9. Партнерства НАТО. Организация Северо-атлантического Альянса. 22 августа 2024 г. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_84336.htm
10. China says it respects Ukraine's sovereignty and Russia's security concerns. Reuters. 26.02.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/china-says-it-respects-ukraines-sovereignty-russias-security-concerns-2022-02-25/>
11. В МИД КНР заявили, что при освещении Украины Запад игнорирует гибель жителей Ирака и Сирии. ТАСС. 17 марта 2022 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14100993>
12. Стратегия изменилась: может ли Китай стать посредником в переговорах Украины и России. URL: https://24tv.ua/ru/kitaj-hochet-stat-posrednikom-v-vojne-soglasitsja-li-na-jeto-ukraina-24-kanal_n2789626

МИРОВОЙ ПОРЯДОК: КРИЗИС ИЛИ ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД?

Алимардонов Т.Т.

*Доктор политических наук, профессор
Образовательный университет Ренессанс, Узбекистан,
г. Ташкент
E-mail: alimardonov.tulkin@mail.ru*

Джураев Т.А.

*Доктор философских наук, профессор
Образовательный университет Ренессанс, Узбекистан,
г. Ташкент*

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния нынешнего, по сути, западоцентричного мирового порядка. Утверждается, что существовавший веками мировой порядок, ориентированный на обслуживание интересов господствующих «центров силы», переживает глубокий кризис. Рождается качественно новый мировой порядок, соответствующий духовным устремлениям народов всего мира.

Ключевые слова: мировой порядок, фазовый переход, справедливое мироустройство, ШОС, БРИКС, философия политики.

WORLD ORDER: CRISIS OR PHASE TRANSITION?

Alimardonov T.T.

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Renaissance Educational University, Tashkent
E-mail: alimardonov.tulkin@mail.ru*

Juraev T.A.

*Doctor of Philosophy, Professor,
Renaissance Educational University, Tashkent*

Abstract. *The thesis is aimed at identifying the state and ways of radical restructuring of the current, in fact, Western-centric world order. It has been proven that for centuries the world order, based on the discussion of the interests and benefits of, is currently in decline. Through the efforts of the a qualitative world order is soon born that satisfies the spiritual needs of the peoples of the whole world.*

Keywords: *world order, phase transition, just world order, SCO, BRICS, philosophy of politics.*

Конец XX и начало XXI веков в жизни человечества оказались богатыми событиями, несущими в себе энергию, без преувеличения, способную навсегда изменить ход истории и геополитический облик современного мира. Рождение нового справедливого мироустройства, которое является необходимым условием цивилизованной общественной жизни, в своей основе имеет изменения, затрагивающие саму суть человеческого существования. Не отрицая роли политических, экономических, культурных и коммуникативно-информационных факторов, отметим, что утверждение качественно новых устоев жизни во все времена связано с доминантами, содержащимися в глубинных слоях сознания. Именно они и определяют ход и направление исторического развития на многие годы вперед. Самое известное из подобных преобразений в истории происходило в далеких VII-V веках до нашей эры, которое запечатлено в памяти человечества «осевым временем» [1, с. 4-5].

В такие поворотные моменты истории имманентно обнаруживается необычайный прорыв человеческого духа и его внутренней энергии, в результате чего мир становится качественно иным, начинает жить по другим законам. Изменится всё: мир, человек, общество, принципы жизни, мировоззрение и т. д. Думается, что нет необходимости утруждать читателя общеизвестными информационными явлениями. Ибо представителями практически всех обществоведческих наук создано огромное количество публикаций на эту тему.

Общеизвестно, что все переходные фазы жизнедеятельности общества типологически одинаковы. При всем этом нельзя не отметить, что нынешний мировой порядок сам «просит» перемен, т.к. не может оставаться прежним. В такие кризисные моменты наука не имеет права быть сторонним наблюдателем.

Наши задумки, вынесенные на обсуждение, посвящены раскрытию того, что очевидно. С этой целью мы в основном исходили из системного и исторического подходов. Повторимся: мир, в котором живет нынешнее поколение, давно «готов» к радикальной перестройке, чтобы стать другим, он устремлен к обители, где ему будет спокойнее и безопаснее.

Речь идет о судьбах не миллионов, а миллиардов жизней, благодаря которым мир обретает смысл. Мир и его обитатели – единое целое, в котором должна продолжаться жизнь. Следовательно, задача современного поколения в целом, включая и научное сообщество, состоит в разработке качественно новой методологии и подходов, способных помочь устаревшему мировому порядку плавно, без потерь перейти в другую фазу. Для этого мировому интеллектуальному сообществу необходимо самому определить состояние существующего мироустройства «здесь» и «сейчас».

Ибо построенный или поддерживаемый в соответствии с государственными интересами стран-метрополий мировой порядок медленно, но неуклонно дает трещину. Этот процесс заметно ускорился, особенно после Второй мировой войны, как это ни парадоксально, на фоне возвышения Соединенных Штатов Америки. Но в то же время в глазах миллиардов был подорван моральный авторитет ближайших их союзников – Великобритании и Франции, отцов-основателей западного миропорядка [2].

Рождение Китайской Народной Республики, обретение Индией государственного суверенитета, жестокое поражение французских и

североамериканских войск в Индокитае и Юго-Восточной Азии в 50-60-е годы XX века, привели в движение народы всего колониального мира, расчлененные южнославянские православные народы превратились в вечных врагов католического Запада. Балканы оказались незаживающей раной на теле Европы. Афганистан, Ирак и Сирия продемонстрировали военно-стратегическую несостоятельность американской мощи. В контексте всего этого начало вынужденной специальной военной операции Российской Федерации, направленной на искоренение неонацизма и его очагов на Украине, является поворотным моментом с точки зрения перспектив мирового развития. Без суеты, подобно туго сжатой стальной пружине, её развертывание с прицелом на Запад, смятение в лагере некогда «сильных мира сего» определило неизбежный конец четырехсотлетнего безраздельного господства англосаксонского миропорядка. Системный кризис всего Запада уносит с собой обветшавший глобальный экономический и политический порядок, отвергаемый подавляющим большинством стран и народов планеты.

Стремительное расширение сил и военного влияния Шанхайской Организации Сотрудничества, объединяющей в своих рядах восходящих государственно-политических акторов современности [3, с. 552], становление и расширение антиамериканской направленности БРИКС, межконтинентального добровольного межкультурного объединения государств, стремящихся жить по-новому, решительный отказ полуторамиллиардной Республики Индия от военного сотрудничества с Западом, конструктивный сдвиг в политическом сознании мусульманской ойкумены, провал западоцентристских военно-политических проектов, поспешный поиск их инициаторов помощи на других широтах планеты, неспособность политических сил Запада выстраивать конструктивные межгосударственные отношения современности, – всё это свидетельствует о том, что современный западоцентристский миропорядок не сможет более устоять перед натиском многомиллиардного сообщества свободолюбивых людей планеты. Силы нового империализма несут колоссальные потери, они лишились морального авторитета, рынка сбыта, «смотровых» территорий, откуда могли перебросить войска, вооружения в любую часть планеты и т. д.

Это ясно показывает, что человечество настроено против существующего режима управления планетарным пространством. На поверхность всплывает неразрешимая проблема управления

человеческими ресурсами. Все это, как известно, эхом отозвалось в пространствах постколониального «третьего мира», что привело к массовому отказу от западного образа жизни и переходу к более справедливым принципам управления обществом и государством.

Огромный «третий мир» (Азия, Африка и Латинская Америка) готовится жить по-новым правилам, свободным от чужого диктата. Расширяются и укрепляются ряды леворадикальных государств в Латинской Америке (Бразилия, Перу, Боливия, Эквадор, Никарагуа, Венесуэла и др.), отвергающих путь дикого капитализма и рыночного меркантилизма, стремящихся к обществу, исповедующему принципы социальной защиты, благополучия и всеобщей гармонии.

Незапад постиг глубинную суть продуманности так называемых «цветных революций», прокатившихся по просторам бывшего социалистического лагеря. Волна этой глобальной катастрофы, исходящей от Запада, позорно захлебнулась на равнинах африканского Магриба, оставив после себя перманентную внутреннюю нестабильность: от межплеменных, межклассовых столкновений до кровавой бойни в Ливии. Прогрессивные демократические силы Республики Мали, Республики Нигер, Республики Буркина-Фасо, Центральноафриканской Республики и Габона, колониальных владений Парижа, сегодня вернули государственный суверенитет, заявив о расторжении политических связей с Францией, которая претендовала на роль государства-миротворца.

Спустя исторически короткий промежуток времени силы мирового национально-освободительного и левodemократического движений вновь вступают в свои права, концентрируя вокруг себя страны и силы, неуклонно стремящиеся к новому, достойному будущему человечества. Есть все основания полагать, что освободительные импульсы, которые вызревали в глубинах общественного сознания, неугомонные в подсознательных слоях психологии, продолжающие жить, сойдутся в цитадели неоимпериализма в Соединенных Штатах Америки. Проявление растущего одиночества американцев в решении проблем, непосредственно затрагивающих их интересы, моральная и физическая усталость от невероятной нагрузки во имя «защиты безопасности» слабеющих сателлитов, усугубляют и без того проблематичное состояние Америки.

Плюс ко всему этому позорное бегство американских военных из Афганистана в 2022 году и оправдания перед своим партнерами за

срыв кампании, распространившиеся сомнения в способности Вашингтона найти выход из постоянно преследующих его неудач и, наконец, ослабление веры простых американцев в судьбу самих Соединенных Штатов как монолитного государства, наглядно отражает, что дни так называемого Pax Americana сочтены. Так уходит в небытие мировая политическая система, которая веками сдерживала социальное и духовное развитие, заставляла людей жить и творить в условиях, не свойственных их природе. Немыслимо, что накануне знаменитой промышленной революции Китай и Индия, производившие столько же, сколько сегодня производят крупнейшие страны Европы – Великобритания, Франция, Германия и Италия, вместе взятые, – были обречены на положение стран-просителей, живущих в нечеловеческих условиях [5].

Так современный мир становится другим миром, достойным человека, миром без эксплуатации и угнетения, равных возможностей для всех живущих, независимо от этнических, религиозных и цивилизационных различий, миром лучшей судьбы, к которому человечество неустанно стремилось, иногда жертвуя собой, самое незаменяемое, что есть в жизни. И не случайно в научном сообществе появляется определение «возврат развития» [6]. Это новое понимание развития, не принуждение к развитию, а результат свободного выбора цели, которая ведёт общество к более гуманному образу жизни.

Социально-гуманитарные науки, научное сообщество, которым не чужды человеческие интересы, мысли и стремления, вовлечены в переосмысление чрезвычайно актуального вопроса: каким будет грядущий мировой порядок? Понимается этот вопрос по-разному. Масштабно мыслящие личности в социально-политических проектах видели некое новое начало, восхищались даже рыночной капиталистической предприимчивостью, навыками тех наций-государств, которые впоследствии волнами распространились по всей планете.

Идеи новых социальных проектов сначала овладевают умом и сердцем поколений, затем выходят на поверхность, по словам Ленина, «даже в одной отдельно взятой стране». Необязательно, чтобы этот идейный прорыв привел к социальной революции. Но он непременно найдёт поддержку тех, кто внутренне готов к радикальным преобразованиям самой жизни. Таковое может стать прологом к новому справедливому мировому порядку, основанному на принципах равенства и благополучия всех народов земли.

Подводя итоги, нельзя не сказать об одном чрезвычайно важном положении касательно масштабных социально-политических, культурно-духовных преобразований, сопряжённых со сменой ставшего привычным грядущим неизведанным. Исторически во все времена переход от одной фазы существования к другой, уход старого и утверждение качественно нового протекал болезненно. Сопровождалось это выплёскиванием наружу множества неожиданных проблем, к решению которых мировая политическая элита должна быть готовой. В такие критические моменты наука должна «заработать» напряженно и по-новому. Ибо речь идет о судьбе миллиардов жизней, пребывающих в состоянии надежды и страха перед лицом неизвестности.

Получилось так, что наступление более справедливого мирового порядка, уход в небытие не оправдавшего ожиданий человечества формата жизнеустройства, и иные перемены, очень сблизили философию с политикой. Дабы оправдать себя перед историей, политика сегодня обращает свой взор на философию. Оказалось, что проникателен был Мартин Хайдеггер, сказав: «Когда все разрушается, наступает век философии». Современной политике необходимо честно признаться, что она по-прежнему продолжает оставаться рациональной формой использования иррациональной сущности масс.

Политическому как пространству жизненного комфорта, необходимо воплотиться во благо возвышения человечества, следовательно, политика обязана прислушиваться к философии и это незаменимо в тех ситуациях, когда рушится привычный и рутинный ход жизни. Именно так политическая ипостась бытия оказывается искомым пространством зарождения/оформления новой социальной онтологии, где формируется, говоря словами того же Хайдеггера, качественно новый «посол бытия», а политическое становится трансценденцией делегирующей имманентной социальной права на существование. Именно через обращение к подобным эпохам мы можем уловить глубинную взаимосвязь политического и социального, в чём так остро нуждается современность.

Список литературы

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории: [Пер. с нем.] / Карл Ясперс; [Вступ. ст. П. П. Гайденко]. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
2. Бредихин А.В. Евразийский вектор развития Российской Федерации: исход к востоку // Вестник

- Московского Государственного университета. Серия 18. Социология и Политология. 2023. Т.29. С. 99-107.
3. Джахангир Карам. Стратегическая роль Ирана для ШОС: укрепление евразийской интеграции // Вестник РУДН. Международные отношения. 2023. Т. 23. №3. С.552. С. 547—561.
 4. Чалышев А.Ю. Военный переворот в Габоне как фактор утери контроля Франции в регионе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2024. №3. С.61-71.
 5. Го Д., Романовский Н. В. Мыслить против империи: антиколониальная мысль как социальная теория (Пер. с англ. Н.В. Романовский) // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 15-27. DOI [10.31857/S0132162524010028](https://doi.org/10.31857/S0132162524010028)
 6. Володин, А. Г. Возвращение развития: полицентрический мир в поисках новой экзистенциальной парадигмы // Вестник Российской академии наук. 2023.Т. 93, № 11. С. 1019-1031. – DOI 10.31857/S0869587323110099. – EDN CNJHME.
 7. Сковрцов, Л. В. XXI век: интенция как духовная судьба цивилизационного самоопределения // Вопросы философии. 2024. № 1. С. 5-16. DOI 10.21146/0042-8744-2024-1-5-16. – EDN XSULRU.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПУТЁМ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

Антонович Р.Д.

Доктор юридических наук

*Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич, Сербия,
научный сотрудник*

E-mail: antonovici@gmail.com

Аннотация. Один из способов установления доминирующего положения одной политической опции по отношению к правящей – это дестабилизация ключевых государственных институтов.

Чувство страха перед нестабильностью, восприятие государства как неэффективного, снижение доверия к правосудию и судебным учреждениям, отсутствие правовой и политической безопасности создают благоприятную почву для осуществления политических перемен. Дестабилизация государственных институтов нередко приводит к так называемым цветным революциям, в которых ключевую роль играют молодёжь, студенты и школьники. Этот метод политических изменений применяется в странах, где оппозиции объективно сложно прийти к власти демократическим путём, вследствие чего она прибегает к изощрённым мерам, которые постепенно, но неотвратимо ведут к подрыву власти и увеличению общественного недовольства.

Ключевые слова: политика, перемены, власть, политические партии, молодёжь.

POLITICAL CHANGES THROUGH DESTABILIZATION OF STATE INSTITUTIONS

Antonovich R.D.

Research associate, PhD of Law

Institute for Serbian Culture Priština – Leposavić

E-mail: antonovicr@gmail.com

Abstract. The way to establish a dominant position of one political option in relation to the ruling political option is to destabilize vital state institutions. The feeling of fear of instability, then the feeling of dysfunctionality of the state and state institutions, the weakening of faith in the efficiency of the judiciary and judicial institutions, the lack of legal certainty and political security represent a good prerequisite for the implementation of political changes. The destabilization of state institutions often leads to the so-called. colored revolutions, and in this process the youth, student and school population play a key role. This method of political change is used in those countries where the opposition has objective difficulties in gaining power through democratic elections, and therefore decides on perfidious measures that slowly but surely lead to the destabilization of the government and the creation of popular discontent.

Keywords: politics, change, government, political parties, youth.

Политическая борьба зачастую подразумевает использование методов, отклоняющихся от базовых демократических принципов. Политическая сцена нередко становится ареной различных некорректных и нечестных игр, цель которых – одна: прийти к власти или сохранить её. Политические организации, стремящиеся к завоеванию власти, зачастую не стесняются в выборе средств для устранения правящих партий, тогда как партии, находящиеся у власти, используют имеющиеся рычаги, чтобы как можно дольше удерживаться на своих позициях.

Интересы политических партий внутри государства идентичны – каждая стремится получить в свои руки рычаги влияния, неотделимые от рычагов власти. Демократические принципы смены власти предполагают, что власть должна быть завоёвана путём свободных и демократических выборов. Согласно определению, выборы – это процедура, в ходе которой граждане, то есть избиратели, в письменной или электронной форме выбирают политические субъекты, то есть партии, и доверяют им осуществление политической власти в представительных органах либо выбирают президента государства. Только такие, народом избранные представители, обладают легитимитетом для выражения интересов государства и общества [2, с.114].

В современных демократических системах посредством выборных процедур выбираются носители государственных функций, такие как президент государства и члены парламента, а в некоторых странах также председатель и члены правительства. Выборы организуются на государственном и местном уровнях. На государственном уровне они обеспечивают выборы президента, парламента и, в некоторых странах, исполнительной власти. На местном уровне выборы определяют местных должностных лиц, например, председателя муниципалитета и членов местного парламента [7, с. 147]. Кроме того, выборы могут проводиться и на региональном или провинциальном уровне с тем же назначением – избрание носителей политических функций.

Сегодня большинство стран функционирует на принципах демократии и верховенства закона. Основная проблема заключается в тех политических акторах, которые сталкиваются с объективными трудностями в том, чтобы завоевать власть на выборах через регулярные и демократичные процедуры. Они чаще всего распространяют информацию о том, что в некоторых странах

отсутствуют демократичные и честные условия для избирательного процесса, утверждая, что причина их неуспеха на выборах не заключается в их политической некомпетентности, а в недемократичных условиях и авторитарной избирательной системе, которая всегда на стороне правящих структур.

Последствия неспособности оппозиции завоевать власть через регулярные демократичные процедуры, а также нелегальные и перфидные методы, к которым она прибегает в таких ситуациях, являются основным вопросом данной работы. Применяется аналитический метод, основанный на анализе политических событий в Республике Сербии, которые чётко показывают, что оппозиция стремилась к деструкции и блокированию работы государственных институтов. Это проявлялось через блокировки парламента, организацию общественных протестов и митингов, нарушавших повседневную жизнь граждан, организацию голодовок, подстрекательство студентов, школьников, таксистов, педагогов, врачей и других, с целью ускоренного прихода к власти, обходя регулярные выборные процедуры.

Парламентская дестабилизация

В системах парламентской демократии, которые преобладают в современном устройстве, роль и значение народного представительного органа имеют ключевое значение. Народная представительная власть обычно называется парламентом, собранием, думой или ассамблеей и является символом народного суверенитета, которому поручается законодательная власть. Этот орган выполняет самые ответственные функции, такие как принятие нормативных актов, контроль за службами безопасности, бюджетный контроль и выполнение других важных задач. В ряде стран парламент также принимает конституцию как высший юридический акт по особой процедуре, называемой конституционным принятием [3, с. 62].

В Республике Сербия законодательную функцию выполняет Народная скупщина. Скупщину в Сербии составляют 250 народных депутатов, которые избираются путем голосования, тайным голосованием. Народная скупщина Республики Сербия в первую очередь осуществляет законодательную власть, принимает Конституцию, избирает и освобождает от должности членов Правительства, назначает и освобождает судей Конституционного суда,

членов Высшего совета судебной власти, четырёх членов Высшего совета прокуратуры, Генерального прокурора, а также других высших должностных лиц государства. Решения в Народной скупшине Республики Сербия принимаются большинством голосов народных депутатов, за исключением конституционной процедуры, для которой требуется двухтретейное большинство [4, с. 225].

До 1990 года в Сербии существовала только одна политическая партия, которая осуществляла суверенную власть. Первые многопартийные выборы в Сербии прошли 9 декабря 1990 года в первом туре и 23 декабря 1990 года во втором. На этих выборах для активного участия в парламентской жизни поборолась Социалистическая партия Сербии, Сербское движение обновления, Демократическое объединение венгерской общины Воеводины, Демократическая партия, Партия демократических действий, Союз реформаторских сил Югославии – Воеводины, Партия союза крестьян Сербии, Народная крестьянская партия, Сербская демократическая партия, Объединение за югославскую демократическую инициативу, Демократический союз хорватов Воеводины, Движение за демократическое действие, Партия югославов и Демократическая реформаторская партия мусульман. В списке избирателей было зарегистрировано 7.044.797 человек, а явка составила 71,48 процента [5, с. 43].

С 1990 года и по сей день выборные процессы в Республике Сербия были очень частыми, а их интенсивность особенно возросла за последние десять лет, когда выборы проводились каждые два года. Значение законодательной власти в системе парламентских демократий, какой является Сербия, чрезвычайно велико. Народная скупщина является органом, который принимает наиболее важные законодательные акты, регулирующие все общественные отношения. Поэтому идеи парламентской деструкции, дисфункции и обструкции всегда представляли собой серьезную угрозу для функционирования всей системы.

Парламентская дестабилизация как политическая тактика и стратегия действий преимущественно оппозиционных партий многократно и в разных формах наблюдалась в Народной скупшине Республики Сербия. С обструкциями в сербской парламентской жизни первой начала действовать Сербская радикальная партия, чьи лидер и депутаты выбрали в качестве средства своей политической борьбы противостояние с политическими оппонентами, что не соответствует

нормам парламентского института. Для них было совершенно обычным делом поливать председателя Народной скупщины водой, бросать в него обувь, использовать нецензурную лексику и показывать нижнее белье или откровенные фотографии. Лидера этой партии, а также других выдающихся функционеров несколько раз физически выводила охрана Народной скупщины из пленарного зала [6, с. 66].

Обструкции работы Народной скупщины также осуществлялись посредством голодовки, к которой прибегали некоторые народные депутаты. Вначале к этому методу прибег лидер Сербской прогрессивной партии, когда он был лидером оппозиционной партии, и тогда Дом Народной скупщины был превращен в санаторий, где врачи заботились о его здоровье. Эта голодовка была завершена таким образом, что лично патриарх Сербской православной церкви причастил этого политика. Немного позже к аналогичному методу прибегла также лидер одной из оппозиционных партий, чем также была затруднена работа Народной скупщины.

В последнее время обструкции работы Народной скупщины Республики Сербия стали весьма драматичными. Оппозиционные народные депутаты вносят в пленарный зал пиротехническое оборудование, дымовые бомбы, слезоточивый газ и с их помощью препятствуют работе законодательного органа. Это создает у народа ощущение, что власть дисфункциональна, что высшие государственные органы не выполняют свои функции и задачи, а значит, государство не работает и не функционирует.

Судебная дестабилизация

Согласно положениям Закона об устройстве судов («Службени гласник РС» № 10/2023), судебная власть принадлежит судам. Правосудная функция разделена между судами, прокуратурами, а в качестве исполнителей правосудных функций, помимо судей, также включаются прокуроры, судебные исполнители, адвокаты и нотариусы. Для выполнения этих важных функций в обществе требуются определенные критерии, которые касаются не только уровня профессиональной подготовки и квалификации, но и достоинства и моральной пригодности. Судебная функция независима, и работа судьи должна быть полностью освобождена от какого-либо воздействия. Наиболее опасным является политическое воздействие, которое

требует от судьи вынесения решения не на основе права и закона, а по указанию и личным интересам политиков или различных партий.

Ощущение неведения граждан в правосудие, чувство неуверенности и неопределенности в том, вынесет ли суд решение в соответствии с правом и справедливостью, а также страх перед коррупцией в органах правосудия – всё это представляет собой одну из ключевых форм нестабильности правосудия и способствует созданию негативного имиджа этой ветви власти [1, с. 238]. В целях политической борьбы и стремления к захвату государственной власти многие политические деятели из оппозиции стремятся представить состояние правосудия намного хуже, чем оно есть на самом деле.

Политизация судебных институтов может возникнуть, когда судебные процессы инициируются с политической подоплекой, когда подаются иски против СМИ, ориентированных на оппозицию, и когда таким образом пытаются предотвратить свободное и независимое освещение (так называемые «SLAPP-иски»). Шантаж граждан результатами судебного разбирательства или «приговор» определённым лицам до того, как вообще начнется судебный процесс в компетентных органах, является показателем слабости правосудия в государстве. Справедливость особенно трудно доступна в малых населённых пунктах из-за более высокого уровня коррупции.

Обструкция в судебной системе, по крайней мере в Республике Сербия, осуществляется через адвокатские забастовки и приостановки работы в последнее время. Адвокатура используется в политической борьбе и для удовлетворения интересов, что в конечном итоге приводит к параличу правосудия, замедлению решения судебных дел, созданию чувства правовой неопределенности среди граждан и оказанию латентного давления на органы власти. Приостановки работы адвокатуры, продолжавшиеся месяцами, нанесли значительный ущерб правосудию, так что политические последствия в правосудии стали более чем очевидными, а также злонамеренными.

Молодёжь и цветная революция

Участие молодежных структур в дестабилизации государственной власти является довольно частым и становится обычной моделью при проведении так называемых цветных революций. Аналитически, участие молодежных структур можно наблюдать во всех предыдущих цветных революциях: Революции роз,

Оранжевой революции, Евромайдане и Тюльпановой революции. Хотя официально это не считается цветной революцией, октябрьская революция 2000 года в Белграде стала предвестником тех цветных революций, которые произошли позже. Что касается участия молодежных организаций, студенческое движение «Отпор» стало моделью молодежного объединения и действий. Финансируемое извне, поддерживаемое организационно и технически, оно стало сильным движущим импульсом изменений в обществе, главными героями которого стали молодые люди – студенты и школьники. Факт, что молодежь легко поддается на действия, их энергия, сильная и неукротимая, может быть легко использована и направлена в желаемое русло, делая их подходящими для разнообразных манипуляций. С другой стороны, бунтарская природа молодежи идеально подходит для реализации таких планов и намерений.

В Революции роз, Оранжевой революции, Евромайдане и Тюльпановой революции, по аналогии с сербским «Отпором», а также с открытой помощью в организационном плане бывших лидеров этой молодежной организации, активную роль сыграли молодежные структуры, организованные в аналогичные молодежные организации с той же поддержкой и логистикой, как и у «Отпора». В Грузии, где прошла Революция роз, молодежь объединилась в организацию «Кмара», которая стала сильнейшим оппозиционным блоком грузинскому президенту Шеварднадзе. Именно «Кмара» была основным организатором Революции роз в Грузии в 2003 году. «Кмара» объединила около 2.500 студентов с разных университетов, и её основной целью было проведение массовых протестов и демонстраций. В ноябре 2003 года «Кмара» организовала насильственное вторжение в грузинский парламент с целью саботировать работу этого государственного органа. Это привело к отставке президента Грузии Шеварднадзе [9, с. 31].

Участие молодежных структур в Оранжевой революции, произошедшей в Украине, проявилось через организацию «Пора!», собравшую большое количество молодых людей, студентов и школьников. Оранжевая революция оказала негативное влияние на интересы Украины, так как она вызвала целый ряд проблем и трудностей, которые для этой страны остаются актуальными и по сей день.

Попытка цветной революции была зафиксирована и в Беларуси, где также была создана молодежная организация «Зубр», которая

должна была стать основным актором в реализации самой революции. Задачу эта организация получила напрямую от государственного секретаря США Кондолизы Райс, а в западных СМИ белорусский лидер Александр Лукашенко уже был назван последним европейским диктатором. По некоторым данным западных СМИ, на реализацию цветной революции в Беларуси было выделено около 8 миллионов евро со стороны Европейского Союза, а белорусский режим уже в 2020 году оказался под ударом различных гибридных атак, исходящих от западных центров власти [8].

В Республике Сербия уже несколько месяцев наблюдается укрепление молодежных организаций без формальных партийных или политических движений. Стремится создать впечатление, что студенты объединились спонтанно, а основную роль в качестве связующего элемента играют так называемые студенческие пленумы, через которые студенты реализуют свою деятельность. Главный способ действия студентов в Сербии – это блокировка факультетов и других учебных заведений. Причиной их объединения и протестов против университета стал трагический случай 1 ноября 2024 года, когда на железнодорожном вокзале в Нови-Саде погибли 16 человек в результате обрушения навеса. Молодые люди, собравшиеся вокруг студентов в блокаде, обвинили действующие власти в этой трагедии, потому что железнодорожный вокзал был недавно реконструирован, и предполагается, что в ходе реконструкции были допущены ошибки, что указывает на возможную коррупцию и умышленные нарушения в работе. По некоторым данным, в Республике Сербия также на горизонте цветная революция или, по крайней мере, попытка цветной революции.

В современных условиях политической борьбы различные политические субъекты используют разные способы для завоевания власти в государстве. Хотя существуют чёткие механизмы и принципы демократического участия в выборах и процессе захвата государственной власти, многие участники политической жизни прибегают к недемократическим методам, таким как дестабилизация государственных институтов, саботаж работы ключевых государственных органов и создание чувства нестабильности у граждан.

Методы дестабилизации государства и государственных институтов особенно часто применяются в странах, находящихся в процессе трансформации и под пристальным вниманием

международного сообщества из-за предполагаемых недемократических режимов, склонных к авторитарному управлению. В роли арбитров того, являются ли режимы демократическими или нет, обычно выступают западные центры власти, которые имеют тенденцию вмешиваться во внутренние дела суверенных государств. Эти страны часто становятся покровителями и организаторами антигосударственной и дестабилизирующей деятельности, а их агенты и сотрудники спецслужб играют активную роль в реализации таких действий на местах. Для этого, как правило, используются молодые люди, студенты и школьники, чьи организации выводятся на передний план в сопротивлении режимам, так как считается, что никто не осмелится действовать против молодежи и её движений.

В качестве примеров таких захватов власти через различные дестабилизации часто приводятся так называемые цветные революции, которые относительно недавно произошли в бывших советских республиках и других странах, оцениваемых как имеющих недостаточные демократические свободы. Речь идет о Революции роз, Оранжевой революции, Евромайдане и Революции тюльпанов, а также, безусловно, стоит упомянуть и Октябрьскую революцию 2000 года, произошедшую в Сербии.

Также приведены примеры попыток цветных революций, которые происходили в Белоруссии, а также новейшие попытки дестабилизации государственной власти в Республике Сербия через приостановку работы в секторе образования – начального, среднего и высшего, парламентскую дестабилизацию и дестабилизацию правосудия через организацию постоянных забастовок, саботажей, блокад и других разрушительных форм поведения.

Такие виды дестабилизации не годятся ни для одной страны. Он осуществляется преимущественно политическими партиями или отдельными лицами, чьи интересы государства не имеют решающего значения, но в основном руководствуются личными интересами и выгодами. В долгосрочной перспективе такие дестабилизации приводят к более серьезным нарушениям общественных отношений, создают риски для безопасности, а также способствуют формированию плохого имиджа, что может привести к серьезным экономическим и финансовым последствиям. Дестабилизации происходят под воздействием внешнего фактора, и эти революции часто являются продуктом определенных геополитических процессов и изменений.

Список литературы

1. Антоновић Р. Проблем корупције у правосуђу // Независност правосуђа. Зборник радова / ур. М. Бејатовић. Правни факултет за привреду и правосуђе. Нови Сад: Универзитет Привредна академија, 2017.
2. Васић Р. Демократија и парламентаризам // О демократији. Зборник радова / ур. Ј. Тркуља. Београд: Службени гласник, 2005.
3. Ковач Е., Лазаревић А. Улога и значај народне скупштине и парламентарне демократије у процесу европских интеграција Републике Србије // Српска политичка мисао. 2021. Број 2. Год. 72. Вол. 72.
4. Марковић Р. Уставно право и политичке институције. Београд: Јустинијан, 2004.
5. Михајловић В., Радоњић З. Две деценије вишестранацја у Републици Србији. Београд: Службени гласник, 2011.
6. Орловић С. Патрије и партијски системи – теоријско – аналитички оквир. Београд: Факултет политичких наука, 2015.
7. Петров В. Устав, политичке партије и системи // Развој правног система и хармонизација са правом ЕУ / ур. С. Табароши. Правни факултет Универзитета у Београду, 2007.
8. Судар В. Нови покушај обојене револуције у Белорусији – прете стравичне последице по Европу // Спутник Србија, 2024. URL: <https://sputnikportal.rs/20241227/novi-pokusaj-obojene-revolucije-u-belorusiji--prete-stravicne-posledice-za-evropu-1181051892.html>
9. Tudoroiu T.R. Orange and Tulip: The failed post – Soviet revolutions // Communist and Post – Communist Studies. University of California Press. 2007. No. 40.

СУБЪЕКТЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЙН: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КАННИБАЛЫ, ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ФЕОДАЛЫ

Баранецкий А.Н.

Кандидат философских наук

*Государственное автономное образовательное учреждение
профессионального образования города Севастополя «Институт
развития образования», доцент*

E-mail: Ross60@mail.ru

Аннотация. *Предлагается осмыслить использование университетского интеллекта для организации отчуждённого насилия и политической культуры в XX-XXI веке. История XVIII-XIX-XX-XXI века трактуется как такой виток истории, когда на историческую арену вышли сначала экзистенциальные «каннибалы» (т.н. вульгарный вождизм), затем экзистенциальные вожди (т.н. высокий вождизм), и в XX веке – экзистенциальные рабовладельцы. Диагностика современности трактуется как переход к экзистенциальному феодализму. Т. е. современная геополитическая борьба за власть трактуется с использованием термина «экзистенциальные феодалы», которые одолевают старых «экзистенциальных рабовладельцев», создававших глобализацию и «Пакс Американа». «Экзистенциальность» как характеристика процессов отчуждённого насилия вообще и войн, в частности, трактуется как обращение с более глубокой сущностью реалий бытия, эта более глубокая сущность не очевидна, поэтому редко попадала в центр внимания исследователей.*

Ключевые слова: *экзистенциальный каннибализм, экзистенциальное рабовладение, диагностика геополитического конфликта, философия истории, сущность субъекта истории, дефиниция экзистенциальности.*

SUBJECTS OF GEOPOLITICAL WARS: EXISTENTIAL CANNIBALS, EXISTENTIAL SLAVEHOLDERS AND EXISTENTIAL FEUDAL LORDS

Baranetsky A.N.

Candidate of Philosophical Sciences

The State Autonomous educational institution of professional education of the city of Sevastopol «Institute of Educational Development»,

Assotiated professor

E-mail: Ross60@mail.ru

Abstract. *It is proposed to comprehend the use of university intelligence for the organization of alienated violence and political culture in the XX-XXI century. The history of the XVIII-XIX-XX-XXI centuries is interpreted as such a turn of history, when existential "cannibals" (so-called vulgar chieftdom) first entered the historical arena, then existential leaders (so-called high chieftdom), and in the twentieth century – existential slaveholders. The diagnosis of modernity is interpreted as a transition to existential feudalism, i.e., the modern geopolitical struggle for power is interpreted using the term "existential feudal lords" who are defeating the old "existential slaveholders" who created globalization and "Pax Americana." "Existentiality" as a characteristic of the processes of alienated violence in general and wars in particular is interpreted as an appeal to the deeper essence of the realities of being, this deeper essence is not obvious, therefore it rarely came into the focus of attention of researchers.*

Keywords: *existential cannibalism, existential slavery, diagnosis of geopolitical conflict, philosophy of history, the essence of the subject of history, definition of existentiality.*

Современная война – это лишь блок или один из модулей гибридно-комплексной войны. При этом и тактика со стратегией изменились: лозунги типа «Карфаген должен быть разрушен» рудиментарны, маргинальны и уходят в прошлое. Переход от формации к формации (от феодализма к капитализму) требовал сотен войн на сотни лет. Новые субъекты истории привносили новизну и в организацию войн. Сегодня войны идут непрерывно, идут именно за то, чтобы стать субъектом истории. Но что это за субъект власти, что это за типаж?

В истории художественной литературы просвещённый человек давно и непринуждённо делает именами нарицательными и Чичиковых, и Ноздрёвых, и Хлестаковых, и Скалозубов. Типаж и типическое никак не противоречит научности такой дисциплины как литературоведение. Но политология и история – не менее внимательны к субъективности. Скоро будет 200 лет, как Маркс подчёркивал, что «мёртвый хватает живого», это означает, что древний стереотип действеннее сегодняшних. При этом словосочетание «экзистенциальные людоеды» уже настолько примелькалось, что всякого пожирателя чужого времени жизни так зовут не только в культурологических статьях, но среди людей разных профессий, в быту.

Абстрактно говоря, уровней зрелости насильственного мироотношения шесть: 1. «каннибалы», организаторы геноцида (они же «вульгарные вожди»). 2. «Высокий вождизм» жестокой, но эпической самоотверженности. 3. Рабовладельцы. 4. Феодалы. 5. Капиталисты. 6. «Профессионалы» (название рабочее). Мера вульгарности снижается и в этом состоит основа прогресса политической и экономической культуры.

Эти же шесть уровней зрелости переживут лидеры не со стихийным интеллектом, а с университетским, интеллект нового качества создаёт в социуме прослойку носителей интеллектуальной инициативности. Субъект – это носитель человеческой деятельности, наука и философия – носители особой человеческой деятельности, сущность которой – интеллектуализация и рационализация управленческой культуры.

Сущность экзистенциального мироотношения – в создании гарантий для своей состоятельности, полноценности, для реализации того, что именно в референтном социуме считается человеческой содержательностью человеческого существования (ЧСЧС). Итог использования университетского интеллекта для организации насилия и даёт возможность сделать насилие скрытым и опосредованным, более эффективным, глубже ухватить суть любых вопросов, использовать не очевидное. Это и есть «экзистенциальность».

Война и эксплуатация – это разные виды отчуждённого насилия.

Эра стихийного интеллекта завершается, университетский интеллект становится инструментом власти в любой стране. Благодаря использованию такого инструмента власти и организации отчуждённого насилия: 1. Многократно повышается эффективность использования старых методов и инструментов организации. 2.

Подавляющее большинство функций власти и способов насилия становятся скрытыми или опосредованными, что тоже повышает их эффективность. 3. Если тысячу лет власть и насилие через экономику и военные действия прямо давили на сферу социальной коммуникации и формировали запрос (требования) ко всем типам духовной культуры, то экзистенциальность как свойство отношения университетского интеллекта позволяет допустить представление о некотором паритете взаимного влияния всех сфер; духовная и коммуникативная культура теперь тоже давит на культуру экономическую и на применение оружия, на реализацию власти насилием. (Т.н. «мягкая сила»). Выросла роль субъективного фактора в истории. 4. Интеллектуально – технологические прорывы и достижение превосходства за счёт новых технологий в любых науках ставятся в приоритет, а прямой захват чужих ресурсов заменяется на опосредованное управление и мнимое дружелюбное поглощение вчерашнего конкурента, «партнёра», врага.

Когда социум деградирует, то по всем этим направлениям наблюдается снижение эффективности, вместо скрытого и сокровенного – сбрасываются маски и «открываются забрала», возобновляется прямое насилие, вместо внедрения интеллектуальных технологий начинается агрессивный захват чужих ресурсов.

Мера экзистенциальности – это следствие овладения всё более глубокой мерой сущности: как переход от селекции живых организмов к генной инженерии. «Главное не увидишь глазами» – говорит Лис в сказке «Маленький принц», это яркая примета и указатель экзистенциального отношения, очевидность и экзистенциальность – антиподы.

Экзистенциально то, что гарантирует ЧСЧС. Так – при доминировании 2-4-6 уровней зрелости мироотношения особо высоко возрастает «производство человека»; мощно интенсифицируется культивирование чётко известных, понятных, востребованных заданных качеств людей. Создаются новые средства социализации людей. Требования к ним дополняются требованиями к самим себе. При доминировании 1-3-5 уровней зрелости мироотношения нарастает утилитарно-инструментальное отношение к субъективности, при опоре на созданные схемы социализации культивируются прямые способы манипуляции, насилия и быстро расширяется, растёт тело культуры, субъектное превращают в средство созидания объектов культуры, цивилизации.

Предлагаю предположить, что 1-3-5 уровни зрелости мироотношения именно тем и специфичны, что в них *доминирует развитие умения* захватить чужое время бытия. То есть время жизни отбирают более остроумно чем ранее не только экзистенциальный каннибал, но и экзистенциальный рабовладелец. То есть 1-3-5 уровни зрелости мироотношения в своей сути – это *шаги в усовершенствовании процесса отчуждения времени*. Вульгарный вождь отбирает всё на свете ситуативно, рабовладелец уже юридически оформляет круглосуточное обладание своими рабами, хотя по его недосмотру рабы потом находят время для обращения в иную религию (например, христианство). Капитализм вынуждает жить в такой «крысиной гонке» и в погоне за мнимыми благами культуры, что рвёт в клочья не только религию, но и самосознание. Так, в труде «Капитализм и шизофрения» рост саморазорванности духовной реальности прямо увязывается со стремительным распространением шизофрении, авторы даже указывают на некую меру зависимости, в связи с которой «Существует скорость порабощения...» [См. 1, 550]. При этом есть огромное количество историков, которые к концу XX века в геополитике вообще никакого порабощения не видят, а название «Дорога к рабству» [см. 6], и масштабы шизофрении никак не могут увязать с проблемой диагностики XX в. и современности. Их вполне можно понять в рамках пределов дескриптивного этапа исследований. При этом важно видеть связь с реальной историей стихийного интеллекта, реже отворачиваться от того, что когда-то каннибализм был нормой, он ещё не был экзистенциален [см. 3].

Осталось предположить, что 2-4-6 уровни зрелости мироотношения как насилия субъекта по отношению к социуму являют собой школу *по отчуждению пространств*. Собственно, происхождение названия средневеково-феодальной культуры и формации опирается на *понятие феода* – то есть пространства (вотчины), это и есть 4-й уровень зрелости мироотношения. Высокий вождизм (2-й уровень) мыслится как особая система забот и хлопот именно о своём роде-племени (с родной, не чужой территорией). Профессионализм же начинает строительство особых пространств для высокопроизводительного создания ценностей и технологий. И, разумеется, линии боевого соприкосновения на войне. Но пока это организовывал стихийный интеллект – всё это было очевидно. Характеристика «экзистенциальный» близка употреблению прилагательного «сущностный», важно *назвать сущность субъекта*, к

примеру – если крепостное право обобщить как ограничение юридических прав пространством, то ведь и паспортная прописка СССР была аналогичным ограничением. Хотя кто из официальных лиц одобрит определение паспортной прописки СССР как рудимента крепостнического мироотношения? Разумеется, когда мы говорим о пережитках феодализма в СССР, то мы не вправе забывать о том, что система управления СССР создавалась на базе университетского интеллекта. И если депутат Госдумы, профессор Делягин М. пишет об Англии как о цивилизации каннибалов (указывая на общие истоки Гитлера и Чубайса) [см. 2], то сущностное значение этих детерминант имеет именно тот аспект зависимости, про который здесь говорится как об экзистенциальном статусе уровней зрелости мироотношения. Это не из литературы, это не метафоры и гротеск, это то, что не очевидно, но является сущностью.

Стратегия и сущность прогресса, базовый критерий всех типов прогресса – *рост ценности человеческого бытия*. Но тысячи лет она шла через отчуждённое насилие. Рост ценности бытия «своих» достигался за счёт снижения ценности бытия «чужих».

Только оборонительные империи допускают, что ценность бытия противника, оппонента, конкурента или врага после победы над ним тоже может несколько расти. Оборонительными сверхдержавами (в прошлом империями) надо называть такие, которые *агрессию используют как часть тактики в защите, а не как стратегию* (пример: Россия, Китай).

Современная глобальная геополитическая ситуация позволяет – если принять экспериментальную терминологию для называния субъектов истории – назвать и те реальные силы – тех субъектов истории, победа которых неизбежна. Если для прогноза опираться на индуктивный способ обобщений, то в высшей степени вероятна победа во всех типах войн (холодных, горячих, гибридных, торговых, идейных, культурных, экономических, консциентальных, психоделических и т.п.) тех лидеров, которые сочетают личный интеллект, личный профессионализм над теми лидерами или группами лидеров, которые не отличаются способностью накопить профессиональный опыт.

Понимание университетского интеллекта, как инструмента организации отчуждённого насилия создаёт беспрецедентную возможность рассмотреть политическую историю XX века как историю смены менее зрелых уровней мироотношения на более зрелые. Получится, что за нацизмом и милитаризмом, фашизмом начала –

середины XX века стояли архетипы вульгарного вождизма. (Такие же архетипы стояли за опытом создания колониальных империй Испании, Англии, Франции и геноцидом аборигенов на всех континентах; геноцид народа СССР усилиями III Рейха сущностно был продолжением практик колониальных империй).

Их главным историческим противником был вождизм коммунистический, его сущность предлагается трактовать как реализацию мироотношения и архетипов высокого вождизма с помощью инструментария университетского интеллекта.

Когда университетский интеллект использовали лидеры стран НАТО для организации, становления и поддержания Пакс Американа и вытеснения СССР с арены истории, то в этих процессах предлагается усматривать вытеснение архетипов любого вождизма под давлением распространения остроумных манипулятивных практик творцов «Пакс Американа», которые архетипически сродни древнему «Пакс Романа», но тип нового субъекта истории – это уже не *новый тип вождизма*, а тип экзистенциального рабовладельца и экзистенциального раба. Разумеется – для носителей университетского интеллекта как-то невыносимо стыдно публично признаться, что их уважаемые «деловые партнёры», союзники, все контрагенты, подопечные, ставленники, полномочные представители, тайные агенты 007 и публичные правозащитники – вопреки любым документам – имеют прав не больше, чем их было у тех солдат армии Дария III, что были из рабов. Как бы и сколько бы ни было «дано» или обещано солдату из рабов, его все права редуцировались к обязанности помереть за империю Дария.

Отечественные публицисты и политики часто называют лидеров стран НАТО по отношению к США «вассалами». В контексте предлагаемой трактовки *рабы не вассалы*.

Публицисты и политики принимают их за вассалов благодаря тому, что раб экзистенциальный не должен сам догадываться о том, что он раб. Более того – даже сам экзистенциальный рабовладелец без особого философско-культурологического анализа не сумеет самому себе составить представление о том, что он ведёт человечество по «Дороге к рабству» как верно назвал этот процесс Хайек [см. 6]. Если бы надо было использовать имена нарицательные для персонификации экзистенциальных рабовладельцев, то для этого можно было бы использовать реальные фигуры: Трумэн и Бжезинский, Киссинджер и Даллес, Рейган, Буши (отец и сын) и чета Клинтон (Билл и Хилари),

Пелосси и Обама и Джон Болтон и Маккейн, то есть все, кто носит уверенность в обязанности и праве 100% любых вопросов в мире держать под контролем.

То, что культурно называли «доминированием» в сущности было всевластьем центра «Пакс Американа». Конечно, как Понтий Пилат из Древнего Рима, так и тем более люди не без образования позволяли в мелких вопросах тем или иным местным «синедрионам» судить-рядить как им заблагорассудится, а потом – как Понтий Пилат – «умывать руки». И если эти несколько тысяч руководителей «закусив удила» никак не могут остановиться в своей геополитической экспансивности, то называются они «Пакс Романа» или через пару тысяч лет «Пакс Американа» – это совершенно не существенно. Перед нами один и всё тот же тип мироотношения, он полноценность бытия отождествляет с всевластьем и на меньшее не согласен.

Сейчас – в 2021-2025 годы кризис обострился, и появляются публицистические обороты типа «технофеодалы идут во власть» [см. 4], есть обзоры этих субъектов [см. 5]. То есть экзистенциальные стремления к овладению пространством, особенно пространством своей собственной страны, может сопровождаться симптоматичным названием для СВО как для «русской реконкисты». Тот факт, что пространство привычного мира русской истории оказалось захвачено потомками создателей колониальных империй и на этом пространстве 30 лет формировались многочисленные вооружённые отряды под лозунгами «убей русского», разросся культ и культивирование откровенного высокомерного омерзения ко всему русскому – все эти процессы специфичны именно для понимания проблемы ЧСЧС.

Они экзистенциальны. Политтехнологи Запада вряд-ли когда-то сопоставляли индивидуалистический пафос *«Быть или не быть»* в шекспировско-гамлетовских «милльонах терзаний» с широко известной в России (в Восточной Европе) формулой морального выбора по типу *«Была-не-была»*. Это всё тот же экзистенциальный вопрос о том, быть или не быть, но в этом славянском «была-не-была» всегда передавалась нота безвариантности, плюс умонастроение какого-то устало-привычного огорчения от того, что придётся заново жизнью рисковать, потому, что вот опять и опять – на грани ставшего привычным выбора в пользу того, чтобы «Быть» сейчас, а терзания оставить на потом и обойтись констатацией. Это пронзительно и проникновенно не так как у Шекспира. Мир высокой русской культуры носит совершенно проникновенный характер личностных отношений,

совершенно проникновенные слова, совершенно проникновенные чувства и совершенно проникновенные жесты, поступки, инициативы, интонации и вердикты. Над сферой совершенно проникновенных отношений даже смерть не властна, так как собеседник из предыдущей эпохи, собеседник из иной цивилизации может включаться в эту сферу и начинает влиять на безусловно регулирующий характер конкретной категориальности. «Я не могу себе вообразить, чтобы что-то подобное сделал Тютчев», – говорит А. Ахматова. И это вердикт зрелого мироотношения *о том каким быть*.

Если экзистенциальное средневековье начинается сегодня, и его очертания более-менее уже очевидны, то экзистенциальный «капитализм» пока что ещё далёк до своего рождения, ещё не выдохся старый капиталист с его вселенской глобализацией и транспортными революциями.

Список литературы

1. Делёз, Ж. Анти-эдип: Капитализм и шизофрения / Жиль Делёз, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; научн. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У – Фактория, 2008. 672 с.
2. Делягин М. Британские истоки Гитлера и Чубайса. М.: Книжный мир, 2024. 516 с.
3. Диденко Б. А. Цивилизация каннибалов. М.: МП "Китеж", 1996. 160 с.
4. Технофеодалы идут во власть: мир в преддверии большого передела // Стратегия национальной безопасности. URL: <https://yandex.ru/video/searchtext=технофеодалы+идут+во+власть+главный+тренд+на+создание+концлагеря+повышенной+комфортности>
5. Технофеодализм: как технологические корпорации меняют правила игры в мировой экономике. URL: <https://blog.rt.ru/b2c/tekhnofeodalizm-kak-tekhnologicheskie-korporacii-menyayut-pravila-igry-v-mirovoi-ekonomike.htm?ysclid=magrngg9ro71511317>
6. Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ ИЗ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ПРОЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Баранов А.В.

*Доктор политических наук, доктор исторических наук
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
профессор кафедры политологии и
политического управления
E-mail: baranovandrew@mail.ru*

Аннотация. Актуальность темы в том, что адаптация и интеграция мигрантов из Донбасса и Новороссии в Краснодарский край исследована недостаточно. Цель статьи – обосновать теоретические основы и структуру исследовательского проекта об адаптации и интеграции мигрантов из новых субъектов Российской Федерации в Краснодарском крае. Методология анализа: системный подход, социальный конструктивизм, идентитарный подход. Методы анализа: сравнительный анализ, анализ статистических данных, фокус-групповые интервью, анкетный и экспертный опрос, картографирование. Выводы статьи: научная проблема до сих пор изучалась в основном с позиций экономики, демографии, социологии. Эти обстоятельства повышают актуальность выяснения ценностей и политических ориентаций переселенцев из Донбасса и Новороссии, степени их готовности к адаптации и интеграции в принимающее сообщество Краснодарского края. Анкетный опрос и фокус-групповые интервью с переселенцами дают возможность определить наиболее и наименее эффективные практики, и процедуры социальной адаптации. Выявлено влияние СВО на степень готовности переселенцев к интеграции в российское общество. Установлены препятствия, снижающие потенциал интеграции переселенцев. Отмечены географические особенности размещения переселенцев в Краснодарском крае.

Ключевые слова: миграционная политика, Краснодарский край, новые субъекты Российской Федерации, адаптация, интеграция, проект исследования.

ADAPTATION AND INTEGRATION OF MIGRANTS FROM NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE KRASNODAR TERRITORY: A RESEARCH PROJECT

Baranov A.V.

*Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences Kuban
State University, Professor of the Department of Political Science and
Political Management*

E-mail: baranovandrew@mail.ru

Abstract. *The relevance of the topic lies in the fact that the adaptation and integration of migrants from Donbass and Novorossiia to the Krasnodar Territory has not been sufficiently studied. The purpose of the article is to substantiate the theoretical foundations and structure of a research project on the adaptation and integration of migrants from new subjects of the Russian Federation in the Krasnodar Territory. Methodology of analysis: system approach, social constructivism, an identitarian approach. Methods of analysis: comparative analysis, statistical data analysis, focus group interviews, questionnaire and expert survey, mapping. Conclusions of the article: the scientific problem has so far been studied mainly from the standpoint of economics, demography, and sociology. These circumstances increase the urgency of clarifying the values and political orientations of migrants from Donbass and Novorossiia, their degree of readiness for adaptation and integration into the host community of the Krasnodar Territory. A questionnaire survey and focus group interviews with displaced persons provide an opportunity to identify the most and least effective practices and procedures for social adaptation. The influence of CBR on the degree of readiness of migrants to integrate into Russian society has been revealed. Obstacles have been identified that reduce the potential for the integration of migrants. The geographical features of the resettlement of migrants in the Krasnodar Territory are noted.*

Keywords: *migration policy, Krasnodar Territory, new subjects of the Russian Federation, adaptation, integration, research project.*

Актуальность темы статьи в том, что адаптация и интеграция мигрантов из Донбасса и Новороссии в Краснодарский край исследована недостаточно. Между тем данный процесс идёт уже 12-й год подряд и охватывает во взаимодействия значительную часть населения региона. Возрастает важность объективного знания о том,

насколько интегрированы переселенцы из новых субъектов федерации в принимающее региональное сообщество, как их участие в социальных взаимодействиях влияет на политические процессы. Социокультурная интеграция мигрантов из новых регионов РФ (ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей) имеет большое значение для укрепления единства российской гражданской нации, обеспечения территориальной целостности Российской Федерации, преодоления рисков и угроз региональной обособленности.

Цель статьи – обосновать теоретические основы и структуру исследовательского проекта об адаптации и интеграции мигрантов из новых субъектов Российской Федерации в Краснодарском крае.

Миграционные процессы на Кубани активно исследуются, но доминируют работы экономистов, демографов, социологов, а не политологов. Среди работ новейшего периода следует назвать монографию и статью социологов В.Н. Муха и Э.Н. Тужбы об интеграции мигрантов из Донбасса и Новороссии [1; 2], статьи А.В. Бредихина и С.Ю. Белоконева [3] и А.В. Шустова [4] о масштабах миграции из Донбасса. Работа психологов А.А. Селютина и Т.С. Воробьёвой освещает травматические синдромы в сознании участников и жертв вооружённого конфликта, раскрывая технологии психологического консультирования данных категорий граждан [5]. Работа пункта временного размещения беженцев из Донбасса и Новороссии описана социологами Р.К. Абосяном и А.Е. Фадеевым (московская область) [6]. Вместе с тем, комплексное политологическое исследование адаптации и интеграции переселенцев на материалах Краснодарского края ещё не проводилось.

Методология анализа: системный подход, социальный конструктивизм, идентитарный подход. Методы анализа включают в себя: синхронный и диахронный сравнительный анализ, анализ статистических данных, фокус-групповые интервью, анкетный и экспертный опрос, картографирование.

Эмпирическая база исследования: статистические отчёты Краснодарстата о миграционных процессах в Краснодарском крае, ежегодные отчёты Общественной палаты Краснодарского края, выступления политических деятелей, транскрипты фокус-групповых интервью, проведённых политологами Кубанского государственного университета со студентами Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи и Луганского государственного педагогического университета (август – октябрь 2024 г., А.В. Баранов,

И.С. Башмаков, В.Р. Ермакова). Также проведён экспертный опрос преподавателей высших учебных заведений ДНР и ЛНР в онлайн-форме (июль – октябрь 2024 г., А.В. Баранов, И.С. Башмаков, Д.П. Колозов, Ю.В. Костенко, Н.П. Кузьменкой А.Б. Сазантович).

Научная проблема исследовательского проекта такова. Данная проблема состоит в необходимости мониторинга общественно-политических настроений мигрантов, формирования и укрепления их российской гражданской идентичности. Должны быть выявлены позитивные практики и эффективные институты интеграции мигрантов из новых субъектов РФ в российское общество, технологии политической ресоциализации мигрантов. Особое внимание необходимо уделить социокультурной интеграции молодёжи и категорий мигрантов с пониженными доходами.

На протяжении первого года СВО (к 20 февраля 2023 г.) с бывшей территории Украины приехали в РФ 5,3 млн граждан Украины, переселились на постоянное или временное проживание свыше 2 852,4тыс. чел., в том числе значительная часть из них направились в Краснодарский край вследствие его территориальной близости и сходных условий проживания [7]. По данным DNR LIVE, наиболее привлекательными местами для вынужденной трудовой миграции в РФ были Москва и Московская область – 28%, а Краснодарский край находился на третьем месте – 15% желающих [3, с. 65; 8]. Как известно, Краснодарский край является приграничным и стратегически важным для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Во многом мигранты из новых субъектов РФ недостаточно интегрированы в принимающее сообщество, испытывают дефицит экономических ресурсов и социальных связей, нуждаются в целенаправленном формировании российского патриотизма.

Социокультурная интеграция нацелена на полномасштабное включение новых граждан в социально-политическое пространство России, освоение новыми гражданами позитивных социальных ролей и практик участия в общественной жизни. Неотъемлемым и всё более важным аспектом интеграции становится социокультурное сплочение населения, что требует эффективной и последовательной политики идентичности на основе базовых ценностей и символов гордости. В политическом аспекте необходимо создать эффективные институты и практики формирования и укрепления российской идентичности новых граждан РФ, процедуры их политической ресоциализации, сформировать установки позитивного политического участия. В

экономическом аспекте необходима разработка стимулов создания новых рабочих мест, профессиональной переквалификации мигрантов, их размещения в соответствии с критерием уменьшения территориальных диспропорций социально-экономического и демографического развития края. В социальном аспекте актуальна выработка технологий преодоления стрессов и виктимности, диагностика тенденций развития общественного мнения мигрантов и их восприятия в принимающем сообществе, поиск каналов и форм коммуникации, обеспечивающих эффективную интеграцию мигрантов в российское общество.

Научная новизна нашего исследования в том, что социокультурная интеграция мигрантов из новых регионов РФ (ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей) в Краснодарском крае в ракурсе политической науки анализируется впервые. Авторский коллектив проекта реализует системный подход к проблеме. В том числе, новизна планируемого исследования темы проявляется в следующем:

- впервые будут раскрыты (с опорой на методы фокус-групповых дискуссий и интервью) политические риски адаптации и интеграции мигрантов из новых регионов РФ в Краснодарском крае;
- впервые будут выявлены эффективные практики и институты политической ресоциализации новых граждан РФ в регионе;
- впервые будут установлены практики коммуникации между мигрантами из новых субъектов РФ и постоянными жителями Краснодарского края, что обеспечит определение потенциала позитивных межгрупповых взаимодействий;
- впервые будут аргументированы направления и методы совершенствования социокультурной интеграции новых граждан РФ в Краснодарском крае.

В настоящее время наш проект представлен на конкурс Российского Научного Фонда, и в случае положительного решения грантодателя работа над ним начнётся в июне 2025 г. Но уже сейчас коллектив потенциальных участников проекта разработал программы и топик-гайды фокус-группового интервью и экспертного опроса, подготовил выборку респондентов опроса. Учтены также результаты проекта, выполненного коллективом кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в 2024 г. по теме «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического

пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, РАН) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013.

Итак, научная проблема до сих пор изучалась в основном с позиций экономики, демографии, социологии. Эти обстоятельства повышают актуальность выяснения ценностей и политических ориентаций переселенцев из Донбасса и Новороссии, степени их готовности к адаптации и интеграции в принимающее сообщество Краснодарского края. Анкетный опрос и фокус-групповые интервью с переселенцами дали возможность определить наиболее и наименее эффективные практики, и процедуры социальной адаптации. Выявлено влияние СВО, повысившей степень готовности переселенцев к интеграции в российское общество. Установлены препятствия, снижающие потенциал интеграции переселенцев: дефицит материальных и социальных ресурсов, низкий спрос в принимающем сообществе на ряд массовых профессий новосёлов, негативное воздействие украинской пропаганды и опыта социализации в период украинского контроля над Новороссией. Отмечены географические особенности размещения переселенцев в Краснодарском крае: повышенный удельный вес в крупных городах и на Черноморском побережье.

Список литературы

1. Муха В.Н., Тужба Э.Н. Социальная адаптация мигрантов с Юго-Востока Украины в Краснодарском крае. Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2023. 180 с.
2. Тужба Э.Н., Муха В.Н. Мигранты с Юга-Востока Украины в представлениях жителей Краснодарского края // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2021. №10. С. 82–85.
3. Бредихин А.В., Белоконов С.Ю. Миграционный фактор и стратегия развития Донбасса в составе России // Власть. 2023. № 2. С. 64–71.
4. Шустов А.В. Украинский миграционный кризис 2022–2023 гг.: динамика, масштабы и последствия // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Т. 9, № 3. С. 300–313.

5. Селютин А.А., Воробьева Т.С. Особенности адаптации студентов – вынужденных переселенцев из ДНР, ЛНР и восточных областей Украины в условиях российской системы профессионального образования // Инновационное развитие профессионального образования. 2022. № 4 (36). С. 146–152.
6. Абосян Р.К., Фадеев А.Е. Из опыта работы пункта временного размещения для лиц, вынужденных покинуть территорию Украины, ДНР, ЛНР и экстренно прибывших на территорию РФ в массовом порядке // Глобус: гуманитарные науки. 2022. № 2 (40). С. 7–9.
7. За год с Украины и из Донбасса на территорию РФ прибыло 5,3 млн. беженцев. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17091725?ysclid=liuxw0jvo8929067183&utm>
8. Наши в РФ: кто, где и кем? Исследование трудовой эмиграции из Донбасса. URL: <http://dnr-live.ru/issledovanie-trudovoy-emigratsii-iz-dnr-v-rf/>

ЗАЩИТА ГРАНИЦ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ

Бойкович Гордан

Доктор исторических наук

Институт сербской культуры Приштина - Лепосавич,

старший научный сотрудник

E-mail: gordanb7@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой обзор существующих знаний о структуре и функционировании территорий на границе средневекового сербского государства. Хотя упоминания о них встречаются в источниках, наибольшее внимание этим вопросам в своих работах уделил профессор доктор Милош Благович в 1987 году. С тех пор в сербской историографии появилось несколько значительных исследований, которые в значительной степени освещают эти административно-территориальные единицы. В данной статье представлен обзор существующих результатов и выводов предыдущих исследований, а также некоторых их импликаций.

Ключевые слова: *Сербия, Средние века, краина, краинщик, управление.*

BORDER PROTECTION IN MEDIEVAL SERBIA

Bojkovic Gordan

PhD in history

Institute for Serbian Culture Prishtina – Leposavic,

Senior research associate

E-mail: gordanb7@gmail.com

Abstract. *Although they are mentioned in sources, it was only in 1987 that Professor Miloš Blagojević, through his works, drew attention to the territories. Since then, a number of important papers have appeared in Serbian historiography that shed significant light on these administrative-territorial entities. This paper provides an overview of the results and conclusions of previous research, as well as some of their implications.*

Keywords: *Serbia, Middle Ages, Krajina, Krajišnik, administration.*

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы НИО по договору, заключенному с Министерством науки, технологического развития и инноваций РС № 451-03-136/2025-03 от 27 января 2025 года.

Эта статья представляет собой обзор существующих знаний о структуре и функционировании территорий на границе средневекового сербского государства. Эти территории назывались краинами, а их главой был краинщик или властелин-краинщик, обычно с титулом жупана. Исследование краин началось профессором Милошем Благоевичем в его статье о краинах средневековой Сербии [4, с. 29-42]. На основе результатов историографических и археологических исследований его работу продолжил профессор Синиша Мишич [16, с. 121-128]. В исторических источниках упоминания о краинах датируются концом X и началом XI века. Прямо упоминаются краины во Вране, Петрусе, Краине в Зете, а с проникновением османов на границе оказался и город Ново Брдо [4, с. 29-42; 16, с. 121]. Несомненно, было установлено существование краины в Липовце, а также с уверенностью можно утверждать, что существовали краины с центрами в Ждреле Браничевском и Руднике [16, с. 122-127; 17, с. 7-14;

22, с. 63-64; 18, с. 116-119.]. Сегодня с уверенностью можно сказать, что краины или пограничья, были организованы вдоль границы средневековой Сербии, защищая внутренние земли государства от вторжения грабителей и вражеских армий. Краины, которые с расширением государственной территории оказывались в глубине государства, а не на границе, теряли статус краины, как это произошло с вранянской краиной [13, с. 29].

Во главе краины стоял властелин-краинщик. При вступлении в должность от правителя он получал краину в управление, то есть на пожизненное управление [20, с. 143; 4, с. 31]. Обязанности властелина-краинщика включали поддержание порядка и спокойствия на пограничье, контроль и защиту государственной границы от врагов, а также подавление разбойников. Законник Душана предписывает, что властелин-краинщик, который позволит вражеской армии пройти через его землю и вернуться тем же путем, должен возместить весь ущерб, причиненный в земле царя, в то время как компенсация, если такой поступок удастся грабителям, будет в семь раз больше по сравнению с причиненным ущербом [20, с. 177, 231, 232; 4, с. 31; 16, с. 121]. Эта разница, вероятно, основывается на том, что существует большая разница между организованной армией в походе и разбойничьей бандой. На пограничье для преследования разбойников организовывались погони (потечицы), а для защиты от врагов поднималась краинская армия [1, с. 14; 16, с. 121]. Все население краины могло быть призвано в армию *заманицей* (прим. пер. термин «заманица» использовался для обозначения системы всеобщей мобилизации населения). Элитную часть армии составляла властела малая и великая, то есть держатели земель и прониары на пограничье, а значительную часть составляло также скотоводческое, влашское население. Обязанность служить в пограничной армии распространялась и на остальное население краины, которое было обязано участвовать в погонах и защите [1, с. 14; 4, с. 34; 16, с. 121]. Сам властелин-краинщик был командующим краинской армии и самым крупным владельцем на краине [16, с. 123]. Из источников известно, что дворянская семья Вукославичей, жупан Вукослав и его сын Цреп Вукославич, властелины-краинщики царя Душана, царя Уроша и князя Лазаря, подарили церквям и монастырям 5 сел и площадь Паракинов брод, из своей собственности на Петруской краине [1, с. 9; 10, с. 104-107; 11, с. 151-160; 3, с. 25-48; 4, с. 36; 16, с. 122-123].

В законнике Душана краины упоминаются как отдельные административные единицы, выделенные из земель, городов и жуп [20, с. 116, 117, 194, 195; 4, с. 30-31; 16, с. 121]. В состав краины могли входить две или более жуп [16, с. 121]. Краины обычно организовывались вокруг крепости, которая являлась военным и административным центром. Краины контролировали важные дороги и проходы от границы к глубине страны. Экономический центр краины располагался на местной площади, в открытом типе населённого пункта, а не в крепости, которая была военным и административным центром. В Липовацкой краине такую роль исполнила крепость Болван, которая одновременно была и площадью, а в Петрусской краине — площадь Паракинов брод [12, с. 75-88; 16, с. 124, с.126-127]. Таким образом, властелин-крайишник обладал реальной военной и экономической силой, с помощью которой он мог контролировать предоставленную ему часть государственной территории на границе.

В осуществлении своей основной обязанности властелины-крайишники сотрудничали друг с другом. Об этом свидетельствует битва на Дубравнице, которую в 1380 году вели властелин-крайишник Петруса - Цреп Вукославич и Витомир, вероятно властелин соседней Липовацкой краины. Обе краины блокировали Цариградскую дорогу. Чтобы защитить эту дорогу от нападающих, они совместными силами на территории Петрусской краины встретили и разбили османское разбойничье вторжение в битве, которая в некоторых летописях называется «Црепов бой» [21, с. 113, 114; 4, с. 37; 16, с. 123-124]. Название боя свидетельствует о том, что командир войск был Цреп Вукославич, скорее всего, потому что битва проходила на его территории, которую он лучше всего знал и мог использовать в боевых действиях. Известно, что Цреп занимал высокий ранг в иерархии Моравской Сербии, что было достаточно для того, чтобы князь Лазарь называл его братом [16, с. 123,127.] Петруское пограничье в основном располагалось на равнинных территориях от Великой Моравы до границы с Болгарией на востоке. В отличие от него, Липовацкое пограничье в большей степени находилось в холмисто-гористой местности. Хотя существуют данные, что обе эти краины имели схожее количество жителей, Липовацкое пограничье было территориально меньше и материально беднее, чем Петруское [16, с. 122, 127]. В Петрусской краине было по крайней мере 30 деревень, подчинённых церквям и монастырям. Это бы указывало на то, что общее количество деревень на пограничье составляло как минимум 100 [4, с. 38; 16, с.

127]. В Османской переписи населения 1516 года упоминается 95 деревень в этом районе, с более чем 3000 домов [4, с. 38; 16, с. 127]. Число деревень из османской переписи совпадает с предполагаемым числом деревень Петрусского пограничья в конце XIV века. Таким образом, можно утверждать, что и количество деревень в нахие Болван, основанной на территории Липовацкого пограничья — 43 с 2200 домами — соответствует состоянию конца XIV века [12, с. 78; 16, с. 124-126]. Вероятно, эти факты также сыграли роль в выборе Црепа Вукославича командующим объединёнными войсками обеих краин.

Управление краиной осуществлялось из укрепления, где находился властелин-краинщик. Из-за обширности краины, как организационно-управленческой единицы, было невозможно осуществлять непосредственный контроль только из одной крепости. Благодаря историческим источникам, археологическим исследованиям и, в последнее время, полевым исследованиям, организуемым Центром исторической географии и исторической демографии в сотрудничестве с местными учреждениями, наиболее тщательно исследованы краины Петрус и Липовац. Поскольку Петруское пограничье в основном равнинное, а Липовацкое гористое, исследование организации этих краин дает представление о том, как осуществлялся контроль над границей, важными путями и всем пограничьем.

Петруское пограничье простиралось от Великой Моравы на западе до сербско-болгарской границы на востоке и от водораздела Ресавы с Раваницей на севере до Ражня на юге [12, с. 85-86; 14, с. 1-7; 6, с. 333]. Таким образом, оно закрывало часть Цариградской дороги вдоль реки Моравы и кратчайший путь, который от Великой Моравы и площади Паракинов брод вел в долину Тимока в Болгарии [5, с. 141-147.]. Крепость в Петрусе на горе Бабе контролировала основной путь, соединяющий Велику Мораву с Черной рекой в Болгарии через перевал Честобродица. С этой доминирующей позиции можно было наблюдать значительную часть пограничья. Недалеко от крепости находилось село Извор с мимоходной таможней [1, с. 14; 16, с. 122, 124.]. На север от Петруса располагалась Чокича - холм с важной крепостью, которая закрывала вход в каньон реки Црнице. В исходной части этой реки до сих пор видны остатки укрепленного монастыря с остатками стен, донжонной башней и фундаментами зданий. Вдоль каньона сохранились остатки многочисленных сакральных объектов и келий. Сам каньон не был виден из Петруса, поэтому эти две крепости обеспечивали мир и безопасность монашеских общин в каньоне.

Чокича холм закрывал взгляд на северную часть краины в долине Великой Моравы, и крепость на нем одновременно обеспечивала непосредственный контроль и защиту этого участка территории. На западе краина выходила к Великой Мораве, закрывая Цариградскую дорогу к Болвану и дальше к Нишу и Болгарии. Для контроля этого важного пути на холме Градац, близ границы с Липовацкой краиной, на ровной вершине холма была построена крепость с минимум двумя башнями (одна из которых сторожевая башня) и размерами около 100х80 метров. Руины этой крепости видны и сегодня [6, с. 334]. Его основная функция заключалась прежде всего в том, чтобы поднять тревогу в краине, точнее — предупредить властелина-краинщика в случае, если по Цариградской дороге со стороны Ниша прорвётся вражеская армия или грабители. Таким образом, с помощью прямого наблюдения из крепостей контролировалась территория, и краинщик в кратчайшие сроки получал информацию о характере угрозы и поднимал краинское войско для отражения врага. Полевые исследования на территории Липовацкой краины показали, что использовалась аналогичная система, адаптированная к горным условиям этой краины. Липовац находился на отвесной скале на восточной границе государства. Сторожевые башни были построены так, чтобы обеспечивать обзор и контроль главных дорог в горной местности, а на входе в каньон реки Моравица, в равнинной части, удалённой от резиденции краинщика, укреплённый Болван перекрывал Цариградскую дорогу. Обе краины имели центры, ориентированные к самой границе, с выдвинутыми укреплениями и сторожевыми башнями, которые охватывали главные маршруты и важные географические районы [6, с. 331-336].

Из изложенного ясно видно, что краины имели ярко выраженный оборонительный характер. Властелины-краинщики были обязаны поддерживать высокий уровень боеготовности своих подчинённых для защиты границы, поскольку часто сталкивались с вызовами, продиктованными самой сущностью этих территориально-административных единиц. Поэтому можно считать, что властелины-краинщики принадлежали к числу наиболее способных военных командиров, а властела малая и великая и проиары с краин составляли лучший и наиболее подготовленный сегмент войска средневекового сербского государства. Сопротивление, которое краины оказывали османам в первой половине XV века, служит подтверждением этим утверждениям. [4, с. 37; 16, с. 123-127].

Столкнувшись с нарастающей османской угрозой, деспот Стефан после 1409 года начал административную реформу, чтобы, помимо прочего, усилить обороноспособность своего государства. Так, с 1427 года во главе Петрусской краины упоминается уже воевода краинский, вместо властелина-краинщика. Разница заключалась не только в титуле, но и в статусе: если властелин-краинщик обычно был самым могущественным землевладельцем в краине, то воевода краинский был наместником деспота. Известно, что деспот Стефан направлял своих воевод из одного конца страны в другой в зависимости от необходимости [4, с. 40; 16, с. 125]. Этой реформой были основаны новые территориально-административные единицы — *власти*. Наибольшее количество данных о властях относится к самому концу существования Сербского Деспотата, к 1456–1458 годам. Во главе власти стоял воевода. В состав властей, помимо жуп, входили и прилегающие горные районы, а сами власти организовывались вокруг крепостей. Такая система была последовательно внедрена и на территориях, к которым Деспотовина расширилась в Восточной Боснии в 1430-х годах (Теочацкая и Тишничкая власти). Таким образом, со временем и краины были преобразованы во власти [4, с. 41-42; 8, с. 237-244; 15, с. 15-19]. Внутренняя организация власти во многом унаследовала структуру краины, за исключением того, что во главе стояли чиновники деспота — воеводы. Это, безусловно, было следствием уже упомянутой устойчивости, которую продемонстрировали краины в противостоянии врагу.

Краины в средневековом Сербском государстве возникли рано как административно-территориальные единицы в связи с необходимостью охраны границ и защиты внутренней территории государства. В силу исторических обстоятельств и потребностей, которые возникли со временем, эти территориально-административные единицы оказали значительное влияние на организацию государственной территориальной администрации; фактически, они имели большее значение, чем любая другая административная единица, упоминаемая в источниках, за исключением, пожалуй, городов.

Список литературы

1. Анастасијевић Д. Српски архив Лавре Атонске. // Споменик Српске Краљевске Академије. №. 56. Српска Краљевска Академија. Београд, 1922. С. 6-21.
2. Благојевић М. Манастирски поседи крушевачког краја //

- Крушевац кроз векове. Народни музеј Крушевац, 1972. С. 25-48.
3. Благојевић М. Тепчије у Србији, Босни и Хрватској // Историјски гласник: орган друштва историчара Србије. №. 1-2. Београд, 1976. С. 7-47.
 4. Благојевић М. Крајишта средњовековне Србије од 1371 до 1459. године // Историјски гласник: орган друштва историчара Србије. №. 1-2. Београд, 1987. С. 29-42.
 5. Бојковић Г. Параћин у средњем веку // Весник: орган војних музеја, 2010. №37. С. 141-147.
 6. Бојковић Г. Прилог проучавању крајишта средњовековне Србије –Петрушко и Липовачко крајиште. Баштина. Волумен 34. Свеска 63. Институт за српску културу Приштина/Лепосавић, Приштина – Лепосавић, 2024. С. 331-337.
 7. Брмболић М., Пургер З., Голец Ј. Мала Света Гора у клисури реке Црнице. Републички завод за заштиту споменика. Београд, 2011.
 8. Динић. М. Власти за време Деспотовине // Зборник Филозофског факултета. Књ. X-1. Београд, 1968. С. 237-244.
 9. Михаљчић Р. Где се налазио град Петрус // Прилози за књижевност језик историју и фолклор. Књ. 34. №. 3-4. Београд, 1968. С. 264-267.
 10. Михаљчић Р. Прилог српском дипломатару, властeosке повеље породице Вукославић // Филолошки факултет. Београд, 1973. С. 104-107.
 11. Михаљчић Р. Хрисовуља цара Уроша манастиру Хиландару // Стари српски архив. Књ. 4. Филозофски факултет у Београду/ ур. Михаљчић Р. Лакташи. 2005. С. 151-160.
 12. Мишић С. Поход султана Мусе на Деспотовину 1413. године и источна српско-турска граница // Историјски Гласник: орган друштва историчара Србије. №. 1-2. Београд, 1987. С. 75-88.
 13. Мишић С. Југоисточна Србија средњег века. Међуопштински архив Врање, Удружење историчара Браничева и Тимочке крајине. Врање, 2002.
 14. Мишић С. Жупе Поморавље и Дубравница у средњем веку

- // Делиград од устанка ка независности 1806-1876: зборник радова са међународног скупа: (Алексинац, 2. септембар 2006 г.) / ур. Алексић Д.: Институт за новију историју Србије. Београд, 2007. С. 1-7.
15. Мишић С. Поседи великог логотете Стефана Ратковића // Зборник радова са међународног научног скупа: Моравска Србија, историја култура уметност (Крушевац, 21-22. септембар 2007. г.) / ур. Мишић С. Историјски архив Крушевац. Одељење за историју Филозофског факултета у Београду, 2007. С. 7-19.
 16. Мишић С. Петрушко и Липовачко крајиште од половине XIV века до 1459. године. // Историја Поморавља и два века од варваринске битке. Тематски зборник / ур. Мишић С, Шемјакин А.: Историјски архив Крушевац, 2010. С. 121-128.
 17. Мишић С. Територијално-управна организација Рудника и околине (12-15. век) // Рудник и Венчац са околином у средњем веку и раној модерни: тематски зборник радова са научног скупа (Аранђеловац 21. октобра 2017. г./ ур. Мишић С, Радичевић Д, Шуица М.: Народни музеј Аранђеловац, 2018. С. 7-14.
 18. Мишић С, Бојковић Г. Земља Браничево и Кучево у средњем веку. Народни музеј у Пожаревцу. Пожаревац, 2024.
 19. Новаковић Ст. Законски споменици српских држава средњег века Српска краљевска академија. Београд: штампано у Државној штампарији Краљевине Србије 1912.
 20. Новаковић Ст. Законик цара Стефана Душана. Српска академија наука и уметности. Београд, 1975.
 21. Стојановић Љ. Стари српски родослови и летописи. Српска краљевска академија. Српска манастирска штампарија Сремски Карловци. Београд, 1927.
 22. Шуица М. Рудник између обласних господара на крају 14. Века // Рудник и Венчац са околином у средњем веку и раној модерни: тематски зборник радова са научног скупа (Аранђеловац 21 октобра 2017. г.) / ур. Мишић С, Радичевић Д, Шуица М.: Народни музеј Аранђеловац, 2018. С. 59-70.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ДРАЙВЕР ЦИФРОВИЗАЦИИ РЕЛИГИИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ АНГОЛЫ И ГАБОНА

Брад А.Н.

*Российский государственный гуманитарный университет,
аспирант*

E-mail: bradandrei@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ влияния цифровизации политического пространства на процесс внедрения цифровых технологий в религиозные практики и гражданское общество в Анголе и Габоне. Обе страны расположены в Центральной Африке и обладают схожим уровнем цифрового развития (по версии ООН). Гипотеза работы заключается в том, что цифровизация политического пространства, стимулируемая внешними акторами (Всемирный Банк, США, Китай и др.), выступает в качестве драйвера цифровизации других сфер жизни человека. На примере проектов *e-Gabon*, *Digital Gabon*, *Angola Digital Acceleration Project* продемонстрировано, как инфраструктурные изменения, инициированные «сверху» (политической элитой), формируют новые формы гражданской активности и цифровые практики в религии. Анализ выявил схожую траекторию цифровизации обеих стран при разном уровне экономического развития. Результаты исследования расширяют понимание специфики цифровой трансформации в Африке, акцентируя внимание на противоречиях между преимуществами внедрения сервисной модели *e-government* и сохранения технологического суверенитета.

Ключевые слова: цифровизация, политика, Центральная Африка, технологический суверенитет.

DIGITALIZATION OF THE POLITICAL SPACE AS A DRIVER FOR DIGITALIZATION OF RELIGION AND CIVIL SOCIETY: A CASE STUDY OF ANGOLA AND GABON

Brad A.N.

*Russian State University for the Humanities,
PHD student*

E-mail: bradandrei@mail.ru

Abstract. *The study analyzes the impact of digitalization of the political space on the integration of digital technologies into religious practices and civil society in Angola and Gabon. Both countries are located in Central Africa and share a similar level of digital development (according to the UN). The hypothesis posits that the digitalization of the political sphere, driven by external actors (the World Bank, the USA, China, etc.), serves as a catalyst for digitalizing other areas of human life. Case studies of projects such as e-Gabon, Digital Gabon, and the Angola Digital Acceleration Project demonstrate how infrastructure changes initiated "top-down" (by political elites) foster new forms of civic engagement and digital practices in religion. The analysis reveals a shared trajectory of digitalization in both countries despite differences in their economic development levels. The findings broaden the understanding of digital transformation specifics in Africa, highlighting the contradictions between the benefits of implementing a service-oriented e-government model and preserving technological sovereignty.*

Keywords: *digitalization, politics, Central Africa, technological sovereignty.*

Актуальность исследования процесса цифровизации сфер жизни человека обусловлена все более возрастающей ролью интернет-пространства в рамках коммуникации. Под процессом цифровизации зачастую понимается внедрение новейших цифровых технологий в какую-либо из сфер жизни человека. Особую роль цифровизация играет в рамках построения новой коммуникационной среды, которая позволяет мгновенно обмениваться сообщениями в обе стороны [1, с. 280]. Кроме того, интернет-пространство вносит свои коррективы в процесс коммуникации между гражданином и государством, изменяя функционирование гражданского общества.

Современные цифровые технологии трансформируют политическое пространство и взаимоотношения граждан с политическими структурами. Наиболее значимым изменениям подверглись каналы коммуникации: дополненная модель «черного ящика» Д. Истона позволяет продемонстрировать изменения в формировании каналов обратной связи и политических решений, в соответствии с которыми прогнозируются действия по реализации государственной политики [2, с. 390]. М.Н. Грачев указывает, что в рамках политической деятельности акторы влияют не только друг на друга, но и на окружающую среду [3, с. 19]. Общество не является

пассивным объектом политики, а является полноценным актором, изменяя условия власти, положение политических субъектов и их стратегии поведения. Это обосновывает тезис о том, что общество – это не «пассивный» объект политики [4, с. 10].

Современные исследователи отмечают, что в процессе цифровизации государства переходят на сервисную модель взаимодействия с гражданами, конструируя модель удовлетворения потребностей. Наибольшее развитие идеи сервисной модели государства получают в парадигме e-government. В.Л. Сморгунов отмечает, что новое поколение цифровых государственных порталов способно формировать не только новый опыт получения государственных услуг, но и формировать уникальные виды гражданской активности. Т.е. цифровизация политического пространства способна напрямую форсировать цифровизацию гражданского общества [5, с. 9].

В настоящее время существует небольшое количество исследований процесса цифровизации политического пространства, гражданского общества и религии в странах Центральной Африки (далее – ЦА). В ходе данного исследования мы предпримем первую попытку рассмотреть указанный процесс в Анголе и Габоне.

Гипотеза исследования заключается в том, что цифровизация политического пространства в Анголе и Габоне становится главным драйвером цифровизации остальных сфер, включая гражданское общество и религию.

На африканском континенте размещены 54 страны (по версии ООН), большая часть из которых динамично развивается. Ангола и Габон – одни из наиболее развитых стран ЦА, однако проникновение цифровых технологий в этих странах остается на скромном уровне. Выбор указанных стран для анализа обусловлен не только их принадлежностью к одному региону, но и некоторыми другими общими характеристиками:

1) Одинаковый темп цифровизации политического пространства при разном уровне экономического развития: несмотря на существенную разницу в уровне богатства стран Ангола незначительно отстает от более развитого Габона.

2) Ключевым фактором цифровизации политического пространства в указанных странах стало влияние международных игроков. Главные бенефициары цифровизации: США, Китай, ЕС, Всемирный Банк и др.

3) Процесс цифровизации в Анголе и Габоне был стихийно запущен почти одновременно: в 2010-х началась первая волна цифровизации, вторая началась в 2023-2024 гг. Цифровизация политического пространства проходит в обеих странах по крайне схожему шаблону и провоцирует одинаковые изменения в гражданском обществе и религиозной среде. Ангола и Габон достаточно близко расположились в рейтинге ООН по уровню развитию электронного государства: Ангола на 156 месте, Габон на 121. Отметим, что с 2022 г. Ангола набрала 1 пункт в рейтинге, а Габон потерял 6 [6].

Несмотря на скромные темпы цифровизации политического пространства в Габоне, именно инициативы в этой сфере являются ключевым драйвером цифровизации религии. Активная фаза цифровизации началась в Габоне только в конце 2010-х, большая часть ранее запланированных проектов будут завершены во второй половине 2025 г. – начале 2026 г.

В 2016 г. при финансировании Всемирного Банка был запущен проект e-Gabon [7]. Ключевой задачей проекта была цифровизация сферы здравоохранения, однако дополнительно был реализован комплекс мер по внедрению цифровых практик в сферу госуслуг. Инициатива стала частью проекта Всемирного Банка под названием САВ4: в ходе проекта проложена инфраструктура для цифровизации стран ЦА, включая Габон. В 2024 г. по инициативе все того же Всемирного Банка в Габоне был проспонсирован старт проекта Digital Gabon, который предполагает цифровизацию госуправления, внедрение системы цифровой идентификации граждан, улучшение кибербезопасности госсектора, развитие цифровой экономики и увеличение доступности интернет-технологий [8].

Габон – яркий пример форсированной цифровизации, инициированной извне. Всемирный Банк не единственный бенефициар цифровизации Габона: благодаря инвестициям Китая Габон стал первой страной в ЦА с 5G-покрытием [9]. Цифровизация Габона происходит сверху вниз, т.е. правящая элита внедряет цифровые технологии в политическом пространстве, которые влекут за собой трансформацию остальных сфер жизни.

Проникновение цифровых технологий в религиозную сферу в Габоне значительно замедлено из-за закона о необходимости регистрации каждой религиозной группы в Министерстве внутренних дел Габона [10]. Тем не менее, именно инициативы e-Gabon и Gabon Digital способствовали проникновению интернета в религиозное

пространство. Более 80% населения в Габоне исповедуют христианство, которые мирно сосуществуют с мусульманским меньшинством. Правительство Габона поддерживает светский характер государства, предоставляя равные права всем религиозным общинам, что создает базу для обширного ведения деятельности в интернет-пространстве.

Ранее мы уже указывали, что цифровизация способствует появлению новых видов взаимодействия граждан и государства. Инициатива e-Gabon впервые позволила гражданам при помощи цифровых сервисов участвовать в управлении страной: различные формы обратной связи, опросы, возможность предложить собственные идеи – достижения цифровизации.

Несмотря на развитие цифровых сервисов, правительство Габона в потенциально кризисных политических ситуациях нередко применяет механизм полного отключения работы интернет-сети. Зарубежные исследователи отмечают, что в условиях низкой цифровой грамотности населения полное отключение сети помогает правительству стабилизировать политическое пространство в стране [11, с. 8].

Путь цифровизации Анголы, аналогично Габону, начался в конце 2010-х. В 2011 г. при поддержке Международного союза электросвязи в Анголе был дан старт строительству цифровой инфраструктуры. Пионером стало телевидение, которое в первую очередь перевели в цифровой формат.

В конце первого десятилетия начался процесс цифровизации политического пространства в Анголе: запущен портал SEPE, который представляет некий аналог отечественных Госуслуг, также создан электронный ID для граждан [12]. Следующий этап внедрения цифровых технологий в политическое пространство начался только в 2023 г. с внедрением цифровой подписи и запуска «The Angola Digital Acceleration Project». Вновь ключевым инициатором политической цифровизации стал Всемирный Банк, который выделил на проект 300 млн. долларов. Проект реализуется по проверенному пути: аналогично опыту Габона предварительно выстраивается инфраструктура, которая становится основанием для единовременной интеграции большого количества электронных сервисов (электронный реестр недвижимости, обновление портала SEPE, программы по развитию цифровой грамотности и др.).

Цифровизация религиозного пространства в Анголе имеет вялотекущий характер без значимых прорывов в отрасли. Тем не менее, цифровые инициативы в политическом пространстве стали главным драйвером в сфере цифровизации религии. Большая часть населения Анголы исповедует христианство (55% католики, 25% протестанты, порядка 10% населения исповедуют христианство, совмещенное с языческими религиозными обычаями). Католическая церковь в Анголе наиболее эффективно использует цифровые технологии среди прочих религиозных течений. Празднование Юбилейного (Святого) 2025 года активно освещается в социальных сетях, католические проповедники начинают вести собственные сообщества. При этом стоит отметить, что только 13,3% населения Анголы зарегистрированы хотя бы в одной социальной сети [13].

Благодаря цифровизации политического пространства в Анголе постепенно зарождаются инициативы по формированию цифровых способов негосударственного объединения граждан. В 2024 г. Министерство связи, информационных технологий и социальных медиа Анголы предложило реализовать инициативу «Цифровой гражданин», которое поспособствует не только повышению цифровой грамотности населения, но и формированию новых способов посылать сигналы в каналы обратной связи для политической системы.

Цифровизация политического пространства Анголы и Габона, несмотря на значительный прогресс в последние пять лет, демонстрирует тревожную зависимость от внешних инвестиций. Особенно опасным является тот факт, что внешние игроки могут оказывать воздействие не только на саму цифровую инфраструктуру, но и управлять обеспечением ее безопасности: ранее мы отмечали, что Всемирный Банк активно инвестирует в кибербезопасность государственных цифровых услуг.

Цифровизация политического пространства, формально направленная на сервисное взаимодействие с гражданами (e-government), маскирует риски зависимости от иностранных технологий и стандартов. Религиозная сфера, трансформируясь стихийно (например, активность католиков Анголы в соцсетях), остается периферийной, подчиняясь логике «цифрового колониализма». Гражданское общество Анголы и Габона находится только в самом начале адаптации к цифровым технологиям, однако движется по пути развития с крайне высокой скоростью.

Список литературы

1. Грачев М. Н. Онлайн-делиберация: разработки, исследования и практика // Политическая наука. 2013. № 1. С. 280-292.
2. Easton D. An Approach to the Analysis of Political System // World Politics. 1957. № 9. Apr. 3. P. 383-400.
3. Грачев М. Н. Политика: коммуникационное измерение. Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2011. 172 с.
4. Гаджиев Х. А. Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 8-20.
5. Сморгун В. Л. Партисипаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество // Власть. 2019. Т. 27. № 5. С. 9–19.
6. UN E-Government Knowledgebase. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data-Center>. 2025.
7. Gabon - eGabon Project (Inglês) // World Bank Group. URL: <https://documents.worldbank.org/pt/publication/documents-reports/documentdetail/248611468197395639/gabon-egabon-project>.
8. Gabon: The World Bank Boosts its Support to Accelerate Digital Transformation // World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/01/02/gabon-the-world-bank-boost-its-support-to-accelerate-digital-transformation>.
9. Эксклюзив: Китай является настоящим другом Габона, поддерживая его в горе и радости -- президент Габона // СИНХУА Новости. URL: <https://russian.news.cn/20240905/a4931974371f47f99b1b3fb30299ba3f/c.html>
10. GABON 2021 INTERNATIONAL RELIGIOUS FREEDOM REPORT // U.S. Embassy in Gabon. URL: <https://ga.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/217/gabon2021internationalreligiousfreedomreport.pdf>.
11. Gopaladas, R: Digital Dictatorship versus Digital Democracy in Africa. South African Institute of International Affairs // 2019. P. 1-18.

12. SEPE. URL: <https://www.sepe.gov.ao/ao/>
13. Digital 2025: Angola // DATAREPORTAL. URL:
<https://datareportal.com/reports/digital-2025-angola>

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЛИЯНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Вашенко С. А.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
студентка факультета международной журналистики
E-mail: vashhenkosofia05@gmail.com*

Аннотация. В данной статье исследуется «мягкая сила» как инструмент международного влияния, способствующий государствам в достижении поставленных целей через основные компоненты, такие как культура, ценности и публичная дипломатия. Выявляется их роль в формировании привлекательного имиджа государства. Особое внимание уделено роли цифровых технологий в эффективном применении «мягкой силы». На основе анализа стратегий использования «мягкой силы» ведущими государствами (Россия, Китай, США) рассматриваются успешные стратегии укрепления международного авторитета, достижения внешнеполитических целей, а также ограничения, связанные с возможностями «мягкой силы» в условиях современных геополитических вызовов.

Ключевые слова: мягкая сила, цифровые технологии, цифровизация, геополитические вызовы, публичная дипломатия, диалог культур.

«SOFT POWER» AS A TOOL OF INTERNATIONAL INFLUENCE AMID GEOPOLITICAL CHALLENGES

Vashchenko S. A.

*Saint Petersburg State University,
student at the Faculty of International Journalism
E-mail: vashhenkosofia05@gmail.com*

Abstract. This article examines «soft power» as a tool of international influence that helps states achieve their goals through key components such as culture, values, and public diplomacy, highlighting their role in shaping

a country's attractive image. Special attention is paid to the role of digital technologies in the effective application of «soft power». Based on an analysis of soft power strategies employed by leading states (Russia, China, and the United States), the article explores successful approaches to strengthening international authority, achieving foreign policy objectives, as well as the limitations associated with soft power in the context of modern geopolitical challenges.

Keywords: *soft power, digital technologies, digitalization, geopolitical challenges, public diplomacy, cultural dialogue*

В условиях глобализации и усиления геополитической конкуренции традиционные методы силового воздействия уступают место более гибким и сложным механизмам влияния. Одним из значимых элементов современного международно-политического взаимодействия выступает концепция «мягкой силы». Термин, введенный в научный оборот Джозефом Наем, переводится на русский язык и как «мягкая сила», и как «мягкая власть», а также «гибкая власть» [1].

Ключевое отличие «мягкой» силы заключается в том, что она позволяет достигать внешнеполитических целей через привлекательность культуры государства, его ценности и публичную дипломатию. В то время как «жесткая» сила основана на военном и экономическом давлении.

Цифровизация и информационные войны постоянно трансформируют традиционные механизмы «мягкой силы», расширяя ее инструментарий за счет социальных сетей и цифровой дипломатии, но одновременно усложняя процесс формирования доверия из-за распространения дезинформации и манипулятивных технологий. Цифровые технологии открывают новые возможности для продвижения национальных нарративов, однако, создают риски, связанные с объективностью и усилением поляризации в международных отношениях.

Основные компоненты «мягкой силы»

Основными инструментами «мягкой силы» можно считать: информационные потоки, политический пиар, глобальный маркетинг, язык страны и степень его популярности в мире, позиционирование страны, публичную дипломатию, систему образования, туризм, спорт,

способность вести информационные войны, миграционную политику, диалог культур [2].

Среди этих инструментов наиболее интересным компонентом «мягкой силы» выступает культурное влияние, которое формирует позитивные ассоциации со странами-производителями. Данное влияние тесно связано с другими механизмами, такими как публичная дипломатия, язык и диалог культур, усиливая общее восприятие государства в мире.

Помимо культурного воздействия, ещё одним важным аспектом являются политические ценности, которые повышают привлекательность демократических принципов государства и прав человека на международной арене. Их распространение дополняет культурное влияние, формируя комплексный образ страны, основанный не только на её достижениях в искусстве, образовании и спорте, но и на её идеологических ориентирах.

Внешнеполитическая деятельность также служит инструментом «мягкой силы». Участие в международных организациях, программы академического обмена и гуманитарные инициативы создают долгосрочные связи и укрепляют доверие. Экономические достижения и технологические инновации дополняют этот комплекс. Успехи национальных кампаний в высокотехнологичных секторах формируют восприятие страны как центра прогресса и развития.

«Мягкая сила» как инструмент международного влияния

Переходя от теоретических основ «мягкой силы» к её практической реализации, следует рассмотреть то, как различные государства используют этот инструмент для формирования своего международного имиджа. В современных условиях глобализации и цифровизации создание привлекательного образа страны выходит за рамки традиционной дипломатии, вовлекая при этом медиапространство, культурный обмен и цифровые коммуникации. В этом контексте особенно показателен сравнительный анализ стратегий реализации мягкой силы России, Китая и США, которые, несмотря на различия в политических системах и ценностных ориентирах, активно развивают механизмы «мягкой силы» для укрепления своих позиций на мировой арене.

Российская стратегия «мягкой силы» сочетает классические инструменты (такие как Россотрудничество и русские культурные

центры) с активным использованием цифровых технологий для информационного влияния. Государственные СМИ (RT, Спутник) и социальные сети, в частности Telegram играют ключевую роль в формировании альтернативных нарративов по ключевым международным вопросам.

Так, например, чтобы нейтрализовать информационные атаки западных правительств и СМИ, руководством России развёрнута активная дипломатическая деятельность по всем направлениям, создан ряд международных организаций с участием России, функционирует телевизионный канал RussiaToday [3].

Феномен «мягкой силы» органично вписывается в геополитическую стратегию США, в соответствии с которой формируется образ государства как центра инноваций, креативности и технологий. Однако американская «мягкая сила» не ограничивается культурным экспортом – она активно поддерживается государственными программами, которые продвигают американские образовательные стандарты и ценности за рубежом.

Более того, широкое тиражирование американской модели «мягкой силы» происходит посредством использования ресурсов образовательной политики, которые сосредоточены в специальных ресурсных центрах. При этом инструмент образования наравне с фактором военного преобладания активно используется США в реализуемой этим государством внешнеполитической деятельности.

В свою очередь, в Российской Федерации одним из определяющих критериев оценки эффективности деятельности российских ВУЗов становится академическая мобильность. В рамках национального проекта «Образование» реализуется федеральный приоритетный проект «Экспорт образования», цель которого – активное привлечение зарубежных студентов к получению образования на территории нашей страны, а также содействие их дальнейшему трудоустройству. Срок реализации проекта: с мая 2017 года по ноябрь 2025 года включительно.

Несмотря на различия в подходах, публичная дипломатия остается важным элементом реализации стратегии «мягкой силы». При этом США удаётся поддерживать баланс между продвижением демократических идеалов и прагматичными интересами, хотя в последние годы подобный баланс сталкивается с растущим скептицизмом, особенно в странах Глобального Юга.

Китайская стратегия «мягкой силы» существенно отличается от западной модели, делая акцент не на ценностях, а на экономической и технологической привлекательности. Проект «Один пояс, один путь», первый форум которого состоялся в Пекине 14 и 15 мая 2017 года, демонстрирует, как Пекин использует инвестиции и инфраструктурное строительство для расширения влияния.

Благоприятной почвой для развития «мягкой силы» Китая стала также концепция китаецентризма, которая получила развитие на основе конфуцианства. Срединное царство (Чжунго) распространяло свое влияние на периферийные для него «варварские» территории и народы, выступая в роли проводника культурных ценностей и достижений цивилизации. По этой причине границы китайского цивилизационного ареала определялись не в соответствии с этническим составом, а скорее по признаку культуры [4].

В цифровой сфере Китай продвигает собственные платформы, например, WeChat, как альтернативу западным соцсетям, предлагая модель «киберсуверенитета», которая привлекает страны, опасющиеся американской цифровой гегемонии. При этом китайский подход остаётся прагматичным: вместо прямой критики Запада Китайская Народная Республика делает ставку на демонстрацию успехов своей экономики и стабильности, что особенно резонирует с развивающимися странами.

Особого внимания заслуживает роль социальных сетей в современных стратегиях влияния. Если тот же Телеграмм остаётся платформой для открытой дипломатии и информационного противоборства в некоторых случаях, то китайский WeChat служит инструментом «мягкой силы» внутри закрытой экосистемы, продвигая китайский образ жизни среди иностранных пользователей.

Таким образом, можно сказать, что наиболее эффективные стратегии сочетают культурную привлекательность с цифровыми технологиями, но их успех зависит от способности адаптироваться к конкретным обстоятельствам.

Современные геополитические вызовы и ограничения

В условиях трансформации международных отношений инструменты «мягкой силы» подвергаются существенной корректировке, требуя от государств разработки новых подходов к реализации культурно-гуманитарного влияния. Особую актуальность

приобретает анализ адаптационных стратегий в условиях внешнего давления.

Россия в последние годы существенно пересмотрела подходы к реализации своей «мягкой силы» в ответ на изменение международной обстановки. Основное внимание было сосредоточено на развитии сотрудничества с государствами, демонстрирующими готовность к равноправному диалогу. Важным направлением стало укрепление культурно-гуманитарных связей со странами БРИКС, ШОС и СНГ, где сохраняется значительный интерес к российскому образованию, науке и культуре.

В информационной сфере наблюдается поступательное развитие отечественных цифровых платформ, способствующих распространению объективной информации о России. Параллельно ведется работа по расширению сети русских школ за рубежом и поддержке изучения русского языка как важного инструмента культурного взаимодействия. Особое значение придается сохранению и развитию традиционных форматов культурного обмена, адаптированных к новым реалиям.

Китайская Народная Республика демонстрирует иной подход к совершенствованию механизмов «мягкой силы», основанный на технологическом развитии и продвижении собственных стандартов. В ответ на критику международного сообщества китайские компании предпринимают меры по повышению прозрачности своих цифровых платформ, одновременно развивая концепцию «киберсуверенитета».

Как Россия, так и Китай уделяют повышенное внимание развитию собственных технологических решений в сфере информации и коммуникации. Также у двух держав наблюдается переориентация на сотрудничество с государствами, разделяющими принципы многополярного мироустройства. Особый акцент делается на образовательные программы и культурные обмены как наиболее устойчивые формы гуманитарного взаимодействия.

Заключение

Перспективы развития «мягкой силы» в современных условиях связаны с поиском баланса между традиционными форматами публичной дипломатии и новыми цифровыми инструментами. Важное значение приобретает разработка устойчивых механизмов международного сотрудничества, способных функционировать в условиях геополитических вызовов. Особую актуальность получают

инициативы, направленные на укрепление взаимопонимания между народами и сохранение общего культурного пространства.

Важно отметить, что современные вызовы создают не только ограничения, но и новые возможности для «мягкой силы». Развитие цифровых технологий открывает перспективы для создания инновационных форматов публичной дипломатии, а перестройка международных экономических связей способствует формированию альтернативных центров культурного влияния.

В перспективе эффективность «мягкой силы» будет определяться способностью государств сочетать проверенные методы культурно-гуманитарного взаимодействия с современными технологическими решениями, сохраняя при этом гибкость и адаптивность к меняющейся международной обстановке, таким образом, что несмотря на объективные сложности текущего периода, «мягкая сила» остается важным инструментом международного влияния, развитие и модернизация которого открывает новые перспективы для диалога культур.

Список литературы

1. Nye J. S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone, Oxford University Press, 2002. 240 p.
2. Куприн, Д. С. Элементы мягкой и жёсткой силы в системе формирования имиджа государства / Д. С. Куприн, Е. А. Тулюлюк // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 61-72. – EDN ZVGIVN.
3. Ведерникова, М. И. Имидж России как фактор "мягкой силы" в международных отношениях (на примере имиджа России в ес) / М. И. Ведерникова // Российская государственность и революция: социально-политические и культурные детерминанты развития России в XX-XXI веках: материалы научно-практической конференции (Калягинские чтения), Владимир, 14–15 октября 2016 года / Под ред. Р.В. Евстифеева. – Владимир: Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при

- Президенте Российской Федерации", 2016. – С. 189-192. – EDN XPOCVV.
4. Tackett N. The Origins of the Chinese Nation Song China and the Forging of an East Asian World Order. Cambridge University Press, 2017. P. 6.
 5. Лебедева, М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия / М. М. Лебедева // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2(35). – С. 47-55. – EDN SBWXOV.
 6. Плотников, Д. С. «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в центральной Азии в сфере образования / Д. С. Плотников // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2016. – № 1. – С. 160-177. – DOI 10.17072/2218-9173-2016-1-160-179. – EDN VZKWNX.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И МАНИПУЛЯЦИЯ

Видосавлевич Милена М.

Доктор филологических наук

*Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,
научный сотрудник*

E-mail: mika_vido_88@yahoo.com

Аннотация. *Нередко язык является основным средством, с помощью которого политики убеждают широкую общественность своей афирмацией власти. Таким образом, язык в политике является идеологическим средством и мощным инструментом политических лидеров. Используя языковые стратегии, политики часто прибегают к лингвистической манипуляции как влиятельному инструменту политической риторики с целью убедить аудиторию в определенном политическом действии. Чтобы аргументировать свои политические идеологии и цели, политические лидеры используют широкий спектр манипулятивных и риторических средств как на фонологическом, так и на синтаксическом, лексическом, семантическом, прагматическом и текстуальном уровнях в своем политическом дискурсе. В связи с этим манипуляция языком в политических целях теперь стала более тонкой и труднее обнаруживаемой, чем в более ранних исторических периодах, так как она основывается на слабостях, эмоциях,*

потребностях тех, кто является целью манипуляции, а также на авторитете самого манипулятора, который получает власть над определенной группой. Следовательно, цель этой статьи — указать на существование сильной связи между языком политики и манипуляцией, а также предоставить обзор некоторых техник языковой манипуляции, которые политики часто используют в своем дискурсе.

Ключевые слова: политика, дискурс, язык, тексты, манипуляция, стратегии.

POLITICAL DISCOURSE AND MANIPULATION

Milena M. Vidosavljević

Institute of Serbian Culture Priština – Leposavić

E-mail: mika_vido_88@yahoo.com

Abstract. *Language often represents the main tool that politicians use to convince the general public of their assertion of power. Therefore, language in politics is an ideological tool and a powerful instrument of political leaders. Using language strategies, politicians often use linguistic manipulation as an influential instrument of political rhetoric with the aim of convincing the audience of a certain political action. In order to argue for their political ideologies and goals, political leaders use a wide range of manipulative and rhetorical devices at the phonological, syntactic, lexical, semantic, pragmatic and textual levels in their political discourse. In this regard, the manipulation of language for political purposes has now become subtler and difficult to detect than it was in some earlier historical periods because it is based on the weaknesses, emotions, needs of those who are the target of manipulation, as well as on the authority of the manipulator himself who gains power over a certain group. Therefore, the aim of this paper is to point out the existence of a strong connection between the language of politics and manipulation, as well as to provide an overview of some of the techniques of linguistic manipulation that politicians often use in their discourse.*

Keywords: *politics, discourse, language, texts, manipulation, strategies.*

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы НИО по договору, заключенному с Министерством науки, технологического развития и инноваций РС № 451-03-136/2025-03 от 27 января 2025 года.

Введение. Манипуляция языком в публичной коммуникации используется для достижения личных или коллективных целей. Манипуляция языком, а значит и идеями, взглядами, эмоциями, целями, является основой любого политического действия с давних времен до настоящего времени.

В связи с этим, цель данной статьи заключается в том, чтобы обратить внимание на использование и формирование языка как средства манипуляции и контроля для достижения определенных идеологических целей. Как подчеркивает Реберник [1, с. 12], термин манипуляции, происходящий от латинского слова *manus*, что означает рука, в переносном смысле подразумевает «обращение» с языком, то есть использование языка таким образом, чтобы повлиять на мысли, действия и события. Когда речь идет о психологическом аспекте, манипуляция относится к управлению людьми с целью достижения собственных (скрытых) целей с помощью дезинформации, преувеличений и внушений. Очевидно, что существуют различные формы манипуляции, однако их объединяет то, что все они направлены на воздействие на сознание слушателя.

В связи с вышеупомянутым, манипуляция языком в политических целях стала более тонкой и труднее обнаруживаемой, поскольку она основывается на слабостях, эмоциях, потребностях тех, кто является целью манипуляции, а также на авторитете самого манипулятора, который приобретает власть над определенной группой. Поэтому цель данной статьи — представить связь между политическим дискурсом и манипуляцией, а также обратить внимание на некоторые техники языковой манипуляции, которые политики часто используют в публичных выступлениях.

О политическом дискурсе

Согласно Подбою [2, с. 124], определение термина «дискурс» изменялось на протяжении многих лет. Однако в общем, дискурс представляет собой абстрактную семиотическую категорию,

охватывающую семиотические элементы социальной жизни, и именно этим занимаются и другие дисциплины.

Когда речь идет о дискурсе в лингвистике, дискурс, прежде всего, является языковой категорией, которая представляет различные аспекты социальной жизни. Поэтому важно подчеркнуть, что подразумевается под дискурсом. А именно, это изучение и описание языка на более высоком уровне, чем классический анализ предложений. В отличие от подходов к языку, которые существовали ранее, анализ дискурса, а позднее и критический анализ дискурса, сделали шаг вперед, от изучения грамматических структур в изолированных, идеализированных и вымышленных предложениях и единицах меньших, чем предложение [3, с. 4].

Кроме того, дискурс представляет собой реализованный язык, который охватывает интерактивный и коммуникативный уровень языка. В рамках дискурса изучаются речи, интервью, разговоры, статьи, абзацы, поскольку в них существует взаимодействие между говорящим и собеседником, а также между автором и читателем.

Также важно отметить, что для дискурса характерно его существование в определенном контексте, поэтому в зависимости от контекста, мы будем по-разному выражаться и использовать язык. Именно поэтому важно тщательно описывать данное языковое измерение при языковом анализе, поскольку дискурсы — это не просто предложения, а серия высказываний, которые имеют значение, силу и влияние в социальном контексте, что особенно заметно на примере политического дискурса [4, с. 30].

Термин «политический дискурс» имеет два толкования. Первое относится к дискурсу, который сам по себе является политическим, что означает исключительно языковой анализ определенной политической темы, такой как речь политика или определенные политические дебаты.

Под этим понимается, что лингвистический анализ не включает политическое содержание, анализ политических взглядов и идей, изложенных в речи, а также социальные последствия и влияние на общество, а исключительно выбор лингвистических средств, их использование и способ, которым они помогают говорящим, то есть политикам, достигать как личных, так и коллективных целей. Точнее, анализ политического дискурса исследует, как создается сообщение, как высказываются и защищаются политические мнения, как используются языковые структуры для изменения взглядов целевой

аудитории и как через язык нередко достигается политический манипулятивный эффект [5, с. 94].

С другой стороны, второй вариант предполагает критический анализ политического дискурса, и анализ дискурса также касается политиков, политических институтов, правительств и политических сторонников, действующих в политической среде для достижения определенных политических целей [6, с. 398].

В этом типе анализа дискурса, известном как критический анализ дискурса, преобладает мнение, что дискурс является политическим, поскольку его можно рассматривать с политических перспектив, таких как власть, конфликт, контроль или доминирование. Однако, как подчеркивает Подбой [2, с. 125], следует быть осторожным и не чрезмерно упрощать концепт политического дискурса, поскольку в некотором смысле невозможно предложить объективный и точный анализ политического дискурса и манипуляции, но важно быть осведомленным о рисках предвзятости при изучении политического языка.

Манипуляция и политика

Термин манипуляция является новолатинским словом, происходящим от слов *manus* — рука и *pulare* — сглаживать, настраивать. Манипуляция, в общем смысле, и в политике представляет собой коммуникативный и намеренный акт, в котором тот, кто манипулирует, стремится к контролю над другими людьми, чаще всего против их воли или интересов. Особую форму техники горизонтальной пропаганды представляет организованное распространение слухов. Слухи, как правило, определяются как ложные или полуистинные сообщения, которые передаются межличностной коммуникацией («от уха к уху», «в четыре глаза», «по секрету» или в самом узком, интимном кругу). Источник этих слухов, как правило, неизвестен, при этом проводится различие между организованными и спонтанными слухами [7, с. 89]. Чаще всего политики используют стратегию акцентирования негативных аспектов противника, чтобы избегать сложных тем, перекладывая ответственность на других.

Тён ван Дейк [8, с. 361] определяет манипуляцию в политике как неоправданное и некорректное доминирование, которое подтверждает социальное неравенство. Манипуляция — это коммуникативный и намеренный акт, в котором тот, кто манипулирует, осуществляет

контроль над другими людьми, часто против их воли или интересов. Хотя это невозможно эмпирически доказать, манипуляция является некорректной в демократическом обществе, так как она способствует возникновению неравенства. Цель манипуляции, особенно в политическом дискурсе, представляет собой большую проблему, чем сама манипуляция, поскольку политики могут скрывать негативное с помощью специфических языковых формул, так что обычный человек труднее замечает произнесённые лжи [5, с. 400].

Языковая манипуляция в политике

Ван Дейк [8, с. 373] отмечает, что механизмы языковой манипуляции могут проявляться на более высоких уровнях дискурса, таких как семантический, прагматический и контекстуальный. Также, языковая манипуляция отражается в рамках общих интерактивных стратегий, таких как положительное представление себя и негативное представление других — «макро-речевые акты», которые подразумевают наши хорошие поступки и их плохие поступки (например, обвинения, защиты, нападения). Кроме того, языковая манипуляция появляется в семантических макроструктурах, таких как выбор темы — (не)подчеркивание негативных/позитивных фактов о нас/о них, затем локальные речевые акты, которые поддерживают глобальные (например, заявления, подтверждающие обвинения), локальные значения: наши/их позитивные/негативные поступки: дать больше/меньше деталей, быть общим/детализированным, быть неясным/точным, быть эксплицитным/имплицитным, а также словарь политиков, где выбираются позитивные слова для «нас» и негативные слова для «них».

Тем не менее манипуляция не ограничивается только языковым уровнем, она также включает и другие невербальные характеристики, такие как изображения, звуки, жесты, выражения лиц и так далее.

В связи с этим, Харби [9, с. 185] комментирует, что политический дискурс направлен на эмоциональное и психологическое воздействие на часть аудитории с помощью лингвистических техник, предназначенных для вызова эмоций, таких как страх, гнев или надежда. Таким образом, использование языка в политике служит не только для коммуникации, но и для управления массовым поведением, а значит, и для манипуляции. Этот автор считает, что политический дискурс является глубоко психологическим процессом. Также, Дойл

[10, с. 50] отметил, что «СМИ играют большую роль в эскалации и поддержании конфликтов с помощью языка, который используется при освещении событий. Язык в СМИ является мощным инструментом для достижения политических целей, так как определяет, как публика воспринимает политические темы». Подобным образом, Браун [11, с. 10] определяет языковую экспрессию как процесс использования страха и тревоги для манипуляции общественными эмоциями с целью достижения определенных политических целей.

Таким образом, манипуляция в политическом дискурсе проявляется в синтаксисе, а именно в активном или пассивном залоге, затем в номинализации, выражающейся в (не)подчеркивании наших/их позитивных/негативных поступков, в использовании риторических фигур, таких как гипербола против эвфемизма для позитивных/негативных значений, метонимии и метафоры, подчеркивающих наши/их позитивные/негативные черты. Кроме того, языковая манипуляция видна в использовании звуков и визуальных элементов, таких как акцентирование (громче или выразительнее в речи, большие или выделенные буквы в тексте) позитивных/негативных значений, а также расположение (что идет первым, последним: наверху, внизу текста и т.д.) позитивных и негативных значений [8, с. 374].

Стратегии манипуляции в политическом языке

В настоящее время существует несколько классификаций речевых стратегий, которые помогают оратору манипулировать их слушателями [12, с. 4]. Согласно одной из классификаций языковой манипуляции, выделяют нисходящую стратегию, восходящую стратегию и театральную стратегию [13, с. 168-171].

Первая стратегия — самопрезентация (создание имиджа политика). Эта стратегия включает тактику выравнивания с другими (показать, что он принадлежит к определенной социальной или политической группе); и тактику оппозиции (деление общества на «друзей» и «врагов») [13, с. 168].

Следующие стратегии, используемые для языковой манипуляции, — это стратегии убеждения: аргументированная стратегия и стратегия пропаганды.

Первая, аргументированная стратегия (убеждение получателя с помощью аргументов) включает подстратегию, состоящую из следующих тактик: тактика доказанной оценки (когда оратор пытается что-то оценить и доказать свою точку зрения); тактика контрастного анализа (сравнение и противопоставление фактов, событий, результатов); тактика демонстрации перспективы (прогнозирование развития событий, комментирование будущих целей); и тактика иллюстрации (приведение примеров, фактов). С другой стороны, стратегия пропаганды подразумевает стратегию воздействия на поведение людей, заставляя их что-то сделать, сделать выбор, и включает тактику обещаний и тактику жалоб [13, с. 169].

Следующая стратегия — это борьба за власть, которая включает следующие подстратегии: стратегию дискредитации и атаки (подрыв авторитета вашего противника, унижение, разрушение репутации и т. д.), а также манипулятивную стратегию, состоящую из различных нечестных приемов, заставляющих получателя поверить в оратора. Здесь используются такие техники, как дача неосуществимых обещаний, недоказанных фактов и преувеличений, а также манипулятивные тактики, среди которых и тактики вежливости, тактики отвлечения внимания получателя от реальной проблемы и тактики преувеличения.

Еще одна стратегия языковой манипуляции — это стратегия самообороны, которая включает убеждение в том, что противоположные обвинения не имеют силы [13, с. 170].

Также, помимо всех вышеупомянутых стратегий, можно выделить стратегии сохранения власти, а также стратегию интерпретации информации (информирование граждан о важнейших событиях общественной, экономической и политической жизни). В данном случае используются такие тактики, как принятие проблемы; подчеркивание положительного аспекта событий; тактика комментирования; тактика рассмотрения проблемы с другой точки зрения и тактика определения решения проблемы [13, с. 171].

Наконец, следует упомянуть стратегию формирования эмоционального состояния аудитории. Функциональные тактики здесь включают тактики объединения (объединение всех людей как представителей одной нации), обращение к эмоциям реципиентов, а также тактику рассмотрения ценностей аудитории (система ценностей) [13, с. 171].

Заключение. Чтобы исследовать феномен манипуляции в политическом дискурсе, необходимо учитывать компонент значений и контекста. Это возможно только посредством функциональных лингвистических подходов.

Так, прагматика и изучение значений в контексте стали значительным шагом для лингвистики. Однако, несмотря на то что прагматика описывает значение в рамках взаимодействия, этот анализ ограничивается перспективой говорящего и интерпретацией речевого высказывания, объясняя лишь то, что происходит в сознании индивида, и упуская из виду социальное измерение формирования значений [14, с. 20].

Таким образом, прагматика описывает дискурс таким, каким он должен быть в некоем идеализированном, лучшем мире, а не таким, каким он является в действительности. Более того, она часто ограничивается анализом одного вымышленного языкового высказывания вместо реального, более масштабного дискурса, а концепция речевых актов с трудом применима к анализу подлинного дискурса [15, с. 35].

Методы дискурс-анализа могут способствовать изучению манипуляции в политическом дискурсе. Таким образом, дискурс-анализ объясняет механизмы функционирования дискурса, тогда как критический дискурс-анализ раскрывает его глубинные причины. В этом контексте первым шагом является выявление определённых (негативных) социальных процессов, затем – эксплицитное и прозрачное выявление механизмов манипуляции, дискриминации, демагогии и пропаганды.

Вторым шагом становится сбор и анализ максимально возможного объёма данных и примеров, а также попытка объяснить, каким образом конструируется реальность и почему происходят определённые процессы, требующие междисциплинарного исследования. Третий шаг заключается в практическом и политическом действии, если оно возможно, с целью устранения или изменения негативных практик [16, с. 56].

Таким образом, анализ манипуляции в политическом дискурсе требует междисциплинарного подхода, в частности критического дискурс-анализа. Политический дискурс, служащий инструментом манипуляции и искажения реальности, имеет далеко идущие последствия для жизни общества. Поэтому цель лингвистического анализа должна заключаться в повышении осведомлённости и

разоблачении этих манипуляций, чему могут способствовать подходы, представленные в данной статье.

Список литературы

1. Rebernik D. Manipulacija jezikom u političke svrhe // Media, Culture and Public Relations, 2022. No. 13. P. 12-24.
2. Podboj M. Manipulacija u političkom diskursu – kritički pristup // Hrvatistika : studentski jezikoslovni časopis. 2011. No. 5. P. 123-133.
3. Fairclough N. Critical discourse analysis. London: Longman, 1995, 4 p.
4. Mills S. Discourse (The New Critical Idiom). Routledge, 1997, 30 p.
5. Видосавлевич М. Использование языка в политическом контексте // Политическое пространство и социальное время: аксиология власти и общественный идеал : Сборник научных трудов XLI Международного Харакского форума, Ялта, 24–27 апреля 2023 года / Под общей редакцией Т.А. Сеньюшкиной, науч. ред. Е.А. Сеньюшкин. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023.С. 88-95.
6. Wilson J. Political Discourse. The Handbook of Discourse Analysis, Schiffirin, Deborah, Deborah Tannen and Heidi E. Hamilton (ur.), 2003. P. 398-418.
7. Slavujević Z. Politički marketing. Beograd: FPN-Čigoja, 2005, 89 p.
8. Van Dijk T. Discourse and Manipulation // Discourse and Society, 2006. No. 17(2). P. 359 – 383.
9. Harbi A. G. A political language as a tool of psychological manipulation: A study of media discourse in times of international crisis. Int. J. Arts Humanit // Social Stud, 2024. No. 6(2). P. 184-190.
10. Doyle S. Media and public opinion during crises: A linguistic analysis. Oxford: Oxford University Press, 2018. 50 p.
11. Brown M. Linguistic amplification and emotional manipulation in political discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.10 p.
12. Finsurovna Shigapova F., Aleksandrovna Titova E., Vyacheslavovna Morozova T., Nailevna Sabirova A.

Manipulative Speech Techniques in Political Discourse // Propósitos y Representaciones. 2021, No. 9(SPE2). P. 1-6.

13. Mamayko, S. G. Strategii i taktiki politicheskogo obscheniya v spetsifike verbalnykh sredstv ik realizatsii v mediatizirovannom politicheskom diskurse. – [Elektronnyy resurs]. Gumanitarnyye tekhnologii v obrazovanii i sotsiosfere : sb. nauch. st. Minsk: Izd. tsentr BGU, 2019. P. 163-172.
14. Cameron D. Verbal Hygiene. London: Routledge, 2005. 20 p.
15. Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989. 35 p.
16. Wodak R. Language, Power and Ideology. Studies in Political Discourse, Amsterdam: John Benjamins. 1989. 56 p.

ОСОБЕННОСТИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ЛУБКОВ XIX ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕ

Вилкова Д. В.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
студент*

E-mail: dianavilkova14@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена истории старообрядческих лубков, которые меняли свою тематику, предназначение, визуальное исполнение вместе с изменяющейся жизнью старообрядцев и их положением в обществе. XIX-начало XX века - один из наиболее многогранных периодов истории старообрядцев в России, он характеризуется формированием единоверия, смягчением законодательства для данной религиозной группы, но в то же время и началом активной православной миссионерской работы с расколом. Каждый из значимых этапов периода нашел отражение в народном творчестве, и оно отражает наиболее животрепещущие аспекты жизни прошлого в своих символах.

Ключевые слова: старообрядчество, лубочные картинки, лубки, религиозное народное творчество.

FEATURES OF THE OLD BELIEVERS' LUBOKS OF THE 19TH CENTURY AS A REFLECTION OF SOCIAL CHANGES IN THE STATE

Vilkova D. V.

Kazan (Volga Region) Federal University,
student

E-mail: dianavilkova14@mail.ru

Abstract. *This article is devoted to the history of Old Believer luboks, which changed their subject matter, purpose, and visual performance along with the changing lives of Old Believers and their position in society. The 19th and early 20th centuries were one of the most multifaceted periods in the history of the Old Believers in Russia. It was characterized by the formation of a common faith, the relaxation of legislation for this religious group, but at the same time, the beginning of active Orthodox missionary work against the schism. Each of the significant stages of the period was reflected in folk art, and it reflects the most burning aspects of the life of the past in its symbols.*

Keywords: *Old Believers, splint pictures, splints, religious folk art.*

Первые старообрядческие лубки появились в Москве и Киеве в середине XVII века под влиянием западноевропейских гравюр. Первоначально это были религиозные изображения (библейские сюжеты, жития святых), но со временем в арсенале авторов лубочных картинок появились сатирические, бытовые и поучительные сюжеты. Особое распространение данное искусство получило среди старообрядцев в XVIII–XIX веках, став важным средством сохранения традиций, и альтернативой официальной печатной продукции, к которой после раскола старообрядцам ограничили доступ. К середине XIX века лубок стал главным визуальным языком старообрядцев, особенно среди беспоповцев (поморов, федосеевцев). Во многом поэтому, лубочные картинки до сих пор широко используются в среде старообрядчества, сейчас лубки это не просто исторически-сложившийся, способ информирования, но и уже элемент культурного наследия. Если говорить об основных темах и особенностях, которые сложились в XIX веке, то можно выделить следующие типы:

1. Религиозные сюжеты часто были посвящены каноническим образам, взятым из иконографии, а именно это изображения Христа, Богородицы, старообрядческих святых. Также были апокрифические

сюжеты, посвященные неканоническим преданиям, например, «Хождение Богородицы по мукам» [7, с. 173]. Оба эти варианта лубков могли содержать в себе апокалиптические элементы: приход Антихриста, конец света, что отражало веру старообрядцев в «последние времена», именно здесь мы встречаемся с множеством символов: драконы, семиглавые звери из Откровения Иоанна, которые со временем начали соотноситься с конкретными историческими личностями или эпохами [2].

2. Нравоучительные лубки были посвящены обличению пороков, от личностных, до глобальных общественных: пьянство, курение, гордыня, кумовство, коррупция, это была не просто сатира на человеческие слабости, но и сатира над несовершенствами социального устройства [6].

3. Полемические сюжеты центром своего внимания оставляли критику никонианских реформ: изображения «неправильного» троестерстия, насмешки над священниками официальной церкви. Но также в лубках наблюдались апологетические идеи о защите старообрядческих прав перед русской православной церковью [6].

4. Исторические и легендарные сюжеты были посвящены актуальным и самым ярким событиям старообрядческой истории: Соловецкое восстание (1668–1676), самосожжения («гари»), гонения при царе Алексее Михайловиче [5, с. 32].

5. Бытовая тематика была посвящена основам в семейной жизни, а также традициям ношения одежды, празднования памятных дат календаря, соблюдаемых по старому стилю (Рождество, Пасха) [3, с. 221].

Основным источником для предмета нашего исследования выступают нравоучительные, полемические и исторические лубочные картинки.

Критика государственной церкви и реформ была одной из первых и ключевых тем старообрядческого творчества на лубочных картинках, основной идеей таких работ были предупреждения о том, что православная церковь (после реформ патриарха Никона) стала «антихристовой», а никониане стали слугами Антихриста – например, священники из «нового обряда» могли изображаться в виде бесов, или наоборот недуги общества в виде православных священнослужителей, также в лубках высмеивались новые нерелигиозные обряды, бритьё бород (после указов Петра I), ношение «немецкого» платья, это были государственные изменения, но они неразрывно связывались и с

деятельностью официальной не гонимой церкви, так государственная власть и церковь стали сопровождать друг друга на лубочных картинках.

Второй частой темой народного творчества была тема гонений и государственной политики: лубки могли изображать мучеников, пострадавших за веру (например, самосожжения, аресты), или снова виновников этих гонений, от царей и патриархов до конкретных исторических личностей, таких как священник А. Орлов из деревни Нос [1, с. 54]. Все изменилось в 1905 году, с отменой гонений, после издания Манифеста о веротерпимости Николая II в лубках появились мотивы надежды, изображения царя как «защитника истинной веры», искушенного сатаной, а чаще конкретно Антихристом в лице Никона. Это, с одной стороны, сблизило старообрядчество с государством, теперь в народном сознании старообрядцев власть реже ассоциируется с апокалиптическими идеями, с другой стороны, разрыв между православными и старообрядцами увеличивается на уровне личностного восприятия, не смотря на попытки установления в обществе веротерпимости, и более ранние попытки установки единоверия.

Стоит отметить, что апокалиптические мотивы стали менее частыми, и скорее стали нравоучительными, так, например, благородные старообрядческие общины сравнивались с другими социальными группами, демонстрируя свою праведность перед Богом и честность перед людьми. А в связи с тем, что многие старообрядцы были успешными купцами и промышленниками в тот период, и полностью отказаться от модернизации не получалось, появилась необходимость рисовать обучающие картинки с пояснениями, как выглядит поезд, железные дороги и чего достигла промышленность [4], чтобы не столкнуться с неприятием нового в общинах.

Фольклор и сатира в старообрядческих лубках редко использовались в отношении власти или деятельности православной церкви, как мы уже показали, эти вопросы были серьезными, и местами даже жуткими, но народный юмор обращался к библейским сюжетам и героям, чтобы высмеять новые обычаи, из-за чего такие образы стали практически богословским обоснованием образа жизни старообрядчества, например, ношение галстуков осуждалось как неблагочестивое.

Старообрядческие лубки показывали двойственное отношение к изменениям в России: с одной стороны – резкое неприятие

государственной церкви и модернизации, с другой – адаптацию. Они стали уникальным источником народного восприятия реформ, прогресса и власти в XIX – начале XX века. И сейчас возрождаются не как элемент народного творчества, а под определенным авторством, зачастую эти образы являются «списками» со старинных сюжетов, преданий и сказаний, однако и сейчас наблюдаются тенденции затрагивать вопросы веры, модернизации и сохранения традиций [8].

Список литературы

1. Исаков С.Г. Путь длиною в тысячу лет. Русские в Эстонии: история культуры. Tallinn: INGRI, 2008. 279 с.
2. Искусство последних времен. URL: <https://rusmir.media/2020/01/05/apokalipsis> (дата обращения: 11.04.2025).
3. Иткина Е.И. Рисованный лубок старообрядцев в собрании исторического музея. М.: Исторический музей, 2017. 392 с.
4. Лубок — Путеводитель по русским ремёслам. URL: <https://russianarts.online/15427-lubok/> (дата обращения: 11.04.2025).
5. Лучшева З.А. Рисованные лубки из коллекции В.Г. Дружинина // Памяти Василия Григорьевича Дружинина, (1859-1936): материалы научных чтений, 5 февраля 2010 г. / Российская акад. наук, Б-ка Российской акад. наук ; [отв. ред. И. М. Беляева]. Санкт-Петербург: БАН, 2010. – 181 с.
6. Маслова Ю.В. Старообрядческий лубок как наглядная полемика и назидание в вере // Культурное наследие России. 2015. №2. С. 39-45.
7. Рождественская М. Апокрифы древней Руси. Санкт-Петербург: «Амфора», 2008. 314 с.
8. Современный старообрядческий лубок: теперь и в России. URL: <https://староверы-поморцы.рф/staroobryadcheskij-lubok/> (дата обращения: 11.04.2025).

МЕДИКО-САНИТАРНЫЙ АСПЕКТ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853-1856 ГГ.

Гаффаров И. З.

Кандидат исторических наук

*Казанский Приволжский федеральный университет,
специалист по переводу*

E-mail: ildarg67@gmail.com

Аннотация. Медико-санитарное сопровождение любой войны, в частности, Крымской (Восточной) - важный аспект научного исследования. Ожесточенные баталии, сопровождаемые не менее трагическими сценами спасения тысяч и тысяч жизней в прифронтовых госпиталях, перевязочных пунктах служат живым примером подвига врачей, санитаров, сестер милосердия. Всё это позволяет по-иному взглянуть на мир войны, осмыслить хрупкость человеческой жизни и бытия.

Ключевые слова: театр военных действий, гарнизон, корпия, тиф, сестра милосердия, гипсовая иммобилизация, хлороформ.

MEDICAL AND SANITARY ASPECT OF THE CRIMEAN (EASTERN) WAR

Gaffarov I. Z.

Kazan Federal University/ translation specialist

E-mail: ildarg67@gmail.com

Abstract. Medical and sanitary maintain of any war, conflict particularly of the Crimean (Eastern) one is one of important aspect of any scientific research. Hot battles with the no less tragical scenes of saving thousands and thousands of lives in the numerous hospitas, medical points that are the lively example of doctors, nurses, sisters of mercy exploit. All of this let us to outlook at the World of the War, ponder about fragility of human life and existence at all.

Keywords: the scene of the war, garrison, lint, typhus, sister of mercy, gypsum, narcosis.

*Once got together gentlemen to discuss
The eternal Crimean issue
So didn't solve anything at the end.....*

Суровым испытанием для петербургских медиков явилась начавшаяся в 1853 г. Восточная, или Крымская, война, завершившаяся подписанием в 1856 г. Парижского мирного договора. Как показал анализ военных действий, Россия оказалась недостаточно подготовленной к войне во всех её аспектах, что не лучшим образом отразилось на всех этапах боевых действий, считая и 349-дневную героическую оборону Севастополя.

Русская армия с начала Крымской войны испытывала недостаток в боеприпасах, продовольствии, фураже, теплой одежде, а также в медикаментах и перевязочном материале. После Альминского сражения 8 сентября 1854 года Севастополь начал превращаться в крепость, все значительные общественные здания стали прибежищем для тысяч раненых и больных. Руководивший в то время обороной Севастополя В. А. Корнилов не мог не высказать неодобрение главнокомандующему А. С. Меншикову, когда увидел хаотично отступавшие от Альмы разбитые войска: «Ни госпиталей, ни перевязочных пунктов, ни даже достаточного количества носилок для раненых не было, – писал он. – И этим можно объяснить огромное количество раненых, оставшихся на поле боя» [3, стб. 243]. 11 ноября в расположение штаба войск, находящихся в Крыму, приехал профессор ИМХА Н. И. Пирогов и сразу же был представлен А. С. Меншикову и начальнику штаба К. Р. Семякину. На следующий день, 12 ноября, он уже отправился в Севастополь на Северную сторону, где и поселился на одной из батарей. В связи с приездом из Санкт-Петербурга Н. И. Пирогова и врачей, сопровождавших его, войскам Крымской армии 15 ноября 1854 г. А. С. Меншиковым был отдан приказ № 110: «Государь Император, желая раненым в войсках, мною командуемых, предоставить более способов к лучшему пользованию их, Высочайше повелеть соизволил: командировать академика Действительного Статского Советника Пирогова в распоряжение мое для ближайшего наблюдения за успешным лечением раненых...» [2, с. 192]. Справедливости ради следует уточнить, что «высочайшее повеление» несколько запоздало, поскольку Н. И. Пирогов уже в начале войны был готов отправиться на театр военных действий, однако его прошение ещё долго бы блуждало по канцеляриям, если бы

не вмешательство великой княгини Елены Павловны, добившейся от Николая I соизволения на поездку в Крым для Н. И. Пирогова по руководству работой сестер Кресто-воздвиженской общины [9, с. 280]. В письме к фрейлине великой княгини Елены Павловны Э. Ф. Раден Н. И. Пирогов вспоминал: «Просьба моя давно была подана, но все ходила по инстанциям начальства. Соглашались и нет произвести решение, а я начинал уже отчаиваться в успехе, как вдруг получил приглашение к Вел. княг. К большой моей радости, она мне тотчас объявила, что взяла на свою ответственность разрешить мою просьбу. Тут она мне объявила ее гигантский план – основать организованную женскую помощь больным и раненым на поле битвы и предложила мне самому избрать медицинский персонал и взять управление всего дела». Согласие Н.И. Пирогова взять под своё крыло деятельность сестер милосердия и группы «сердобольных вдов», прибывших из Санкт-Петербурга в Крым, позволило женщинам разного возраста и общественного положения продемонстрировать яркий пример самоотверженного, безропотного труда женщин в военно-полевых условиях. Крымская война пробудила врачебное сословие и активизировала общественные организации ряда городов России. Трудно перечислить всех военных и морских врачей, героических участников Крымской войны. Но можно выделить докторов, оставивших яркие «Воспоминания о Восточной войне»: А. А. Генрици, Шрейбера, О. И. Рудинского, Загорянского, Геймана, Х. Я. Ульрихсона и прибывшую с профессором Х. Я. Гюббенетом группу киевских врачей – Вишневого, Выводцева, Гарнье, Маровского. Не умаляя их роли, отметим, что приезд Н. И. Пирогова позволил внести порядок в организацию медицинской помощи раненым и больным в Крыму.

Приехав в Севастополь, Н. И. Пирогов застал неутешительную ситуацию и в письме к жене от 13 декабря 1854 г. сообщал о последствиях Инкерманского сражения и положении раненых: «Да, 24 октября дело не было неожиданное, его предвидели, предназначили и не позаботились... 6000 с лишком раненых и для этих раненых не приготовили ровно ничего; как собак, бросили их на земле, на нарах, целые недели они не были перевязаны и даже не накормлены... Приехав в Севастополь 12 ноября, следовательно, 18 дней после дела, я нашел слишком 2000 раненых, скученных вместе, лежащих на грязных матрацах, перемешанных, и целые 10 дней почти с утра до вечера должен был оперировать таких, которым операции должно было сделать тотчас после сражения» [2, с. 194]. Большое

значение в организации хирургической помощи пострадавшим имела впервые примененная Н. И. Пироговым в Севастополе медицинская сортировка раненых [4, с. 42]. Основываясь на личном опыте, он разделил раненых на четыре группы: безнадежные, смертельно раненные; раненые, требующие неотложной помощи; раненые, коим операция может быть отложена; раненые, нуждающиеся только в перевязке [7, с. 23]. Но беда состояла в том, что не все старшие по иерархии медики в войсках сочувствовали Н. И. Пирогову... так что в начале войны встреча на перевязочных пунктах последователей Пирогова с оставшимися и враждебно к нему относившимися медиками была не раз причиной разногласий, тормозивших успех. Однако медики нового покроя, последователи, ученики Н. И. Пирогова вводили новые способы операций, лечения ран, распространяли и претворяли в жизнь свои воззрения, совершенно новую хирургическую терапию и последовательные назначения» [8, с. 198]. В частности, обращение к резекциям, т. е. внедрение метода «сберегательной хирургии», ставшей впоследствии методом выбора в хирургических отделениях армейских и флотских госпиталей. А применение неподвижной гипсовой повязки и научение ее наложению среди медиков, практиковавших в Крыму, позволило избежать многочисленных ампутаций [5, с. 95].

Наряду с хирургической, Николай Иванович Пирогов занимался организационной работой и не прекращал бороться с бюрократизмом. Именно в ходе Крымской войны родился, а затем окончательно оформился его тезис: «Вся суть санитарного дела на войне – администрация» [6, с. 177-178]. Убедившись в номинальной власти действующего в армии генерал-штаб-доктора, Н. И. Пирогов 1 июня 1855 г. поехал в Санкт-Петербург. И уже 24 июня он представил военному министру князю В. А. Долгорукову докладную записку, в которой писал: «Различные представления о важнейших врачебных предметах, различные соображения о врачебных действиях, часто не терпящие отлагательства, не прямо поступают на рассмотрение Главнокомандующего и не тотчас исполняются Генерал-штаб-доктором, но сначала отдаются на рассмотрение дежурного генерала. Даже самые предписания Военно-медицинского Департамента попадают не прямо в руки Генерал-штаб-доктора, а проходят через дежурного генерала». Получив заверения и обещания касательно улучшений всего дела функционирования военно-санитарного дела, Н. И. Пирогов вернулся в Севастополь, но так и не увидел воплощения

в жизнь своих предложений. Вместе с тем вступивший в феврале 1855 г. на престол император Александр II, прочитав докладную записку Н.И. Пирогова касательно перевязочных пунктов, счёл это очень необходимым. Несмотря на множество препятствий со стороны медиков старой формации, чиновников, которые чаще игнорировали «нововведения Пирогова», автора улучшений, но именно Н.И. Пирогову удалось внести немало улучшений в санитарно-медицинское дело в части налаживания системы эвакуации раненых и больных, и способы их транспортировки. Он являлся организатором особого транспортного отряда из сестер Крестовоздвиженской общины, поручив сопровождение и уход за ранеными во время их транспортировки из Севастополя и Симферополя в другие госпитали. После падения Севастополя Н.И. Пирогов стал работать в Симферополе, где скопилось 12 тыс. раненых [1, с. 245]. Летальность раненых составляла 23,3%, что объяснялось тяжестью ранений и неблагоприятной госпитальной обстановкой. Информация о заболеваемости среди личного состава также противоречива. Так, по данным Ф. Затлера, она варьировалась от 10,5 до 34,9 % к списочному составу действующей армии, если учесть слабое санитарно-гигиеническое обслуживание, низкокалорийное питание, проблемы в водоснабжении и т. п. Наибольшее распространение имели такие болезни, как перемежающаяся (крымская) лихорадка, диарея, тиф, холера.

Несмотря на трудности с медицинским обеспечением, сопровождением русских войск в Крымской кампании, медико-санитарному составу госпиталей в Севастополе и Симферополе, а также в многочисленных передвижных госпиталях, перевязочных удалось справиться с наплывом раненых, больных и спасти тысячи жизней. Долг каждого врача состоял в спасении жизней, в конечном итоге возвращающихся в мирную жизнь.

*Не забудем, что кроме сует войны, расставаний, разлук
Ждёт жизнь другая,
что ждет, не дожждётся....*

Список литературы

1. Архивные материалы по медицинскому обеспечению Крымской войны 1853-1956 гг. Л.: ВММ МО СССР, 1959. Т. 1. Крымская война (1854-1855 гг.). 376 с.

2. Будко А. А. История медицины Санкт-Петербурга XIX – начала XX в. СПб.: Нестор – История, 2010. 400 с.
3. Георгиевский А. С. Крымская война // Энциклопедический словарь военной медицины. Т.3. 650 с.
4. Максименков А. Н. Николай Иванович Пирогов. Жизнь и деятельность (основные черты). Л.: ВМедА им. С.М. Кирова, 1956. 278 с.
5. Мирский М. Б. Медицина России XVI-XIX веков. М., 1996. 245 с.
6. Мирский М. Б. Медицина России X-XX веков: очерки истории. М., 200. 358 с.
7. Пирогов Н. И. Начало общей военно-полевой хирургии. М.: Медгиз, 1941. Ч.1. 211 с.
8. Спичев В. П., Жаткин О. А., Будко А. А., Кузьмин М. К., Артемьев В. Н. Первые среди равных: Исторический очерк. Томск, 2005. 468 с.
9. Юдин С. С. Размышления хирурга. М.: Медицина, 1968. 437 с.

СЕЛЬСКИЕ ПРАЗДНИКИ (ЛИТИИ, ОБЕТЫ) КАК УНИКАЛЬНЫЙ ОБЫЧАЙ СЕРБСКОГО НАРОДА И ИХ ОТМЕНА ВСЛЕДСТВИЕ ИЗГНАНИЯ СЕРБСКОГО НАРОДА С ТЕРРИТОРИИ КОСОВО И МЕТОХИИ

Грбович В. Р.

*Институт сербской культуры, Приштина - Лепосавич,
ассоциированный сотрудник, аспирант
E-mail: vericamihajlovic86@gmail.com*

Аннотация. Слава – уникальный обычай, характерный для сербского народа и некоторых этнических групп в соседних странах. Это первое культурное наследие из Сербии, внесённое в Список шедевров устного и нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Помимо семейных слав, посвящённых святому покровителю рода, каждое село и город имеют свою коллективную славу, известную как заветина, лития или сабор. Данный сербский обычай издавна считался одним из важнейших праздников в каждом селе и населённом пункте на территории Косово и Метохии. Однако массовое переселение сербов с этих территорий привело к угасанию традиции: её стало

некому поддерживать. В статье рассматриваются особенности празднования сельских слав в ряде населённых пунктов Косово и Метохии, а также их глубокая связь с конкретными локациями и объектами в сёлах. Из-за отдаления населения от этих мест сельские славны постепенно исчезают, и их сохранение от забвения представляет собой одну из основных целей настоящей статьи.

Ключевые слова: Косово и Метохия, слава, заветина, сабор, запись, народная традиция.

VILLAGE HOLIDAYS (LITIAE, VOWINGS) AS A UNIQUE CUSTOMS OF THE SERBIAN PEOPLE AND THEIR ABOLISHMENT AND CONSEQUENTLY THE EXPULSION OF THE SERBIAN PEOPLE FROM THE TERRITORY OF KOSOVO AND METOHİJA

Grbović V. R.

*Institute for Serbian Culture Priština - Leposavić, expert associate,
doctoral student*

E-mail: vericamihajlovic86@gmail.com

Abstract. *'Slava' is a unique custom among the Serbian people and some groups in neighboring countries. As such, it is the first cultural asset from Serbia to be inscribed on the UNESCO Intangible Cultural Heritage Register. In addition to family slavas that celebrate the patron saint of the family, every place, town and village also has its own slava, called zavětina, litija or sabor. This Serbian custom was once considered one of the most important holidays of every village and town in Kosovo and Metohija. However, the displacement of the Serbian people caused the extinction of this custom because there is no one left to celebrate it. The paper discusses the specific customs of celebrating village slavas in some places in Kosovo and Metohija and their close connection to certain locations in the villages. Due to the population moving away from these locations, village slavas are dying out and it is necessary to preserve them from oblivion, which is one of the main goals of this paper.*

Keywords: *Kosovo and Metohija, slava, vow, council, record, folk tradition.*

Один из уникальных сербских обычаев, не встречающийся у других народов, даже на Балканах, – это празднование, для которого

существует несколько наименований в сербском языке. Наиболее распространённое – Крестная Слава, но также используются и другие термины: *Слава*, *Крёстное Имя*, *Святой*. До принятия христианства сербы были многобожным народом, и в каждом доме было своё домашнее божество. Согласно Чайкановичу, крестная слава является памятью о предках и, как таковая, не имеет христианского происхождения, а основана на исключительно нехристианских верованиях и практике [1, с. 150]. Сам обряд рассматривается как принесение жертвы предкам семьи, братства или племени, то есть кровно связанной общности [2, с. 336], что тесно связано с языческими ритуалами.

В дохристианскую эпоху подобный обычай существовал у многих народов. У римлян был *Dei lares*, который можно отождествить с крестной славой не только по прославлению семейного божества, но и по самим ритуальным элементам. Древние римляне зажигали подсвечники, сербы зажигают свечи в день славы. У римлян все гости вкушали благословлённый хлеб, у сербов обязательной частью обряда является славский калач. Почитая своего патрона, римляне окуривали дом ладаном, что сербы и сегодня делают [3]. Столкнувшись с христианством, сербы с трудом отказывались от своих домашних покровителей – языческих богов. Святому Савве удалось приблизить сербам христианство, заменив многобожеские иды «великими святителями Церкви Христовой, которые стали покровителями сербских домов» [4, с.180-181]. Так у сербов сохранился обычай празднования крестной славы, ставший уникальной чертой этого народа.

Помимо семейной славы, которую каждая семья отмечает в определённый день, существует и сельская, общая для всех жителей деревни. Её обычно празднуют в период «от Воскресения до Петрова поста» [5, с. 173]. Наиболее распространённое название этого праздника – *заветина*, или просто сельская слава, сабор. В тесной связи с заветинами упоминаются литии – «обычай хождения с крестом, иконами, красным знаменем по полям и нивам» [6, с. 141], – и нередко они рассматриваются как аналог заветин. В Косово и Метохии довольно часто используется простое название – сабор, сельская слава, которая нередко связана с обычаем, подобным литиям, но с более распространённым названием крестоносцы – «те, кто идут с крестами и иконами по полям и деревне» [5, с. 173-174].

Когда речь идёт о крестной славе конкретного домохозяйства, считается, что крестное имя связано с памятью о дне, когда предки семьи приняли христианство, отказавшись от язычества, то есть «крестились», как свидетельствует и само название праздника. Таким образом, если кто-то празднует святого Николая, считается, что именно в этот день его предки перешли в христианскую веру [3]. С другой стороны, в отношении сельских слав не существует точных свидетельств о том, почему тот или иной святой был избран покровителем деревни. Однако исследования показывают, что это характерно для так называемых «основных заветин». При этом во многих деревнях праздновалось несколько подобных торжеств. Такие дополнительные праздники чаще всего связывают с каким-либо несчастьем или стихийным бедствием. Народ начинал почитать святого, чья память приходилась на день бедствия, полагая, что беда – это наказание за то, что ему не отдавали должного почтения [7, с.183]. В некоторых деревнях проходят праздники, которые отмечают не все семьи, а лишь несколько, они известны как родовые заветины. Очень часто они связаны с некоторыми видениями определенных членов или несчастьями людей из некоторых семей, и в суеверном страхе возмездия люди начинают почитать конкретного святого. Так, в селе Тийовац родовой заветиной является Петров день, установленный из-за предсказания во сне [8, с. 46], а в деревне Периш святого Ранджела (Архангела Михаила) начали почитать по совету знахарки после трагического происшествия [8, с. 48].

Заветины и литии всегда были связаны со святыми местами, которые лишь в последние десятилетия стали превращаться в церкви, что служит ещё одним доказательством нехристианского происхождения этих праздников. Подобно тому как святой Савва привлёк сербов к христианству, интегрировав языческий обычай в христианскую традицию, церковь поступала аналогично и с заветинами, стремясь собрать народ и приблизить его к единому Богу. Согласно христианскому толкованию, главная цель литии – очищение от грехов всего сообщества, посредством чего церковь расширяет сферу своего влияния [9, с. 273]. В первой половине XX века литии начинают проводиться и в городах; так, в Белграде была известна торжественная лития в день городского праздника – Вознесения Господня (Спасовдан), начинавшаяся шествием от главных городских церквей во главе с патриархом. После длительного перерыва, вызванного запретами Коммунистической партии Югославии, к концу

XX века этот праздник вновь оживает во всех краях Сербии. И если в городах литии проходят беспрепятственно, так как связаны с новыми или сохранившимися церквями, то в деревнях ситуация иная.

Так, в деревнях литии чаще всего связаны с «*записью*» – старым деревом, которое обозначало место сбора или, по крайней мере, один из пунктов литий. Петрович подчёркивает, что *запись* считается обиталищем божества полей и лесов, охраняющего деревню от бедствий и болезней, и отмечает, что дуб (чаще всего избираемый в качестве записи) ассоциируется с верховным божеством также и в индоевропейских традициях [10, с. 306]. Культ дерева широко представлен в сербской народной традиции и свидетельствует о глубоко укоренённых языческих многобожеских истоках множества обычаев, включая и традиции общих собраний (саборов) [11]. Ещё одна тесная связь с древнеславянским язычеством прослеживается в выборе самого дерева. В качестве святого дерева или *записи* чаще всего выбирается дуб, из-за традиционной связи с древнеславянским богом Перуном, но это может быть и другое дерево, например, дуб австрийский, вяз или груша [12]. На самом деле культ священного дерева – одно из самых глубоко укоренившихся верований в православной культуре, происходящее из древнеславянской мифологии, которое настолько укоренилось, что в нём принимают участие даже священники [13].

Некоторые примеры, хотя сегодня они встречаются реже, указывают на чётко разграниченный характер церковного празднования литий или саборов и сохраняющейся древнеславянской традиции. Так, например, в селе Граничане на севере Косова и Метохии существовал старый дуб – *запись*, одно из древнейших деревьев, вокруг которого собирались местные жители, обходя его, без какого-либо посещения церкви. До 1912 года этот край находился под властью турок. После освобождения, жители из соседнего села Елакце заняли земли и несколько семей поселились в Граничане. Принеся с собой традиции родного села, они нашли старый дуб на возвышенности, известной как Побрница. В Лазареву субботу мужчины с бутылками ракии и вина направлялись к *записи*, которую также называли *молитвой*. Они поливали дерево вином – что, вероятно, символизировало кровную жертву – и пили с собой принесённую, сваренную ракию. Вокруг дерева они обходили трижды, молясь о защите деревни. Этот ритуал был полностью изолирован от сельского праздника славы, который традиционно проходил на Вербное

воскресенье у остатков церкви, разрушенной в турецкое время. Прокламации Коммунистической партии Югославии способствовали прекращению этой традиции, и сегодня отмечается только сабор у сельской церкви.

Во многих местах Косово и Метохии церкви были построены рядом с *записями* именно из-за адаптации к укоренившимся обычаям людей в этих местах и облегчения привлечения людей в церковь. Таким образом, во многих местах на севере Косово и Метохии церкви были построены рядом с *записями*, чаще всего дубами: Врачево, Слатина, Остраче, Крнин, Чирковиче и другие. В селе Сочаница *запись* – это сосна во дворе церкви.

Сосна считается символом долголетия и победы жизни [14, с. 86]. В сербской народной традиции часто дерево сосны считается святым, если оно было посажено в каком-либо знаменательном месте или важной личностью. Пример почитания сосны, связанной с важной исторической фигурой, можно найти в селе Горнее Неродимлье на Косове и Метохии, где местные жители связывали свои сельские праздники с двумя соснами, двумя насаждениями - *рукосадами*. Первая, по некоторым поверьям, была посажена лично королём Милутином, и она отмечала центральное место сбора местных жителей для важных праздников, таких как сельское собрание на Пасху. Несмотря на то, что источники указывают на весьма спорную прямую связь с королём Милутином, привязка этой сосны к династии Неманичей остаётся постоянной, при этом конкретная историческая личность, якобы посадившая её, варьируется [15, с. 424–426]. Эта сосна, по воспоминаниям, была повалена штормом в 1932 году, после чего население выразило почтение, вернув одну часть поваленного дерева в землю, а из остальной части изготовили иконостас. Вторая сосна, как утверждают местные жители, была посажена царём Душаном и была уничтожена в июне 1999 года после вступления Силы для Косово (KFOR) на Косово и Метохию. Что характерно для «сосны короля Милутина», так это то, что, вопреки древним верованиям, запрещавшим брать или обрезать части святого дерева, один из собеседников передаёт воспоминания своего деда о том, что эту сосну называли «борина». С неё срезались опилки, которые затем сжигались и долго тлели, подобно лучу (то есть свече). Это медленное горение срезанных веток являлось ещё одним элементом мистического, через который местные жители усиливали магическую силу или «святость» старой сосны.

Учитывая нынешние обстоятельства, при которых сербское население было полностью выселено из Горнего Неродимля, что сделало невозможным доступ к их долго хранимым и почитаемым праздникам, пасхальное собрание, которое многие местные жители описывают как самый радостный праздник всей их жизни на Косове и Метохии, исчезает вместе с деревьями, которые были центральными элементами этой традиции. Принудительные миграционные перемещения помешали продолжению этой традиции. Поэтому важно зафиксировать память об этой народной традиции, которая в своих песнях и танцах не только оживляет глубоко укорененное народное верование в «священную» сосну, но также указывает на продолжающиеся верования во множество других видов деревьев.

Неотвратимость актуальной политической ситуации на всей территории Косово и Метохии, даже почти на севере, указывает на необходимость зафиксировать эту уникальную традицию, которая исчезает вследствие физического отдаления народа от святых мест. Перемещенные лица, хотя и часто группируются в тех же местах Сербии, больше не празднуют свои соборы, поскольку они, как мы уже не раз подчеркивали, не связывают их с церковью, а с собственными святыми местами, своими *записями*, вокруг которых они собирались и молились. Кроме того, сельская слава символически поддерживалась ради сохранения деревни, защиты урожая и народа, который там проживает. Фактор принудительного переселения сербского народа с Косово и Метохии является ключевой причиной исчезновения множества традиций и обычаев. Политические события напрямую влияют на трансформацию социального аспекта. В связи с многочисленными попытками фальсификации истории со стороны албанского народа на Косово и Метохии, которые мы наблюдаем десятилетиями, мы должны сохранить свидетельства о многовековом существовании сербского народа в южной сербской провинции, которое албанские модификаторы истории пытаются стереть.

Список литературы

1. Чајкановић В. Стара српска религија и митологија. Ниш: Просвета, 2003. 280 с.
2. Чајкановић В. О крсном имену // Гласник Српског географског друштва 7–8. Београд: Српско географско друштво, 1922. С. 336–338.

3. Митровић А. Пагански коријени: Поријекло крсне славе и имена. URL: <https://dijak.online/paganski-korijeni-porijeklo-krzne-slave-imenaj/> (дата обращения – 20.03.2025).
4. Ранковић Љ. Живот српске цркве. Ваљево: Глас Цркве, 1989. 191 с.
5. Стефановић Карадић В. Етнографски списи, Београд: Просвета, 1972. 682 с.
6. Недељковић М. Годишњи обичаји у Срба. Београд: Вук Карадић, 1990. 380 с.
7. Кулишић Ш. Петровић П. Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд: Етнографски институт САНУ, 1998. 484 с.
8. Тодоровић И. Ритуал ума: Значење и структура литијског опхода. Београд: Етнографски институт САНУ, 2005. 495 с.
9. Тодоровић И. Хришћанска и претхришћанска димензија ритуала литијског опхода // Гласник Етнографског института САНУ LIV/2006. Београд: Етнографски институт САНУ, 2006. С. 271–287.
10. Петровић, С. Митологија, магија и обичаји. Ниш: Просвета. Сврљиг: НУ, 1992. 420 с.
11. Михајловић В. Култ дрвета као остатак паганизма у народној традицији Косова и Метохије (Сећање на „свети бор“ у Горњем Неродимљу у традицији саборавања) // Баштина св.55. Лепосавић: Институт за српску културу Приштина–Лепосавић, 2021. С. 421–433.
12. Чајкановић В. Речник српских народних веровања о биљкама. Београд: Српска књижевна задруга, 1994. 299 с.
13. Чајкановић В. Мит и религија у Срба: изабране студије. Београд: Српска књижевна задруга, 1973. 693 с.
14. Муњижа М. Традиција, обичаји и сујеверје код Срба. Београд: Издање аутора, 2017. 281 с.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И НАТО В ПЕРИОД 2014-2024 ГГ

Григорьев К. О.

*Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, студент*

E-mail: kiryusha.grigorev.0536@mail.ru

Научный руководитель –Зубов В.В.,

кандидат исторических наук, доцент,

*Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации*

Аннотация. В статье рассмотрены причины ухудшения взаимоотношений России и НАТО в период 2014-2024 годов, в числе которых выделены воссоединение Крыма с Россией в марте 2014, расширение НАТО на восток, конфликт на востоке Украины. Рассмотрены дипломатические усилия России по улучшению взаимодействия и диалога с НАТО в данный период.

Ключевые слова: взаимоотношения, дипломатические усилия, конфликт, НАТО, Россия.

RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND NATO IN THE PERIOD 2014-2024

Grigoriev K.O.

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
student*

E-mail: kiryusha.grigorev.0536@mail.ru

Scientific supervisor –Zubov V. V.,

Candidate of Historical Sciences,

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Associate Professor*

Abstract. The article examines the reasons for the deterioration of relations between Russia and NATO in the period 2014-2024, including the reunification of Crimea to Russia in March 2014, the expansion of NATO to the east, and the conflict in eastern Ukraine. The article considers Russia's

diplomatic efforts to improve cooperation and dialogue with NATO during this period.

Keywords: *mutual relations, diplomatic efforts, conflict, NATO, Russia.*

В период с 2014 по 2024 годы взаимоотношения между Российской Федерацией и странами НАТО подверглись серьезным испытаниям, которые были обусловлены рядом геополитических событий, где ключевым было воссоединение Крыма с Россией в марте 2014 года. Это событие вызвало мгновенную реакцию на Западе, оно было воспринято как нарушение международного права и суверенитета Украины, что привело к введению экономических санкций в отношении России и значительному ухудшению отношений.

Основным фактором увеличения напряженности в отношениях России и НАТО послужило, как мы считаем, расширение НАТО на восток. Так, после распада СССР альянс включил бывшие соцстраны Восточной Европы и Прибалтику. Россия воспринимает это как угрозу своей безопасности, особенно возможное членство Украины и Грузии [1]. Также отметим в числе важного фактора вступление в НАТО Финляндии (2023) и Швеции (2024), что значительно усилило альянс.

Ситуация в Сирии стала другим примером прямого противостояния интересов России и НАТО на международной арене. Поддержка Россией правительства Башара Асада в сирийском конфликте в 2015 году сильно отличалась от интересов западных стран, в том числе членов НАТО, поддерживавших оппозиционные группировки и настаивавших на уходе Асада. Это привело к прямому военному противостоянию и инцидентам, когда военные самолеты сторон оказывались в непосредственной близости друг от друга, что повышало риски непреднамеренных столкновений.

Примечательным проявлением военного напряжения стало значительное увеличение числа учений и маневров, проводимых как НАТО, так и Россией в пределах своих границ и за их пределами. Эти мероприятия часто демонстрировали силу и готовность сторон к возможным военным конфликтам, усиливая взаимное недоверие. Как результат, произошло заметное наращивание военного потенциала в приграничных регионах, особенно в Польше и странах Балтии со стороны НАТО и в Калининградской области со стороны России [3].

Несмотря на напряженность в отношениях, обе стороны предпринимали ряд дипломатических усилий с целью их улучшения.

Важной площадкой для диалога стал Совет Россия-НАТО, созданный для обсуждения вопросов безопасности и стабильности в евроатлантическом регионе. Впрочем, активность этого формата существенно сократилась после 2014 года.

Одним из ключевых моментов, отметивших попытку наладить диалог, стало обсуждение мер доверия в военной сфере. Это включало предложения о предотвращении инцидентов на море и в воздухе, особенно в Балтийском регионе, где наблюдалось увеличение количества инцидентов между военными самолетами и кораблями России и стран НАТО. В 2016 году было предложено ввести механизмы для предотвращения потенциальных конфликтов, но эти инициативы не получили широкого развития.

Значимым аспектом дипломатических усилий стал поиск путей сотрудничества в борьбе с международным терроризмом. Признавая общую угрозу, которую терроризм представляет для безопасности, Россия и страны НАТО смогли найти точки соприкосновения в этом вопросе, что служило положительным примером потенциального взаимодействия, несмотря на нерешенные проблемы в двусторонних отношениях.

В последующие годы продолжали наблюдаться попытки диалога между Россией и НАТО, но осуществить полноценное восстановление доверия так и не удалось. Эскалация напряженности вокруг Украины в 2022 году после начала специальной военной операции привела к новому кругу санкций и еще большему усилению военного присутствия НАТО в Восточной Европе. Отношения между Россией и альянсом в этот период достигли самого низкого уровня со времен холодной войны.

Особое внимание в период с 2014 по 2022 годы уделялось урегулированию конфликта на востоке Украины. Россия и страны НАТО активно участвовали в Минском процессе, в рамках которого были предприняты попытки установления прямого диалога между конфликтующими сторонами и обеспечения выполнения перемирия. Тем не менее, нарушения условий соглашений со стороны Украины при молчаливой поддержке ЕС и одновременной подготовки ее к вторжению в Донбасс, так же, как и отсутствие значимого прогресса часто подрывали возможности для улучшения отношений.

На протяжении всего этого периода основной темой дискуссий оставалось усиление стратегического соперничества между Россией и НАТО, которое выразилось в военном напряжении, развёртывании сил,

а также в конфликте интересов на международном уровне. Эти военные противоборства значительно усложнили взаимоотношения, создав барьеры для диалога и сотрудничества, и оказали влияние на глобальную политическую обстановку, дестабилизируя ее и внося неопределенность в будущее международной безопасности [2].

Таким образом, период с 2014 по 2024 год ознаменовался комплексом вызовов для отношений между Россией и НАТО, однако обе стороны демонстрировали интерес к дипломатическим усилиям с целью уменьшения напряженности и поиска путей к сотрудничеству. Несмотря на существенные препятствия, эти попытки свидетельствуют о понимании важности диалога для решения глобальных вызовов и поддержания международной безопасности.

В тоже время, отношения России и НАТО в настоящее время находятся в самом худшем состоянии со времен холодной войны и неразрешимы в краткосрочной перспективе. По нашему мнению, конфронтация будет сохраняться, рискуя перерасти в прямое столкновение, особенно на фоне кризиса доверия и отсутствия механизмов деэскалации.

Список литературы

1. Будённый А. А. США и эволюция военной доктрины НАТО на рубеже XX–XXI веков: авторф. дис. ...канд. полит. наук. М., 2020. 17 с.
2. Дживан, М. Внешняя политика России в отношении НАТО: от сотрудничества к конфликту / М. Дживан // Теории и проблемы политических исследований. – 2023. – Т. 12, № 3А-4А. – С. 115-129. – DOI 10.34670/AR.2023.80.80.018. – EDN MUSHOJ.
3. Филичкина И.В., Кузьмина В.М. Тренды развития взаимоотношений НАТО и России // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: Сборник научных статей 13-й Международной научно-практической конференции. Курск, 2023. С. 272-274.

ВЫБОР СЕМЬЯМИ ВЕРУЮЩИХ МУСУЛЬМАН СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ

Гузельбаева Г.Я.

Кандидат социологических наук

*Казанский федеральный университет, доцент Института
информационных технологий и интеллектуальных систем; Казанский
ГМУ, доцент кафедры истории, философии и социологии*

E-mail: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

Аннотация. *Статья сфокусирована на активной включенности родителей-мусульман в практику самостоятельной организации обучения своих детей. Исследование в Татарстане показало, каким образом консервативная часть мусульман и их дети справляются со сложностями в соблюдении исламских правил и выполнении предписанных религиозных обрядов в государственной школе, какие аспекты стандартного светского образования и школьной среды затрудняют усвоение детьми исламской этики. Семейная форма образования, выбранная верующими мусульманами, предоставляет возможности для погружения ребенка в религиозную среду и разнопланового обучения основам религии, что имеет большое значение для исламского воспитания. Неформальный подход к распорядку учебного процесса и индивидуальное расписание освобождает часть времени для изучения основ ислама. Это, как утверждают защитники семейной формы образования, обеспечивает плавное и естественное принятие религиозных установок, усвоение нравственных норм и практическое исполнение предписаний своей конфессии. В статье содержится также мнение другой части мусульман, светских родителей и экспертов о необходимости контроля за образовательным и воспитательным процессом, который следует осуществлять как государственным органам, так и муфтияту.*

Ключевые слова: *исламское воспитание, религиозная социализация, семейное образование, российское образование, родительское влияние.*

THE CHOICE OF FAMILY EDUCATION BY MUSLIM BELIEVERS: OPPORTUNITIES FOR SOCIALIZATION OF CHILDREN

Guzelbaeva G. Ya.

*Kazan Federal University, Associate Professor at Institute of
Information Technology and Intelligent Systems
Kazan State Medical University, Associate Professor at Department of
History,
Philosophy and Sociology
E-mail: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru*

Abstract. *The article focuses on the active involvement of Muslim parents in the practice of independently organizing their children's education. A study in Tatarstan revealed how conservative Muslims and their children cope with the difficulties of observing Islamic rules and performing prescribed religious rites in public schools, and which aspects of standard secular education and the school environment hinder the acquisition of Islamic ethics by children. Some observant Muslim Parents choose homeschooling. It provides opportunities for immersing the child in a religious environment and diverse instruction in the fundamentals of the religion, which is of great importance for Islamic upbringing. The informal approach to the schedule of the educational process and the individual timetable free up time for studying the basics of Islam. As advocates of family education claim, this ensures a smooth and natural acceptance of religious principles, the assimilation of moral norms, and the practical observance of the prescriptions of their faith. The article also includes the opinion of secular Muslims parents and experts on the need for control over the educational and upbringing process, which should be exercised by both state bodies and the Muslim Spiritual Board.*

Keywords: *Islamic upbringing, religious socialization, homeschooling, Russian education, parental influence.*

Введение. Последние десять лет в России развивается и становится все более популярным семейное образование, при котором родители самостоятельно или при помощи нанятых учителей организуют обучение своих детей, не полагаясь на государственную школу. Этот вид получения среднего образования получает особую актуальность для мусульманских семей, так как дает более широкие

возможности для инкультурации детей в исламскую традицию. Семейное обучение позволяет выделять больше времени для изучения исламских дисциплин, свободно отправлять религиозные ритуалы, а также снимает вопрос о необходимости особого меню в школьных столовых, выделения мест для совершения молитвы и т.д. В фокусе нашего внимания – дети и семьи верующих мусульман Республики Татарстан как одного из регионов со значительной долей мусульманского населения.

Семейное образование (СО) – это особая форма получения общего среднего образования, которая заключается в самостоятельном овладении школьной программы и не предполагает ежедневного посещения учащимися школы. В России оно закреплено в Федеральном Законе «Об образовании Российской Федерации» [1] от 2012 г. и за последние несколько лет приобрело немало сторонников. Их число растет с каждым годом: по последним данным, на начало 2024 года на этой форме обучения в России находятся 63,6 тыс. детей, что почти в 12,5 раз больше, чем семь лет назад, в начале 2017 г. [2].

Различные аспекты семейного образования хорошо изучены прежде всего в США и Великобритании, а также в ряде стран Европы, Азии и Африки, где законодательно разрешены анскулинг и хоумскулинг (англ. unschooling и homeschooling – аналог российского СО). Исследователей интересуют вопросы причина выбора хоумскулинга [3; 4; 5; 6], моделей организации этой формы обучения и трудностей с их реализацией [7; 8; 9]. Для нашей работы интерес представляют исследования особенностей процесса религиозной социализации [10; 11; 12], социализации детей на семейном обучении [13; 14] и их конфессиональные аспекты [15; 16], в том числе – в мусульманских семьях [17; 18; 19; 20]. В данной статье проанализировано, почему некоторые семьи решают перевести своих детей на семейный формат обучения; какие аспекты стандартной государственной школы и школьной обстановки препятствуют усвоению мусульманскими детьми исламских установок, какие преимущества семейного образования позволяют верующим мусульманам организовать эффективное исламское воспитание и обучение их детей.

Исследовательские методы. Для выяснения причин выбора семейного образования семьями мусульман, содержания практик семейного образования как одного из проводников религиозной социализации, а также для анализа проблем, с которыми сталкиваются

семьи верующих мусульман Татарстана, было проведено социологическое исследование. Его полевая часть выполнена в 2024–2025 гг. на территории Республики Татарстан, в городах и сельских районах. При сборе информации в качестве метода использовалось глубинное интервью с участием родителей-мусульманами, которых спрашивали об их отношении к средней школе, используемых практиках семейного образования и религиозной социализации, а также с участием экспертов – школьных учителей, учителей СО и школьных психологов. Всего в рамках исследования проведено 22 глубинных интервью: 16 – с родителями-мусульманами и 6 – с экспертами. Также проанализированы статьи и комментарии к статьям в интернет-изданиях Бизнес-онлайн, Реальное время, группах в социальной сети vk.com за 2024–2025 гг.

Доводы родителей для перевода детей на семейную форму обучения. Имеется комплекс причин, побудивший российских родителей осуществить перевод детей на семейную форму обучения. В качестве главной причины обычно называется общее снижение уровня преподавания в современной школе по сравнению со школой советской. Некоторые семьи воспринимают российскую систему образования как нацеленную на «натаскивание» к финальным экзаменам. Они недовольны отсутствием индивидуального подхода к ученикам, недостаточным вниманием к формированию практических навыков, способности критически мыслить и самостоятельно принимать решения. Среди других доводов, через которые родители выражают свое несогласие и даже возмущение, приводятся неудовлетворительный уровень преподавания значимых предметов, массовое использование услуг платных репетиторов и центров подготовки к экзаменам, отсутствие возможности влиять на содержание учебных программ и формат преподавания, высокая загруженностей детей, дополнительные расходы на учебные материалы и материальную «помощь школе».

Семьи верующих мусульман называют дополнительные причины отказа от ежедневного посещения государственной школы – прежде всего это возможность ограждения от нежелательного, по мнению наших респондентов, влияния внешней социальной среды, нормы которой входят в противоречие с некоторыми правилами ислама. Важно понимать, что мусульмане представляют собой очень неоднородную часть общества – от тех, кто ведет преимущественно светский образ жизни и во многом разделяет светские ценности, до

консервативно настроенных приверженцев ислама, кто строго соблюдает предписания своей религии и ориентирует свою жизнь по канонам ислама. Различным группам мусульман присущи свои особенности в понимании и реализации религиозного воспитания, которое может отличаться степенью погруженности в мусульманскую среду, отношением к неисламским нормам морали, объемом образовательных практик и др. Консервативно настроенные мусульмане критикуют школу за недостаточно благоприятную обстановку для мусульманских детей: не во всех учебных заведениях есть места для совершения намаза, халяльное питание, взаимоотношения между полами не всегда соответствуют исламским канонам, девочки порой сталкиваются с нелояльным отношением к мусульманскому платку и пр.

Положительные стороны семейного обучения для исламской инкультурации детей. По мнению ряда родителей и семейных учителей, семейный, т.е. внешкольный, вариант обучения, имеет ряд преимуществ. К одним из них относят индивидуализацию учебного плана и возможность применения различных методик для лучшего усвоения материала. И, как следствие, – меньшую загруженность детей и посещение большого числа дополнительных занятий и кружков. Сторонники семейного варианта получения среднего образования утверждают, что оно выстраивается так, что освобождается большое количество времени. Родители и нанятые учителя наполняют это время активностью по своему усмотрению. Появляется возможность для иных образовательных и спортивных занятий, познавательных экскурсий, прогулок, дружеского общения детей, более тщательного изучения дополнительных предметов по интересам детей и родителей.

Для мусульманских семей еще один важный аргумент перехода на семейное образование состоит в том, что этот формат обучения способствует более успешной исламской инкультурации и социализации. В ходе длительных бесед с нашими респондентами были выявлено несколько аспектов, благодаря которым дети на СО имеют возможность успешно усваивать исламские ценности, образцы поведения и ритуальную практику. К ним относятся: создание практических условий для соблюдения исламских предписаний и выполнения религиозных ритуалов, а также обучение мусульманским знаниям и трансляция религиозных установок. Семейная форма образования предоставляет возможности создания для ребенка

религиозной обстановки, что имеет большое позитивное значение для исламского воспитания. Усилия родителей, учителей и обучающих центров способствуют тому, что дети проводят значительную часть своего времени в исламской среде, общаются не только внутри своей семьи, но и в более широком социальном окружении с мусульманами разного возраста и социального статуса. Это позволяет избежать усвоение детьми тех светских норм и ценностей, которые осуждаются в исламе. Мусульманские дети находятся рядом с носителями исламской культуры и инкультурируются в нее естественным образом.

Аргументы скептиков семейного образования. В электронных СМИ и социальных сетях периодически возникают дискуссии среди сторонников семейного обучения и теми, кто его критикует, среди которых не только родители, но и чиновники от образования и МВД. Последние не согласны с категоричным неприятием школьного обучения, возражают против негативной оценки качества образования государственной школы и имеют свои аргументы против семейного формата обучения. Их доводы приобретают особую актуальность по отношению к тем религиозным группам, которые стремятся оградить своих детей от светского общества и рискуют лишить их полноценного общения. Как государственные чиновники, так и часть родительского сообщества высказывают опасения, что дети из подобных семей могут вырасти личностями, не вполне подготовленными к жизни в обычных условиях, которые чувствуют себя комфортно лишь в узком сообществе своей субкультуры. Скептики по отношению к СО считают обязательным осуществлять государственный контроль за соответствием учебной программы, по которым учатся дети на семейном образовании, государственным стандартам. Другим важным условием называется обязательное сотрудничество подобных семей верующих мусульман с Духовным управлением мусульман Татарстана, которое должно проводить наблюдение и контроль, равно как и оказывать им помощь и поддержку.

Заключение. Необходимость трансляции религиозной традиции детям осознается всеми верующими мусульманами. Это не зависит от формата получения среднего образования, выбранного семьей. В рамках семейного образования мусульманским родителям удастся в определенной мере оградить детей от негативного влияния светской среды, под которое, как им представляется, ту обычно попадают в школе. У детей при организации обучения вне стандартной школы

остается больше свободного времени для изучения ислама, они без препятствий, в свободной обстановке отправляют религиозные обряды, меньше сталкиваются с нежелательными, по мнению консервативной части мусульман, светскими реалиями и больше времени находятся в комфортном мусульманском окружении. На семейном обучении появляется возможность создания для ребенка религиозной среды, что имеет большое позитивное значение для религиозной социализации и исламского воспитания.

Одновременно с этим другая часть мусульман, а также светские родители и многие эксперты придерживаются иной точки зрения и говорят о необходимости более обдуманного подхода к религиозному воспитанию ребенка, чтобы избежать его обособленности от общества. Высказываются мнения об обязательном контроле, который следует организовать как государственным органам, так и муфтияту, за образовательным и воспитательным процессом.

В ситуации различия подходов к религиозному воспитанию со стороны отдельных групп верующих, государственным образовательным структурам следует выработать определенное отношение и стиль взаимодействия с теми мусульманами, которые последовательно придерживаются консервативных убеждений в следовании исламской традиции. Для гармонизации отношений между сторонниками различных мнений и предотвращения обособления и закрытости верующих, на наш взгляд, необходимо налаживание доброжелательного, доверительного контакта между государством, муфтиятом и семьями мусульман, принявшими решение о переходе на семейное образование. Взаимодействие и совместное решение проблем, помощь в подготовке учителей для частного обучения детей должны стать важным направлением деятельности для мусульманских организаций, а также отвечающих за религиозную политику государственных структур.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 2013 г. № 23. Ст. 34.
2. Петряева Е.Ю., Суменкова Ю.И., Федоровская М.Н., Козинченко И.В. Семейное образование в Российской Федерации: анализ данных официальной статистики //

Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». 2024. № 18(2). С. 67–82.

3. Ляликова С.В., Антонов А.И. Социологическое исследование феномена семейного образования // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 66–70.
4. Силакова О.В., Еремеева О.В. Семейное образование как альтернатива школьному образованию: достоинства и недостатки // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 11(103). С. 160–165.
5. Berat A., Akar-Seyma S. Understanding the Initial Stories of Families Preferring Homeschooling: A Narrative Study // Education and Urban Society. 2020. No. 3. P. 1–21.
6. Forlin C., Chambers D., Banks J. Developing a Scale to Measure the Diversity of Motivations and Practices of Home-Schooling // Educational Review. 2023. Vol. 77. No. 1. P. 1–14.
7. Митрофанова О.В., Пискунова С.В., Наумов П.Ю. Концепция семейного образования: на пути к решению проблемы индивидуализации обучения // Психолого-педагогический поиск. 2022. № 4(64). С. 61–73.
8. Valiente C., Spinrad T.L., Ray B.D., Eisenberg N., Ruof A. Home-schooling: What Do We Know and What Do We Need to Learn? // Child Development Perspectives. 2022. No. 16. P. 48–53.
9. Burke K.M. How Do Homeschoolers Approach Creative Arts Learning and How Can They Be Supported? Developing a Flexible Framework for Homeschool Contexts // British Educational Research Journal. 2022. No. 48. P. 974–995.
10. Пруцкова Е.В., Байков М.Д., Павлов Н.М. Семья и община: межпоколенческая передача религиозности на приходах Русской Православной Церкви // Научный результат. Социология и управление. 2024. № 10(4). С. 50–63.
11. Фолиева Т.А. Религиозная социализация: понятия и проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 2(9). С. 205–212.
12. Voas D., Storm I. National Context, Parental Socialization, and the Varying Relationship Between Religious Belief and

- Practice // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2020. Vol. 60. No. 1. P. 189–197.
13. Neuman A. Criticism and Education: Dissatisfaction of Parents Who Homeschool and Those Who Send Their Children to School with the Education System // *Educational Studies*. 2019. Vol. 45. No. 6. P. 726–741.
 14. Pearlman-Avni S., Graevsky M. Homeschooling, Civils, and Socialization: The Case of Israel // *Education and Urban Society*. 2019. Vol. 51. No. 7. P. 970–988.
 15. Apple M.W. Gender, Religion, and the Work of Homeschooling // Z. Gross, L. Davis, A.-K. Diab (eds.) *Gender, Religion and Education in a Chaotic Postmodern World*. 2013. New York: Springer. P. 21–39.
 16. Yang S. Homeschooling Among Urban Chinese Protestants: A Descriptive Study // *Journal of Chinese Theology*. 2024. Vol. 10. No. 1. P. 78–96.
 17. Myers M., Bhopal K. Muslim, Home Education and Risk in British Society // *British Journal of Sociology of Education*. 2018. Vol. 39. No. 2. 212–226.
 18. Nel N., Krog S. Christian Learners' and Parents' Choice of Faith-Based Homeschooling // *Journal for the Study of Religion*. 2024. Vol. 37. No. 1. P. 1–26.
 19. Rudgard O. Fears of Bullying Drives Muslim Children to Being Homeschooled // *The Telegraph*. 2018. April 3. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/04/03/fears-bullying-drives-muslim-children-homeschooled/>
 20. Sarwar S. What Motivates 21st Century Muslim Parents to Home-School Their Children // *Education Today*. 2013. Vol. 63. No. 4. P. 25–29.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ВОЙНЫ И МИРА: СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

Духновский С. А.

*Кандидат физико-математических наук
Национальный исследовательский Московский государственный
строительный университет, доцент; Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы, магистрант
E-mail: sergeidukhnvskijj@rambler.ru*

Аннотация. В представленном эссе рассматривается сложный и многогранный процесс конструирования образов войны и мира в современном российском дискурсе. Автор анализирует, как историческая память, политическая конъюнктура, культурные традиции и идеологические установки влияют на формирование представлений о войне и мире в общественном сознании. Особое внимание уделяется роли символических ресурсов, таких как Великая Отечественная война и концепция «русского мира» в формировании национальной идентичности и оправдании политических решений. Данная работа подчеркивает динамичный характер образов войны и мира, их зависимость от текущих вызовов и стремлений общества, а также необходимость критического осмысления транслируемых нарративов для противодействия манипуляциям общественным мнением. В работе акцентируется важность развития критического мышления, поддержки свободы слова и поощрения дискуссий на важные общественные темы для формирования сбалансированного и объективного взгляда на прошлое, настоящее и будущее России.

Ключевые слова: образы войны и мира, российский дискурс, символические ресурсы, идеологические функции, историческая память, Великая Отечественная война, национальная идентичность.

CONSTRUCTING IMAGES OF WAR AND PEACE: SYMBOLIC RESOURCES AND IDEOLOGICAL FUNCTIONS IN RUSSIAN DISCOURSE

Dukhnovsky S. A.

*National Research Moscow State University of Civil Engineering,
Associate Professor; Peoples' Friendship University of Russia named after
Patrice Lumumba, MA student
E-mail: sergeidukhnvskijj@rambler.ru*

Abstract. *This essay examines the complex and multifaceted process of constructing images of war and peace in contemporary Russian discourse. The author analyzes how historical memory, political conjuncture, cultural traditions and ideological attitudes influence the formation of ideas about war and peace in the public consciousness. Particular attention is paid to the role of symbolic resources, such as the Great Patriotic War and the concept of the "Russian world", in the formation of national identity and the justification of political decisions. This work emphasizes the dynamic nature of images of war and peace, their dependence on current challenges and aspirations of society, as well as the need for critical understanding of the narratives broadcast to counter the manipulation of public opinion. The work emphasizes the importance of developing critical thinking, supporting freedom of speech and encouraging discussions on important social issues to form a balanced and objective view of the past, present and future of Russia.*

Keywords: *images of war and peace, Russian discourse, symbolic resources, ideological functions, historical memory, Great Patriotic War, national identity.*

Осмысление дихотомии войны и мира является неотъемлемой характеристикой любого общества, стремящегося к самопознанию и определению своего места в истории. Этот процесс, по сути, представляет собой сложную систему интерпретаций, отражающую доминирующие ценности, идеологические парадигмы и представления о желаемом будущем. В российском дискурсе конструирование образов войны и мира отличается особой многослойностью, обусловленной переплетением обширной исторической памяти, непростой геополитической обстановки и стратегических целей на международной арене [1]. Символические ресурсы и идеологические

функции в данном контексте оказываются тесно взаимосвязанными, формируя специфические нарративные структуры и оказывая значительное влияние на формирование общественного мнения.

Стремительный прогресс информационных технологий и процессы глобализации радикально трансформировали подходы к формированию представлений о войне и мире в современном обществе, и Россия в этом отношении не является исключением. Повсеместное распространение сети Интернет и платформ социальных медиа привело к возникновению принципиально новых коммуникационных каналов, обеспечивающих беспрецедентную скорость и масштаб распространения информации [2, 3]. С одной стороны, это открывает новые перспективы для влияния на общественное мнение и продвижения различных точек зрения, однако, с другой, порождает серьезные риски, связанные с активным распространением заведомо ложных сведений, пропагандистских материалов и техник манипулирования общественным сознанием

В условиях информационной войны, которая все чаще сопровождает современные конфликты, образы войны и мира становятся объектом активного конструирования и борьбы. Различные акторы, включая государства, политические партии, общественные организации и отдельные индивиды, используют СМИ, социальные сети и другие каналы коммуникации для продвижения своих собственных нарративов и дискредитации нарративов своих противников.

В российском дискурсе, как и в других странах, активно используются технологии "мягкой силы" для формирования положительного образа страны за рубежом и укрепления ее позиций на международной арене. Культурные обмены, образовательные программы, спортивные мероприятия и другие инициативы используются для продвижения российских ценностей и представлений о мире.

Однако эффективное конструирование образов требует не только использования различных инструментов и технологий, но и глубокого понимания целевой аудитории, ее ценностей, убеждений и страхов. Необходимо учитывать, что разные группы населения могут по-разному воспринимать одни и те же сообщения, поэтому важно адаптировать коммуникационные стратегии к конкретной аудитории [4].

Важным аспектом конструирования образов является также создание эмоциональной связи с аудиторией. Образы, которые вызывают сильные эмоции (страх, гнев, гордость, сочувствие), как правило, оказывают более сильное влияние на общественное мнение, чем образы, которые не вызывают эмоционального отклика. Поэтому в политической коммуникации часто используются приемы эмоционального воздействия, такие как апелляции к патриотизму, использование ярких метафор и символов, рассказы о героизме и жертвах.

Российская история, богатая как триумфальными победами, так и трагическими поражениями, является важнейшим символическим ресурсом, используемым для формирования представлений о войне и мире. Великая Отечественная война, занимающая особое место в национальной памяти, часто предстаёт как эталон героизма, самопожертвования и беспримерного единения народа перед лицом экзистенциальной внешней угрозы. Этот исторический опыт, прочно закрепившийся в культурном коде нации, служит мощным инструментом легитимации современных политических решений, консолидации общества и мобилизации его вокруг определённых целей. Память о жертвах и разрушениях, с одной стороны, и о грандиозной Победе, с другой, формирует специфическое отношение к войне как к крайней мере, допустимой лишь в случае непосредственной угрозы существованию страны [5].

Образ Победы, закреплённый в сознании поколений, героические подвиги советских солдат и мирное восстановление страны из руин служат символическим фундаментом для конструирования представлений о России как о стране-победителе, способной преодолевать любые трудности, стране-защитнице, отстаивающей справедливость и мир во всём мире. Этот нарратив укрепляет национальную гордость и уверенность в собственных силах, а также служит оправданием для отстаивания национальных интересов на международной арене.

В то же время, образы мира в российском дискурсе часто сопряжены с идеями стабильности, процветания, социального благополучия и сохранения национальной идентичности, уникального культурного кода. Мир представляется не просто отсутствием войны, а активным созидательным процессом, направленным на построение справедливого многополярного миропорядка, в котором учитываются

интересы всех государств и народов, в котором исключается гегемония одной страны или группы стран.

Мирное сосуществование рассматривается как необходимое условие для внутреннего развития, экономического роста и технологического прогресса. Россия, в свою очередь, предстаёт как гарант стабильности в регионе и во всём мире, приверженная принципам международного права и мирного урегулирования конфликтов. Идея "русского мира", продвигаемая в последние годы, также связана с концепцией мира как пространства культурного и духовного единства, основанного на общих ценностях и исторической памяти.

Однако, в зависимости от политической конъюнктуры, геополитической обстановки и поставленных целей, образы войны и мира могут подвергаться трансформации, приобретая различные смысловые оттенки и служа различным идеологическим целям. Конструирование «образа врага», как показывает история, становится мощным инструментом для консолидации общества, отвлечения внимания от внутренних проблем и оправдания определённых действий на международной арене [6]. Использование риторики защиты национальных интересов, борьбы с «международным терроризмом», «экстремизмом», «угрозами» и «дестабилизирующими силами» позволяет сформировать в общественном сознании определённое восприятие реальности, мобилизовать общественную поддержку и оправдать политические решения, требующие концентрации ресурсов и ограничения свобод.

В этом контексте важно отметить роль средств массовой информации, которые активно участвуют в формировании общественного мнения, транслируя определённые нарративы и акцентируя внимание на тех или иных аспектах событий. Подконтрольные государству медиа, как правило, продвигают официальную точку зрения, формируя позитивный образ России и негативный образ её противников. В то же время, независимые СМИ представляют альтернативные взгляды, критикуя политику правительства и предлагая иные интерпретации событий.

Культура, как важный канал трансляции ценностей и смыслов, также играет значимую роль в конструировании образов войны и мира. Кинофильмы, книги, произведения искусства формируют определённые представления о героизме, патриотизме, ценности человеческой жизни и ужасах войны, оказывая существенное влияние

на ценностные ориентации и мировоззрение граждан. При этом важно отметить, что в современной России существует тенденция к героизации прошлого и усилению патриотической составляющей в культурном продукте [7].

Образование, как институт социализации личности, играет ключевую роль в формировании исторической памяти и передаче определённых нарративов о прошлом и настоящем. Учебники истории, программы патриотического воспитания и другие образовательные инициативы формируют у подрастающего поколения определённое представление о роли России в мировой истории, её отношениях с другими странами и её месте в современном мире.

Таким образом, конструирование образов войны и мира в российском дискурсе является сложным и динамичным процессом, в котором переплетаются историческая память, политические интересы, идеологические установки и культурные традиции. Использование различных символических ресурсов и идеологических функций позволяет формировать определённые нарративы, оказывающие влияние на общественное сознание и определяющие вектор развития страны.

Критическое осмысление этого процесса, понимание механизмов формирования образов войны и мира, позволяет более осознанно оценивать информацию, формировать собственное мнение и противостоять манипуляциям общественным сознанием. Важно помнить, что образы войны и мира – это не застывшие истины, а постоянно переосмысливаемые концепции, отражающие текущие вызовы и стремления общества. Будущее России во многом зависит от того, какие образы войны и мира будут преобладать в общественном сознании, и какие ценности будут лежать в их основе. Развитие критического мышления, поддержка свободы слова и поощрение дискуссий на важные общественные темы являются необходимыми условиями для формирования сбалансированного и объективного взгляда на прошлое, настоящее и будущее.

Список литературы

1. Токарева С.Б. Конструирование образа России в публичном и общественно-политическом дискурсе: от семантического описания к метафорическому фреймингу событий // Logosetpraxis. 2021. №1. С. 36–48.

2. Зеленцов М.В. Акторы формирования образа России в зарубежном медиапространстве // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. №2. С.159–169.
3. Сулейманов Э. А. Отражение политической реальности в сми // Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. №3. С. 51–59.
4. Дуреев С.П., Дуреева Н.С. Конструирование социальной реальности в контексте современного мирового развития // Вестник ЧелГУ. 2016. №3 (385). С. 21–25.
5. Верховский, А.М. Патриотическое воспитание в России: конструирование государственной идеологии. // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 40–41.
6. Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России // Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: Политиздат, 2013. 421 с.
7. Первушина В. Н. Идеологические основы современного российского общества // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. №12-3. С. 670–672.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ АБСЕНТЕИЗМА В РОССИИ: ВЗГЛЯД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Душабаева А. А.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
философский факультет, студент*

E-mail: scarletline05@gmail.com

Аннотация. В статье обобщаются взгляды российских исследователей, изучающих исторические причины низкого уровня вовлеченности граждан России в политическую жизнь государства. Показано влияние исторических традиций, политической культуры и правовой грамотности населения на формы проявления абсентеизма. Рассмотрены ключевые этапы формирования гражданской активности, особенности представительных институтов в различные периоды российской истории, видоизменение форм политического поведения граждан в зависимости от внешних

факторов, а также влияние исторического прошлого на современные электоральные процессы.

Ключевые слова: абсентеизм, история абсентеизма, абсентеизм в дореволюционное время, политическое участие, избирательная система дореволюционной России, электоральная активность.

HISTORICAL ROOTS OF ABSENTEEISM IN RUSSIA: THE VIEW OF DOMESTIC SCIENCE

Dushabaeva A. A.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,

Faculty of Philosophy, student

E-mail: scarletline05@gmail.com

Abstract. *The article examines analytical works of Russian researchers on the reasons for the low level of civic participation in elections in Russia through the prism of historical development. It also examines how historical traditions, political culture and legal literacy of the population influence the manifestation of absenteeism. The work raises the key stages in the formation of civic activity, the features of representative institutions in various periods of Russian history, the modification of forms of political behavior of citizens depending on external factors, as well as the influence of the historical past on modern electoral processes.*

Keywords: *absenteeism, history of absenteeism, absenteeism in pre-revolutionary times, political participation, electoral system of pre-revolutionary Russia, electoral activity.*

Политический абсентеизм – это явление, которое присуще мировой политической практике и наблюдается в странах, где действует представительная демократия [1]. Наличие свободных выборов (не обязательно равных и конкурентных) является необходимым условием для появления абсентеистов – людей, которые по различным причинам бойкотируют выборы и не участвуют в них, т. е. сознательно дистанцируются от политического процесса.

Среди отечественных и западных политологов распространено мнение о том, что политический абсентеизм является следствием разрушения связи между гражданским обществом и властью: власть «не слышит» голоса народа, народ умышленно уклоняется от своего

права следить за властью и тем самым удерживать ее в рамках установленного в отдельном обществе договора.

Истоки политического абсентеизма исследовались в трудах Г. Лассуэля, С. Вербы, П. Лазарсфельда, Б. Берельсона, М. Макфола и др. Теории и концепции, разработанные в середине XX века, оказали значительное влияние на формирование современных подходов к изучению политического абсентеизма. Так, работы Эриха Фромма заложили основу для анализа политического абсентеизма в контексте исторического развития общества. Его исследования подробно освещают влияние исторического наследия на политическое поведение граждан в современности; то, как исторические условия и коллективные переживания формируют пассивное отношение граждан к политической жизни, а также как череда кризисов и государственных потрясений могут привести общество к выученному абсентеизму – устойчивому состоянию уклонения и неучастия большей части граждан в политической жизни страны. Э.Фромм утверждает, что абсентеизм представляет собой феномен общей неспособности граждан участвовать в политической жизни своего государства, что создает вакуум власти, обусловленный «состоянием внутренней усталости и пассивности, которые характерны для индивида нашей эпохи» [3, с. 76].

Современные исследователи, опираясь на идеи Э. Фромма и других авторов, выявляют корни политического абсентеизма и его связь с историческим развитием общества, анализируют, как социальные, экономические и культурные условия влияют на уровень политической активности граждан, каким образом различные аспекты (исторические травмы, экономические кризисы, социальные изменения и т.д.) способствуют формированию гражданской пассивности.

Отечественные исследователи во многом опираются на идеи западных коллег. В частности, В.В. Лазарев подчеркивает существенное влияние исторического прошлого на способность граждан к участию в политике. К основным причинам российского политического абсентеизма он относит историческое наследие, а ключевым периодом считает начальные этапы становления российского парламентаризма (начало XX в.), годы молодой советской республики и последующие годы существования СССР.

В первую очередь, к причинам, усиливающим прохладное отношение граждан к политике, В. В. Лазарев относит последствия

многовекового крепостного права, самодержавия и общего низкого уровня образования в стране к XX столетию, когда начались революционные перемены в политической жизни страны, еще не успел народиться достаточно обширный класс людей, способный в этих переменах участвовать. Большая часть населения вынужденно – в виду низкой правовой и общей грамотности, неспособная и незаинтересованная в отвоёвывании всеобщего избирательного права – оказалась вне контура новой политической реальности. Также В.В. Лазарев заостряет внимание на том, что в современной России абсентеизм является закономерным завершением «необузданной диктатуры пролетариата как власти, не связанной и не ограниченной законами»: граждане на протяжении долгого временного периода, были настолько отлучены от политики, а также самого понятия политической жизни, что поспешные демократические реформы начала 90-х годов не могли преодолеть этот разрыв длиной почти в 70 лет [4]. Повлияла и советская правовая система, в которой господствовали командно-административные методы.

Ю.А. Веденеев расширяет рамки исторического процесса формирования политического абсентеизма, определяя абсентеизм не столько как средство выражения гражданской позиции, сколько как мерило доступа граждан к личному политическому акторству. С этой точки зрения зарождение абсентеизма он относит ко времени, когда начали формироваться первые совещательные органы в Древней Руси в IX-X вв. [5].

Отечественной предтечей современного парламента являлось вече – собрание горожан, на котором принимались важнейшие для древнего государства решения, в т. ч. избрание посадника, владыки, князя и т. п. Ввиду того, что не сохранилось никаких письменных источников, которые могли бы подтвердить точный порядок проведения народных собраний, можно лишь выдвинуть предположение, что участвовали в них все взрослые свободные мужчины, а решающим голосом обладали самые старейшие и авторитетные жители [6]. Также известно, что на вече принимались решения главных представителей волости (старших городов), а представители менее значимых земель (младших городов) были обязаны им подчиниться. Абсентеизм, вероятно, в то время носил исключительно ситуативный характер (влияние внешних факторов: погода, болезни и т.д.).

Примечательно то, что в одно и то же время в одной волости могло состояться два вече – такую традицию положили новгородцы в начале XII в. Это произошло из-за того, что вече издревле собиралось не регулярно, а по необходимости: такой порядок создал почву для того, чтобы те, кто не желал появляться на созываемом собрании, мог собрать свое собственное (как и поступили жители Новгорода, устроившие вече без князя). Также предполагается, что при подобном расколе складывалась и третья категория горожан – те, кто игнорировал оба собрания [7].

Политический абсентеизм как проблема стал заметнее оформляться лишь к XVI-XVII вв., когда уже сформировалась система земских соборов и выборов местных властей. Проходили они без фиксированных списков избирателей, но органами, проводившими выборы, использовались документы фискального характера и списки прохождения службы. Также существенным фактором, при котором абсентеизм становился заметен, было то, что выборы проходили одновременно – для каждого сословия устанавливались собственные часы.

В. Н. Латкин – юрист и правовед конца XIX – начала XX вв. – в своих трудах отмечал, что при таком порядке властями, ответственными за выборы, особенно замечалась неудовлетворительная явка (например, при оценке карачаевского воеводы, для голосования «дворяне и дети боярские съезжались немногие») [8]. Однако все же сохранялась строгость в проведении земских соборов, чем практически уничтожалась возможность игнорировать общественные собрания. Так, В.Н. Латкин приводит пример одного земского собора, где участвовало 457 человек: «распределялись они по следующим категориям. Членов духовенства было 83 человека: патриарх (он же был председателем), 4 митрополита <...>, 6 архиепископов <...>, 3 епископа (псковский коломенский, корельский), 22 архимандрита, 24 игумена, 23 монастырских старца (сюда вошли 3 келаря, 4 казначея, 4 строителя, 1 архидьякон и 11 простых старцев). Служилое сословие участвовало в числе 338 человек: 17 бояр, 17 окольничих, печатник (Щелканов), 7 думных дьяков, 45 стольников, 10 дьяков по приказам, 92 дворянина, 13 жильцов, 18 выборных из городов, 5 стрелецких голов, 2 бараша, 13 дворцовых ключников и 17 дьяков по приказам» [8, с. 147].

Несмотря на формальную строгость и обязательность присутствия, реальное влияние представителей на результаты

обсуждений было ограниченным. Кроме того, строгая организация соборов не всегда означала подлинное вовлечение всех слоев общества в политическую жизнь. Влияло также и не полное, не равное представительство сословий.

Таким образом, хотя земские соборы и представляли собой важный институт для обсуждения государственных вопросов, их эффективность была ограничена как внутренними факторами, так и общими социально-политическими условиями того времени. Это создавало парадокс: с одной стороны, существовала формальная структура, которая признавала необходимость представительства, с другой – реальная власть оставалась в руках узкого круга лиц, что в конечном итоге сказывалось на уровне политической активности и вовлеченности населения.

С расширением круга лиц, которые могли быть допущены до обсуждения и влияния на принятие политических решений, расширилась и проблема политического абсентеизма – из скрытых форм он обратился в явные. Повлияло и проведение «подсчетов душ» – т.е. формирование четких списков потенциальных избирателей: взрослых мужчин, прошедших военную службу.

Эта эволюция стала проявляться во время действия уложенных комиссий Екатерины II. Так, В.Н. Латкиным приводятся списки избирателей в псковской провинции на 1761 г.: проживало на тот момент 78 дворян, но на выборах из них присутствовало только 23 человека [9]. М.А. Липинский приводит следующие данные: в 1767 г. в Волоколамском уезде ожидалось около 60 избирателей, однако на выборы явились только 6. В Московском уезде реально присутствовало 163 избирателя из 818 ожидаемых, в Мосальске в 1767 г. – всего 5 избирателей (в конечном итоге были проведены повторные выборы, однако на те пришли только два человека) [Цит. по: 10, с. 249-250]. В общем, в 40-60-е годы XVIII в. посещаемость посадских избирательных сходов в разных городах могла упасть до 2,5% от общего числа [11, с. 71-72].

Эти данные подчеркивают не только низкий уровень политической активности среди дворянства, но и более широкие проблемы, связанные с вовлечением общества в процессы принятия решений. Причины такой пассивной позиции могут быть связаны со слабой организацией выборов, новизной избирательных механизмов для российского привилегированного сословия, слабого понимания

самой сути выборов и от этого общей апатией к политической жизни – о чем и пишут в своих трудах А.А. Кизеветтер и М.А. Липинский.

Наряду с этим, А.С. Ткач деятельность екатерининских комиссий оценивает выше, чем деятельность предыдущих избираемых совещательных органов. Главным недостатком он считает то, что активным избирательным правом наделялись только дворяне, обладавшие имениями, горожане-домовладельцы и сельские жители, имевшие землю. Без своего представительства оставалось духовенство и около 80% крестьян: «Даже более сознательная часть общества оценивала это мероприятие как пустую затею, к выборам относились небрежно, формально и уклончиво» [12, с. 200–201]. Но основной причиной политического абсентеизма он видел отсутствие повсеместного дворянского землевладения и исходящую от этого невозможность избирать.

Важным витком в развитии избирательной системы и наравне с этим расширением границ абсентеизма являются либеральные реформы Александра II и последующие контрреформы Александра III, на что указывают А. С. Ткач, А. И. Новиков, О. А. Кожанов и др.

Создание новых органов местного самоуправления – земств и городских дум – и расширение доступа к участию в политике не могли противостоять общей безграмотности населения и низкому вовлечению в политическую жизнь. Многие избиратели, особенно из крестьянского и мелкобуржуазного сословий, не имели достаточного понимания политических процессов; реальное влияние на принятие политических решений также оставалось низким. В частности, А.И. Новиков указывал на то, что та же должность земского гласного (которая, ко всему остальному, не оплачивалась) являлась несущественной и голос одного гласного не имел серьезного влияния [13]. Также существование явных образовательных, имущественных и социально-экономических барьеров не способствовало росту явки. По новому Положению о земских учреждениях 1890 года представительство дворян было усилено, а многие другие слои были лишены своих избирательных прав (духовенство, крестьяне-землевладельцы, евреи и др.). Также были ликвидированы сельские избирательные съезды и прямая избираемость гласных.

А.С. Ткач отмечает, что крестьянство, как самое многочисленное сословие в XIX в., до своего поражения в правах было заинтересовано в выборах местного уровня. Крестьяне охотно посещали сходы, когда на них избирался староста; способствовали тому, чтобы на этой

должности находился хозяйственный и ответственный человек – каждый присутствующий был лично заинтересован в выборах. Также избираемые на должность старосты стремились завоевать авторитет, были зависимы от поддержки односельчан и старались трудиться на общее благо. Этот порядок был разрушен земской реформой Александра III. Назначаемые земские начальники редко ощущали себя ответственными перед крестьянами и, в общем-то, в действительности отвечали только перед вышестоящими.

В таком общественном состоянии Россия вошла в XX в. – ни под конец жизни Александром III, ни в начале своего правления Николаем II не предпринималось попыток реформировать избирательную систему. Слом произошел после Первой революции 1905 г. Создание первого российского парламента – Государственной думы – стало важным шагом в развитии российской избирательной системы и попыткой ответить на вызовы, стоявшие перед страной.

А.В. Костылев называет «принудительным абсентеизмом» принятый в 1905-1906 гг. сословно-цензовый принцип голосования, который ограничивал в правах граждан, не достигших 25-ти лет, женщин, военнослужащих, полицейских и малоимущих. Даже после снижения имущественного ценза в 1905 г. избирательным правом обладало около 15% населения [14].

Костылев отмечает, что даже при непрямой и многоступенчатой куриальной системе голосования, наблюдался повышенный интерес крестьянства – самой ограниченной в избирательных правах категории – к выборам. Отчасти он был связан с привязанностью крестьянской курии к общесословному волостному самоуправлению, отчасти – с надеждой разрешения земельного вопроса в свою пользу.

Л.Т. Сенчакова отмечает, что «некоторые группы крестьян бойкотировали выборы в уездах Московской и Петербургской губерний, однако она связывает это с революционной деятельностью социал-демократов или эсеров, а не массовым выражением крестьянской воли» [15, с. 232].

В большинстве своем крестьяне были заинтересованы в деятельности Первой Думы. В этой связи Д. Протопопов в своих воспоминаниях делится наблюдениями за уездными выборами в г. Николаевске Самарской губернии: «О земле говорили, как о даре Божьем, которая должна-де всем принадлежать, которая создана для человека. Между тем, она в руках немногих богачей...» [16, с. 9]. Немного снизился интерес к деятельности второй Думы – процент

был примерно сопоставим с первыми выборами (72%). На третьих выборах он снизился до 65%, и, о чем пишет Костылев, мог говорить о том, что крестьяне разочаровались в новом институте и безуспешности попыток добиться разрешения актуальных для них вопросов.

Скачок в развитии электоральных институтов породил разные формы абсентеизма – от, уже названного выше, «принудительного» до активного, пропагандируемого социалистическими партиями. К бойкоту выборов призывали и РСДРП, и эсеры. На выборах в рабочей курии эта тактика привела к их срыву, о чем пишет А.В. Костылев: «На фабрике Алексеева – 30 из 450 человек, на фабрике Жукова – 25 из 120, Высоцкого – 70 из 1000. В Петербурге явка избирателей была не выше: на Новой Бумагопрядильне голосовало 80 из 707 рабочих, на Франко-русском заводе – 27 из почти 2000, на Гвоздильном – 400 из 3200». Однако низкая явка не могла повлиять на легитимность выборов, т. к. порога голосов в России того периода не существовало.

Часто имел место пассивный абсентеизм, который проявлялся в безразличии граждан к своим новым правам и обязанностям. Многие рабочие, например, были сосредоточены на решении своих личных бытовых проблем, таких как финансовые трудности или семейные заботы. Некоторые из них испытывали страх перед возможными последствиями, если бы решились выступить против социал-демократических активистов, что также подпитывало бездействие. Кроме того, для многих это был просто повод насладиться свободным днем, когда не нужно было идти на работу, так как в день выборов предприятия обычно не работали.

Такое отношение к выборам свидетельствовало о том, что существенная часть рабочего класса не осознавала важность своего голоса и влияния на политическую ситуацию. Вместо того чтобы активно участвовать в процессе, они предпочитали оставаться в стороне, что в свою очередь усиливало социальное и политическое равнодушие. Это бездействие подрывало демократические процессы и давало несуществующие преимущества социалистическим партиям – пассивные абсентеисты «приписывались» к поддерживающим бойкот.

Кроме того, исследователями отмечается следующий закон политического участия: чем выше была значимость выборов, тем больше избирателей в них участвовало. При многоступенчатом процессе на предварительных этапах явка всегда была выше. Так, по съездам уполномоченных от землевладельцев в целом по стране, явка на первых думских выборах составила 15,4 %, на вторых – 12 %, а на

третьих – 10 %. Ярким примером пропорциональной связи между стадией выборов и снижением абсентеизма служит следующая ступень выборов – съезды крупных землевладельцев и уполномоченных от мелких: здесь явка на всех выборах варьировала от 50 до 40 % [17].

Курии различались по уровню абсентеизма, и самая высокая явка почти всегда была на выборах по городской курии: это обуславливалось высоким уровнем образования жителей городов и доступностью просветительских газет. А. Костылев отмечает, что в городах нередко причиной отсутствия избирателя на выборах была слабая организация самих выборов: для участия в них была необходима повестка, подтверждающая избирательные права гражданина, которая получалась от полиции. В этой связи А. Смирнов пишет: «Так, в отнюдь не самом крупном уездном городе Ямбурге (ныне Кингисепп) Петербургской губернии на выборах во II Думу избирателям было вручено лишь 1474 из 2052 повесток, при этом не нашли одного купца, имевшего трактир и магазин на одной из центральных улиц» [18, с. 107].

В заключение следует подчеркнуть, что политический абсентеизм как социально-политическое явление имеет глубокие исторические корни. Анализ существующих исследований показывает, что низкий уровень гражданского участия в выборах может быть обусловлен историческими и культурными особенностями общества. Осознание исторических аспектов данного явления является ключом к его пониманию и преодолению, что в конечном итоге может способствовать укреплению связи между гражданами и властью.

Список литературы

1. Зуляр Р.Ю., Григорьев Д.А. К истории исследования теории политического абсентеизма // Десятые байкальские социально-гуманитарные чтения (г. Иркутск, 01 марта – 30 июня 2016 г.) / Ред. Л.М. Корытный, Н.С. Коноплев, Р.Ф. Проходовская, Н.В. Бойко. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2017. С. 132–143.
2. Бобрович В. И., Марчинская Н.И., Криворот Л.Н. Словарь терминов по политологии. Сетевое электронное учебное издание. Минск: МГЛУ, 2018. 41 с.
3. Фромм, Э. Бегство от свободы / Эрих Фромм; Пер. с англ. Г. Ф. Швейника; Общ. ред. и послесл. П. С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1990. – 269 с.

4. Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М.: Юрист, 1996. 521 с.
5. Веденеев Ю.А., Зайцев И.В., Луговой В.В. Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX вв. М.: Норма, 2001. 784 с.
6. Миннирес И.В. Проблема участия избирателей в выборах (историко-правовой аспект) // Государство и право. 2008. №4. С. 75–82.
7. Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: исторические очерки. М., 1867. 412 с. URL: <https://www.prilib.ru/>
8. Латкин В.Н. Земские Соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. Историко-юридическое исследование. СПб., 1885. 454 с. URL: <https://www.prilib.ru/>
9. Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII в. СПб., 1858. 105 с. URL: <https://www.prilib.ru/>
10. Липинский М.А. Новые данные для истории Екатерининской комиссии о сочинении проекта нового уложения // Журнал Министерства народного просвещения. Шестое десятилетие. 1887. Ч. 251. С. 249–250.
11. Кизеветтер А.А. Посадские избирательные сходы XVIII столетия // Русское богатство. 1901. №11. С. 71–72.
12. Ткач А.С. Феномен абсентеизма в дореволюционной России // Вестник Костромского государственного университета. 2019. №4. С. 199–203.
13. Новиков А.И. Записки земского начальника. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 240 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/>
14. Костылев, А. В. Абсентеизм на выборах в Государственную думу Российской империи / А. В. Костылев // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция. Сборник научных статей / Под редакцией А.Б. Николаева. Том Часть 1. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «ЭлекСис», 2016. – С. 107-116. – EDN YORJJI.

15. Сенчакова, Л. Т. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Сенчакова Лариса Тимофеевна. – Москва, 1990. – 42 с. – EDN ZJGIJH.
16. Протопопов Д. Воспоминания о выборах в первую Думу в Самарской губернии // Земство, 1994. № 1. С.106-117.
17. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906-1917. / И. К. Кирьянов, М. Н. Лукьянов. - Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 167 с.
18. Смирнова А., Милуков П.Н. Как прошли выборы во II Государственную думу. СПб.: Типография т-ва "Общественная польза", 1907. 308 с.

КОНЦЕПЦИЯ ЖИВОЙ ИСТОРИИ НА ПРИМЕРЕ БИТВЫ ЗА КОСОВО И ЕЕ РОЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ В ПЕРИОДЫ ВЕЛИКИХ ПОТЯСЕНИЙ И ИСТОРИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

Елезович Звездана М.

Доктор культурологии

Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич,

старший научный сотрудник

E-mail: zvezdana.el@gmail.com

***Аннотация.** В таком обществе, как Косово и Метохия, создаются закрытые социальные и культурные идентичности. При этом идентичность может быть, как основой для разделения, так и основой для сближения и объединения. В контексте этих социальных и культурных отношений сербские художники, проживающие в Косово и Метохии, в большей степени остаются замкнутыми в рамках локальной, то есть сербской культурной идентичности, которая порой приобретает более широкий — балканский или славянский — характер, однако их творчество редко выходит за пределы этих контуров. На примере битвы за Косово мы увидим, как событие, на которое указал Димитрие Богданович, станет символом и вехой сербской истории. Также, мы можем сказать, что нам следует иметь в виду, что Сербия находилась в особом положении, потому что до*

конца югославской драмы она была наследницей не только югославской, но и сербской идентичности. Мы отмечаем, что важнейшей культурной задачей сегодня является именно удовлетворение потребности в установлении национальной и культурной идентичности. Процесс восстановления идентичности был особенно драматичным, когда речь шла о сербском народе, и положение сербов из Косово было особенно драматичным. Необходимое восстановление идентичности потребовало возвращения к старым темам, сохранив при этом некоторые важные художественные элементы современности, а также возвращения к выразительным формам прошлого, что произошло как своего рода протест против участия мира в событиях в Косово (Косове и Метохии) и трагедии сербов прошлого века.

Ключевые слова: Косово и Метохия, сербская история, изобразительное искусство, процесс восстановления идентичности, замкнутые культурные идентификации.

THE CONCEPT OF LIVING HISTORY ON THE EXSAMPLE OF THE BATTLE OF KOSOVO AND ITS ROLE IN ARTISTIC CREATION IN PERIODS OF GREAT UNPHEAVAL AND HISTORICAL CRISIS

Elezović Zvezdana M.

PhD of Cultural Science

Institute for Serbian Culture Prishtina - Leposavic

Senior Research Associate

E-mail: zvezdana.el@gmail.com

Abstract. *Within a society such as Kosovo and Metohija, within which, we will note, closed social and cultural identifications are produced. As part of which, Serbian artists in Kosovo and Metohija are more confined within the framework of the local, which is sometimes broader. Identity can be both a basis for division and a basis for rapprochement and unification. We will see from the example of the Battle of Kosovo as an event, as pointed out by Dimitrije Bogdanović, that it will become a symbol and landmark of Serbian history. Also, in continuation of the text, we can say that we should keep in mind that Serbia was in a specific position, because until the end of the Yugoslav drama, it was the heir to the Yugoslav, but also Serbian identity. We note that the most important cultural task today is precisely the issue of*

satisfying the need to establish national and cultural identity. The process of re-establishing identity was particularly dramatic when it came to the Serbian people, and the situation of the Serbs from Kosovo was particularly dramatic. The necessary reestablishment of identity required a return to old themes, while retaining some important artistic elements of the current time, but also a return to expressive forms from the past, which occurred as a kind of protest against the world's involvement in events in Kosovo (Kosovo and Metohija) and the tragedy of the Serbs as a consequence of that involvement.

Keywords: *Kosovo and Metohija, Serbian history, fine art, the process of identity restoration, closed cultural identifications.*

Различные этнокультурные сообщества внутри одного общества, такого как Косово и Метохия, формируют замкнутые социальные и культурные идентификации. Подобная ситуация становится причиной ограничения развития как отдельных этнических сообществ, так и индивидов в их составе. Как правило, предполагается исключительная принадлежность к одной или другой культуре, несмотря на существование в мультикультурном обществе, которое, в случае Косово и Метохии, всё же не является таковым в полном смысле этого слова. В контексте этих социальных и культурных отношений сербские художники, проживающие в Косово и Метохии, в большей степени остаются замкнутыми в рамках локальной, то есть сербской культурной идентичности, которая порой приобретает более широкий — балканский или славянский — характер, однако их творчество редко выходит за пределы этих контуров.

Понятие идентичности интуитивно относительно понятно, однако оно сопротивляется однозначной теоретической экспликации [1, с. 47]. Это объясняется тем, что идентичность каждого современного народа складывается из целого ряда сложных влияний: глобальных процессов, национальной культуры и традиций, а также конкретной локальной среды. Кроме того, идентичность обладает особым двойственным характером: она основана на различии по отношению к другим идентичностям, но в то же время включает в себя элементы сходства с ними. Следовательно, идентичность может служить как основой для разделения, так и платформой для сближения и объединения [2, с. 123–124].

Идентичность косовско-метохийских сербов, рассматриваемая здесь сквозь призму изобразительного искусства, охватывает и

объединяет в себе специфические косовские мотивы, сущностные элементы идентичности сербского народа, элементы европейской идентичности, а также влияния мирового культурного наследия. Всё это оплодотворено посредством личного художественного почерка и вдохновения конкретных художников. Каждое отдельное произведение изобразительного искусства, таким образом, представляет собой выражение авторского восприятия мира, облагороженного его талантом — нечто глубоко личное, — и в то же время оно является элементом более высокого единства, участвуя в ценностях и духе коллектива. «Подобно тому как индивидуальная идентичность становится местом встречи личного с общим, конкретной личности с её универсальной сущностью, так и проблемы коллективной идентичности могут аналогично решаться через интеграцию в более высокое единство, которое допускает и содержит множество различных миров. То, что прежде всего объединяет различных индивидов, — это их идентификация с общими ценностями. Ценности придают смысл коллективу, посредством которого наполняется содержанием индивидуальное существование. Чувство принадлежности и доверия к коллективу как к целому мотивирует индивидов добровольно направлять усилия на утверждение коллективной идентичности» [1, с. 50].

Как бы по-разному ни трактовалось понятие коллективной идентичности, все основоположники социологии едины во мнении, что её фундаментом является культура [1, с. 174]. Художественное творчество косовских сербов одновременно принадлежит мировой, европейской и сербской культуре. Однако то, что делает его специфическим, что отличает его от других коллективов, придаёт ему уникальность и позволяет ему быть носителем идентичности, — это его укоренённость в сербской культуре [2, с. 125].

«Культуру определяют язык, символы, ценности, типы познания и верований, нормы, обычаи и правила поведения, а также материальная культура. Культурная идентичность — это одна из тех идентичностей, которые несомненно формируют нас и в значительной степени определяют наш образ жизни» [3, с. 147]. Эстетик Мирко Зуровац справедливо замечает: «Косовская битва для сербского народа — не просто историческое событие, а событие, вокруг которого веками формировался миф величайшего национального значения. Этот миф выражает сербский исторический и мифологический опыт в сублимированной и прегнантной форме. Это мифологическое

выражение исторической судьбы сербского народа, и только так его и следует понимать» [4, с. 79].

Концепция живой истории, изложенная Дмитрием Богдановичем на примере Косовской битвы, которая станет символом и знаменем сербской истории, является типичной для художественного творчества в периоды исторических кризисов, когда коллективная идентичность ставится под вопрос и требует повторного утверждения. Таким образом, Клэр Дюбуа в исследовании различий между живописью Джеймса Берри и Жака-Луи Давида указывает, что объединенные ирландцы подчеркивали традиционные аспекты ирландского общества по сравнению с постепенной англификацией, которая угрожала утратой ирландской идентичности: Только национальная история могла создать чувство общности, это была живая история, в отличие от классической античности, и поэтому она могла выводить на первый план моральную и национальную идею [5].

Тем не менее, хотя в художественном творчестве сербов косовский миф всегда был присутствующим, «... этот миф в изобразительном искусстве, по крайней мере в более ранний период, не достиг тех ценностей, которые были реализованы в литературе, прежде всего народной» [6, с. 7]. Как подчеркивает академик Деян Медакович в своем капитальном исследовании о Косовской битве в изобразительном искусстве: «... в долгие века турецкого рабства сербский народ создал особые духовные сокровищницы, из которых он черпал настоящие ценности для своей духовной защиты и выживания в чуждой цивилизации. Не нужно особо доказывать, что эта своеобразная защита христианской цивилизации позволила сербскому народу никогда не разорвать свою естественную связь с Европой. Полного разрыва не произошло даже тогда, когда османская цивилизация укрепила свои не только политические, но и духовные границы, когда казалось, что надежды нет и что нашему народу судьба ответит печальную роль неизбежной ассимиляции. Для изобразительных искусств это были, возможно, слишком сложные задачи, и наши художники не были способны до конца проникнуть во все глубины народного отчаяния и той духовной силы, которая призывала к восстаниям, сопротивлению и борьбе. Много больше препятствий стояло на пути нашей живописи, и ее выход из старых византийских образцов не мог быть ни быстрым, ни легким» [6, с. 7–8].

Тем не менее, миф является не только элементом локального нарратива, но и участвует в конституировании идентичности через

произведение искусства как универсальное исходное место. «Исследования Леви-Стросса и Мирчи Элиаде показали, что миф в периодических и ритуальных церемониях передает в образной форме верования и религиозные чувства данного общества. Его функция заключается в подтверждении сплоченности этого общества, учитывая как его происхождение, так и его нынешнюю ситуацию и будущее» [4, с. 78]. Мифы и произведения искусства, вдохновленные ими, обладают универсальным значением, выходящим за пределы эпохи их возникновения. Мифы — это тотализации фундаментальных человеческих забот в формальном единстве конкретных и чувственных представлений. На основе этого Эрнст Кассирер «... мог определить миф как одну из форм познания, форму жизни и форму искусства» [4, с. 78].

Пишущая о культурной идентичности на территории бывшей Югославии, Наталья Мичунович приходит к следующему заключению: «Культурная идентичность на территории бывшей Югославии представляет собой определённое чувство принадлежности к культурному пространству, ограниченному границами и временем существования Югославии. Сейчас её подлинности часто оспаривают на фоне распада на национальные и/или классовые целые образования внутри историко-географической границы бывшей Югославии, которые, хотя и не всегда очевидно, боролись за сохранение этой идентичности, а также под воздействием исторического прогресса, который всё это затапливает, включая выжившие, особенно малые, краткоживущие и неразвивающиеся культуры. Однако это не означает, что эта идентичность никогда не существовала и не оставила следа в культурных привычках людей, которые в ней жили.» [3, с. 147–148].

При этом следует учитывать, что Сербия находилась в специфическом положении, так как до конца югославской драмы она была хранителем как югославской, так и сербской идентичности, что делало процесс установления коллективных идентичностей, включая культурную, еще более сложным. Этот процесс Бранимир Стойкович ярко подытоживает следующими словами: «Последовательные распады государственных объединений на югославском пространстве неизбежно приводили к пересмотру существовавших идентификационных рамок. Прежде всего, исчезновение Великой Югославии, которая была национальным государством сербов, поскольку они были формально или фактически конститутивным народом хотя бы в четырех республиках (за исключением Словении),

поставило на повестку дня открытый вопрос их нового меньшинства и идентичности. Это привело к межэтническим конфликтам, которые носили признаки этно-гражданской войны, сначала в Хорватии, а затем в Боснии и Герцеговине. Затем усилился конфликт в Косово, что привело к вмешательству НАТО и фактическому отделению Косова от состава Республики Сербия, с открытыми переговорами о его будущем (и окончательном) статусе» [7, с. 96].

Таким образом, происходил процесс разрушения общей (наднациональной) идентичности, сформированной в период существования бывшего югославского государства, а также — параллельно — подрыва самой сербской идентичности: «Период коммунизма, безусловно, значительно ускорил процесс того, что сербская идентичность (за исключением традиционных и отсталых сельских районов) практически прекратила своё существование и воспринималась как несуществующая. Это продолжалось до тех пор, пока последние войны снова не вынесли её на поверхность, и в самом неблагоприятном свете. Это также может объяснить, почему сербская идентичность оказалась маргинализованной даже на Балканах, несмотря на то, что Сербия располагается в самом сердце Балканского полуострова. Поскольку сербская идентичность ненадежна даже в пределах новообразованной Сербии, возможно, не следует ожидать, что она будет иметь значение для кого-либо еще». [1, с. 225–226].

Распад бывшего югославского государства привел к тому, что все нации оказались в ситуации, когда им нужно было заново, эмфатически, восстановить свою идентичность. Каждая группа, чтобы существовать как группа, должна иметь свою идентичность. Существуют мнения, что вопрос удовлетворения потребности в восстановлении национальной и культурной идентичности является важнейшей культурной задачей современности [2, с. 128]. Как подчеркивает Душан Бошкович: «Без какой-либо идентичности нельзя жить.» Это особенно видно в пограничных ситуациях. Варлам Шаламов говорит об этом: «Я знаю, что у каждого человека здесь было свое самое последнее, самое важное — то, что помогало жить, цепляться за жизнь, которую так настойчиво и упорно у нас отнимали. Если у Замятина этим последним была литургия Иоанна Златоуста, то моим спасительным последним были стихи — чужие любимые стихи, которые удивительным образом помнились там, где все остальное было давно забыто, выброшено, изгнано из памяти. Единственное, что еще не было подавлено усталостью, морозом, голодом и бесконечными

унижениями.» [8, с. 128]. Зоран Фурнович отмечает, что в это время произошел некий « [...] по мнению многих удивительный феномен, что молодые косовские художники, и, к тому же, сербы (!) вдруг начали равноправно конкурировать с коллегами из остальной более развитой Югославии и Европы, что они ярко продемонстрировали на многочисленных представительных выставках» [9].

Процесс восстановления идентичности оказался особенно драматичным, когда речь заходит о сербском народе, а в особенности — о положении сербов в Косово и Метохии. С ними произошло то, что в теории называется культурной травмой: «Культурная травма возникает тогда, когда члены какого-либо коллектива ощущают, что подверглись ужасающему событию, которое оставляет неизгладимые следы в самосознании группы, навсегда отмечает её память и коренным, необратимым образом изменяет её будущее самоопределение» [10]. Кровавый распад СФРЮ, интервенция НАТО против Сербии в 1999 году, подписание Кумановского соглашения, фактически отменившего суверенитет Сербии в Косово и Метохии, а затем и провозглашение независимости Косово буквально выбили почву из-под ног у сербов, проживающих на этой территории. Тем не менее будущие исследования и иные подходы открывают возможности для новых решений на практике.

Изобразительное искусство косовско-метохийских сербов не осталось — да и не могло остаться — немым на фоне всех этих процессов. Чтобы в полной мере осмыслить суть художественного высказывания о трагическом и драматичном времени, в которое оно возникало, необходимо, помимо изучения исторического и мифологического, обратиться и к тому, что называется географией искусства: «География искусства — это дисциплина, изучающая черты, объединяющие произведения искусства, происходящие из одной и той же культуры» [11, с. 263]. Иными словами, нам необходим культурно-антропологический подход к произведению искусства. «Базовый культурно-антропологический подход к произведению искусства заключается в убеждении, что понимание и интерпретация искусства предполагает глубокое знание культуры, породившей это искусство. В частности, понимание Ян ван Эйка, Рубенса, Ван Дейка, Рембрандта, или Вермеера предполагает глубокое знание фламандской и голландской культуры» [11, с. 263-264].

Лишь в современную эпоху изобразительный нарратив о Косово окончательно освободился от старых канонов — художники приняли

современные техники и художественные направления [6, с. 7–12]. Необходимость в восстановлении идентичности потребовала возвращения к старым темам при сохранении ключевых художественных элементов актуального времени, а также обращения к выразительным формам прошлого. Это произошло как своеобразный протест против вмешательства внешнего мира в события на Косово и Метохии и трагедии сербского народа как следствия этого вмешательства. Такая ситуация породила совершенно новый дискурс, который не совпадает ни с прежним — византийским, ни с тем, что формировался в рамках СФРЮ. Это искусство стремится к диалогу с прошлым, к установлению преемственности с историей, а также с вневременным и вечным, что символизирует косовский миф. Одновременно оно стремится передать послание миру, объединяя прошлое с современным и актуальным. Однако на пике косовской драмы, когда оно проявляется как вопль и крик, это искусство в значительной степени отказывается быть постмодернистским. Оно отказывается, потому что постмодернизм слишком подвержен свободной интерпретации, неуловим и практически аморфен. В таком виде оно не может служить медиумом исторического послания. А без этого послания изобразительное искусство косовско-метохийских сербов в новом тысячелетии стало бы пустой формой, лишённой содержания, и как таковое полностью бы предало свою культурную задачу.

Список литературы

1. Ђурић Ј. У потрази за идентитетом // Филозофија и друштво. 2000. № 16.
2. Рогач Љ. Културна дијагностика идентитета и имица Србије у европском контексту // Култура. 2009. № 122–123.
3. Мићуновић Н. Културни идентитет на простору бивше Југославије // Филозофија и друштво. 1997. № 12.
4. Зуровац М. Луча косовског мита // Срби на Косову и у Метохији / Под ред. Д. Његована. Београд: Одељење друштвених наука САНУ, 2006. (Књ. 26).
5. Barry J., Louis David J. History Painting and Patriotism // Journal of Franco-Ireland Paint. 2008. Vol. 1. No. 1.
6. Медаковић Д. Косовски бој у ликовним уметностима // Косовска споменица 1389–1989. Т. 2. Београд: СКЗ; Нови Сад: Матица српска; Приштина: Јединство, 1990. С. 7–12.

7. Стојковић Б. Ка одрживом културном идентитету // Бити из/ван: Ка редифинисању културног идентитета Србије. Београд: Центар за културне интеракције, 2010.
8. Бошковић Д. Уметност и друштво: спорови у југословенској мисли // Филозофија и друштво. 1996. № 9/10.
9. Фуруновић З. Интервју са Зораном Фуруновићем, редовним професором, деканом Факултета уметности Косовска Митровица. Интервју извршен 24.03.2014. године.
10. Alexander J. Toward a Theory of Cultural Trauma // Cultural Trauma and Collective Identity / Ed. by J.C. Alexander. Berkeley: University of California Press, 2004.
11. Beheydt L. Art and Cultural Identity of the Low Countries // Lectures for the XXIst Century / Ed. by B. Raymaekers. Leuven: University Press, 2008. P. 263–264.

СОТРУДНИЧЕСТВО КОНСУЛЬСТВА КОРОЛЕВСТВА СЕРБИИ В ПРИШТИНЕ И РОССИЙСКОГО КОНСУЛА В МИТРОВИЦЕ В 1904 ГОДУ

Заркович В. С.

Доктор исторических наук

*Институт сербской культуры Приштина–Лепосавич, Сербия,
научный советник*

E-mail: vesna.zarkovic07@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается сотрудничество консульства Королевства Сербия в Приштине с российским консулом в Митровице. Значительный прогресс в развитии этих отношений был достигнут в 1904 году благодаря деятельности, с одной стороны, Михаила Марковича и впоследствии Мирослава Спалайковича, а с другой – Аркадия Александровича Орлова. Период службы этих дипломатов совпал с трагическим положением сербского населения в Старой Сербии и с попытками великих держав посредством реформаторских мер улучшить положение христиан. В течение этого года состоялся ряд взаимных визитов, а также обширная переписка, способствовавшая укреплению двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: консульство Королевства Сербия в Приштине, российское консульство в Митровице, Михаил Маркович, Мирослав Спалайкович, Аркадий Александрович Орлов, сотрудничество.

COOPERATION BETWEEN THE CONSULATE OF THE KINGDOM OF SERBIA IN PRIŠTINA AND THE RUSSIAN CONSUL IN MITROVICA DURING 1904*

Zarković V. S.

PhD of historical sciences

Institute for Serbian Culture Priština-Leposavić, Serbia

Scientific Advisor

E-mail: vesna.zarkovic07@gmail.com

Abstract. *The paper discusses the cooperation between the Consulate of the Kingdom of Serbia in Priština and the Russian Consul in Mitrovica. A significant shift in 1904 was made by the actions of first Mihailo Marković, and then Miroslav Spalajković, on the one hand, and Arkady Aleksandrovich Orlov, on the other. The time of service of these diplomats coincided with the suffering of the Serbian population in Old Serbia and the efforts of the great powers to improve the position of Christians through reform action. During this year, there were several mutual visits, but also numerous correspondences that contributed to the strengthening of mutual cooperation.*

Keywords: *Consulate of the Kingdom of Serbia in Priština, Russian Consulate in Mitrovica, Mihailo Marković, Miroslav Spalajković, Arkady Aleksandrovich Orlov, cooperation.*

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы НИО по договору, заключенному с Министерством науки, технологического развития и инноваций РС № 451-03-136/2025-03 от 27 января 2025 года.

С момента открытия российского консульства в Митровице в 1903 году было установлено хорошее сотрудничество с представителями Королевства Сербия в Приштине. Сама по себе эта форма сотрудничества никогда не ставилась под сомнение, однако её интенсивность в значительной мере зависела от конкретных лиц, задействованных в её реализации. Убийство первого консула Григория Степановича Щербины и тяжёлое положение, в котором оказалось сербское население, парадоксальным образом совпали с началом реформаторской акции, провозглашённой с целью улучшения положения бесправных христиан. Объявленные реформы – сначала со

стороны Османской империи, а затем и великих держав – воспринимались многими арбанасскими угнетателями (зуломчарами) как угроза их привилегиям, проявлявшимся, в частности, в беспрепятственных нападениях на сербов. Эти нападения приносили им материальную выгоду, но сами они преподносили их как проявление верности Империи и защиту её от врагов. Подвергавшееся притеснениям сербское население, особенно к северу от Шар-Планины, оказалось зажатым между нерешительными турецкими властями и арбанасскими зуломчарами. Единственную защиту им обеспечивали консульство Королевства Сербия в Приштине, а также российские консулы, находившиеся в Митровице и Призрене.

Под ударами арбанасов и их предводителей оказывались не только простые сербские граждане и крестьяне, но и дипломаты, защищавшие их. Трагическая участь постигла первого сербского консула в Приштине, убитого в 1890 году – менее чем через год после открытия консульства. Несколько позже, в 1903 году, были убиты и два российских дипломата – сначала в Митровице, затем в Битоле. Арбанасы воспринимали присутствие сербских и российских консулов как присутствие Королевства Сербия и Российской империи в Косовском вилайете и как двери, через которые эти государства могут проникнуть на территорию Османской империи. Стремление своими действиями способствовать улучшению положения сербского населения побуждало дипломатов обеих стран к совместной работе и сотрудничеству.

Хотя Россия и выполняла роль защитницы христианского населения в данном регионе, реальная ситуация во многом зависела от деятельности её дипломатов, их личной преданности, а также уровня взаимодействия с другими дипломатами – прежде всего с представителями Королевства Сербия в Старой Сербии.

Импульс для более тесного сотрудничества сербской и российской дипломатии дали сербские консулы из Приштины и российский консул из Митровицы. Хотя сотрудничество существовало и ранее, заметный прогресс был достигнут именно в 1904 году. В то время российское консульство в Митровице возглавлял Аркадий Александрович Орлов (1868–1940), занимавший этот пост немногим более трёх лет – с октября 1903 года по декабрь 1906 года [1, с. 45; 2]. Существует мнение, что он прибыл на должность только в марте 1904 года, а с октября 1903-го консульские обязанности исполнял Борис Александрович Чемерзин [3, с. 175; 4, с. 120]. Однако данная

информация отсутствует в его биографии [5]. Возможно, как и Машков до него, Чемерзин лишь временно исполнял обязанности до прибытия Орлова, который до Митровицы служил в Абиссинии и Шкодере [1, с. 45]. Период его консульской службы был отмечен многочисленными страданиями сербского народа и борьбой за выживание не только в Митровице и её окрестностях, но и во всей Старой Сербии.

Во главе сербского консульства в Приштине в 1904 году находились два консула – Михаил Маркович (до конца июня) и Мирослав Спалайкович, который вступил в должность в начале сентября того же года. В течение двух летних месяцев обязанности консула исполнял вице-консул Настас Дж. Настасиевич, уже пять лет служивший в Приштине [6, с. 205]. Спалайкович был назначен консулом 2-го класса в Приштине указом от 12 июля 1904 года, что стало неожиданностью для Стояна Новаковича, ожидавшего его возвращения в Санкт-Петербург, где тот ранее занимал пост секретаря Посольства Королевства Сербии [7, с. 51, 72]. Назначение Спалайковича консулом в Приштине стало значительным шагом вперёд по сравнению с его предшественником, поскольку он воплощал собой образ выдающегося и энергичного дипломата. Он получил блестящее образование в Париже, где защитил докторскую диссертацию. На дипломатическую службу поступил в 1900 году в качестве чиновника сербского посольства в Санкт-Петербурге. Благодаря его энергии консульство в Приштине вскоре восстановило свою высокую репутацию [8, с. 53–54]. Назначение Спалайковича не осталось незамеченным и со стороны австро-венгерского консула в Митровице – Цамбауера. В донесении, направленном в Министерство в Вену 14 октября 1904 года, он подчёркивал: «Его назначение в Приштину около месяца назад, учитывая репутацию, сопровождающую этого чиновника, свидетельствует о том, что сербскому консульству в Косовском поле ныне поручены иные, более важные задачи, нежели в то время, когда эту должность занимали господа à la Станкович и Маркович» [9, с. 302].

Благодаря тому, что во главе сербского и русского консульств оказались два предприимчивых консула, сотрудничество было значительно улучшено. Первый шаг в этом направлении сделал российский консул А. А. Орлов, который, как только позволили погодные условия, весной 1904 года посетил сербское консульство в Приштине. Во время двухдневного визита его сопровождал драгоман Вук Джурашкович, который, по мнению консула и сотрудников австро-

венгерского консульства в Митровице, оказывал на него значительное влияние [6, с. 195].

Через два месяца Орлов решил вновь отправиться в путешествие, на этот раз более продолжительное, и с 18 по 24 июня посетил несколько мест. Сначала он побывал в Приштине, затем в Грачанице, а потом отправился в Гнилане. После посещения этих мест, проезжая через Феризовичи и Неродимле, он вернулся в Митровицу [10, с. 115; 6, с. 198; 9, с. 270–271]. В отличие от первого визита в Приштину, который носил в основном протокольный характер и был направлен на установление прямой связи с сербским консулом, Орлов в этот раз отправился с намерением вмешаться в решение некоторых преступлений, уже совершенных против сербов. По прибытии в Приштину он встретился с мутесарифом и получил обещание, что он постарается повлиять на улучшение положения сербского населения. Орлов остался доволен результатами разговора, в то время как сербский консул М. Маркович был достаточно скептически настроен по отношению к обещаниям турецкой стороны.

После Приштины Орлов отправился в Грачаницу, а затем в Гнилане, где он намеревался, как и в Приштине, встретиться с высокопоставленными турецкими властями города. От каймакама он ожидал обещания, что он будет ходатайствовать в пользу сербской стороны. Предложения сербского консула Марковича повлияли на дальнейший план работы российского консула [6, с. 198].

Поездку и деятельность российского консула внимательно отслеживали агенты Австро-Венгерского консульства в Митровице. Консул Цамбаур высказывал подозрение, что истинной целью Орлова было не столько предотвращение дальнейших злодеяний арбанасов в отношении сербов, сколько распространение русской пропаганды. Он обосновывал свою позицию тем, что Орлова повсеместно встречали с особыми почестями и в присутствии большого количества людей, среди которых были самые уважаемые учителя, священники и ученики. Российский консул выступал с речами в переполненных классах сербских школ, открыто заявляя, что сербы – свободный народ, должны быть восприняты как свободные и не должны уступать магометанам. Он нередко раздавал собравшимся многочисленные подарки, которые принимались с восторгом. Такие речи и действия вызвали недовольство не только у турецких властей, но и у самого Цамбауера. Тем не менее, он не был уверен, отражают ли эти выступления официальную политику Российской империи или же

являются личной инициативой Орлова. Австро-венгерский консул утверждал, что некоторые российские консулы проводят независимую от центра внешнюю политику. Деятельность Орлова резко отличалась от текущей линии поведения других российских консулов в Старой Сербии и Македонии [9, с. 270–272].

В ходе бесед с сербским коллегой из Приштины Орлов выразил желание нанести ответный визит. С целью продолжения дальнейшего сотрудничества сербский консул Маркович 3 июля отправился в Митровицу и остановился в здании российского консульства. Он был тепло принят российским консулом, а также успешно провёл встречи с представителями турецких властей. Во время трёхдневного пребывания в Митровице основное внимание в беседах двух консулов было уделено тяжёлому положению сербского населения. Консул Маркович особо отметил усилия Орлова в каждом отдельном случае. Одним из ключевых аспектов стал вопрос о митрополите Рашко-Призренском Никифоре Периче, находившемся в конфликте с рядом видных сербов, а также с официальными представителями Королевства Сербия. Маркович указал Орлову на необходимость согласованных действий сербской и российской дипломатии и подчеркнул важность того, чтобы на столь значимом посту находился серб, готовый проводить политику Королевства Сербия. Митрополит Никифор, как подданный Османской империи, пользовавшийся привилегиями Вселенского патриархата, из-за личной амбициозности часто действовал самостоятельно [6, с. 198–199]. Такие действия привели к конфликтам с консулами в Приштине, которые обострились в течение 1904 года. Разногласия между сербским консулом и митрополитом в итоге привели к расколу народа на два лагеря [11, с. 575; 12, с. 179–181].

Хорошие отношения консула Марковича с российским коллегой из Митровицы продолжил Мирослав Спалайкович. В отличие от Марковича, который был в преклонном возрасте и которого сербы прозвали «чича», Спалайкович был молод, полон сил и энергии, что придавало российско-сербскому сотрудничеству в Старой Сербии новый импульс. Через месяц после своего прибытия в Приштину, Спалайкович посетил российское консульство в Митровице. В этом городе он находился с 10 по 13 октября 1904 года [9, с. 302]. Во время трёхдневного пребывания, по настоятельной просьбе Орлова, он остановился в здании консульства. Единство действий двух консулов проявилось в совместных выходах и визитах к турецким гражданским

и военным властям, а также к австро-венгерскому консулу Цамбауеру. Его с большим уважением принял митровицкий каймакам и дивизионный генерал Шемси-паша, который на следующий день ответил ему визитом. Спалайкович был особенно впечатлён поведением Шемси-паши и его «прекрасным сербским языком». Австро-венгерский консул в честь сербского коллеги организовал торжественный ужин, на котором, помимо троих консулов, присутствовала только супруга австро-венгерского дипломата [6, с. 193, 214].

Во время пребывания в Митровице, Спалайкович в разговоре с Орловым вспомнил о службе в Санкт-Петербурге. Он отметил, что российский министр иностранных дел Ламсдорф однажды посоветовал ему: «Сербия должна избегать всего, что могло бы дать Австро-Венгрии хотя бы малейший повод для вмешательства» [7, с. 77].

Спалайковича посетили учителя, священники, представители местной власти и другие видные сербы, как из города, так и из окрестностей. В сопровождении Орлова он посетил сербские святыни в городе. Старая церковь располагалась в довольно неприметном здании, без каких-либо знаков, включая крест. Удивленный таким зрелищем, Спалайкович упрекнул митровичан, после чего они отвели его к новому, недостроенному храму. Он считал, что строительство церкви должно быть завершено как можно скорее, поскольку Митровица находилась под угрозой «католической и австрийской пропаганды, пробивающейся к югу». Орлов согласился с его мнением и предложил, чтобы российское консульство взяло на себя управление собранными средствами для завершения строительства.

Спалайковича в Митровице посетил и отец Арсений, русский монах из монастыря Дечани, с которым консул был знаком еще в Санкт-Петербурге. На ужине в российском консульстве обсуждалось решение так называемого Дечанского вопроса [13]. Сербский консул выразил надежду, что этот вопрос будет решен в течение года, к удовольствию всех, в том числе русских монахов [6, с. 214].

Пребывание Спалайковича в Митровице также сопровождалось сообщениями австро-венгерского консула Цамбауера, который информировал о нем свое правительство в Вене. В своем отчете он не согласен с тем, что это был частный ответный визит, а, по его мнению, это было проявление сербско-русской солидарности. Это подтверждается значительными личностями, которые посетили Митровицу в те дни. Кроме уже упомянутых, Цамбауер отметил

приезд сербского азама из Нового Пазара Трифы Попадича. Пребывание множества видных сербов в Митровице встревожило магометан в городе. Среди них вскоре распространилась новость, что речь идет о разрешении конфликта между местной сербской общиной и митрополитом Никифором, что способствовало успокоению ситуации. Цамбауер считал, что речь идет о создании единой акции, в которой участвовали сербское консульство из Приштины, российское консульство из Митровицы и «создатели сербской пропаганды на севере Косова». Такое мнение он подкрепил позицией российского консула Орлова и его беспокойством по поводу улучшения положения сербов в Печском санджаке, который находился за пределами его сферы ответственности. Он упрекал Орлова за недостаточное внимание к восстаниям в Новопазарском санджаке, в которых активно участвовало и сербское население. Создание совместной сербско-русской акции Цамбауер видел в визите Орлова к российскому гражданскому агенту в Скопье Николаю Николаевичу Демериду, через несколько дней после отъезда Спалайковича.

Сотрудничество сербского и российского консулов продолжилось и позже взаимной перепиской. Об этом свидетельствует сам Спалайкович, который в отчете, направленном министру иностранных дел в Белграде, сообщает, что: «между мной и господином Орловым переписка очень развита, и мы информируем друг друга о каждом злодеянии, о котором узнаем, и сразу предпринимаем необходимые шаги, особенно когда власти арестовывают наших людей, что происходит каждый день» [6, с. 231].

В письме от 30 октября 1904 года Спалайкович сообщил Орлову о злодеяниях магометан из Новопазарского санджака против сербов [6, с. 211]. За события в этих краях был заинтересован и российский посланник в Царьграде Зиновьев. Он потребовал от своего консула объяснений относительно отсутствия информации, которая поступала к нему через австро-венгерское посольство [6, с. 193]. Под влиянием посланника, а также обязанности сотрудничать с австро-венгерским консулом, Орлов 20 ноября сообщил Спалайковичу, что вместе с Цамбауером он посетит его 8 декабря [6, с. 231].

Сотрудничество сербского консула из Приштины и российского из Митровицы в 1904 году было поднято на новый уровень. Это отразилось и в действиях по конкретным жалобам сербского населения, о которых Спалайкович напрямую информировал мутесарифа. О крупных злодеяниях он первым сообщал Орлову, благодаря чему было

проинформировано и посольство России в Константинополе. Это была новая практика консула Спалайковича, которую его предшественник Маркович не использовал. Он выступал перед турецкими властями прежде всего в защиту сербских граждан, в то время как жалобы сербов из Османской империи просто записывал и отправлял в Правительство в Белград [6, с. 230].

Список литературы

1. Дипломаты Российской империи в «Старой Сербии»: начало XX века - Дипломате Руске империје у „Старој Србији“: на почетку XX века// Каталог выставки - Каталог изложбе. Белград-Београд: Руски дом, 2021. 49 с.
2. URL: <https://www.rusdiplomats.narod.ru/orlov-aa.html>
3. Аншаков Ю. П. Российская дипломатия о положении славянского населения Старой Сербии (1902–1912 г.г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 16, бр. 3. Самара 2014. С.170–189.
4. МилошевићМ.Делатност руских конзула на Косову и Метохији у XIX и почетком XX века // Косово и Метохија кроз чињенице, тумачења и симболе, књ. 2. Лепосавић: Институт за српску културу, 2023. С. 105–128.
5. URL: <https://www.rusdiplomats.narod.ru/chemerzin-ba.html>
6. Перуничих Б. Сведочанство о Косову 1901–1913. Београд: Научна књига, 1988. 537 с.
7. Бајин З.Мирослав Спалајковић (1869–1951), биографија. Докторска дисертација у рукопису. Београд: Филозофски факултет 2016.617 с.
8. Ракић М.Конзулска писма 1905–1911, приредио А. Митровић. Београд: Просвета, 1985. 409 с.
9. Schmitt O. J, Frantz E. A. Politik und Gesellschaft im Vilayet Kosovo und im serbisch beherrschten Kosovo 1870–1914, Berichte der österreichisch–ungarischen Konsuln aus dem zentralen Balkan. Band 3. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2020. 548 p.
10. Зарковић В.Митровица у Старој Србији (1889–1912). Лепосавић: Институт за српску културу,2024. 276 с.
11. Стијовић М.Рашко-призренски митрополити и српски конзулат у Приштини // Црквене студије 15. Ниш:

- Центар за црквене студије, Међународни центар за православне студије, 2018. С.569–580.
12. Поповић Ј.Живот Срба на Косову 1812–1912. Грачаница: Никанор 2007. 400 с.
13. Батаковић Д. Т.Дечанско питање. Београд: Просвета. 1989. 231 с.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ГРУПП НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС УКРАИНЫ

Иванков К. В.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», аспирант кафедры политических наук и международных отношений

E-mail: admiralmyers@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема воздействия финансово-промышленных групп на внешнеполитический процесс Украины. Исследована сущность и особенности ФПГ как участников процесса принятия внешнеполитических решений, а также одного из элементов системы внешнеполитических отношений государства. Проанализированы методы воздействия финансово-промышленных групп на внешнюю политику Украины. С помощью биографического метода исследованы институты внешнеполитического механизма страны, воздействуя на которые ФПГ оказывают влияние на внешнюю политику республики. Кроме того, проанализированы результаты воздействия финансово-промышленных групп страны как с точки зрения эволюции российско-украинских отношений, так и в контексте эволюции внешнеполитического курса страны в целом. Подчёркивается, что рентоориентированная деятельность ФПГ, тотальная политическая коррупция и экстрактивные политические и экономические институты, сформировавшиеся в стране, выступили одним из факторов, обусловивших попадание республики в зависимость от акторов внешнего воздействия. По мере эволюции внешней политики Украины это привело к утрате страной суверенитета и внешнеполитической субъектности.*

***Ключевые слова:** Финансово-промышленные группы, олигархия, политическая коррупция, внешнеполитический процесс.*

THE INFLUENCE OF FINANCIAL AND INDUSTRIAL GROUPS ON THE FOREIGN POLICY PROCESS OF UKRAINE

Ivankov K.V.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Postgraduate student

E-mail: admiralmyers@mail.ru

Abstract. *The article gives the review of the problem of influence caused by financial and industrial groups on the foreign policy process of Ukraine. The essence and key features of financial and industrial groups as participants in foreign policy decision making process, as well as one of the elements of foreign policy relations system of the state are studied. The methods of influence of financial and industrial groups on the foreign policy of Ukraine are analyzed. Using the biographical method, the institutions of the foreign policy mechanism of Ukraine are studied. In addition, the results of influence of Ukrainian financial and industrial groups are analyzed within the framework of the evolution of Russian-Ukrainian relations as well as in the context of the evolution of the foreign policy course of Ukraine. It is emphasized that rent-seeking activity of financial and industrial groups, state capture and extractive political and economic institutions in Ukraine were one of the factors that determined state's dependency on external actors. As Ukraine's foreign policy evolved, this situation led to the loss of sovereignty and foreign policy subjectivity of Ukraine.*

Keywords: *Financial and industrial groups, oligarchy, political corruption, foreign policy process.*

Современная ситуация в системе международных отношений характеризуется её фундаментальной трансформацией, которая сопровождается ростом международной напряженности, обострением межгосударственных конфликтов и возникновением новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации. Одна из таких угроз заключается в том, что действия российской стороны по защите государственных интересов на украинском направлении были использованы государствами Запада в качестве повода для обострения антироссийской политики и развязывания гибридной войны нового типа [1].

Украина – сопредельное государство, выступающее зоной жизненных интересов России, в период после государственного переворота в феврале 2014 года значительно изменила вектор своего внешнеполитического курса, поставила целью государственной политики не только интеграцию в евроатлантические экономические интеграционные проекты, но и вступление в недружественный России военно-политический блок, что также явилось значительным внешнеполитическим вызовом. Антироссийская политика республики, невозможность разрешения противоречий в российско-украинских отношениях, милитаризация украинского общества (сопровождаясь насаждением идеологии украинского национализма и русофобии), значительное внешнее воздействие на политику страны, и фактическая трансформация Украины в средство борьбы против России стали причинами начала российской стороной Специальной военной операции [2, с. 44–51; 3].

Эти обстоятельства определяют актуальность исследования внешнеполитического процесса Украины, которое позволит выявить движущие силы формирования внешнеполитического курса страны и, соответственно, те методы, которые позволят влиять на этот процесс.

Одним из значимых участников политического процесса на Украине выступают финансово-промышленные группы (ФПГ). Их формирование началось после обретения страной независимости в 1991 году в рамках разгосударствления собственности и формирования рыночной экономики [4, с. 7–8]. Этот процесс завершился во время исполнения Л. Кучмой президентских полномочий (1994–2005 годы), в рамках которого ФПГ стали выступать не только как формы интеграции субъектов предпринимательства, но и как участники политических процессов в стране, что позволяет рассматривать их в качестве политико-экономических групп [4]. К концу 1990-х годов они трансформировались в сложные конгломераты, включающие в себя головную компанию и дочерние предприятия; банковскую структуру, эксклюзивно контролирующую финансовый капитал группы; а также подконтрольные субъекты политики. В их число входили политические партии, отдельные народные депутаты, или депутатские группы и парламентские фракции в составе Верховной Рады Украины, а также министры Кабинета Министров Украины. Кроме того, ФПГ реализовывали интересы на местах, обеспечивая избрание аффилированных депутатов в областные и местные советы [5; 6]. В

дополнение они установили контроль над большей частью медиа-системы республики, в частности над национальными телеканалами и печатными СМИ, а также реализовывали общественно-политические и спортивные проекты, предназначенные для улучшения публичного образа групп [5; 7]. Крупнейшими из таких групп выступали «System Capital Management», группа «Приват», бизнес-группа «Научно-производственная инвестиционная корпорация “Интерпайп”», группа «EastOne», группа «Укрпроминвест».

Установление олигархической системы и тотальной политической коррупции (известной также как «state capture»), рентоориентированная деятельность персональных и институциональных политических субъектов привели к укоренению в республике экстрактивных политических институтов [8, с. 99–134; 9, с. 13–23]. Эти обстоятельства обусловили возможность воздействия ФПГ на политические процессы в стране, в том числе и на внешнеполитический процесс – взаимодействие между элементами системы внешнеполитических отношений государства, внешнеполитического воздействия государства на объекты его интересов [10, с. 145]. Его также рассматривают в качестве процесса «принятия внешнеполитических решений в условиях определённых ограничений, налагаемых внешней средой и так или иначе осознаваемых акторами, принимающими решения» [11, с. 4].

Следовательно, внешнеполитический процесс Украины необходимо рассматривать с двух точек зрения: во-первых, как взаимодействие субъектов, составляющих внешнеполитический механизм республики в рамках, закреплённых нормативно-правовыми актами полномочий, а также неформальных норм; во-вторых, как внешнеполитическую деятельность субъектов, составляющих механизм формирования и реализации внешней политики Украины. Необходимо также учитывать, что финансово-промышленные группы страны не обладают полномочиями по непосредственному осуществлению внешнеполитической деятельности. Таким образом, они способны влиять на внешнеполитический процесс республики путём воздействия на деятельность внешнеполитического механизма государства, ключевыми институтами которого являются: президент Украины, Верховная Рада Украины, Кабинет Министров Украины.

Финансово-промышленными группами используется широкий спектр формальных и неформальных методов воздействия на политические процессы в стране. Он включает в себя лоббистскую

деятельность в органах законодательной и исполнительной власти, финансирование избирательных кампаний, создание политических партий и общественных организаций, а также подкуп депутатов Верховной Рады Украины, членов Кабинета Министров Украины, коррупционные и иные противозаконные методы. Ещё одним методом воздействия ФПГ на политические процессы в республике является непосредственная политическая деятельность членов групп либо аффилированных с ними персоналий в органах государственной власти.

Для определения степени воздействия ФПГ на институты механизма формирования и реализации внешней политики Украины было проведено исследование их кадрового состава с помощью биографического метода, что позволило идентифицировать персоналии, связанные с данными группами. Были проанализированы биографические сведения о персоналиях, занимавших должности президента Украины, премьер-министра Украины, министра иностранных дел Украины, председателя Верховной Рады Украины, а также о руководителях (председателях, сопредседателях, первых заместителях председателя, уполномоченных представителях) депутатских групп и парламентских фракций в Верховной Раде Украины. В результате было установлено, что системное воздействие на внешнеполитический процесс республики и внешнеполитический курс страны в целом ФПГ оказывали в первую очередь с помощью двух институтов: депутатских групп и парламентских фракций в Верховной Раде Украины, а также президента Украины.

Должность президента Украины, одного из ключевых институтов внешнеполитического механизма, который в соответствии с конституцией руководит внешней политикой республики, неоднократно занимали персональные политические субъекты, аффилированные с ФПГ, в частности: В. Ф. Янукович, П. А. Порошенко¹, В. А. Зеленский [12; 13]. Кроме того, персоналии, связанные с ФПГ, неоднократно выдвигали свои кандидатуры на президентских выборах.

Кроме того, одним из эффективных методов систематического влияния ФПГ на внешнеполитический процесс является парламентский лоббизм и участие аффилированных с ними

¹ Признан членом объединения, в отношении которого имеются сведения о причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

политических сил в законотворческой деятельности. Так, члены депутатских групп и парламентских фракций, связанных с ФПГ, работали в составе Верховной Рады Украины – высшего законодательного и представительного органа страны, осуществляли законотворческую деятельность (в том числе по внешнеполитическим вопросам), голосовали по вопросам внешней политики и международных отношений [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20]. В этом отношении необходимо отметить, что в своей деятельности указанные политические субъекты руководствовались корпоративными либо личными интересами, часто идущими вразрез с интересами государства и общества.

Систематическое воздействие ФПГ на политические процессы в республике, в том числе и на внешнеполитический процесс, привело к ряду последствий, в частности невозможности выработки эффективной внешней политики и такого внешнеполитического курса, который отвечал бы национальным интересам страны. Кроме того, рентоориентированная деятельность ключевых субъектов в политической системе и укоренение экстрактивных политических и экономических институтов явились причиной социально-политического и экономического кризиса, преодоление которого требовало постоянной внешней экономической и финансовой помощи, что стало причиной зависимости страны от внешних акторов.

Воздействие ФПГ на экономические и политические процессы в стране стало одной из причин двух переворотов (в 2004–2005 и в 2013–2014 годах), в ходе которых политические и социальные силы, выступавшие за смещение действующего руководства страны, объявляли в качестве одной из своих целей борьбу против влияния политико-экономических, олигархических групп. Следует отметить, что в результате каждого из переворотов происходила смена внешнеполитического курса страны. Она характеризовалась сближением Украины с государствами Запада (в первую очередь, США и государствами Европейского союза), а также ухудшением российско-украинских отношений.

Вместе с тем, одной из целей государственной политики, которую разделяли и представители финансово-промышленных групп, было сохранение механизмов изъятия ренты на территории республики, а также самостоятельная эксплуатация её природных, экономических и трудовых ресурсов. В связи с этим с момента обретения украинским государством независимости его политическое

руководство и крупный бизнес стремились максимально дистанцироваться от России, что значительно осложняло российско-украинские отношения. Более того, это обусловило зависимость страны от государств Запада, утрату суверенитета и понижение внешнеполитической субъектности.

Список литературы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г. [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 02.04.2025).
2. Постсоветские государства на современном этапе: внутривнутриполитическая динамика и поиск путей развития / отв. ред. Э.Г. Соловьев. Москва: ИМЭМО РАН, 2024. 209 с.
3. Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] / Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 24.02.2022).
4. Лісничук О.В., Сушко О.В. Чи є політико-економічні групи перешкодою для політичного розвитку України? Київ: Фонд ім. Фрідріха Еберта, Регіональне представництво в Україні, Білорусі та Молдові, 2005. 76 с.
5. Выдрин Д.И. «Перемены, мой друг, перемены...» [Электронный ресурс] / Д.И. Выдрин // Зеркало недели. – Режим доступа: https://zn.ua/internal/peremeny,_moy_drug,_peremeny.html (дата обращения: 29.04.2023).
6. Бевз Т. Бізнес-партійні корпорації і українська політична практика // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. 2016. Вип. 5–6. С. 294–312.
7. Дегтярева О.В. Коммуникативные стратегии медиахолдингов Украины в легитимации власти и лоббировании интересов финансово-промышленных групп: дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10. Санкт-Петербург, 2016. 300 с.

8. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные / Пер. с англ. Д. Литвинова, С. Сановича, П. Миронова // Москва: Издательство АСТ, 2024. 672 с.
9. Matuszak S. The Oligarchic Democracy. The Influence of Business Groups on Ukrainian Politics. Warsaw: Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia, September 2012. 112 p.
10. Кондратов А.И. Процесс, поведение, коммуникация и внешнеполитическая деятельность государства: соотношение понятий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. 2011. № 2(20). С. 144–150.
11. Алексеева Т.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2012. 223 с.
12. Конституція України [Електронний ресурс] / Верховна Рада України. Законодавство України. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80/ed20131006> (дата обращения: 07.04.2025).
13. Кривогуз М.И. Финансово-промышленные группы Востока Украины и состояние промышленности Донецкой и Луганской областей // Россия и новые государства Евразии. 2020. № III(XLVIII). С. 39–52.
14. Вибори до Верховної Ради України: Інформ.-довід. вид. / Редкол.: М.М. Рябець (голова) та ін. К.: Центральна виборча комісія, 2002. 676 с.
15. Вибори до Верховної Ради України 2006 року: Інформаційно-аналітичний збірник. У двох книгах. Книга 2 / Редкол. Я.В. Давидович (голова), М.І. Мельник, М.І. Ставнійчук. К.: Атіка, 2006. 952 с.
16. Народні депутати України [Електронний ресурс] / Верховна Рада України. – Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/site2/p_deputat_list?skl=6 (дата обращения: 13.03.2024).
17. Парламент України: вибори–98: Інформ.-аналіт. вид. Ч. II. / Редкол.: М.М. Рябець (голова) та ін. К.: Центральна виборча комісія, 1998. 710 с.
18. Позачергові вибори народних депутатів України 2007 року: Інформаційно-довідкове видання. К.: Фенікс, 2008. 704 с.
19. Позачергові вибори народних депутатів України 26 жовтня 2014 року: Інформаційно-аналітичний збірник / М.В.

- Охендовський, А.Й. Магера, Ж.І. Усенко-Чорна та ін. К.: ВАІТЕ, 2016. 990 с.
20. Чергові, проміжні, повторні вибори народних депутатів України 2012–2013 років: Інформаційно-аналітичний збірник / М.В. Охендовський, А.Й. Магера, Ж.І. Усенко-Чорна та ін. К.: Центральна виборча комісія, 2014. 1056 с.

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНО-
ПРАВОВЫХ АКТОВ В РФ: ОСОБЕННОСТИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ
И НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК**

Канифатов М.А.

*Российский государственный гуманитарный университет,
аспирант*

E-mail: mafanifat@gmail.com

***Аннотация.** В статье исследуется механизм обеспечения единого правового пространства в России через анализ института экспертизы региональных нормативно-правовых актов Министерством юстиции РФ. Данный институт рассматривается в качестве инструмента вертикального контроля федерального центра над национальными республиками. На основе анализа данных за 2015–2024 гг. выделяется динамика соответствия законодательства субъектов Российской Федерации нормам федерального законодательства. Эмпирический анализ используется совместно с институциональным анализом, что позволяет рассмотреть современное состояние российских федеративных отношений с разных сторон. Особое внимание уделено национальным республикам, а также отдельным федеральным округам, где наблюдаются значительные различия в показателях. По результатам анализа устанавливаются как эндогенные, так и экзогенные факторы, которые способствуют повышению комплементарности регионального законодательства федеральному.*

***Ключевые слова:** федерализм, федеративные отношения, федеративный торг, правовое пространство, региональное законодательство, экспертиза законодательных актов.*

FEDERAL REVIEW OF LEGISLATION IN RUSSIA: SPECIFICS OF INTERACTION BETWEEN FEDERAL AUTHORITIES AND NATIONAL REPUBLICS

Kanifatov M.A.

Russian state university for humanities, postgraduate student

E-mail: mafanifat@gmail.com

Abstract. *The article examines the mechanism for maintaining a unified legal framework in Russia through an analysis of the Ministry of Justice's legal review system for regional legislation. This institution is considered as a tool of vertical control exercised by the federal center over national republics. Based on data analysis from 2015 to 2024, the study tracks the dynamics of compliance between regional legislation and federal legal norms. Empirical analysis is combined with institutional analysis, providing a multifaceted examination of contemporary Russian federal relations. Special attention is given to national republics and specific federal districts, where significant variations in compliance indicators are observed. The analysis identifies both endogenous and exogenous factors contributing to the increasing alignment of regional legislation with federal standards.*

Keywords: *federalism, federal relations, federative bargaining, legal space, regional legislation, legislation review*

Одним из важнейших процессов федеративного развития в России с начала 21 века является обеспечение принципа единого правового пространства внутри государства. Процесс обеспечения верховенства Конституции и федеральных законов, как одна из основных целей упорядочения федеративных отношений, сопровождался созданием федерального банка нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Согласно Указу Президента от 10 августа 2000 года «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» [1] Министерство Юстиции РФ наделялось полномочиями по проведению экспертизы издаваемых региональных законов.

Данный механизм является крайне интересным для нас в рамках рассмотрения федеративных отношений, так как устанавливает вертикальный контроль федерального органа исполнительной власти

над региональными органами законодательной власти. Используя дедуктивный метод исследования, проведем анализ результатов работы данного института – это может позволить нам оценить степень комплементарности региональной власти федеральному центру, а также состояние института федеративного торга в России на современном этапе. В собственном анализе остановимся на национальных республиках, которые образованы по этно-территориальному принципу, что исключит из нашей оптики Республику Крым, Донецкую Народную Республику и Луганскую Народную Республику.

Для проведения данного анализа обратимся к ежегодным отчетам Министерства Юстиции Российской Федерации по проведению экспертиз в данном направлении и затронем десятилетний период отчетности – с 2015 по 2024 год.

Во время анализа проведенных экспертиз обратим внимание на два показателя: количество нормативно-правовых актов, изданных республиками, по которым была проведена экспертиза Министерством Юстиции в отчетный период, а также количество нормативно-правовых актов, изданных республиками, признанных Министерством Юстиции несоответствующими Конституции или федеральному законодательству.

При рассмотрении данных из указанного периода средняя доля региональных нормативно-правовых актов, признанных Министерством Юстиции несоответствующими Конституции и федеральному законодательству, среди всех рассматриваемых субъектов является следующей [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]:

- 2015 год – 4,6% актов;
- 2016 год – 4,8% актов;
- 2017 год – 5,3% актов;
- 2018 год – 5% актов;
- 2019 год – 4,9% актов;
- 2020 год – 3,4% актов;
- 2021 год – 3% актов;
- 2022 год – 2,7% актов;
- 2023 год – 3,1% актов;
- 2024 год – 3,6% актов;

Таким образом, средний показатель несоответствующих региональных нормативно-правовых актов за 10 лет составляет 3,9% (Приложение 1) – для дальнейшего анализа округлим данный

показатель до 4%. В свою очередь целях систематизации полученных данных возьмем за правило следующие характеристики, исходя из средних показателей за этот период:

- Доля несоответствующих нормативно-правовых актов менее 2 процентных пунктов – «удовлетворительный» показатель

- Доля несоответствующих нормативно-правовых актов более 6 процентных пунктов – «неудовлетворительный» показатель

Рассматривая результаты анализа, мы можем прийти к следующим выводам. В первую очередь, если мы посмотрим на динамику количества субъектов, достигших «удовлетворительных» и «неудовлетворительных» показателей (Приложение 2), то обнаружим как восходящие, так и нисходящие тренды.

Мы можем наблюдать негативный тренд в достижении показателей с 2015 по 2019 год, когда количество республик, достигнувших «удовлетворительных» и «неудовлетворительных» показателей, фактически меняется местами. Наихудшие показатели совпадают с началом активных отставок глав республик в 2017 году. Тренд удастся переломить после 2019 года, когда практика переназначения глав республик в качестве ВРИО прекращается, и в республиках закрепились практика назначения губернаторов-«варягов», подконтрольных федеральному центру [12, с. 69]. Можно предположить, что восходящий тренд, наметившийся с 2020 года, является в том числе эффектом данной политики федерального центра.

Кроме того, подобную двунаправленную флуктуацию можно объяснить и факторами экзогенного характера. Так мы предполагаем, что пандемия коронавируса в 2020 году запустила процесс усиления централизации и согласования действий между федеральным центром и республиканскими властями. Подобные общенациональные кризисы, которые требуют совместных усилий для их преодоления, предположительно могут увеличивать степень комплементарности региональных властей федеральному центру, что сводит процесс федеративного торга к минимуму и переводит политический процесс в единое общегосударственное русло.

Отметим также, что на период начала СВО в 2022 году фиксируется наивысшая комплементарность региональных нормативно-правовых актов федеральному законодательству, эффект от чего, однако, постепенно затухает с 2023 года. Причины данного спада безусловно заслуживают последующего анализа.

Если мы посмотрим на конкретные республики, которые чаще всего – 5 и более раз – достигали «удовлетворительных» показателей за период с 2015 по 2024 год, то заметим преобладание 6 республик: Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Татарстан и Республика Хакасия.

«Неудовлетворительные» показатели чаще всего – 5 и более раз – за период с 2015 по 2024 год были нами зафиксированы в 3 республиках: Республика Калмыкия, Республика Тыва и Республика Саха (Якутия).

На фоне остальных федеральных округов безоговорочно выделяется Северо-Кавказский федеральный округ, в котором 4 республики – Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания и Чеченская Республика – показывают наилучшие результаты чаще всех остальных субъектов, в то время как Республика Дагестан, и Республика Ингушетия имеют средние показатели среди всех рассматриваемых регионов. Подобная тенденция, по нашему мнению, связана с тем, что Северо-Кавказский федеральный округ представляет собой наиболее сложный для федерального центра макрорегион, в котором крайне высока региональная идентичность и артикуляция интересов внутренних этнических групп, что обуславливает повышенный контроль за нормативно-правовым полем и минимизирует возможность федеративного торга в легальном пространстве.

С другой стороны, мы можем наблюдать федеральные округа, где преобладают абсолютно полярные результаты у республик: Южный федеральный округ и Сибирский федеральный округ. Так в Южном федеральном округе Республика Адыгея находится в группе лидеров, а Республика Калмыкия является аутсайдером. В Сибирском федеральном округе же помимо Республики Бурятия, которая за рассматриваемый период показывает средние результаты, Республика Хакасия также находится в списке лидеров, а Республика Тыва и Республика Алтай, соответственно, являются аутсайдерами.

Наихудшие показатели демонстрирует Дальневосточный федеральный округ, в котором «неудовлетворительные» показатели фиксировались 7 лет за рассматриваемый период у Республики Саха (Якутия). Тем не менее, так как Якутия является единственной

республикой в составе федерального округа, это, по нашему мнению, не может свидетельствовать о состоянии федерального округа в целом.

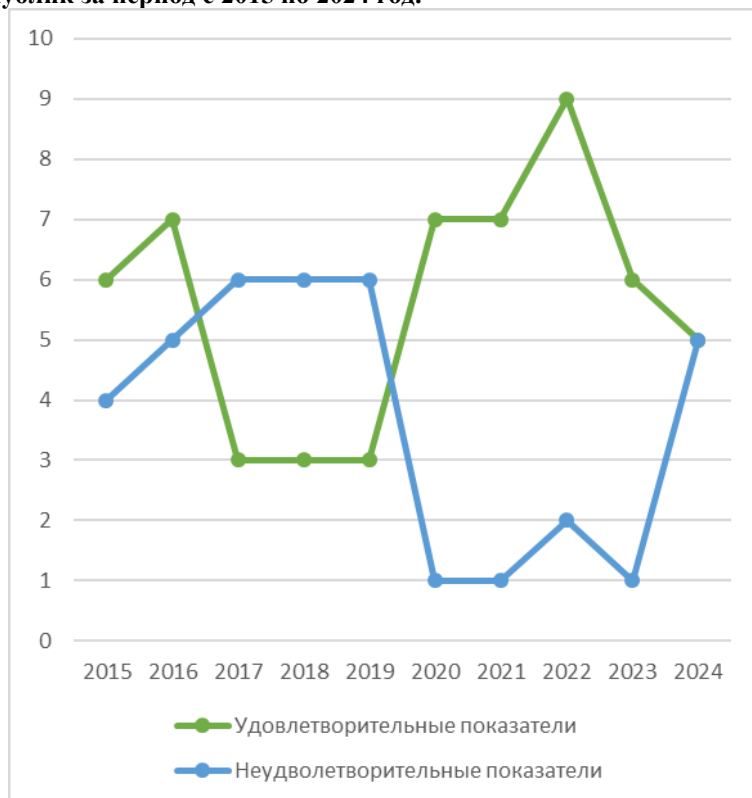
Таблица № 1. Средние показатели экспертизы соответствия региональных нормативно-правовых актов Конституции РФ и федеральному законодательству, проведенной Министерством Юстиции РФ за период с 2015 по 2024 год

	Республика	Средний показатель за период по республике	Средний показатель за период по федеральному округу
СЗФО	Республика Карелия	3,4	5,0
	Республика Коми	4,9	
ЮФО	Республика Адыгея	1,8	4,5
	Республика Калмыкия	7,1	
СКФО	Республика Дагестан	3,5	2,5
	Республика Ингушетия	3,7	
	Кабардино-Балкарская Республика	1,9	
	Карачаево-Черкесская Республика	1,5	
	Республика Северная Осетия - Алания	2,0	
	Чеченская Республика	2,6	
ПФО	Республика Башкортостан	6,0	4,2
	Республика Мордовия	4,2	

	Республика Марий Эл	5,1	
	Республика Татарстан	1,1	
	Удмуртская Республика	4,1	
	Чувашская Республика	4,7	
СФО	Республика Алтай	5,2	4,4
	Республика Бурятия	3,8	
	Республика Тыва	5,8	
	Республика Хакасия	2,6	
ДВФО	Республика Саха (Якутия)	7,0	7,0
Средний показатель		3,9	

Отдельно заострим внимание на «тяжеловесах» федеративных отношений – Чеченской Республике и Республике Татарстан. Так до проведения анализа предполагалось, что регионы со значительным уровнем влияния на федеральный центр будут, скорее, демонстрировать большую автономию и стараться проводить более самостоятельную нормативно-правовую политику, пользуясь собственным авторитетом в рамках федеративного торга. Между тем, Чеченская республика, несмотря на то что только 4 раза достигала «удовлетворительных» показателей, большинство лет демонстрировала пограничные с «удовлетворительными» показатели, а Республика Татарстан вовсе является лидером среди остальных субъектов, и не достигла «удовлетворительных» показателей только в 2020 году. Отдельно отметим, что даже в период наивысшего противостояния Республики Татарстан и федеральной власти в 21 веке – в период обострившегося вопроса обновления Конституции Республики и нового наименования главы Республики в 2021-2022 гг. – показатели соответствия регионального законодательства оставались на крайне высоком уровне.

Рисунок № 1. Динамика количества республик с «удовлетворительными» и «неудовлетворительными» показателями доли несоответствующих Конституции и федеральному законодательству нормативно-правовых актов республик за период с 2015 по 2024 год.

С нашей точки зрения подобный факт законодательной комплементарности объясняется тем, что влиятельные республики идут на компромисс с федеральным центром в вопросах легального пространства, тогда как федеративный торг в основном ведется за статусное влияние и неформальные предпочтения.

Подводя итоги анализа, можно согласиться с категоризацией модели российского федерализма, к которой стремится прийти федеральная власть, данную А.А. Захаровым, как «исполнительного

федерализма» [13, с. 127], который предполагает прямой всеохватывающий контроль федерального центра за деятельностью субъектов федерации, неформальные «преференции» республик как итог федеративного торга. Также представляется целесообразным в последующем продолжить эмпирический анализ работы института федеральной экспертизы региональных законодательных актов и сопоставления выявленных флуктуаций с изменениями в институциональном поле российских федеративных отношений.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.08.2000 г. № 1486 О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации // Администрация Президента России, 2025. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15963> (дата обращения: 12.04.2025)
2. Сведения о деятельности по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Российской Федерации, 2025. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-deyatelnost2015/> (дата обращения: 12.04.2025)
3. Сведения о деятельности по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Российской Федерации, 2025. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-deyatelnost2016/> (дата обращения: 12.04.2025)
4. Сведения о деятельности по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Российской Федерации, 2025. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-deyatelnosti2017/> (дата обращения: 12.04.2025)
5. Сведения о деятельности по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Российской Федерации, 2025. URL:

<https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-deyatelnost2018/>
(дата обращения: 12.04.2025)

6. Сведения о деятельности по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации (январь-декабрь 2019) [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Российской Федерации, 2025. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/po-pravovogo-prostranstva/> (дата обращения: 12.04.2025)
7. Сведения о деятельности по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Российской Федерации, 2025. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-deyatelnosti-po-obespecheniyu-edinstva-pravovogo-prostranstva-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 12.04.2025)
8. Сведения о деятельности по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации (за 2021 год) [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Российской Федерации, 2025. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-deyatelnosti-po-obespecheniyu-edinstva-pravovogo-prostranstva-rossijskoj-federacii-2021/> (дата обращения: 12.04.2025)
9. Сведения о деятельности по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации (за 2022 год) [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Российской Федерации, 2025. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-deyatelnosti-po-obespecheniyu-edinstva-pravovogo-prostranstva-rossijskoj-federacii-za-2022-god/> (дата обращения: 12.04.2025)
10. Сведения о деятельности по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации за 2023 год [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Российской Федерации, 2025. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-deyatelnosti-po-obespecheniyu-edinstva-pravovogo-prostranstva-rossijskoj-federacii-za-2023-god/> (дата обращения: 12.04.2025)
11. Сведения о деятельности по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации (за 2024 год) [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции

Российской Федерации, 2025. URL:
<https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-deyatelnosti-po-obespecheniyu-edinstva-pravovogo-prostranstva-rossijskoj-federacii-za-2024-god/> (дата обращения: 12.04.2025)

12. Баландин Ю. А., Гайворонский Ю.О. Патрональная политика и ротация губернаторского корпуса в России (Опыт сетевого анализа) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 3(110). С. 67-90.
13. Захаров А.А. "Исполнительный федерализм" в современной России // Полис. Политические исследования. 2001. № 4. С. 122-131.

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ»: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖАРГОН В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Карицкая Л.Ю.

*Кандидат филологических наук
Мурманский строительный колледж имени Н.Е.Момота,
преподаватель русского языка и литературы
E-mail: Angies@yandex.ru*

Аннотация. *Статья посвящена новейшим номинациям, пришедшим в современную речь и медиаресурсы благодаря специальной военной операции. Особенности словоупотребления военно-политического жаргона рассматриваются в лексико-семантическом аспекте.*

Ключевые слова: *медиа, экспрессивная лексика, военно-политический жаргон, политическая метафора, милитаризмы, специальная военная операция.*

«HATE SPEECH»: POLITICAL AND MILITARY JARGON DURING THE POLITICAL CONFRONTATION

Karickaia L.Yu.

*Candidate of Philological Sciences
Murmansk Civil Engineering College named after N.E.Momot,
teacher of Russian language and literature
E-mail: Angies@yandex.ru*

Abstract. *The article is devoted to the latest nominations that came into a modern speech and media after the beginning of the special military operation. The new words and definitions are considered in the lexical semantic aspect.*

Keywords: *media, expressive vocabulary, military jargon, metaphor, special military operation.*

Те или иные исторические и политические события всегда оставляют след в языке. Не стал исключением и 2022 год. В этот год военная лексика и военный жаргон прочно вошли в жизнь гражданских людей, обосновались в медиасфере, литературе (как традиционной, так и сетевой). Это и военная терминология, и жаргонизмы (*вертушка, за ленточку, двухсотый, зеленка, передок, лепестки, птичник, броник и др.*)

«Язык вражды» – «коммуникация, которая не несет никакого иного смысла, кроме выражения ненависти к некоторой группе, особенно в условиях, когда коммуникация может спровоцировать насилие. Это подстрекательство к ненависти в первую очередь в отношении группы лиц, определяемой по признаку расы, этнической принадлежности, национального происхождения, пола, вероисповедания...» – отмечает А.В. Гладилин [1, с.144]. Это коммуникация, основанная на стереотипах.

«Язык вражды» является аналогом английского выражения «hatespeech» и означает выражения, подразумевающие отрицательные оценки всех представителей некоторой социальной группы, объединенных по признаку расы, языка, этнического происхождения, религии, верований и т. п. Не относятся к языку вражды (в собственном смысле этого слова) выражения, содержащие резкую отрицательную оценку, если она не связана с принадлежностью к группе. Например, изначально слово «фарисей» не имело отрицательного ореола, а называло последователей одного из течений в иудаизме. Только в новозаветном контексте оно приобрело отрицательные коннотации, стало ассоциироваться с лицемерием. В текстах рассказов Н.В. Гоголя (который, к слову, был этническим украинцем) слово «хохол» не несет негативного оттенка и употребляется наравне со словами «малоросс» и «украинец». Если слово «хохол» целенаправленно употребляется так, чтобы задеть современного жителя Украины, то представляет собой элемент «языка вражды».

В 2014 году после известных событий на Майдане в медиасфере появляется слово «укроп», которое связано как с наименованием государства Украина, так и с английским (а точнее австралийским и новозеландским) жаргонизмом dill - дурачок, придурок, простофиля [6].

Подобная история произошла и со словом «ватник». Поскольку в России далеко не все носят ватники, то и обозначать этим словом по ту и по эту сторону политических баррикад стали патриотов, поддерживающих действующий режим. Нельзя не отметить сужение сферы значения слова «хохол»: не любой житель Украины, а враждебно настроенный по отношению к России и русским, воюющий против России, а ватник – не поклонник стеганой куртки, а тот, кто на стороне президента РФ.

Параллельно с процессом сужения значения идет и процесс его расширения. Так произошло со словом «ждун». До начала СВО ждун был безобидным персонажем интернет-мемов. Это распространенное в Рунете название скульптуры, созданной голландской художницей Маргрит ван Бреворт для Лейденского университета и понравившееся сетевым завсегдатаям. Но в период СВО слово стало обозначать новую социальную страту – тех, кто ожидает возвращения прежнего режима, втайне ненавидит новую власть.

Одна из сложностей оценки hatespeech состоит в том, что нет единого правила для проведения границы между обидными и нейтральными словами, что затрудняет лингвистическую экспертизу в случае ее необходимости. Например, в испанском языке слово «хунта» обозначает собрание, объединение, руководящий орган. С 2014 года в российских СМИ его применяют по отношению к киевскому режиму. В советских изданиях использовалось для описания власти в латиноамериканских странах, захваченной в результате военного переворота.

«Киевская хунта разворовывает наследие русского мира» [2];

«После такого парада в поддержку киевской хунты Уиткофу будет сложнее уговорить Путина признать поражение и остановить военные действия» [7].

Отрицательный оттенок у слов и выражений может появляться и исчезать, и не всегда эти процессы идут по нашему желанию, не всегда подчиняются логике. В отрывке из ставшего известным в Интернете стихотворения «Письмо» Дмитрия Мельникова это происходит со словом «вата» (тут и белый цвет, и мягкость, и отсылка к

вышеупомянутому ватнику, чье значение усилено прилагательным «русская»):

Напиши мне о том, что ты видишь в окно
бесконечное синее море,
что по морю по синему лодка плывёт
серебристым уловом богата,
что над ним распростёрся космический флот –
снежно-белая русская *вата* [5, с. 182].

События, связанные с Украиной, дали целый пласт лексики, пополнившей фонд «языка вражды»: все эти *бандеровцы*, *колорады*, *ватники*, *укропы*, *пиндосы*, *зелёные человечки*, *майдауны*, *клопы-солдатики*, *сепары* и более поздние *укропитеки*, *хохлобандеровцы*, *украонаци* и т. п. Однако внутри каких-то социальных групп эти слова могут восприниматься как нейтральные или даже положительно окрашенные. Например, «Я ватник» (стихотворение Андрея Лукина).

Я ватник, я потомственный *совок*.

(...)

Я ватник, я советский, я *москаль*.

Я сын иного времени и века.

(....)

Я ватник, я угрюмый *колорад*.

Моя любовь к стране необъяснима.

Я русский. Я татарин. Я бурят.

Я злой на вид, но вежливый солдат.

Я в том перед Европой виноват,

Что рад безмерно возвращенью Крыма [4].

И наоборот, положительно окрашенное слово в контексте может приобретать иронический оттенок:

«*Братья-украинцы* загладили Тв***р и И***м сообщениями: «Заберите труп Стешина, его уже собаки едят» [8].

Ср.: «Это наш «Чебурашка», аналог ТОС «Буратино», снаряды тоже нашего изготовления, термобарические. И скажу вам, *братики*, точное оружие нет» [9, с. 3].

Или, скажем, употребление слова «евроколхоз» вместо Евросоюз. Изначально в слове «колхоз» нет ничего оскорбительного. Тем не менее, в свете европоцентризма это слово предполагает не просто обращение к хорошо забытой реалии социалистического строя, но и неразбериху, насильственное насаждение порядков и правил, наличие пострадавших и несогласных, работу за трудовни и т.п. В итоге

«евроколхоз» может восприниматься как «hatespeech», направленный на принижение жителей Европейского союза.

В 2022 году в конкурсе «Слово года» победили наименования «специальная военная операция» и «мобилизация» (отсюда жаргонизм «мобики»). В 2023 году на первом месте было слово «нейросеть», но военная лексика по-прежнему – в первой десятке. В 2024 году в тройку лидеров входило слово «прилёт» (удар одиночного снаряда по объекту или территории).

Если употребление военно-политического жаргона в речи военнотружущих объяснимо, то иная картина у мирного населения. Каковы же причины употребления военных жаргонизмов теми, для кого они не являются насущной необходимостью?

Во-первых, военного жаргона много в текстах и репортажах военных корреспондентов, откуда жаргонизмы попадают в прозу и поэзию (выпущены несколько сборников так называемой «Z-поэзии»). Во-вторых, используя жаргон, можно продемонстрировать чувство сопричастности (риторика и идеология едины?), проявить осведомлённость, значимость. В-третьих, военный жаргон работает на романтизацию человека в погонах («наших») и создание образа врага («не наших»). Популяризируют армейский жаргон и общественные деятели, побывавшие на передовой или посетившие новые территории. В-четвертых, у каждой эпохи – свой особый сленг: если в 60-е годы прошлого века это был жаргон «физиков и лириков», то сегодня им, вероятно, может стать военно-политический жаргон, который знаменует пришествие новой милитари-реальности.

Вот пример не из СМИ или книг, а из жизни. Мурманск. Магазин одежды. Две женщины выбирают джинсы. Размеры не подходят. Одна говорит другой: «Сегодня штаны только на *мелкокалиберных*». Обе участницы диалога никакого отношения к военной сфере не имеют.

В период обострения политического противостояния, боевых действий необдуманное использование слов уходит на второй план, а на первый выходит намеренное принижение и выражение вражды к представителям какой-либо группы. Это даёт основания считать, что «язык вражды» в условиях политического, а тем более военного противостояния – явление естественное (история знает периоды, когда врага называли «фрицем» или «душманом»). Правда, тут имеются и риски: коль идеология и риторика едины, вместе с языком транслируются и принципы: культуры с позиции силы; романтизации ратной профессии; снижения образа врага и расчеловечивание его.

В истории русского языка такие явления были отмечены не раз. И хотя процессы по пополнению фонда экспрессивной лексики еще не завершены, словарь новейшего военно-политического жаргона ждет своего составителя.

Список литературы

1. Гладилин А.В. Язык вражды в традиционных и новых медиа // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80. С. 144–153.
2. Киевская хунта разворачивает наследие русского мира [Электронный ресурс]. URL: <https://rutube.ru/video/26b04a4aa80b8e448a08a2f61bfbd7a2/> (дата обращения: 01.05.2025)
3. Лазаревич С.В. Лексика и фразеология русского военного жаргона: семантико-словообразовательный анализ. Дис. ... канд. филол. наук. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет. – Нижний Новгород, 2000. – 251 с.
4. Лукин А. Я ватник / Читальня [Электронный ресурс]. URL: <https://chitalnya.ru/work/1356444> (дата обращения: 01.05.2025)
5. Мельников Д. Напиши мне потом.../ Д.Мельников. Белее снега. Стихи. – М.: «Типография «Миттель Пресс», 2023. – 192 с.
6. Оксфордский словарь английского языка. URL: https://www.oed.com/dictionary/dill_n6?tl=true (дата обращения: 01.05.2025)
7. Онуфриенко М. URL: <https://nmosknews.ru/society/2025/04/24/179466.html> (дата обращения: 01.05.2025).
8. Стешин Д. Военкор kpr.ru с Донбасса: ночью меня «убили» в очередной раз // Комсомольская правда. – 2022. – 3 марта.
9. Стешин Д. Священная военная операция: от Мариуполя до Соледара. – М.: Комсомольская правда, 2023. – 448 с.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА ЗАПАДА ПРОТИВ РОССИИ

Когут В.Г.

*Кандидат политических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, руководитель базовой кафедры евразийской интеграции*

Нурышев Г.Н.

*Доктор политических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, профессор кафедры международных отношений и
политологии
E-mail: g.nuryshev@yandex.ru*

Аннотация. В работе на основе обзора западных источников отмечается, что специальная военная операция России на Украине является сегодня проявлением крупного геополитического и геоэкономического конфликта. Этот конфликт вызван тотальной экономической войной, которую развязали ЕС и НАТО для разрушения России и создания своей сырьевой базы на Украине. Экономическая война Запада против России положила начало новым геополитическим и геоэкономическим конфликтам XXI века, связанным с завершением проекта глобализации и разделением сложившейся мировой экономической системы на макрорегионы. Все это требует от России быстрее отказа от либеральной идеологии и серьезного пересмотра всей экономической политики. В современных геоэкономических условиях рассчитывать можно только на собственные силы.

Ключевые слова: специальная военная операция, экономическая война, геополитический конфликт, геоэкономическая панорама, глобализация, макрорегионы.

ECONOMIC WAR OF THE WEST AGAINST RUSSIA

V.G. Kogut

*Candidate of Political Sciences,
Associated Professor, Saint Petersburg State University of Economics,
Head of the Basic Department of Eurasian Integration*

Nuryshv G.N.

*Doctor of Political Sciences, Professor Saint Petersburg State
University of Economics, Professor of the Department of International
Relations and Political Science
E-mail: g.nuryshv@yandex.ru*

Abstract. *The work, based on Western sources, notes that Russia's special military operation in Ukraine is today a manifestation of a major geopolitical and geo-economic conflict. This conflict is caused by a total economic war, which was unleashed by the EU and NATO to destroy Russia and create their own raw material base in Ukraine. The West's economic war against Russia has marked the beginning of new geopolitical and geoeconomic conflicts of the 21st century, associated with the completion of the globalization project and the destruction of the existing world economic system into macro-regions. All this requires Russia to quickly abandon liberal ideology and seriously revise its entire economic policy. In today's geoeconomic conditions, one can only rely on one's own strength.*

Keywords: *special military operation, economic war, geopolitical conflict, geoeconomic panorama, globalization, macroregions.*

Специальная военная операция России на Украине представляет сегодня не только крупный геополитический, но и геоэкономический конфликт, оказывающий серьезное влияние на всю мировую экономику. В этой связи Николас Малдер, исследователь Корнельского университета подчеркивает, что российско-украинский конфликт — это «переломный момент с точки зрения геоэкономики» [1]. Этот конфликт обусловлен той тотальной экономической войной, которую развязали ЕС и НАТО против России, чтобы вынудить ее отступить под угрозой нанесения неприемлемого ущерба всей стране. Геополитическая цель экономической войны коллективного Запада — добиться потери Россией своей геополитической и геоэкономической субъектности и получения полного контроля над всеми российскими

ресурсами, а также замораживания активов, экспроприации собственности. В целом в этой экономической войне Запад борется за свою будущую сырьевую базу на Украине. Для достижения поставленных задач он умело использует экономическую блокаду, доминирование американских банков и транснациональных корпораций в сфере мировых финансов, информационных, нефтесервисных, биомедицинских и прочих технологий, а также неэквивалентный обмен между «метрополией» и периферией из развивающихся стран.

В этой войне, как отмечает Н. Мальдер, западные санкции «являются самыми жёсткими из тех, что когда-либо применялись против государства такого размера и мощи, как Россия. США и их союзники отключили российские банки от глобальной финансовой системы, заблокировали экспорт высокотехнологичных компонентов, захватили зарубежные активы сотен состоятельных россиян, отозвали торговые соглашения с Москвой, закрыли для российских самолётов воздушное пространство Северной Атлантики, ограничили продажу российской нефти в США и Великобританию, приостановили все инвестиции в экономику РФ и заморозили 403 млрд из 630 млрд долларов иностранных активов ЦБ РФ» [1]. Таким образом, по мнению Н.Мельдера, 11-я по величине экономика мира оказалась полностью отрезанной от мировой экономики XXI века, и мир оказался совершенно в новой геоэкономической реальности [1]. Все эти предпринимаемые меры, считает другой исследователь Дэвид Эдгертон, являются самым настоящим оружием массового поражения. Усиление эффективности санкций, замечает он, обеспечивается за счет серьезной экономической и политической разведки, способной эффективно действовать против любой попытки уклониться от санкционных мер [2].

Коллективный Запад, отмечает Патрик Бааб, вступал в экономическую войну с мыслью, что «российская армия очень сильна, а экономика очень слаба. Мы думали, что Украина будет разгромлена в военном отношении, а Россия будет разгромлена в экономическом отношении Западом». Однако все получилось наоборот. Россия оказалась готова к длительной войне на истощение, а санкции превратили российскую экономику в самую сильную в Европе. Россию не удалось «уничтожить санкциями», как обещала министр финансов США Джанет Йеллен. Несмотря на санкции, 80% стран мира, включая такие страны, как Китай и Индия, расширяют сотрудничество с

Россией. Москва вынуждена укреплять свою экономическую самодостаточность. Сегодня Россия завершает свой европейский путь, стратегически все дальше отдаляясь от Европы.

В связи с этим Европейский совет по международным отношениям вынужден отметить, что сегодня Запад объединен, но отделен от остального мира. При этом, как отмечает Патрик Бааб, американские компании зарабатывают деньги. Благодаря этой войне Вашингтон стал гегемоном в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе, а Европейский союз превратился в подопечного, и западноевропейские правительства стали играть роль американских губернаторов. А Украина будет самой большой проигравшей стороной в этом конфликте. Федеративная Республика Германия предала, пишет Патрик Бааб, все свои моральные ценности и «запятнала себя кровью сотен тысяч украинцев и русских, за смерть которых мы, немецкие политики, военные, оружейники и журналисты, также несем ответственность. И снова мы сидим среди народов в грязи» [3].

Все эти геополитические и геоэкономические процессы знаменуют собой конец эпохи глобализации и интеграции, экономического национализма и технологической разобщённости. Поэтому неслучайно, пишет Фарид Закария, крупные страны, такие как Китай, Индия, Индонезия, Саудовская Аравия, Турция ищут способы выйти из-под влияния экономической мощи Вашингтона, который уже начал терять «непомерную привилегию» — владеть мировой резервной валютой [4].

Таким образом, экономическая война Запада против России положила начало новым геополитическим и геоэкономическим конфликтам XXI века, связанным с завершением проекта глобализации и разрушением сложившейся мировой экономической системы. Мир начинает распадаться на макрорегионы, в которых экономические союзы с общей внешнеполитической стратегией создаются на новых принципах, не опасаясь внешних экономических кризисов и военных угроз. В ближайшие годы, как полагает Белинда Ромеро Педрас, сформируется новая геоэкономическая шахматная доска, и «геоэкономическая панорама может стать приоритетной над геополитической проблемой». И экономика, на его взгляд, «может стать инструментом жесткой силы, формируя новую сеть региональных отношений со своими арбитражными механизмами, отличными от западных институтов, и возможной «юанизацией» значительной части мира. При этом, на взгляд этого исследователя,

«новые экономические союзы должны выйти за рамки коммерческих аспектов и создать новую финансовую архитектуру» [5].

В этот период наступает опасная эпоха турбулентности, эпоха столкновения экономических интересов, культур, цивилизаций. Поэтому транснациональные корпорации начинают действовать по сценариям гиперконкуренции, даже с собственными государствами, используя в качестве оружия в конкурентной борьбе стратегический контроль над потоками информации и большими данными, тотальную демонизацию противника. Не случайно, всеобъемлющая информационная война является неизбежной составляющей экономической войны. Поэтому западное общество погружается в примитивную русофобию. Тотальная демонизация русских внедряет в западное массовое сознание мысль о том, что Россия подлежит уничтожению.

Все это требует от России быстрее отказа от либеральной идеологии и серьезного пересмотра всей экономической политики. В современных геоэкономических условиях рассчитывать можно только на собственные силы. Антироссийская экономическая война диктует необходимость серьезной модернизации экономики, ее перехода от компрадорской к мобилизационной модели на основе реализации собственной индустриальной политики при принципиально ином качестве трудовых ресурсов. Отсюда мобилизационные методы государства обязывают заботиться о подготовке новых кадров и, соответственно, восстанавливать систему профессионально-технического образования. В связи с этим школьное и высшее образование становится стратегической сферой государства [6].

Таким образом, мы на долгом и трудном пути борьбы за свое собственное будущее. Наступает опасная эпоха экономических, цивилизационных войн за гегемонию, за свое существование, за свою геополитическую и геоэкономическую субъектность.

Список литературы

1. Malder N. The Price of Economic Warfare. - URL.: <https://globalaffairs.ru/articles/plata-za-ekonomicheskuyu-voynu>
2. Edgerton D. The west has declared all-out financial war with Russia-URL.: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/03/russia-west-financial-war-sanctions>

3. Baab P. European Suicide: The Economic War against Russia -URL.: [HTTPS://WWW.THEPOSTIL.COM/EUROPEAN-SUICIDE-THE-ECONOMIC-WAR-AGAINST-RUSSIA](https://www.thepostil.com/european-suicide-the-economic-war-against-russia)
4. Zakaria F. How to win the economic war against Russia- URL.: <https://fareedzakaria.com/columns/2022/10/14/how-to-win-the-economic-war-against-russia>
5. Romero Pedraz, B. Guerra económica contra Rusia. Documento de Opinión IEEE. 2022. № 58. - URL.: https://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_opinion/2022/DIEEEO58_2022_BELROM_Rusia_EN
6. Лосев А. Экономические войны. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5269797>

ОТВЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЦК КПСС НА ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН (К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЯХ ПОВЕДЕНИЯ И МАРКЕРАХ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ)

Кушнерева К.В.

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской Академии Наук», аспирант;
МОУ «СОШ №1», учитель истории и обществознания;
Вологодская ГМХА, внештатный научный сотрудник
E-mail: k.v.kushnereva@yandex.ru*

***Аннотация.** Основная цель исследования состоит в раскрытии роли писем как инструмента обратной связи между властью и обществом, а также оценке эффективности реагирования партийных структур на запросы населения. Кроме того, затрагивается проблематика исследования механизмов взаимодействия власти и собственности в советской России, влияние этих процессов на ментальность масс. В работе использованы архивные материалы ЦК КПСС, включая документы секретариата и отделов по работе с письмами, статистические отчёты, а также выборка гражданских обращений, извлеченных из фондов Российского государственного архива новейшей истории. Особое внимание уделено эволюции подходов к обработке корреспонденции в разные периоды (от хрущёвской «оттепели» до брежневского «застоя»), тематике запросов (общественное мнение: социальные проблемы, критика местных*

властей, идеологические инициативы) и формам ответных действий – от административных решений до формальных отписок. Исследование демонстрирует, что, несмотря на декларируемую открытость, система работы с письмами носила двойственный характер: с одной стороны, служила каналом оперативного устранения локальных конфликтов, с другой – использовалась для пропаганды «народной близости» партии. Выявлена зависимость качества реакций от политического контекста, статуса автора и актуальности темы для идеологической повестки. Исследование вносит вклад в понимание механизмов легитимации власти в СССР, подчёркивает противоречия между формальной и реальной вовлечённостью граждан в диалог с государством, а также актуализирует изучение истории повседневности и коммуникативных практик.

Ключевые слова: письма, ЦК КПСС, маркеры эволюции, обращения граждан, ответные действия, общественное сознание.

RESPONSE ACTIONS OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU TO CITIZENS' APPEALS (ON THE ISSUE OF BEHAVIOR STRATEGIES AND MARKERS OF THE EVOLUTION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS)

Kushnereva K.V.

Postgraduate student, Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Teacher of History and Social Studies, Secondary School No. 1, freelance researcher, Vologda State Agricultural Academy
E-mail: k.v.kushnereva@yandex.ru

Abstract. *The main objective of the study is to reveal the role of letters as a feedback tool between the government and society, as well as to assess the effectiveness of party structures' response to public inquiries. In addition, the article touches upon the issues of studying the mechanisms of interaction between power and property in Soviet Russia, and the influence of these processes on the mentality of the masses. The work uses archival materials of the CPSU Central Committee, including documents of the secretariat and departments for working with letters, statistical reports, and a sample of civil appeals extracted from the funds of the Russian State Archive of Contemporary History. Particular attention is paid to the*

evolution of approaches to processing correspondence in different periods (from Khrushchev's "thaw" to Brezhnev's "stagnation"), the subject of inquiries (public opinion: social problems, criticism of local authorities, ideological initiatives) and forms of response - from administrative decisions to formal formal replies. The study demonstrates that, despite the declared openness, the system of working with letters had a dual nature: on the one hand, it served as a channel for the prompt resolution of local conflicts, on the other hand, it was used to promote the "popular closeness" of the party. The dependence of the quality of reactions on the political context, the status of the author and the relevance of the topic for the ideological agenda is revealed. The study contributes to the understanding of the mechanisms of legitimization of power in the USSR, emphasizes the contradictions between the formal and real involvement of citizens in dialogue with the state, and is also relevant for studying the history of everyday life and communicative practices.

Keywords: letters, the Central Committee of the CPSU, markers of evolution, citizens' appeals, response actions, public consciousness.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Векторы эволюции общественного сознания в историко-культурном пространстве Русского Севера второй половины XX века», проект № 25-28-00938.

Русский Север (Архангельская, Мурманская, Вологодская области, Коми АССР) в советский период представлял собой особый регион, где взаимодействие власти и общества имело специфические черты. Обращения граждан северных территорий в ЦК КПСС отражали не только общие для СССР проблемы, но и уникальные вызовы, связанные с суровым климатом, удалённостью от центра, особым статусом моногородов и лагерным наследием. На основе архивных материалов (РГАНИ, региональные архивы) можно выделить ключевые тенденции в партийном реагировании на запросы северян и стратегии поведения местного населения.

Важнейшими измерениями социальной жизни 1960–1980-х годов являлись уровень общественного потребления, напрямую зависящий от показателей заработной платы, и степень многообразия желаемых и приобретаемых вещей, в том числе квартир, машин, дач и иных благ для комфортного проживания [1].

Ответные действия ЦК КПСС на обращения граждан отражали не только бюрократическую рутину, но и эволюцию взаимоотношений власти и общества. Анализ этого взаимодействия показывает, что, несмотря на формальную открытость, система оставалась закрытой для реального диалога. Однако сами обращения граждан являются ценным источником для изучения стратегий выживания в условиях позднего социализма и трансформации общественного сознания в СССР.

Вопросы кадрового обеспечения, взаимодействия чиновников и граждан в центре и на местах особенно обострились после совместного Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 19 мая 1961 г. № 440 «О мерах по предотвращению фактов обмана государства и по усилению контроля за достоверностью отчетов о выполнении планов и обязательств». Документ упоминал многочисленные факты антигосударственных действий со стороны местных руководителей-карьеристов (приписки и подлог в отчетности). Вина за подобное положение вещей традиционно возлагалась на отсутствие критики и самокритики в региональных партийных организациях, а также выступала следствием проникновения в органы управления «нечестных людей, пренебрегающих интересами государства». В качестве мер по борьбе с указанными явлениями ЦК КПСС и Совет министров СССР предлагали привлечение виновных лиц к строгой партийной и государственной ответственности, улучшение кадровой политики, а также широкое развертывание критики и самокритики на местах. Для этого планировалось «навести порядок в рассмотрении писем трудящихся, разбирать критические сигналы с их стороны» [2, с.136].

Приведем количественные данные, приводимые в исследованиях современных отечественных историков. Так, в октябре 1964 г. в Совет министров СССР поступили 25 853 письма трудящихся, в ноябре того же года – 23 652, за январь 1965 г. – еще 28 817. В дальнейшем, по мере роста уровня благосостояния советских граждан, число письменных обращений в высшие органы исполнительной власти страны несколько сократилось (декабрь 1969 г. – 12 124 письма, 1970 г. – 18 959 писем), однако оставалось существенным. Жалобы направлялись отнюдь не только в партийные инстанции. Даже в начале 1970-х годов, в период наивысшего подъема советской экономики, в редакции крупнейших печатных СМИ и на телевидение ежемесячно приходили тысячи писем от обычных граждан страны с различными критическими замечаниями.

О них докладывали высшему руководству партии и государства. Советские лидеры эпохи позднего социализма также акцентировали внимание подчиненных и всего населения на «критике и самокритике», что отчасти стимулировало написание подобных жалоб [2, с. 137].

Формально право граждан на обращение в государственные органы было закреплено на всех уровнях – от Конституции СССР до ведомственных инструкций. В частности, Постановление ЦК КПСС от 29 августа 1967 г. № 806 «О серьёзных недостатках в рассмотрении писем, заявлений и жалоб трудящихся» предписывало партийным комитетам оперативно реагировать на обращения и регулярно отчитываться перед вышестоящими инстанциями.

Однако архивные данные свидетельствуют о значительном разрыве между декларациями и реальной практикой. Согласно отчёту Отдела писем ЦК КПСС, за 1980 год в среднем за год поступало около 1,5 млн. обращений, из которых лишь 10-15% получали содержательный ответ. Остальные либо перенаправлялись в местные органы, либо оставались без ответа [3, л. 75].

В советский период распространенным явлением стало народное стремление оповестить редакции центральных и республиканских газет о тех или иных неурядицах. В сообщениях были сосредоточены опыт, ценные предложения и высказывания, многие из которых не печатались прессой [4, л. 149]. Безусловно, большинство писем приходило в центральный орган ЦК КПСС, массовую и популярную газету «Правда». В корреспонденции затрагивались вопросы соотношения идеалов и ориентиров советских граждан, их трудовых стремлений, сопоставления догм социально-экономического развития общества с реальной ситуацией социального расслоения. Анализ имущественного положения некоторых современников зачастую вызывал у советских граждан желание написать претензионное письмо, содержащее их частное мнение о чем-то несправедливом обогащении, слишком больших материальных возможностях, получении благ, использовании связей и служебного положения и, соответственно, констатировать проявление у сограждан изменения ценностных установок недавнего прошлого. Важно, что письма являются первоисточником информации о публичных, часто коллективных, общегражданских представлениях в регионах, что позволяет проследить масштабы однотипных тенденций в стране.

Советская система формально гарантировала гражданам право на обращение в государственные органы. Эта норма была закреплена в

Конституции СССР (ст. 49 Конституции 1977 г.) и регламентировалась ведомственными инструкциями. Обращения могли носить личный или коллективный характер, поступать в письменной или устной форме (на приёмах у партийных руководителей).

ЦК КПСС, как высший орган партийной власти, рассматривал тысячи обращений ежегодно. Их тематика варьировалась от жалоб на бытовые проблемы до критики политического курса. Однако степень реального влияния этих обращений на принятие решений оставалась ограниченной.

Изучение обращений позволяет выделить несколько ключевых тенденций в поведении граждан и изменении общественных настроений:

От «веры в справедливость» к цинизму (1950-е – 1980-е гг.). В ранний послесталинский период многие граждане искренне верили, что обращение в ЦК поможет решить проблему. К 1970-м – 1980-м гг. нарастает разочарование, письма часто носят характер «крика отчаяния». Рост критических настроений – если в 1950-е – 1960-е гг. преобладали жалобы на бытовые вопросы, то к 1980-м гг. появляется больше писем с политическими требованиями.

Анализ архивных материалов позволяет выделить несколько типов реакций партийного аппарата на обращения граждан. Формально-бюрократический ответ проявился как наиболее распространённый вариант, гражданам направлялись стандартные отписки с отсылкой к местным органам власти или заверениями в «рассмотрении вопроса». Жалобы на дефицит товаров часто «спускались» в облисполкомы без существенных последствий.

Следующий тип реагирования – избирательное реагирование. Некоторые обращения, особенно касающиеся злоупотреблений чиновников или резонансных событий, могли инициировать проверки. Однако такие случаи чаще всего были связаны с внутриаппаратной борьбой или необходимостью демонстрации «партийного контроля». Так же стоит отметить, что многие обращения, особенно касающиеся системных проблем (например, экономических трудностей), просто не получали ответа.

Обратимся к региональному контексту. В большинстве своем это были стандартные ответы с отсылкой к местным властям. В 75% случаев (по данным выборки из Архангельского обкома за 1970-1985 гг.) жалобы перенаправлялись без реальных мер. Примером может служить письмо рыбаков из Мурманска (датированное 1978 г.) о

невыплате премий, которое получило резолюцию «разобраться на месте» [5, л. 17].

Изучение ответных действий ЦК КПСС на обращения граждан позволяет сделать следующие *выводы*:

Формальный характер системы – несмотря на декларируемую доступность власти, большинство обращений либо получали стандартные отписки, либо перенаправлялись на местный уровень без существенных решений.

Эволюция общественного сознания – анализ обращений демонстрирует постепенную трансформацию настроений граждан: от патерналистских ожиданий (1950–1960-е) к росту критичности и политизации требований (1970–1980-е).

Стратегии граждан – население вырабатывало различные тактики взаимодействия с властью: от индивидуальных жалоб до коллективных писем, апелляций к идеологическим лозунгам и даже скрытых форм протеста.

Региональные различия – в зависимости от территории (Русский Север, Вологодская область, промышленные центры) менялись приоритеты обращений и степень внимания со стороны ЦК КПСС.

Ограниченность обратной связи – система реагирования на обращения выполняла скорее символическую функцию, поддерживая иллюзию диалога, но не решая системных проблем. К 1980-м годам это способствовало нарастанию кризиса доверия к власти.

Таким образом, обращения граждан и ответные действия ЦК КПСС были важным, но во многом декоративным элементом советской политической системы, который, однако, служит ценным источником для изучения эволюции общественного сознания в СССР.

Список литературы

1. Столетова А.С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960-1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) // Научный диалог. 2020. №3. С. 402 - 422.
2. Кищенко М.С., Никифоров Ю.С., Тумаков Д.В. Бюрократические практики ярославской региональной элиты в работе с письмами граждан в СССР 1960-х годов // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 134–148.

3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) – Ф.5 – Аппарат ЦК КПСС (1949–1991 гг.). Оп. 76. Д.1023.
4. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1.
5. Ф. 5. Оп. 75. Д. 112.

МЕГАПРОЕКТ КАК ДРАЙВЕР ПОЛИТИКО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Лагутин О.В.

Кандидат политических наук

*Санкт-Петербургский государственный университет,
доцент кафедры политических институтов и прикладных
политических исследований факультета политологии*

E-mail: apisol@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена роль и место мегапроекта как политико-экономического института в контексте цикло-волнового подхода в исследовании особенностей динамики развития социальных систем мирового и национального уровней. Модели данного подхода в исследовании Больших Кондратьевских волн экономической конъюнктуры сопрягаются с политическими особенностями восходящих и нисходящих фаз развития российского государства с периода классического капитализма до современного исторического периода. Политико-экономическая практика демонстрирует результативность реализации мегапроектов больше в нисходящих фазах политической эволюции системы, нежели в восходящих фазах развития. В нисходящих фазах развития государство играет ключевую роль в хозяйственно-экономических процессах страны. Прошедший цикл пятого технологического уклада показывает, что Россия вернулась к практике осуществления крупных инфраструктурных проектов в рамках политической стратегии государства.

Ключевые слова: циклическая динамика, «реформы – контрреформы», технологический уклад, мобилизационная экономика, государственная корпорация, параллельные структуры управления.

MEGAPROJECT AS A DRIVER OF RUSSIA'S POLITICAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Lagutin O.V.

Candidate of Political Sciences

St. Petersburg State University, Associate Professor of the Department of Political Institutes and Applied Political Studies, Faculty of Political Science

E-mail: apisol@yandex.ru

Abstract. *The article examines the role and place of the megaproject as a political and economic institution in the context of the cyclowave approach to the study of the dynamics of the development of social systems at the global and national levels. The models of this approach in the study of the Great Kondratieff Waves of economic conjuncture are coupled with the political features of the ascending and descending phases of the development of the Russian state from the period of classical capitalism to the modern historical period. Political and economic practice demonstrates the effectiveness of the implementation of megaprojects more in the descending phases of the political evolution of the system than in the ascending phases of development. In the descending phases of development, the state plays a key role in the economic processes of the country. The past cycle of the fifth technological stage shows that Russia has returned to the practice of implementing large infrastructure projects within the framework of the state's political strategy.*

Keywords: *cyclical dynamics, "reforms – counter-reforms", technological structure, mobilization economy, state corporation, parallel management structures*

Мегaproект является составной частью такого более общего феномена как проектность, представляющий определенную форму опережающего преобразования действительности. В качестве посредника преобразовательной деятельности выступает модель предполагаемого явления или процесса с целью кардинальной трансформации системы путем внедрения инноваций в данный процесс.

Мегaproект становится ключевым инструментом преобразования действительности в условиях капиталистической формации, особенно в период Британского цикла накопления капитала, особенностями

которого являются: формирование группы индустриально развитых стран, рожденных промышленной революцией; формирование элиты стратегического действия наднационального уровня; создание институций рационального знания о генезисе и эволюции социальных процессов; широкая информатизация общества, и как следствие, образование такого явления как «массовый человек», который становится объектом манипулирования [3, с. 27].

Таким образом, у человека появляются инструменты и возможности посредством управленческо-информационного процесса создавать новую реальность, проектировать и конструировать будущее. Поэтому мегапроект и представляет из себя стратегическую программу, объединяющую в себе несколько смежных проектов для выполнения общей цели, направленной на развитие всего общества.

Цель работы – рассмотреть роль инфраструктурных мегапроектов в исторических циклах развития Российского государства. Для этого, в работе использован цикло-волновой подход, в частности теория больших циклов экономической конъюнктуры Николая Кондратьева. Модель Кондратьевской волны внешне представляет из себя график нормального распределения, включающий в себя две фазы – повышательную и понижательную

С экономической точки зрения в восходящей фазе Кондратьевской волны происходит качественное развитие социально-экономической системы, когда новые технологии, продукция, виды ресурсов завоевывают рынки. Экономическая экспансия (количественный рост) находится на вершине данного графика. Это период экстенсивного экономического роста. Нисходящая фаза волны – это фаза эмиссии, выражающаяся в рецессии и в дальнейшем в экономической депрессии.

Материальной основой Больших Кондратьевских волн являлись определенные виды экономических ресурсов, наборы ведущих технологий и отраслей промышленности. Синхронность этих компонентов дала возможность говорить о таком феномене в рамках Большой Кондратьевской волны, как технологический уклад – воспроизводящаяся целостная система технологически сопряженных производств [1, с. 4].

Русская государственность сложилась в условиях перманентной внешней угрозы, с постоянным ведением военных компаний на разных театрах военных действий, включая войны онтологического характера. Также территория России находится в зоне с рисковым способом

ведения хозяйства, в котором объективно производится меньше прибавочного продукта, чем в Европе.

Таким образом, в борьбе с отставанием от европейских конкурентов в России сформировались преимущественно авторитарные политические традиции с формированием абсолютистского государства. Государство брало на себя бремя безопасности народа от внешнего противника, риски реализации реформ, инфраструктурных мегапроектов. Со временем русское государство стало для российских подданных имманентной ценностью, несмотря на все социальные издержки и недостатки государственного управления.

Таблица 1. Соотнесение Больших Кондратьевских циклов с эволюционными российскими циклами «реформ-контрреформ»

цикл	Восходящая фаза К-волны	Нисходящая фаза К-волны
I	Конец 1780-х – 1817 гг. (реформы Александра I (1802г.) и проекты реформ Сперанского)	1810-1851 гг. (контрреформы Николая I с 1825 по начало 1850-х гг.)
II	1844 – 1875 гг. (реформы Александра II 1860-1870 гг.)	1870 – 1896 гг. (контрреформы Александра III (1881 – начало 1890-х гг.))
III	1890-1928 гг. (реформы Витте-Столыпина 1905-1910 гг.; новая экономическая политика 1921-1928)	1914 – 1950 гг. (индустриализация экономики, политические репрессии (1929-1953 гг.))
IV	1939-1974 гг. (хрущевская «оттепель», косыгинские реформы (1956-1968 гг.))	1968-1991 гг. (усиление административного контроля (1969-1982 гг.))
V	1984-2008 гг. (гайдаровские реформы (1992-1993гг.), конституция РФ 1993 года)	2005 - 2018 (построение «вертикали власти», государственный корпоративизм)

Российские политологи В. Пантин и В. Лапкин соотнесли Большие Кондратьевские циклы с циклами развития российской государственности, что выражено в таблице 1 в виде матрицы. Авторы данной матрицы установили определенную сопряженность восходящих кондратьевских волн с российскими политическими циклами «реформ», и нисходящими волнами с политическими

циклами «контрреформ». То есть в контексте чередования Больших экономических циклов конъюнктуры происходит практически синхронное чередование политических циклов по линии размежевания «реформизм» – «контрреформизм» [2, с. 178].

Индустриальная система Российской империи в свою очередь была образована на основе Донецкого кластера в 70-х годах столетия, когда была обнаружена железная руда на территории современной Криворожской области, а также Бакинского нефтепромышленного кластера.

Дадим характеристику восходящим и нисходящим фазам К-волн в таблице 1. Восходящая фаза волны начинается с периода развития и переходит в стадию количественного роста ближе к вершине волны. Если в указанной таблице проанализировать все восходящие циклы пяти технологических укладов, то можно вывести некоторые общие свойства политического характера. Политической элитой производится попытка создания конкурентной системы отношений внутри общества. Формируются группы как правила корпоративного свойства опосредующих конкурентные отношения. Наряду с государственными институтами в общий процесс модернизации общества включаются другие организованные группы автономного свойства. Учащаются контакты с Западом, происходит процесс экономической эмуляции, политической модернизации. В связи с этим происходит более широкое открытие границ. Реформы образования. Снятие разного рода социально-экономических ограничений для части или большинства населения страны. В целом происходит усложнение и дифференциация политической жизни на основе политико-экономической либерализации.

Нисходящая фаза волны начинается с периода экспансии и количественного роста и со временем переходит в стадию эмиссии и политического кризиса. Анализ всех нисходящих циклов технологических укладов дает нам следующую характеристику политических систем – попытка правящей элитной группы перевести систему управления в мобилизационный режим, используя отечественный механизм – «конкуренции администраторов», и как следствие создание «параллельных» управленческих структур, дублирующих функции официальных институтов, но имеющих неограниченные ресурсы, полномочия и отчетность перед первыми лицами государства. Также на этой фазе развития происходит процесс усиления административного аппарата, подавление частной

инициативы, закрепощение отдельных слоев общества. И в целом устанавливается авторитарный политический режим.

Восходящие фазы развития как правило порождаются проигранными войнами в противостоянии объединенному Западу, и социальными потрясениями, вызванными этими поражениями. Несмотря на попытки создания конкурентного общества, проведения реформ в различных сферах жизнедеятельности государства и общества, запуск инфраструктурных и социальных мегапроектов, происходит определенная потеря государственного суверенитета, поскольку внедряются не только технологии в производства, но и технологии информационно-управленческого характера по западным «лекалам», например, в систему образования. Наиболее сильное политическое ослабление происходило в восходящих фазах третьего и пятого технологических укладов.

В нисходящих фазах развития используется положительный опыт освоения западных технологий в различных сферах жизнедеятельности, который и направляется на укрепление экономического, политического суверенитета. К власти приходят национально ориентированные элитные группы. На основе процессов эмуляции формируются отечественные научные, производственные школы. Политическая элита пытается купировать итоги политического проигрыша прошлой фазы развития и потери политико-экономической автономности. Определяются приоритетные направления развития страны, мобилизуются ресурсы на эти направления, даже в ущерб другим общественным сферам деятельности. Создаются контрольно-репрессивные структуры, выполняющие функции надзора за соблюдением мобилизационных предписаний. Контакты с Западом ограничиваются. В периоды нисходящих фаз развития Россия чаще одерживала победы в военных кампаниях, использовала политику экономического протекционизма, создавала национально ориентированную экономику. Внутренний рынок закрывался от внешней конкуренции

Именно в фазах контрреформ успешно завершались мегапроекты начатые в период качественного развития восходящих циклов и начинались новые, поскольку большой мобилизационный потенциал и соответствующие механизмы концентрации ресурсов в приоритетных направлениях использовались правящими элитными группами достаточно результативно.

Пятый технологический уклад для России в начале восходящей фазы был сопряжен с поражением в «холодной войне», инверсией элит – от национальных элит к компрадорским, с либеральными реформами, результаты которых сказались на плачевном экономическом состоянии страны и потерей государственного суверенитета. Фаза контрреформ, напротив, была направлена на возвращение суверенитета, создания национальной экономики. Одним из этапов возвращения политико-экономического суверенитета было создание с 2007 года таких институтов как государственные корпорации, которые выполняли функции «параллельных структур» наряду с официально существующими структурами. Госкорпорации имеют определенную сферу задач, направленных на выполнения стратегических приоритетов, выработанных правящими элитными группами. В рамках этой деятельности государственные корпорации и осуществляют реализацию мегапроектов. Можно для примера выделить газовые мегапроекты государственной корпорации ОАО «Газпром», определяющие энергетическую стратегию современной России. Также можно отметить перспективные мегапроекты «Росатома», «Роскосмоса», «Объединенная авиастроительная корпорация», «Оборонительные системы» и другие. На сегодняшний момент времени существует немало перспективных мегапроектов, реализация которых позволит осуществить переход в шестой технологический уклад и укрепить технологический, экономический и политический суверенитет России.

Список литературы

1. Глазьев С.Ю. Мировоззренческие уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы, 2016. Т.52. №2. С. 3-29.
2. Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс, 2006. 448 с.
3. Фурсов А.И. De Conspiration / О заговоре. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. 218 с.

ФАКТОР ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СТУДЕНТОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА КАК ЭЛЕМЕНТ СТРАТЕГИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ДОБРОСОСЕДСТВА

Лиман П.С.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет политологии, студент
E-mail: polinaliman@yandex.ru*

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию роли ценностных ориентиров студентов России и Казахстана в формировании стратегии межгосударственного добрососедства. Молодёжь рассматривается как важный ресурс для развития устойчивого сотрудничества между двумя странами. На основе сравнительного анализа эмпирических данных выявлены как общие ценностные приоритеты – свобода, справедливость, солидарность, – так и культурные различия в их восприятии. Результаты подчёркивают необходимость системной поддержки молодёжных инициатив: расширения программ академической мобильности, создания совместных образовательных проектов, проведения форумов и конференций. Важно учитывать ценностный компонент при разработке таких инициатив для их устойчивости и эффективности. Особое внимание уделяется формированию общей молодёжной идентичности, основанной на взаимном уважении и стремлении к общему будущему. Развитие каналов коммуникации между студентами России и Казахстана рассматривается как ключ к укреплению доверия, предотвращению конфликтов и формированию прочных гуманитарных связей.*

***Ключевые слова:** ценности, ценностные ориентиры, студенческая молодёжь, стратегия добрососедства, Россия, Казахстан.*

THE FACTOR OF VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN AS AN ELEMENT OF THE STRATEGY OF INTERSTATE GOOD-NEIGHBORLINESS

Liman P.S.

*St. Petersburg State University,
Faculty of Political Science, student*

Abstract. *The article is devoted to exploring the role of students' value orientations in Russia and Kazakhstan in shaping a strategy of interstate good neighborliness. Youth is viewed as an important resource for fostering sustainable cooperation between the two countries. Based on a comparative analysis of empirical data, both shared value priorities—such as freedom, justice, and solidarity—and cultural differences in their perception were identified. The findings highlight the need for systematic support of youth initiatives: expanding academic mobility programs, creating joint educational projects, and organizing forums and conferences. It is essential to consider the value component in the development of such initiatives to ensure their sustainability and effectiveness. Particular attention is given to the formation of a common youth identity based on mutual respect and a shared vision for the future. The development of communication channels between students from Russia and Kazakhstan is seen as a key to building trust, preventing conflicts, and fostering strong humanitarian ties.*

Keywords: *values, value orientations, student youth, good-neighborliness strategy, Russia, Kazakhstan.*

Ценностные ориентиры человека представляют собой основополагающий элемент его жизни. Они определяют внутреннюю мотивацию личности, создают условия для преодоления трудностей и невзгод, определяют интересы и потребности.

Для изучения ценностных ориентиров молодёжи России и Казахстана было проведено эмпирическое исследование на территории РФ и РК в период с февраля по март 2025 г. Исследование предполагало качественные методы сбора информации: 100 глубинных интервью со студентами РФ и РК, 10 экспертных интервью и 3 фокус-группы со студентами на территории РК. Метод отбора респондентов – случайный, по методу «первого встречного». Способ обработки информации: SWOT-анализ на основе предварительной кодировки ответов на открытые вопросы интервью и фокус-групп, позволивший проанализировать сильные и слабые стороны процесса взаимодействия студенческих сообществ, а также выделить возможности и угрозы развития взаимодействия.

В проведенном исследовании мы дали возможность самим респондентам ответить на вопрос «Ценности – это...?». Были получены разнообразные ответы и варианты определения данного понятия. Некоторые отмечали данное понятие в философском понимании, например, ценности как смысл жизни, как нечто важное.

Также дается определение понятия как устойчивых социальных конструктов и культурных норм: ценность как жизненные правила, установки, ориентиры. Таким образом, по мнению респондентов, ценности являются основополагающими элементами в жизни человека.

Для четкого определения остановимся на этом: ценностные ориентации личности содержат в себе идеалы, представления о смысле жизни и деятельности человека, являются ядром мотивационно-ценностной сферы личности [5].

В ходе исследования мы смогли определить, какие основные ценности выделяют студенты. Явным приоритетом среди ценностей российские и казахстанские студенты выделяют **семью**. Однако смысловые акценты заметно различаются. У российских студентов семья выступает как эмоциональная и материальная опора в переходный период между зависимостью и самостоятельностью. Связано это с необходимостью опоры в сложный и нестабильный период жизни на близкий семейный круг. У казахстанских студентов значение семьи укоренено в культурной традиции, где семья – это не только источник поддержки, но и источник идентичности и жизненных решений. Заметим, что большинство респондентов отмечают фактор воспитания как основной элемент в формировании ценностей.

Не отстают и прагматические ценности: образование, профессионализм и развитие занимают важное место, однако у российских студентов эти категории завязаны на достижение успеха, измеряемого в деньгах, появляется некий образ прагматичного индивидуалиста. В то время как казахстанские студенты трактуют образование и развитие как инструменты конкурентоспособности и карьерного роста, но при этом сохраняя коллективную рамку взаимопомощи и социальной кооперации. В Казахстане наблюдается баланс между индивидуальной и коллективной траекторией, что можно объяснить культурными особенностями, гостеприимным менталитетом и влиянием религиозной традиции. В России – смещение в сторону индивидуализма и личных стратегий успеха.

В исследовании был затронут вопрос характера взаимодействия Российской Федерации и Республики Казахстан. Большинство студентов оценивают отношения как «добрососедские». Отношения описываются как взаимозависимость двух стран в различных сферах: политическая, экономическая, культурная и др. Отмечается отсутствие открытой вражды. При этом остро стоит проблема низкой информированности студентов о текущем положении дел в соседней

стране. Низкий уровень осведомленности порождает стереотипные формы мышления о взаимодействии стран. Часть респондентов указывает на несоответствие между декларируемой «дружбой» и практикой. Среди ответов российских студентов одной из точек усложнения текущих взаимоотношений можно выделить стремление Казахстана к самостоятельности и независимости после совместного советского прошлого посредством проведения новой языковой политики и стремления к улучшению отношений с Западом.

Взаимодействие между Россией и Казахстаном в восприятии студенческой молодежи характеризуется выраженной асимметрией: отчетливо разграничиваются формы сотрудничества в рамках гражданского общества и официальных межгосударственных инициатив. В то время как культурно-образовательные форматы – такие как туризм, студенческие обмены и неформальные молодежные программы – воспринимаются положительно и обладают высокой степенью узнаваемости, восприятие государственных проектов остаётся крайне ограниченным. Это обуславливает низкий уровень осведомлённости о реальных механизмах межгосударственного взаимодействия и затрудняет формирование целостного образа сотрудничества между странами. В результате возникает структурный дисбаланс, при котором гуманитарный уровень взаимодействия оказывается значительно более ощутимым, чем политико-экономический, что ограничивает потенциал двусторонних отношений в глазах молодого поколения. Часть казахстанских студентов прямо указывает на то, что за внешней демонстрацией дружбы скрываются неравноправные отношения, в которых Казахстан выступает как младший партнер, зависимый от России в экономическом и политическом измерении.

Ценностные ориентиры играют важную роль в выстраивании межгосударственного диалога. Объединяющим фактором для обеих групп респондентов становится признание того, *что общая история, единое культурное пространство и схожие социальные установки* (патриотизм, уважение к традициям, коллективизм) способствуют установлению доверительных и стабильных форм коммуникации. *Русский язык*, как один из главных инструментов общения, остаётся важным ресурсом для снижения барьеров, упрощения взаимодействия и ускорения процессов взаимопонимания.

Кроме того, в обеих выборках чётко зафиксирован *прагматический подход к сотрудничеству*. Студенты и России, и

Казахстана подчёркивают практическую значимость совместных проектов: это возможность карьерного роста, обмена знаниями и участия в образовательных и профессиональных инициативах. Развитие стран через молодежное взаимодействие также рассматривается как стратегически важный вектор. Молодёжь становится *кадровым капиталом* будущего обеих стран, т.к. от характера взаимодействия сегодня зависит будущее России и Казахстана.

Однако на этом фоне обозначаются и существенные различия в восприятии культурных различий и ролей ценностей в процессе общения.

Для российских студентов ключевым элементом сближения остаются *традиционные ценности, связанные с исторической преемственностью, уважением к прошлому, стабильностью и семейными установками*. В то же время именно эти аспекты становятся и *источником возможных конфликтов* – особенно в случае, если разница в воспитании, позициях родителей или национальных стереотипах начинает влиять на решение участвовать в совместных программах. В ответах часто встречается *тревога* по поводу того, что предубеждения (например, о «лояльности» российских студентов или высокомерии россиян) могут перевесить прагматическую пользу от диалога.

Казахстанские студенты, напротив, акцентируют внимание на *толерантности, открытости и способности к адаптации*, рассматривая эти качества как более значимые, чем идеологическая близость или общая история. При этом ценности воспринимаются не как догма, а как контекстуальный ресурс, значение которого снижается в условиях глобализации. Различия между культурами они склонны трактовать не как угрозу, а как особенность, которую можно учитывать и учитывать прагматично – ради обмена опытом, расширения связей и профессионального роста.

Важный аспект, который мы выделили в ходе исследования, состоит в том, что самоопределение студентов отличается от определения их со стороны соседей. Российские студенты определяют себя как последователей традиционных ценностей в контексте семьи, патриотизма, в то время как казахские студенты наделяют российских студентов иными характеристиками: прагматизм, индивидуализм. В отношении Казахстана у российской молодёжи присутствует набор штампов и стереотипов, например, ассоциации связываются с

лошадьми, степями, кочевниками. Стоит отметить, что сами казахи отмечают такие элементы, но наделяют их историческим контекстом, создающим их идентичность. В российской интерпретации это является некой архаикой, не соответствующей современным вызовам, что отражается на определении ценностей молодежи Казахстана.

Отдельно следует отметить *геополитический сдвиг в позиционировании*. Российские студенты демонстрируют установку на продолжение «традиционного» направления сотрудничества, связывая его с общим прошлым, в то время как казахстанская молодежь всё чаще ориентируется на Запад, не отказываясь от диалога с РФ, но переосмысливая его как один из многих возможных векторов. Это формирует модель открытого прагматизма: Россия сохраняет статус партнера, но уже не исключительного.

Ценностные ориентиры студенческой молодежи России и Казахстана выступают значимым элементом межгосударственного добрососедства, формируя основу для развития диалога между двумя странами. Несмотря на сохранение общих культурно-исторических нарративов, обусловленных длительным взаимодействием, в ценностных ориентирах молодежи наблюдаются как точки соприкосновения, так и различия. К общим чертам относится значимость образования, профессиональной самореализации, что создаёт благоприятную почву для устойчивого развития межгосударственного сотрудничества в контексте совместных образовательных и профориентационных мероприятий. Вместе с тем различия в акцентах – степени ориентации на мировые тренды или самоидентификации – требуют добросовестного учёта при проектировании двусторонних инициатив.

Студенческая молодёжь является строителем будущего, на её плечи вскоре ляжет управление страной, выработка решений и их реализация. Ценности, которые закладываются в современное студенчество, влияют на качество и рациональность принятия тех или иных решений. Укрепление контактов между студентами России и Казахстана, создание дружелюбной и равноправной атмосферы этого взаимодействия, позволит в будущем вывести стратегию межгосударственного добрососедства между двумя братскими странами на новый уровень. Делая акцент на молодых, мы инвестируем в будущее страны.

Список литературы

1. Буравлева Н.А. Ценностные ориентации студентов // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 6 (108). С. 124-129.
2. Васильева Т. В., Касаткина Н. Э. Ценностные ориентации студентов российских вузов // Система ценностей современного общества. 2014. №38. С.133-139.
3. Касенова Г. К. Социальные ценности студенческой молодежи // Инновационный потенциал молодежи: культура, духовность и нравственность: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции. Издательство Уральского университета, 2019. С. 163-168.
4. Саликжанов, Р. С. Система ценностей современной казахстанской молодежи / Р. С. Саликжанов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2014. – № 2. – С. 136-145. – EDN SDJEOV.
5. Шагдурова Л.Д. Ценностные ориентации в структуре профессиональной направленности студентов // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 5. С. 186-192.

КОМИТЕТ ТОМСКИХ УЧЕНЫХ – ТРУД И ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

Лойко О.Т.

Доктор философских наук

*Национальный исследовательский Томский политехнический
университет, профессор*

E-mail: olgalovko@tpu.ru

Сидоров А.А.

*Национальный исследовательский Томский политехнический
университет, аспирант*

E-mail: aaa417@tpu.ru

***Аннотация.** В статье представлена многогранная
деятельность Комитета Томских ученых, созданного 27 июня 1941*

года. Дана характеристика работы ученых вузов Томска, направленная на разработку инновационных военных проектов. На основе архивных и личных документов представлена цель работы членов комитета – перестройка научных исследований для победы в Великой Отечественной войне. Особое внимание уделено научной и организационной деятельности руководителей Комитета Томских ученых: профессора Бориса Токина – председателя, профессора Владимира Кузнецова – заместителя председателя, профессора Андрея Савиных. Представлены основные направления деятельности Комитета Томских ученых: работа по обслуживанию нужд Красной Армии; помощь промышленности, сельскому хозяйству и транспорту; изучение месторождений полезных ископаемых. Труд ученых был отмечен правительством. Двенадцать ведущих профессоров вузов Томска заслуженно получили Сталинскую премию. Комитет Томских ученых завершил свою деятельность в 1945 году.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Комитет Томских Ученых, научные исследования для фронта.

COMMITTEE OF TOMSK SCIENTISTS – LABOR AND FEAT IN THE NAME OF VICTORY

Loyko O.T.

Doctor of Philosophy

National Research Tomsk Polytechnic University, Professor

E-mail: olgaloyko@tpu.ru

Sidorov A.A.

*Postgraduate student National Research Tomsk Polytechnic
University,*

E-mail: aaa417@tpu.ru

Abstract. The article presents the multifaceted activity of the Committee of Tomsk scientists, established on June 27, 1941. It characterizes the work of scientists of the University of Tomsk, aimed at the development of innovative military projects. Because of archival and personal documents, the aim of the committee members' work is presented - to reorganize scientific research for the victory in the Great Patriotic War. Special attention is paid to the scientific and organizational activities of the heads of the Committee of Tomsk scientists: Professor Boris Tokin -

chairman, Professor Vladimir Kuznetsov - deputy chairman, Professor Andrei Savinykh. The main activities of the Committee of Tomsk scientists are presented: work to serve the needs of the Red Army; assistance to industry, agriculture and transportation; study of mineral deposits. The labor of scientists was recognized by the government. Twelve leading professors of universities in Tomsk deservedly received the Stalin Prize. The Committee of Tomsk Scientists completed its activities in 1945.

Keywords: Great Patriotic War, Committee of Tomsk Scientists, scientific research for the front.

Наука на всем протяжении своего существования выполняла те задачи, которые ставило перед ней общество. На это обратил ещё внимание такой авторитет, как немецкий социолог Макс Вебер, определяя науку как призвание и профессию [1, с. 707]. Ученые Томска в полной мере реализовали эту идею в сложнейших условиях, в которые они были поставлены во время Великой Отечественной войны. В дневнике профессор, доктор технических наук В.Д. Кузнецов писал: «Патриотический порыв ученых Сибири создал с первых дней войны особую форму своей научно-патриотической деятельности, свои штабы по мобилизации науки и техники – Комитеты ученых. Зачинателем этого движения оказался старейший университет Сибири с его многочисленными вузами и тысячным отрядом ученых – город Томск». Именно профессор В.Д. Кузнецов стал одним из организаторов перевода томской науки на военные рельсы, создания Томского комитета ученых [2].

Приведем данные о кардинальных изменениях всех сфер жизни города накануне войны. В это время Томске успешно работали четыре вуза: Томский Государственный университет (Первый вуз за Уралом), Томский индустриальный институт (Национальный исследовательский Томский политехнический университет в настоящее время), Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта (В настоящее время находится в г. Омске), Томский медицинский институт (Сибирский медицинский университет). В декабре 1941 г. в город наряду с промышленными предприятиями и учреждениями было эвакуировано из европейской части страны несколько вузов и НИИ, в том числе Московский станкостроительный институт, Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, Ленинградский театральный институт, Всесоюзный

институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), ряд НИИ. В Томске до 1942 г. размещался и Комитет высшей школы при СНК СССР.

В конце 1941 г. и весь 1942 г. в Томске находилось около 900 профессоров и доцентов на 130 тыс. жителей города. По словам председателя Комитета, ученых Б.П. Токина, «не так уж много найдется городов, где бы концентрировалось такое количество ученых» [3].

Комитет Томских ученых представляет интерес не только как уникальная форма координации работы научных учреждений в военное время, мобилизации сил ученых широкого профиля, но и как особый тип взаимоотношений научной интеллигенции с властью. Комитет ученых был подчинен партийным организациям города и области. О своей работе Комитет ученых 4 раза отчитывался перед горкомом ВКП (б) и два раза – на общегородских собраниях ученых. В то же время эта была относительно свободная от контроля партии организация. Приведем один факт: председателем комитета ученых был назначен Б.П. Токин, который в 1937 г. приказом наркома просвещения ВКП (б) А. Бубновым был освобожден от обязанностей ректора «как не внушающий доверия» «за связь с врагами народа и развал работы в университете» [4, с. 113]. Через год Б.П. Токин был реабилитирован и восстановлен в партии. Сложно представить, как в мирное время в тоталитарном обществе человек с подобным прошлым мог занять руководящую должность. В составе комитета были беспартийные: профессор ТГУ, директор СФТИ В.Д. Кузнецов (он вступит в партию в 1945 г.), профессор ТМИ А.Г. Савиных, профессор ТИИ И.Н. Бутаков и другие. В состав комитета вошло всего 22 человека. Штаб помещался в здание СФТИ (Сибирский физико-технический институт), расположенный на площади Революции (в настоящее время Новособорная площадь). Организационное заседание комитета состоялось 30 июня 1941 г. Выступивший на нем секретарь Томского горкома ВКП (б) В.И. Барахнин сообщил, что горком партии обсудил предложение, внесенное профессором ТГУ В.Д. Кузнецовым, единодушно поддержанное учеными города Томска, и одобрил ценную инициативу ученых об организации Комитета томских ученых. Постановлением Новосибирского бюро обкома и облисполкома от 19 июля 1941 г. при Новосибирском облисполкоме был создан Научный Совет по мобилизации ресурсов области на службу обороны, в состав которого входило 20 виднейших ученых области. Среди них из Томска

было 10 человек [5]. В этот период Томск входил в состав Новосибирской области.

В годы войны ради отстаивания национальной независимости страны интеллигенция сплотилась вокруг советской власти и коммунистической партии. Председатель Комитета ученых Б.П. Токин писал: «Патриотический порыв ученых Сибири создал с первых дней войны особую форму своей научно-патриотической деятельности, свои штабы по мобилизации науки и техники – Комитеты ученых. Зачинателем этого движения оказался старейший университет Сибири с его многочисленными вузами и тысячным отрядом ученых – город Томск» [6]. Главной задачей комитета ученых стало укрепление связи между наукой и промышленностью. На общегородском собрании научных работников Томска профессор Б.П. Токин выступил с докладом: «Отечественная война и задачи ученых». Он призвал «...решительно и незамедлительно перестроить научную работу в вузах. Это – наш общий лозунг» [7]. В октябре 1941 г. на общегородском собрании научных работников (530 рабочих инженерно-технических предприятий Томска), председатель горисполкома Н.Г. Годовицин подчеркнул, что для ученых г. Томска повседневная связь с инженерно-техническими работниками предприятий является первейшей задачей в интересах общей организации работы [8]. Профессор В.В. Ревердатто в своем докладе высказал идею о замене импортных и дефицитных лекарственных растений дикорастущими в Сибири и снабжении ими гражданских и военных лечебных учреждений [9].

Для решения поставленных задач при Томском комитете ученых были созданы профильные комиссии: по металлообработке; электро-радиотехническая; энергетическая; химическая; транспортная; топливная; по цветным, черным и нерудным ископаемым; сельскохозяйственная. Химическая занималась решением получения из местного сырья жидкого топлива, крокуса, лаков, смазочного масла, борной кислоты, ультрамарина, парафина, изоляционных материалов, краски, цемента и др. Электро-радиотехническая комиссия занималась вопросами дефектоскопии и электроизоляционными материалами. Топливно-химическая – комплексным использованием местного топлива. Металлообрабатывающая секция решала вопросы скоростного резания металла, получения сплавов из недефицитных материалов, высококачественной стали. Комиссия по энергетике решала задачи рационального планирования и использования энергетических

установок. Члены комиссии по цветным, черным и нерудным ископаемым разрабатывали вопросы изыскания местной сырьевой базы черной и цветной металлургии и редких металлов и золота. Сельскохозяйственная комиссия занималась проблемами повышения улова рыбы, заготовки дичи, грибов, ягод и выращивания технических культур [10].

10 августа 1942 г. пленум Томского комитета ВКП принял дополнительные организационные меры по мобилизации научной деятельности ученых для победы. Было введено военно-научное шефство Комитета ученых над промышленными предприятиями. Учеными Томска выполнялись самые различные задания промышленных предприятий и организаций не только Томска, но и других городов Сибири, Урала и Казахстана. В их числе были Управление пути НКПС, Кузнецкий металлургический комбинат, Уральский медеплавильный завод, геологические учреждения Красноярского края и Кузбасса, ЗападноСибирское геологическое управление, Новосибирское управление гидрометеослужбы и др. В деятельности томского комитета ученых в годы Великой Отечественной войны следует особо выделить несколько направлений:

Первое. Работа для нужд Красной Армии. Профессор ТИИ Л.П. Кулев создал индикатор отравляющих веществ, который был взят на вооружение Красной Армией. Профессор А.М. Розенберг и доцент Л.Е. Пентегов руководили производством боеприпасов, организованным на базе ТИИ. В Сибирском физико-техническом институте изготавливались сложнейшие военные приборы, в том числе хронографы по заказу ГКО. В СФТИ, для Красной армии, проводились работы по внутренней баллистике минометов, по определению наивыгоднейшей формы пули при сверхскоростях, по разработке новых баллистических расчетов орудий. Был изобретен прибор радиوشуп – для обнаружения металлических осколков в теле раненых, который стал широко использоваться в госпиталях. Профессора Н.А. Прилежаева и В.М. Кудрявцева, первые советские женщины – доктора физико-математических наук, осуществили внедрение спектрального анализа в металлургию Сибири. Ученые томских вузов усовершенствовали военную оптику, акустику, занимались изучением и внедрением в практику госпиталей сибирских лекарственных растений и др. [11].

Второе. Помощь промышленности, сельскому хозяйству и транспорту. По заданию Научного совета при Новосибирском

облисполкоме коллектив ученых ТИИ занимался проектированием новых предприятий по производству ацетона, кислорода и др. Коллективом ученых была создана новейшая установка для получения карбида кальция, необходимого для Кемерово.

Третье. Изучение месторождений полезных ископаемых. Новые месторождения угля, нефелиновых пород, золота и различных руд были открыты в годы войны известными томскими геологами И.К. Баженовым, А.Я. Булынниковым, Д.А. Васильевым, М.К. Коровиным, И.А. Молчановым, Ю.А. Кузнецовым, В.А. Хахловым, А.Р. Ананьевым [12, с. 123-132].

По инициативе комитета томских ученых и горкома партии были проведены конференции по электроизоляционным материалам, по изобретательству и рационализации, по лекарственному растительному сырью, по профилактике туберкулеза, использованием фитонцидов и т.д. [13].

Большая Отечественная война стала тяжелым испытанием для народа, принесла колоссальные человеческие жертвы. В 1944 г. Томский комитет ученых совместно с профсоюзом высшей школы стали инициаторами создания фонда помощи семьям фронтовиков и инвалидов войны, активно занимались сбором средств. Для деятельности Комитета ученых в годы войны была характерна тесная связь с промышленными предприятиями, что позволяло максимально сокращать путь от научной разработки до практического внедрения. В сложнейшей обстановке военных лет Томский научно-образовательный комплекс сумел сохранить свои ведущие позиции в Сибири. Томские ученые много сделали и для того, чтобы в 1944 г. был открыт ЗападноСибирский филиал АН СССР, на основе которого 50 лет тому назад было развернуто СО АН. Деятельность сотрудников вузов и НИИ, объединенная Томским комитетом ученых, имела своей целью спасение жизни и здоровья советских граждан, находящихся как в тылу, так и на передовой линии фронта.

18 мая 1945 г. было принято решение «реорганизовать томский комитет ученых в научный совет при облисполкоме и утвердить положение о научном совете» [14, с. 420].

Список литературы

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

2. Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. :документы и материалы / Национальный исследовательский Томский государственный университет [и др. ; сост.: С. Ф. Фоминых и др.; ред. совет: Г. В. Майер и др.]. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. 479 с.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 1078. Оп. 1. Д. 9. Л. 122.
4. Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) Сборник документов. Новосибирск, 1964. 264 с.
5. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО).Ф. 1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
6. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 1078. Оп. 1. Д. 10. Л. 89 оборот.
7. Токин Б.П. Красное знамя. Томск. 5 июля 1941.
8. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 1078. Оп. 1. Д. 10. Л. 122.
9. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО Ф. 1078 Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 3.
10. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 143. Л. 5; Д. 36. Л. 56.
11. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО. Ф.80. Оп. 3. Д. 36. Л. 29 оборот.
12. Из истории земли Томской. 1941 – 1945 гг. Сборник документов и материалов. Вып. 3. Томск: Изд-во «Водолей», 1995. 285 с.
13. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО Ф. 1078 Д. 2. Л. 65; Д. 1 Л. 30.
14. Томская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Сборник документов. – Томск, 1961. – 542 с.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США КАК ГЛОБАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РАМКАХ РАЗВЯЗАННОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ И ТЕХНОЛОГИЙ-ТРОЯНОВ: ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Локтионова А.В.

Кандидат технических наук

*Научный отдел Центра инноваций корпорации «Объединенные
кондитеры», аналитик*

E-mail: lavrovaalenaw@mail.ru

Аннотация. В данной статье сделана попытка охватить технологическую и политическую стратегии США в парадигме гибридной войны. Актуальность исследования обусловлена нарастающей сложностью международных отношений и изменчивостью механизмов глобальной политики в XXI веке, где традиционные формы конфликта постепенно уступают место более гибким и комбинированным стратегиям ведения войны. Гибридная война, подразумевающая слияние конвенциональных и неконвенциональных методов, остается одной из ключевых тем в контексте оценки возможностей США как глобального гегемона. В условиях гибридной войны действия США могут быть направлены как на подрыв стабильности противника, так и на создание зависимостей, которые в дальнейшем можно использовать для достижения своих целей. Агропромышленные экосистемы также играют важную роль в стратегии гибридной войны. Они не только обеспечивают продовольственную безопасность и экономическое влияние, но и становятся инструментом давления на государственные структуры стран, зависимых от импорта сельскохозяйственной продукции. США могут использовать свои технологии в качестве технологий-троянов по контролю над продовольственными ресурсами. Всё это позволяет формировать «глобальное американское государство», и укреплять позиции США как глобального гегемона в условиях современных вызовов и угроз.

Ключевые слова: технологическая колонизация, стратегии США, глобализм, 5GW, ГМО, глобальное государство, безопасные гены, агропромышленные экосистемы.

THE DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF THE NEW POLITICAL STRATEGY OF THE USA AS A GLOBAL STATE WITHIN THE FRAMEWORK OF THE UNLEASHED HYBRID WAR AND “TROJAN TECHNOLOGIES”: INDUSTRIAL ECOSYSTEMS AND THE INFORMATION COMPONENT

Loktionova A.V.

PhD

Scientific department of the Innovation Center of the United
Confectioners Corp.

E-mail: lavrovaalenaw@mail.ru

Abstract. *This article attempts to cover the technological and political strategies of the United States in the paradigm of hybrid warfare. The relevance of the study is due to the increasing complexity of international relations and the variability of the mechanics of global politics in the 21st century, where traditional forms of conflict are gradually giving way to more flexible and combined strategies of warfare. Hybrid warfare, which implies a combination of conventional and non-conventional methods, remains one of the key topics in the context of assessing the capabilities of the United States as a global hegemon. In a hybrid war, US actions can be aimed both at undermining the stability of the enemy and at creating dependencies that can then be used to achieve their goals. Agro-industrial ecosystems also play an important role in the strategy of hybrid warfare. They not only ensure food security and economic influence, but also become an instrument of pressure on government structures of countries dependent on agricultural imports. The United States can use its technologies as Trojan technologies to control food resources. All this makes it possible to form a “global American state” and strengthen the position of the United States as a global hegemon in the face of modern challenges and threats.*

Keywords: *technological colonization, US strategies, globalism, 5GW, GMO, global state, safe genes, agro-industrial ecosystems.*

Избежав глубоких политических потрясений и резких смен власти за последние более чем 100 лет, США сегодня являются единственной крупной страной-образчиком последовательной стратегии на внешнеполитическом треке. Наблюдаемые новые принципы внешней политики США, оформленные в Стратегии Байдена-Харрис, основаны на том, что Америка преодолела разделение

на внешнюю и внутреннюю политику, что легитимизирует, по их мнению, любые операции за пределами страны в отношении других стран. Ярким примером служат заявления Д. Вэнса по Канаде и о присоединении Гренландии, в которых он обвиняет в слабом управлении этим регионом правительство Дании. В настоящий момент мы наблюдаем построение «глобального государства», сформулированного политического конструкта в упомянутой концепции развития США. На пути решения данной задачи Америка разработала собственные инструменты, которые можно объединить под понятием «инструменты гибридной войны», включающим технологическую экспансию через создание псевдотрендов и использование технологий-троянов.

Гибридная война, как явление, заслуживает отдельного рассмотрения. Согласно распространённому определению, под гибридной войной понимается отсутствие или комбинированное использование классического военного вторжения, а также подавление своего оппонента, для чего могут быть применены тайные операции, диверсии, кибервойны, а также осуществление поддержки оппозиции на территории противника, что может быть отнесено к форме гибридной войны. При этом традиционной военной компании может не вестись, а значит, гибридная война может проходить в мирное время [1].

Дэниел Эбботт в 2010 г. опубликовал сборник статей об идеях зарождающегося пятого поколения войн под названием «Справочник 5GW», который остается наиболее систематическим рассмотрением теоретического подхода на сегодняшний день. В «Справочнике 5GW» предлагалось полностью отказаться от термина «поколение» и заменить его на «градиент» или «степень» [2].

Развитие концепции поколения войн получило развитие в работе другого теоретика – Кертиса Гейла Уикса «Dreaming 5GW», где была наиболее полно отражена теория градиента войн.

В работах Д. Эббота предполагается, что 5GW будет равнозначна «моральной и культурной войне, которая ведется посредством манипулирования восприятием и изменения контекста, в котором воспринимается мир» [2, с. 12]. Теория предполагает, что в 5GW «насилие настолько рассеяно, что проигравшая сторона может никогда не осознать, что она была завоевана. Секретность 5GW делает ее самым трудным поколением войн для изучения» [2, с. 10]. Успех в 5GW будет зависеть от обмана и дезориентации, а не от применения

насилия, поскольку доверенные лица кооптируются или подвергаются манипуляции со стороны агрессора, даже не подозревая об этом.

Дэниел Эбботт отмечает, что война пятого уровня может вестись, когда одна из сторон не знает, с кем она воюет. Или даже блестяще выполненная 5GW может включать в себя одну сторону, которая совершенно не знает, что когда-либо была война [2, с. 180]. Практика 5GW основана на расширении масштабов конфликта до такой степени, что противник не может воспринимать его объем, что приводит противника к состоянию быть неспособным противостоять скрытой или косвенной атаке.

Таблица 1. Теория поколения и градиента войн.

Теория поколения войн	Теория градиента войн
-	0GW– дарвиновская война естественного отбора
1 GW – войны с использованием холодного оружия	1 GW – война сотрудничества
2 GW – связанные с изобретением пороха и первых образцов огнестрельного оружия	2GW – война на истощение
3 GW – война с использованием технологий нарезного оружия	3GW – маневренная война
4 GW – война с автоматическим оружием	4GW– моральная война
5 GW – ядерное оружие	5GW – контекстуальная война
6 GW – поколение войн связано с появлением высокоточного, дальнбойного, управляемого оружия всех видов базирования, обеспечиваемого современной информационной компонентой	-

Пятая градиентная война (5GW) это переход от насильственных форм столкновения к манипулированию информацией и личностью. Общество возвращается к отдельным людям и небольшим группам, наравне с государством, наделенным возможностями и современными технологиями. Такие группы, наднациональные, действуют в целях формирования собственной окружающей среды. В данном случае сторонами конфликта выступают не столько разные государства,

сколько разные негосударственные акторы – ТНК, сообщества как ВЭФ и пр.

США, преодолевая разрыв между внутренней и внешней политикой, создали богатый инструментарий для ведения гибридных войн против любых государств. Театром военных действий в парадигме гибридной войны сегодня является экономика, сельское хозяйство, промышленные экосистемы, СМИ и интернет целевых для США стран, но главное – это человек. Гибридная война, по сути, ищет слабые стороны в ментальности той или иной нации.

При теновом захвате страны в рамках гибридной войны, США используют транснациональные корпорации, собственные науку и технологии, подсаживают целевое государство на «иглу» своих разработок, которые направлены на контроль и сдерживание отраслей целевого государства, будь то сельское хозяйство, промышленность, или ИКТ. По сути, Америка ведет новую технологическую колонизацию стран мира.

Таблица 2. Аспекты гибридной войны США против различных стран мира

	Степень колонизированности агропромышленного сектора и пищевой отрасли в странах мира американскими ТНК, %	Степень колонизированности информационного пространства американскими социальными сетями, %
	Бразилия 30	Бразилия 50
	Индия 50	Индия 50
	Китай 10	Китай 0
	ЮАР 100	ЮАР 100
	Сербия 70	Сербия 80
	Россия 30	Россия 0

Анализ документов показывает, что позиция США опирается на следующее: осознавая противостояние своему лидерству ряда ведущих экономик мира, Америка предпринимает сегодня попытку формирования такого мироустройства, при котором сопротивление других стран было бы невозможным. Гибридная война и ее составляющая – война технологических экосистем – как раз способна это обеспечить.

Под технологическими или промышленными экосистемами понимается совокупность технологий в смежных отраслях реального сектора экономики, сопутствующих технологических схем и

производственных цепочек. Примером такой экосистемы, основанной на технологии-тройне, с помощью которой США ведут гибридную войну против крупнейших экономик мира, является агроплатформа ГМ-семян и ГМО продуктов, которая подорвала за последние 20 лет продовольственную безопасность Индии, Канады, стран ЕС и многих других государств.

Американская ТНК Монсанто, как головной исполнитель данной технологической экосистемы, начала инвестировать в создание генетически-модифицированных растений и средств защиты растений в 60-70 годы. Растения ГМО стали продолжением программы Департамента ботаники Министерства обороны США периода 1940-1945 гг., в ходе которой были получены гормональные гербициды. В последующем, сорта растений выводились так, чтобы они могли выдерживать наибольший объем гербицидов в процессе обработки.

Возвращаясь в наше время, необходимо отметить негативное влияние ГМ-технологий. Так, в итоге внедрения ГМ-технологической платформы Индия за 20 лет превратилась в крупного импортера продуктов. Использование американских ГМО в сельском хозяйстве Индии привело к таким негативным последствиям как неурожай и потеря земли мелкими фермерами, что стало причиной волны самоубийств среди них.

В качестве одного из методов продвижения ГМ-технологической платформы в Индии был использован механизм долговых обязательств: фермеры получали ссуду лишь при гарантии высокого урожая и часто получали отказ, если не собирались сажать генетически модифицированные семена.

Другим важным аспектом лоббирования ГМ-технологий стали приемы информационной войны. В разных странах, ученые и исследователи, которые ставили под сомнение экологическую и физиологическую безопасность ГМО-технологий с помощью, в том числе, нелегальных шагов, оказывались под шквалом некой «общественной» критики, теряли позиции в исследовательских организациях, обвинялись в шарлатанстве и продвижении «теорий заговора».

Следует отдельно отметить, что ГМ-технологическая экосистема включает технологии двойного назначения, дискуссия среди ученых о последствиях применения технологии открыта и сегодня. Косвенным подтверждением этого является программа DARPA (Агентство

перспективных оборонных исследовательских проектов США) «Безопасные гены» (Safe Genes).

Технологии-трояны активно используются США в различных сферах и предлагаются к использованию практически всем странам мира, что является инструментом в гибридной войне США и призвано обеспечить Америке позиции глобального государства, от решений которого будет зависеть весь мир. Методом борьбы с такими приемами гибридной войны может быть только отказ от технологий США в сферах, касающихся национальной безопасности любого государства.

Список литературы

1. Marton P. Evolution in military affairs in the battlespace of Syria and Iraq // Corvinus Journal of International Affairs. 2018. Vol. 2. iss. 2–3. P. 30–41.
2. Abbott D. H. The Terminology of xGW. The Handbook of 5GW, 204. NimbleBooks, 2010. 274 p.

ПРОБЛЕМА ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И СЕВАСТОПОЛЕ

Лыхойда Е.С.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия», студент*

E-mail: lykhoyda2016@mail.ru

Научный руководитель – Киселёва Н.В.,

*кандидат политических наук, Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского, доцент кафедры политических
наук и международных отношений*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема экстремизма на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя, а также проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности и пути их решения. В рамках обозначенной темы представлены статистические и мониторинговые данные, свидетельствующие о росте преступлений экстремистской направленности в Крыму и Севастополе, что определяет актуальность данной проблемы.

Ключевые слова: экстремизм, Крым, Севастополь, преступления экстремисткой направленности.

THE PROBLEM OF EXTREMISM IN THE REPUBLIC OF CRIMEA AND SEVASTOPOL

Lykhoyda E.S.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute «Taurida Academy», Student
E-mail: lykhoyda2016@mail.ru*

Supervisor – Kiseleva N.V.

*Candidate of Political Sciences,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Associated Professor of
the Department of Political Sciences and International Relations*

Abstract. *This article examines the problem of extremism in the territory of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol, as well as the problems of countering extremist crimes and ways to solve them. Within the framework of this topic, statistical and monitoring data are presented, indicating an increase in extremist crimes in Crimea and Sevastopol, which determines the relevance of this problem.*

Keywords: *Extremism, Crimea, Sevastopol, extremist crimes.*

Проблема экстремизма в Республике Крым в настоящее время является актуальной и освещается в современной научной литературе в достаточной мере. Так, О.И. Полякова обращает внимание на религиозные факторы, повлиявшие на проявления экстремизма в Крыму до возвращения полуострова в состав Российской Федерации. Она отмечает, что «большую роль в развитии идей так называемого чистого ислама на территории Крымского полуострова внесли различные исламские организации Ирана, Турции, Пакистана, Саудовской Аравии и др. Такие организации влияли на религиозную жизнь мусульман, проживающих в Республике Крым, путем обучения основам ислама, а также изучения ислама в начальных школах (медресе), оказания благотворительной помощи, строительства новых мечетей и создания мусульманских общин в основном в таких городах, как: Симферополь и Судак, Кировском, Советском, Симферопольском, Бахчисарайском, Нижнегорском районах» [1]. С учетом этих факторов

в законе «О свободе совести, религиозных объединениях и недопущении религиозного экстремизма» в Республике Крым была учтена угроза усиления политического влияния на деятельность религиозных объединений, а также подчеркнута необходимость предотвращения проявлений религиозного экстремизма и их преследования [2].

А.А. Кашкаров и А.Н. Игнатов отмечают, что «говоря об основных причинах совершения преступлений экстремистского характера, сегодня в Крыму следует учитывать, что угроза политического, национального, религиозного экстремизма и терроризма (в том числе международного) как высшей формы их проявления является как «внутренней», так и «внешней» с точки зрения ее источника. Сегодня инициация и поддержание экстремистской и террористической деятельности в Крыму, как и в России в целом, осуществляется преимущественно из-за рубежа» [3].

На значимость религиозного фактора в преступлениях экстремистской направленности обращает внимание Р.З. Гусейнова: «Порой религиозная фразеология служит только прикрытием, но это не отменяет того факта, что в ряде случаев речь идет именно о глубокой искренней вере, хотя и извращенного характера, глубокая религиозная вера способна возвести человека на вершины нравственного совершенства, но она же способна также низвергнуть его в бездны фанатизма, ксенофобии и ненависти» [4].

А.Н. Игнатов обращает внимание на то, что «внешние силы, стремящиеся ослабить экономическую и оборонную мощь России, стремятся активно использовать для этого представителей криминального мира, действуя при этом как через отдельных его представителей при совершении различных провокаций, так и через преступные организации, используя последние в целях вмешательства в политику, экономику или при попытках дестабилизации обстановки в том или ином регионе» [5]. При этом экстремистская и террористическая деятельность поддерживается в организационном плане и финансируется через различные «гуманитарные», «миссионерские» и «просветительские», религиозные, правозащитные, политические и иные организации и движения и их представительства. Учредителями и спонсорами таких организаций в большинстве случаев оказываются зарубежные «оппоненты» России. Именно таким путем осуществляется издание литературы и иная пропагандистская деятельность экстремистского характера; насаждение идей шовинизма,

национализма и сепаратизма; провоцирование и поддержание межэтнических и межконфессиональных конфликтов; создание предпосылок для массовых нарушений общественного порядка, вооруженных конфликтов и государственных переворотов.

М.М. Смолина в своих работах отмечает, что вопрос увеличения уровня террористических угроз, связанных с экстремизмом, продолжает оставаться актуальным. Это касается как проблем этноконфессиональных и межнациональных отношений, так и распространения нетерпимости среди населения, а также негативного влияния зарубежных религиозно-экстремистских и террористических организаций [6].

В.А. Бугаев и К.Л. Гридасов утверждают, что «особенностью Крымского региона является его географическое расположение, многонациональный народ, его многорелигиозность, курортная и туристическая составляющие. Постоянные миграционные процессы, происходящие в Крыму, дают возможность преступным элементам проникать на полуостров с целью подрыва нормальной, полноценной жизни населения. Особое влияние также оказывает непосредственное «соседство» Крымского полуострова с Украиной, где в настоящее время проходит специальная военная операция, которая направлена на борьбу с различными преступными группировками, демилитаризацию, а также денафикацию Украины и аннулирование всех дискриминационных нормативно-правовых актов, принятых Верховной Радой Украины за последние восемь лет (после 2014 года), касающихся русского языка и русскоязычного населения и признание новых регионов и Республики Крым как субъектов Российской Федерации» [7].

Д.В. Кулакова подчеркивает актуальность проблемы проявления экстремизма в политической сфере. «В последнее десятилетие, – пишет автор, – происходит явная деструкция современного мирового общественного порядка (затяжная санкционная политика западных стран в отношении России, попытка ее изоляции в системе международных отношений, смена власти на Украине, выход России из Совета Европы, несогласие ряда иностранных государств на присоединение к территории нашей страны Республики Крым, Донецкой и Луганской Народных республик, Запорожской и Херсонской областей, проведение специальной военной операции). Сложный период нестабильных отношений, изменение мирового порядка способствуют осложнению внутренних противоречий в стране,

что, несомненно, может спровоцировать увеличение экстремистских настроений [8]». При этом экстремизм в политической сфере вбирает достаточно большой круг действий: незаконная деятельность во время избирательных кампаний, выборов; участие в несогласованных митингах, шествиях, пикетированиях, демонстрациях; функционирование общественных организаций, политических партий, средств массовой информации, деятельность которых направлена на нарушение демократического режима, конституционных основ государства.

Учитывая изложенные выше позиции, целесообразно согласиться с точкой зрения С.А. Буткевич и А.А. Коноплёва, которые отмечают, что «для поддержания стабильности в Республике Крым требуется принятие дополнительных мер, в частности, по совершенствованию миграционной политики, обеспечению антитеррористической защищенности объектов (территорий), ограничению доступа к экстремистским ресурсам и др.» [9].

Основными направлениями противодействия экстремизму в Республике, по мнению В.А. Бугаева и К.Л. Гридасова, являются:

«1. Устойчивое развитие социального, экономического, политического и культурного развития региона;

1. Пропаганда и распространение взаимоуважения, взаимопонимания и толерантности;

2. Административно-правовое регулирование деятельности партий, учреждений и организаций;

3. Повышение качества и результативности деятельности полиции, направленной на противодействие экстремизму;

4. Повышение уровня эффективности профилактики экстремистских правонарушений. Особое внимание необходимо уделить профилактике экстремизма среди подростков и молодежи;

5. Предупреждение распространения идеологии экстремизма;

6. Выявление и устранение причин и условий возникновения и распространения экстремистской деятельности» [7].

Учитывая изложенные выше позиции авторов, можно сделать вывод, что для российского многонационального государства в целом, равно как и для многоконфессиональной Республики Крым, тесно сталкивающейся с внешними факторами, влияющими на проявления экстремизма, ввиду его стимулирования со стороны соседствующих украинских националистических структур и спецслужб, экстремизм представляет большую угрозу, поэтому противодействие ему на

территории Республики Крым является одной из ключевых задач на пути обеспечения безопасности как в регионе, так и в целом на территории страны.

Анализируя динамику экстремистских преступлений в Крыму с 2014 года по 2022 год, на основании данных официальной статистики, можно констатировать, что в период с 2014 по 2016 год количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в Республике Крым находилось в диапазоне от 10 до 12, а в Севастополе в таком же периоде отмечалось от 10 до 28 случаев. Затем на протяжении двух лет в 2017 и 2018 годах в Республике Крым количество таких преступлений превышало 20 случаев, а в Севастополе наоборот снизилось и находилось в диапазоне от 10 до 7 случаев.

Минимальное количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в Крыму и Севастополе было зафиксировано в 2019 году – всего 3. Затем в течение двух последующих лет (2020–2021 гг.) снова отмечается рост, и количество экстремистских преступлений превышает от 6 до 10. Резкое увеличение преступлений экстремистской направленности на территории Республики Крым зафиксировано после начала Специальной военной операции. В 2022 году количество таких преступлений в Крыму достигло 47, а в городе Севастополе – 15, что вполне объяснимо, принимая во внимание приграничное положение Крымского полуострова и действия нацистской власти Украины, направленной на дестабилизацию обстановки как в целом в России, так и в Крыму.

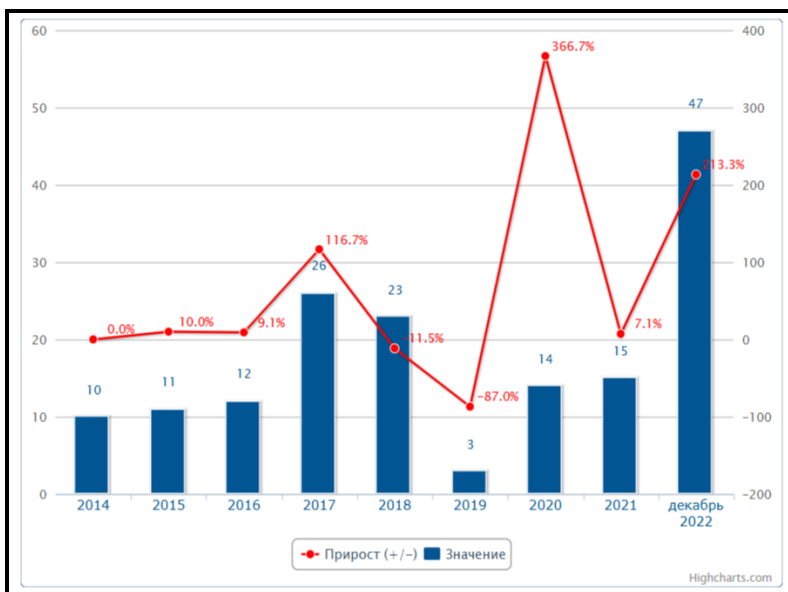

Рис. 1. Динамика зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в Республике Крым [10].

Аналогичная динамика за этот период отмечается и по количеству выявленных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности». Так, в Республике Крым в 2014 г. данный показатель не превышал 3 человек, а в Севастополе был нулевым.

С 2014 г. по 2018 г. в Крыму количество выявленных лиц, совершивших экстремистские преступления, увеличилось более чем в 6 раз и достигло 18 человек. Затем отмечается резкое падение показателя – до 2-х случаев в 2020 г., но далее наблюдается рост до максимального значения (29 чел.) в 2022г. Таким образом, число выявленных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности в Крыму, с 2014 г. по 2022 г. увеличилось почти в 10 раз [10].

В Севастополе на протяжении 3-х лет (2015–2017) показатель не изменялся (7 случаев), в 2018 г. снизился до 4-х. В 2019 г. было зафиксировано 2 случая, но в 2020 г. резко увеличивается до 5 случаев. Затем в 2021 г. данный показатель увеличивается в 1,8 раза и достигает

8-ми случаев. В дальнейшем отмечается только рост, и за 4 года (с 2019 г. по 2022 г.) число выявленных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности в Севастополе, выросло в 4,5 раз [10].

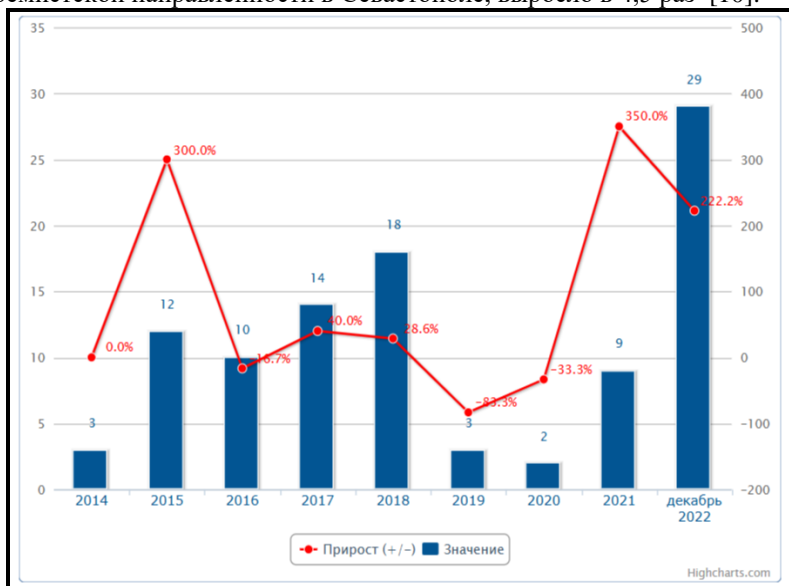

Рис. 2. Динамика выявленных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности в Республике Крым [10].

Количество преступлений экстремистской направленности в Крыму с 2014 по 2022 годы выросло почти в 5 раз, по этому показателю наш регион вошел в пятерку российских регионов-антилидеров, что еще раз доказывает актуальность проблемы экстремизма для Крыма.

На конец декабря 2022 года Республика Крым, по данным официальной статистики, находилась на 4 месте в рейтинге субъектов Российской Федерации по регистрации преступлений экстремистской направленности с показателем 47 преступлений и годовым приростом их числа – 213,3%.

А Севастополь в рейтинге российских регионов по числу преступлений экстремистской направленности с 84 места в 2014 г. переместился в 2022 году на 30 место. Прирост данного показателя в Севастополе за указанный период составил 150%.

По количеству выявленных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, Республика Крым находилась в конце 2022 года на 7 месте в рейтинге субъектов РФ с годовым приростом показателя, превышавшим 200% (222,2%), а Севастополь находился на 41 месте с аналогичным показателем 12,5% [10].

На данный момент в открытом доступе статистика по экстремистским преступлениям отсутствует, но частота сообщений в СМИ не позволяет сделать предположение, что их количество в Республике Крым и Севастополе уменьшилось.

Поэтому на территории Республики Крым и в Севастополе проводятся не только силовые действия в рамках борьбы с экстремизмом, но и превентивные мероприятия: совещания специалистов МВД по вопросам профилактики правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних, круглые столы и семинары в образовательных организациях, посвященные противодействию терроризму и экстремизму, а также уроки правовой грамотности. В различных городах и районах Крыма сотрудники полиции проводят информационно-профилактические беседы с руководителями образовательных организаций, в рамках которых информируют граждан о необходимости и важности профилактических бесед с обучающимися. Центр по противодействию экстремизму МВД по Республике Крым проводит оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление и предотвращение распространения экстремизма и терроризма на полуострове. Его сотрудники предупреждают и пресекают подобные преступления, включая финансирование радикальных организаций, пропаганду экстремистских идей, а также разжигание ненависти и вражды [11].

Мониторинг СМИ за 2022–2024 гг. показывает, что на территории Республики Крым и Севастополя граждане были привлечены к административной ответственности в виде назначения штрафа от 30 до 50 тысяч рублей, ограничению и лишению свободы на срок от 2 лет до 12 лет за следующие действия:

- 1) призывы к насильственным действиям в отношении русских и армян;
- 2) призывы к этническому экстремизму в Интернет-ресурсе;
- 3) дискредитацию Вооруженных сил РФ в связи с проведением СВО;

4) пропаганду экстремистской деятельности и помощь экстремистам в приготовлении к участию в деятельности террористической организации;

5) публичные призывы к убийству русских, а также поддержку в угнетении представителей этой национальности в других странах;

6) публичную демонстрацию нацистской символики;

7) публичные антироссийские и антиправительственные лозунги, в том числе, в форме призывов к свержению действующего в Российской Федерации конституционного строя;

8) сотрудничество со спецслужбами Украины;

9) осквернение государственных символов и символов воинской славы.

В целом за период проведения СВО в крымских СМИ была размещена информация о наказании 66 граждан, осуществлявших экстремистскую деятельность [12].

Также целесообразно отметить, что в настоящее время украинскими и западными СМИ ведется информационная война, направленная на распространение панических и депрессивных настроений у крымчан, что может являться дополнительным фактором повышения уровня экстремизма на религиозной, национальной, политической и социально-экономической почве.

Список литературы

1. Полякова О.И. Экстремизм в Республике Крым: распространение, проблемы противодействия и пути их решения // Мировая наука. 2019. №4(25). С. 423–427.
2. Закон Республики Крым «О свободе совести, религиозных объединениях и недопущении религиозного экстремизма». URL: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/project/82.pdf>
3. Кашкаров А.А., Игнатов А.Н. Основные причины совершения преступлений экстремистского характера в Крыму в современных условиях // Противодействие экстремизму и терроризму в крымском федеральном округе: проблемы теории и практики. Симферополь: Элиньо, 2015. С. 95–104.
4. Гусейнов Р.З. Профилактика религиозного экстремизма в Крыму // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и

- практики. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 430–433.
5. Игнатов А.Н. Современные угрозы криминологической безопасности Республики Крым // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., 13 марта 2015 г. / под общ. ред. С.А. Буткевича. Симферополь: Диайпи, 2015. С. 43–48.
 6. Смолина М.М. Охрана общественного порядка как основная задача милиции Украины // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 3(21). С. 45–50.
 7. Бугаев В.А., Гридасов К.Л. Особенности противодействия экстремизму в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. № 3(69). С. 119–124.
 8. Кулакова Д.В. К вопросу о противодействии экстремизму в политической сфере // Международный форум молодых ученых «Школа противодействия экстремизму». Махачкала, 2023. С. 60–64.
 9. Буткевич С.А., Коноплёва А.А. Распространение экстремизма в Республике Крым: проблемы противодействия и пути их решения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1(19). С. 76–83.
 10. Показатели преступности в регионах Российской Федерации. Генеральная прокуратура Российской Федерации // Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart
 11. Деятельность МВД по Республике Крым. URL: https://82.мвд.рф/search?q=экстремизм&group=&csrf_token=17f8d867009b6400314a7ae4a5f0c920e1a7dceffb24860ce679c0a0d7dbae678bb77946e63cff47
 12. РИА Новости Крым. URL: <https://crimea.ria.ru/>

**О ФЕНОМЕНЕ ЛИНГВОКУЛЬТУР И ИХ РОЛИ
В ПОВСЕДНЕВНОМ ОСВОЕНИИ «ЖИЗНЕННОГО
ПРОСТРАНСТВА» (НА ПРИМЕРЕ АГРАРНОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ)**

Луговских В.С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
студент*

Кедык В.П.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
студент*

Научный руководитель: Масаев М. В.,

*доктор философских наук, Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, профессор кафедры культурологии и
социокультурного проектирования Института медиакоммуникаций,
медиа технологий и дизайна*

***Аннотация.** Данная работа на основе историко-философского и
социокультурного анализа, связанного с феноменом
лингвокультурологии, выявляет проблемы рефлексии лингвокультур на
примере аграрной терминологии.*

***Ключевые слова:** лингвокультурология, культура, аграрная
терминология.*

**ON THE PHENOMENON OF LINGUOCULTURES AND
THEIR ROLE IN THE EVERYDAY DEVELOPMENT OF "LIVING
SPACE" (ON THE EXAMPLE OF AGRARIAN TERMINOLOGY)**

Lugovskikh V. S.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, student

Kedyk V. P.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, student

Scientific Supervisor: Masayev M. V.

Doctor of Philosophy

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,

*Professor of the Department of Culturology Studies and Socio-
Cultural Projecting of the Institute of Media communications, Media*

Abstract. *This work, based on historical, philosophical and socio-cultural analysis related to the phenomenon of linguacultural studies, reveals the problems of reflection of linguacultures using the example of agrarian terminology.*

Keywords: *linguacultural studies, culture, agrarian terminology.*

В любой культуре есть только им присущие ценности, которые закрепляются в языке, моральных нормах, убеждениях, особенностях поведения. Поэтому культурологическое измерение в структуре парадигмального образа [7, с. 210; 8, с. 23] будущей человеческой цивилизации [5, с. 102] будет во многом определяться, в том числе трепетным отношением человеческого сообщества, к формированию так называемой языковой картины мира [6, с. 67].

Русская сельскохозяйственная терминология являлась предметом анализа целого ряда исследований. Отдельные частные вопросы, связанные с изучением русской сельскохозяйственной терминологии, в отечественном языкознании затрагивались в исследованиях, посвященных анализу сельскохозяйственной лексики, представленной в русских территориальных диалектах, а также в работах, посвященных истории становления и современному состоянию специальных наименований, обозначающих те или иные реалии сельского хозяйства: сельскохозяйственные орудия, технику, сельскохозяйственные трудовые процессы, предметы и явления отдельных сельскохозяйственных отраслей и т. д.

Изучение научной литературы позволяет утверждать, что в настоящее время в отечественной лингвистике отсутствуют обобщающие исследования, посвященные комплексному анализу русской сельскохозяйственной терминологии в целом, а также анализу одной из ее основных составляющих — терминологии растениеводства.

Между тем несомненно, что исследование вопросов, связанных с особенностями формирования, развития и современного состояния сельскохозяйственной, в том числе растениеводческой, терминологии в русском языке представляет особый интерес прежде всего в связи с богатой и разнообразной историей самой сферы сельского хозяйства и значимостью названной сферы для жизни русского человека.

С древнейших времен земледелие, направленное на выращивание культурных растений, являлось важнейшим занятием людей и основным источником их жизнедеятельности. Значимость земледелия для древних славян подтверждается не только многочисленными археологическими раскопками, обнаружившими остатки древнейших сельскохозяйственных орудий, зерен злаков и т. п., но и наличием в жизни праславян и восточных славян важнейших культов, призванных обеспечить хороший урожай.

В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что многие словесные единицы праславянского языка, называющие реалии растениеводства, и многочисленные производные от них, легли в основу современной русской сельскохозяйственной терминологии.

Современные лингвистические данные совершенно определенно позволяют утверждать, что русская терминология тематической сферы «Растениеводство» представляет собой обширный пласт терминологических единиц, восходящих к различным периодам истории русского языка и развития сельского хозяйства в России и связанных весьма сложными системными связями и отношениями.

Предметом исследования явилась терминология сферы «Растениеводство» как одна из важнейших составляющих лексической системы русского языка.

Актуальность исследования определяется важностью для современной лингвистики выявления и описания структурных и типологических особенностей современных терминосистем как составляющих общей лексической системы языка.

Цель исследования определила следующие задачи: рассмотреть теоретические вопросы, связанные с проблемами термина, терминологии, в современной лингвистике.

На сегодняшний день сельское хозяйство является важнейшей и неотъемлемой частью экономики. Огромную роль играют внешнеэкономические связи и международные торговые отношения. Поэтому адекватный и профессиональный перевод, а также изучение особенностей агрономической терминологии и текстов, касающихся данной тематики, очень важны и крайне необходимы в современном стремительно развивающемся мире.

Рассмотрим понятие «термин», а также процесс образования и многозначности слов в сельскохозяйственной терминологии. Известно, что основным элементом любой терминологической системы какого-либо естественного языка является термин. Термин представляет собой

некий банк данных в определенной сфере знаний и выполняет, безусловно, информативную функцию. Так же, как и слово, термин является единицей лексического состава языка. Таким образом, термин — это лингвистическое явление, и он обладает теми же признаками и правилами образования, что и общеупотребительная лексика, то есть термин подчиняется общим грамматическим правилам, но имеет отличительные признаки в функционировании.

Под словом «термин» подразумевается стилистически нейтральное слово (аббревиатура или словесный комплекс), которое имеет определенную и четкую сферу применения, предметную и логическую направленность, а также характеризуется однозначностью и отсутствием экспрессивности. Таким образом, термины появляются в результате изменения значений слов общелитературного языка и специальной терминологии. Из этого утверждения можно сделать вывод, что терминологическое наполнение состава языка осуществляется с помощью следующих процессов [1]:

1) аффиксация — способ образования новых слов в результате прибавления к корневым словам, заимствованным из греческого и латинского языков, префиксов и суффиксов, например: cultivate + tion = cultivation—возделывание (почвы), рыхление; develop + ment = development—развитие, пост; inter + planting = interplanting—пересадка растений; trans + plant = transplant—саженец, пикированная рассада; sub + tropical = subtropical—субтропический;

2) сокращения — образование аббревиатур, то есть слов, состоящих из первых букв словосочетания, например:

3) AMS (Agricultural Management Solutions) — системы управления сельским хозяйством, системы точного земледелия; HYVP (High-Yielding Varieties Program) — программа выведения высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур; FAS (Foreign Agricultural Service) — иностранная сельскохозяйственная служба;

4) конверсия — способ получения новых слов путем их перехода из одной части речи в другую без помощи словообразовательных элементов, например: mature — созревший, спелый, to mature—созревать, вызревать; meal — мука крупного помола, размолотое зерно, to meal —перемалывать, превращать в муку; plant — растение, саженец, to plant—сеять, засаживать; land — культивируемая земля, почва, to land — приземляться, садиться на землю; farm — ферма, хозяйство, питомник, to farm — возделывать земельные угодья;

5) словосложение — способ образования сложного слова в результате соединения двух или более слов (основ) в одно новое слово, как правило, без соединительной гласной, например: cross-pollinated — перекрестноопыляющийся; self-seeding — самосев; plant-available — пригодный для посадки; frost-killing — вымерзание (растений) [2].

Одним из значимых вопросов современного теоретического терминоведения считается проблема многозначности терминов. В отечественном терминоведении многозначность термина традиционно понимается как полисемия термина, но обзор теоретического материала показывает, что несмотря на огромное количество информации по данному вопросу в литературе по лингвистике, а также в работах по терминоведению, существует множество мнений, касающихся вопроса, что же считать многозначностью термина. В связи с этим некоторые ученые разделяют термины «полисемия» и «многозначность». Так А. А. Филиппова считает, что мы будем говорить о полисемии термина, когда значения этого термина будут ограничиваться рамками одной словарной статьи. А если значения термина будут определяться в дискурсе и не фиксироваться при этом в пределах одной словарной статьи, тогда речь будет идти об их многозначности [3, с. 81].

Существует также мнение о равнозначности терминов «полисемия» и «многозначность». Так, не приводя объяснений или дефиниций, делается акцент на однозначность термина как одно из главных свойств его нормативности. Но есть и противоречия, когда, определив относящиеся к разным терминосистемам термины как семантические омонимы, терминологи относят данные термины к случаям многозначности: «Действительно, часто встречающимся случаем многозначности является использование одного и того же термина в близких областях знания с несколько различными значениями» [4, с. 45]. Отсюда можно заключить, что ученые используют термин «многозначность» в его широком понимании, подразумевая омонимию и полисемию как противопоставление однозначности.

Таким образом, способы образования терминов ведут к их многозначности и сложности словоупотребления, а также сложности их перевода. Перевод многих терминов имеет значительную зависимость от контекста. Изучая агрономическую терминологию, мы можем убедиться в том, что она является очень богатой, яркой и разнообразной. Актуальным остается вопрос функционирования

терминов, так как помимо одной определенной области употребления специальная лексическая единица может использоваться в другой сфере, например:

1) plant — растение, саженец, побег (биол.) и plant—завод, фабрика, оборудование, установка (общ.);

2) soil — грунт, земля, почва (биол.) и soil— страна, территория (общ.); field — поле, луг (биол.) и field— область, сфера, поле деятельности (общ.).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что термин имеет свое значение и разнообразные способы образования. У сельскохозяйственных терминов большое значение в процессе перевода играет контекст и употребление слова, которое образовалось путем присоединения, например, суффиксов. Причем способов словообразования может быть огромное количество. Поэтому проблема исследования перевода и многозначности терминов в агрономии остается актуальной в настоящее время.

Существующие научные достижения в области исследования специальной лексики со всей определенностью позволяют утверждать, что специальные наименования составляют весьма обширный пласт национального русского языка, который включает слова и словосочетания, называющие предметы и понятия, относящиеся к различным сферам профессиональной деятельности человека и не являющиеся общеупотребительными.

На современном этапе развития отечественного терминоведения не вызывает сомнений тот факт, что специальная лексика состоит из нескольких разрядов языковых единиц, в числе которых присутствуют термины, номенклатурные обозначения (номены),- профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. Общепризнано также, что среди специальных лексических номинаций ведущее место принадлежит терминам. Учитывая достижения современного терминоведения, представляется возможным определять термин как слово или словосочетание, служащее средством номинации определенного понятия в системе понятий того или иного направления науки, техники и других сфер профессиональной деятельности и основанное на дефиниции. Под терминологией в настоящем исследовании понимается совокупность терминов, сложившаяся в процессе зарождения и развития определенной научной области и служащая для выражения специальных понятий, а также для называния типичных объектов данной области.

Список литературы

1. Шелов С. Д. Определение терминов и понятийная структура терминологии. Санкт-Петербург, 1998. 236 с.
2. Англо-русский словарь по агрономии и агропочвоведению / под ред. Т. Н. Фоминой. English-Russian dictionary on Agronomy and Soil sciences. М.: Изд-во РГАУМСХА имени К. А. Тимирязева, 2014. 77 с.
3. Чистюхина С. Н. Межотраслевая полисемия в терминологической системе современного английского языка // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 1. С. 80–83.
4. Лейчик В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
5. Масаев М. В. Культурологическое (вертикальное) измерение структуры парадигмальных образов в качестве символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. 2007. № 108. С. 102-104.
6. Мирошников О.Е. Феномен взаимодействия лигвокультур: аналитические размышления // Духовно-нравственные ценности в культуре и образовании. Сборник научных статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции «Духовно-нравственное развитие современной молодежи как фактор самосовершенствования на основе самопознания» (14-15 апреля 2024 г., г. Ялта) / Ответственный редактор Т. П. Разбеглова. Ялта: РИО ГПА, 2024. 158 с.
7. Масаев М. В. Научная парадигма и интервальный метод: соотношение. Понятие парадигмального образа в философии истории // Культура народов Причерноморья. 2001. № 21. С. 210-221.
8. Масаев М. В. Феномен соотношения научной парадигмы и интервального метода в контексте понятий // Философские традиции и современность. 2013. № 1 (3). С. 23-41.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ УРОКОВ «ЯЛТЫ-45» В ДЕЛЕ ПОСТИЖЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Масаев М. В.

*Доктор философских наук,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
профессор кафедры культурологии и социокультурного
проектирования Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и
дизайна, академик Крымской Академии наук
E-mail: masaev.mihail@yandex.ru*

Аннотация. В работе рассмотрены некоторые аспекты в так называемом феномене «нового прочтения» исторических уроков Ялтинской конференции 1945 года под углом зрения политической культуры общества на современном этапе развития.

Ключевые слова: новое прочтение, исторические уроки, Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года

SOME ASPECTS OF A NEW READING OF THE HISTORICAL LESSONS OF "YALTA-45" IN THE MATTER OF UNDERSTANDING THE PHENOMENON OF POLITICAL CULTURE

Masayev M. V.

*Doctor of Philosophy
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Professor of the Department of Culturology Studies and Socio-
Cultural Projecting of the Institute of Media communications, Media
technologies and Design (SD). Academician of the Crimean Academy of
Sciences
E-mail: masaev.mihail@yandex.ru*

Abstract. The paper examines some aspects of the so-called phenomenon of “new reading” of the historical lessons of the Yalta Conference of 1945 from the point of view of the political culture of society at the present stage of development.

Keywords: new reading, historical lessons, Crimean (Yalta) Conference of 1945.

Во вступлении к данной работе целесообразно будет привести весьма меткий фрагмент оценки современных событий и связи их с Ялтинской конференцией 1945 года Президента России В. В. Путина: «После Ялтинской и Потсдамской конференций, Нюрнбергского процесса – казалось, что идеология и преступная практика нацизма полностью изобличены и повержены. Однако недавние события говорят об обратном. На наших глазах разворачивается компания по пересмотру итогов Второй мировой войны, умаляется вклад Красной армии в Великую Победу. Эти обстоятельства не могут оставить нас равнодушными и безучастными. Мы должны твёрдо противостоять любым попыткам фальсификации исторических фактов, защищать правду о минувшей войне. И в полной мере использовать тот позитивный опыт, который был накоплен странами-союзниками в годы Второй мировой войны, бесценное наследие Ялтинской конференции и её решений, в которых воплотился дух международного сотрудничества и истинного союзничества» [1, с. 5].

Вот почему поставленная нами в заглавии проблема необходимости нового прочтения исторических уроков Крымской (Ялтинской конференции) 1945 года в контексте актуализации феномена политической культуры общества на современном этапе становится особенно злободневной.

Дело в том, что современная политическая культура (особенно политическая культура повседневности) среднестатистического гражданина нашей страны (и не только нашей) остаётся крайне низкой. Во многом это обусловлено бытующим в обывательской среде мнением, что политика – «дело грязное». Поэтому надо, якобы, быть аполитичным и всё будет хорошо. А политикой ... пусть занимаются другие. Но, как любил говорить видный отечественный мыслитель, политолог Александр Сергеевич Панарин, «если ты не занимаешься политикой – политика занимается тобой». В том смысле – если делегировать активное занятие политикой другим лицам – на практике мы получаем не такую жизнь, идеал которой мы представляем себе, находясь в пассивном политическом бездействии, и, как следствие, не разбираясь в скрытых от общего обзора политических реалиях повседневности и не будучи компетентными в безуспешных попытках объяснить – почему в каких-то странах перманентная «война всех против всех», а в других – мир, процветание и благоденствие (показательна в этом отношении фраза бывшего главного дипломата Евросоюза Ж. Борреля, говорившего о Европе как о «цветущем саде»).

При этом по факту деятельности этого дипломата было бы более целесообразно признать его не столько дипломатом, сколько ярким милитаристом. Это – один из примеров проявлений политической культуры повседневности, когда реальная деятельность политика реально выясняется по факту деятельности. Но чтобы это выяснить – нужно действительно обладать политической компетентностью и банальным знанием скрытых за мишурой красивых фраз и действий деятельностью политических акторов.

В дипломатической среде давно общеизвестно, что в так называемой профессиональной этике и риторике дипломатии действующие лица переговорного процесса (в самом широком смысле) не могут чётко и определённо сказать ни «да», ни «нет», чтобы иметь так называемый запасной манёвр в витиеватой дипломатической игре, которая без традиционной войны (с применением всех видов оружия) (обращаясь к феномену так называемого образа «войн будущего» без применения традиционных вооружений) [2] позволяет выиграть и добиться реализации геополитических интересов своей страны на международной арене в среде самых закоренелых «хищников». Это не раз спасало наше Отечество в самых сложных ситуациях.

Однако во всех правилах, как обычно говорят представители фундаментальных наук, есть исключения. И весьма приятно, что такие исключения в нашем государстве появились в непосредственной связи с историческими и геополитическими последствиями Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года. Дело в том, что международно-правовые последствия этой эпохальной конференции позволили одной из сверхдержав тогдашнего мира – Советскому Союзу – настолько уверенно чувствовать себя на международной арене, банально – настолько сильным было наше единое Отечество, что представители дипломатической службы, чувствуя за собой сильнейшую державу – могли прямо и откровенно сказать то самое «нет» любому государству, даже самому сильному хищнику, которым на сегодня являются, например США и ряд других стран, преимущественно с пресловутым «ядерным чемоданчиком».

И в этом смысле историософский анализ жизни и деятельности Андрея Андреевича Громыко, которого в узких кругах дипломатической элиты всего мира звали именно «дипломат «нет»», служит прекрасным примером, как всего лишь одно событие – но событие эпохальное – Крымская конференция 1945 года – рождает такие великие личности, определяющие в том числе (в свете

разрабатываемой нами концепции парадигмальных образов и символов) так называемый парадигмальный образ эпохи, цивилизации и народа [3; 4; 5].

Если анализировать эпохальную фотографию Леонида Яблонского, сотворённую на конференции в Ялте, то символически три центральных персонажа – это властители свыше, весь мир находится у их ног, под их ногами. Так видимый образ уже начинает действовать как символ, намекая на его невидимую структуру [6]. В данном случае парадигмальный символ отечественной дипломатии – А. А. Громыко – контролировал весь мир международных отношений той эпохи.

Это – один из примеров практики нового прочтения исторических уроков Крымской (Ялтинской конференции) 1945 года в контексте актуализации феномена политической культуры общества на современном этапе.

Обращаясь к историческим аналогиям, целесообразно сравнить историческую ситуацию февраля 1945 года и сегодняшнего времени.

Как справедливо подчёркивают авторы работы «К истории Ялтинской конференции руководителей СССР, США и Великобритании» [7], «конференция проходила в обстановке, значительно отличавшейся от той, которая сопутствовала предыдущей встрече союзников в Тегеране. К этому времени Германия оказалась в тисках двух фронтов и была обречена на поражение, стало очевидным после неудачи последнего контрнаступления в Арденах (декабрь 1944–январь 1945 гг.). Блок фашистских государств развалился. Вслед за Италией, вышли из войны или капитулировали Румыния, Финляндия, Болгария, Венгрия. Советские войска совместно с Народно-освободительной армией Югославии, сформированными на территории СССР частями и соединениями Польши, Чехословакии и Румынии освободили территории Польши, Чехословакии, Югославии. Красная Армия и армии США и Великобритании вели бои на территории Германии. Однако немецко-фашистские войска продолжали оказывать ожесточенное сопротивление, что требовало координации усилий стран, входивших в состав антигитлеровской коалиции» [7].

Ситуация не совсем традиционной войны нынешней эпохи нам также известна. Если сравнивать и анализировать их, наше пространство пока что находится не в том состоянии силы, которая была на февраль 1945 года.

Вот почему дальнейшая актуализация феномена политический культуры общества на современном этапе в контексте необходимости нового прочтения исторических уроков Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года для нас особенно важна и чем больше исследователей к этому процессу присоединятся – тем лучше.

Список литературы

1. Участникам и гостям Международной научной конференции «Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее»: приветствие Президента Российской Федерации В. Путина // Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее: материалы междунар. конф. / сост. Е. А. Бондарева. М.: Астрей, 2015.
2. Масаев М. В. Образы войн будущего: «мятеж-войны», дистанционные (бесконтактные) войны, кибер-войны, конспиративные и символические войны в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций) / М. В. Масаев // Гілея: науковий вісник: збірник наукових праць / гол. ред. В. М. Вашкевич. К.: ПП «Видавництво «Гілея», 2014. Вип. 81 (№ 2). 372 с. С. 216-222.
3. Масаев М. В. Парадигмальные образы как символы эпох / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. 2000. № 14. С. 132-136.
4. Масаев М. В. Цветная политика в системе парадигмальных образов и символов эпох (философско-исторические и психологические аспекты) / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. 2005. № 64. С. 106-109.
5. Масаев М. В. Невидимая структура символа (философско-исторический аспект) / М. В. Масаев // Гілея: научний вестник. Сборник научных трудов. 2009. Вып. 22. С. 272-284.
6. Крылов К. Большая Тройка. Образ и действительность / Константин Крылов // Юбилейный год 2010. Альманах. Симферополь, 2012. 256 с. С. 205.
7. К истории Ялтинской конференции руководителей СССР, США и Великобритании / Бельянинов А. Ю. и др. Современная научная мысль, 2020. № 1. С. 73 - 97.

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ФЕНОМЕНУ ДИАЛЕКТИКИ СТАБИЛЬНОСТИ И НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Масаев М. В.

*Доктор философских наук,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
профессор кафедры культурологии и социокультурного
проектирования Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и
дизайна. Академик Крымской Академии наук
E-mail: masaev.mihail@yandex.ru*

Аннотация. В данной работе предпринимается попытка раскрытия некоторых моментов в процессе постижения феномена диалектики стабильности и нестабильности. Подчёркивается, что актуальность поставленной проблемы обусловлена многими факторами практической философии повседневности. Очевидно, что человечеству (во всяком случае, большинству) надоело жить по схемам перманентно транзитивного мира – мира, который интересен с точки зрения «когнитивных технологий», но весьма сложен для сиюминутного выживания человека в этом постоянно меняющемся мире с новыми ценностными ориентациями.

Ключевые слова: диалектика, стабильность, нестабильность.

SOME APPROACHES TO THE PHENOMENON OF THE DIALECTICS OF STABILITY AND INSTABILITY

Masayev M. V.

*Doctor of Philosophy
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Professor of the Department of Culturology Studies and Socio-
Cultural Projecting of the Institute of Media communications, Media
technologies and Design (SD). Academician of the Crimean Academy of
Sciences (Simferopol)*

Abstract. This paper attempts to reveal some aspects of the process of understanding the phenomenon of the dialectic of stability and instability. It is emphasized that the relevance of the problem posed is determined by many factors of the practical philosophy of everyday life. It is obvious that humanity (at least the majority) is tired of living according to the patterns

of a permanently transitive world – a world that is interesting from the point of view of “cognitive technologies”, but very difficult for the immediate survival of a person in this constantly changing world with new value orientations.

Keywords: *dialectic, stability, instability.*

Величайшая страсть заключается в стремлении к покою и вечности,

к стабильности — у победившего класса.

А. П. Платонов, Записные книжки, 1928–1944 гг.

Законы диалектики достаточно хорошо известны – «единства и борьбы противоположностей», «перехода количественных изменений в качественные» и «отрицания отрицания». В рамках данных законов (преимущественно первого) попробуем выявить некоторые смыслообразующие аспекты двух противоположных феноменов – стабильности и нестабильности.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена многими факторами практической [6] философии повседневности. Очевидно, что человечеству (во всяком случае, большинству) надоело жить по схемам перманентно транзитивного мира – мира, который интересен с точки зрения «когнитивных технологий», но весьма сложен для сиюминутного выживания человека в этом постоянно меняющемся мире с новыми ценностными ориентациями [7], подходами, правилами и понятиями. Сложность этого постоянно меняющегося мира касается не только каждого конкретного представителя человеческой цивилизации, но и всего социума, поскольку, вспоминая известный афоризм – жить в обществе и быть независимым от общества невозможно – можно заключить, что отдельно взятый человек при всём своём желании не в силах справиться с реальными трудностями повседневного мира и вынужден обращаться по различным вопросам к другим представителям рода человеческого, которые способны оказать ему содействие в рамках тех или иных проблем, с которыми мы все можем столкнуться, решая вопросы так называемой «философии и культуры повседневности».

Сам по себе феномен корреляции стабильности и нестабильности достаточно интересен.

Стабильность в повседневной жизни человека в обыденном понимании этого понятия ассоциируется прежде всего с

экономическими категориями. А это, к примеру, прежде всего – стабильность и предсказуемость стоимости товаров и услуг, работы банковской сферы, отраслей производства и потребления так называемых «материальных благ» и т. п. Но в широком плане стабильность (как об этом свидетельствуют энциклопедические издания) представляет собой «способность системы функционировать, не изменяя собственную структуру, и находиться в равновесии». При этом подчёркивается, что данное «определение должно быть неизменным во времени» [1]. И здесь мы сталкиваемся, следовательно, с достаточно сложным явлением, затрагивающим потенциально всю сферу общественных отношений. То есть стабильность может быть не только в экономике, но и в политике, культуре, образовании и иных отраслях человеческой жизни и деятельности.

Антипод стабильности – нестабильность – также может коррелироваться при изучении разнообразных феноменов повседневной жизни и деятельности как отдельного человека, так и всего общества. Поэтому, руководствуясь «умозаключением по аналогии» – нестабильность может быть не только в экономике, но и в политике, культуре [5], образовании и иных отраслях человеческой жизни и деятельности.

Достаточно показательным примером рассуждений о стабильности и нестабильности в экономике и политике является фрагмент работы ДжеттаСвона «Австралия. Полная история страны» (2023 год), где автор, среди прочего, рассуждает о политике нового британского кабинета министров во главе с Уильямом Питтом-младшим, которого не любил, причём – откровенно – король Георг, вследствие чего премьер, будучи в весьма сильной зависимости от общественного мнения, главными своими задачами определил «выправление финансового положения и обеспечение политической *стабильности*» (слово «стабильности» выделено нами – М. М.) [2]. Но что интересно в рассуждениях автора вышеозначенной работы – это то, что предпринял новый премьер-министр для обеспечения этой самой экономической и политической стабильности. И в этом отношении показательна следующая цитата: «В рамках этих задач Питт поручил лорду Сиднею найти новое место для высылки осужденных преступников, причем с таким расчетом, чтобы убить одним камнем двух птиц — не только избавить метрополию от «ненужных» людей, но и поспособствовать упрочению британского влияния» [2]. И этим новым местом становится Австралия. Таким

образом, получается, что в британском обществе того времени прекрасно осознавали, что избавление от преступного элемента – один из факторов, обеспечивающий стабильность в обществе. Причём надо особо отметить, что данное политическое решение нового премьер-министра было достаточно гуманным для того времени – осуждённых преступников не убивали (чтобы ликвидировать «элемент нестабильности»), а просто выселяли на территорию колониальных владений. При этом интересно отметить факт наличия подобной возможности у метрополии – иначе вполне вероятным было бы применение не совсем гуманных методов со стороны «старой доброй Англии», о чём всем прекрасно известно из её достаточно трагичной истории, уроки и назидательные рассказы (с последствиями) из которой человечество извлекает до сих пор.

Также заслуживают внимания в данном контексте рассуждения председателя правления ДБ АО «Сбербанк» (по Казахстану) А. И. Камалова относительно книги Стивена Старра «Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана». Рассуждая о достоинствах этой книги, А. И. Камалов подчёркнуто при этом говорит о *стабильности* в политико-экономическом феномене Казахстана, акцентируя внимание на том, что в процессе чтения книги С. Старра приходит понимание того факта, «насколько важную роль в становлении современного Казахстана сыграли исторические предпосылки, описанные профессором Ф. Старром». И далее – следует следующее утверждение о том, что на сегодняшний день Казахстан представляет собой одну из лидирующих стран центрально-азиатского региона относительно большого спектра так называемых социально-экономических показателей и признание на международной арене (наряду с политической *стабильностью* (курсив наш – М. М.), ростом практически всех отраслей (в общем плане экономического развития), позволяет этому государству Центральной Азии «уверенно смотреть в будущее» [3].

Весьма интересно также мнение Вадима Верина, высказанное в работе «Право в истории русской философии» (2002). Здесь автор концентрирует внимание читателя на том, что акцент так называемой «либеральной теории», когда речь заходит «на поддержании *политической стабильности* в ущерб возможным политическим дискурсам», достаточно чётко выражен [4]. Поэтому В. В. Верин подчёркнуто приходит к следующему промежуточному выводу относительно изучаемого нами феномена: «*стабильность* в

современном обществе может быть обеспечена только лишь сбалансированностью правовых, общественно-политических и политико-бюрократических начал» [4].

Таким образом, нами были проанализированы некоторые подходы и оценки к феномену диалектики стабильности и нестабильности. По большому счёту, практически все они сходятся на том, что с позиций философской аксиологии стабильность – весьма важная ценность и с точки зрения общечеловеческого измерения, и с точки зрения возможностей построения приемлемого для всего человечества общества – социум на сегодня как никогда нуждается в этой самой стабильности – причём стабильности многоплановой – и в экономике, и в политике, а также культуре, образовании и иных смысложизненных аспектах человеческой жизни и деятельности.

Список литературы

1. Стабильность // Большой толковый словарь русского языка : современная редакция / Д. Н. Ушаков. – М.: Дом Славянской книги, 2008. - 959 с.
2. Свон Дж. Австралия. Полная история страны. М.: АСТ, 2023. 352 с.
3. Утраченное Просвещение. Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана : перевод с английского / Стивен Фредерик Старр. – М.: Альпина паблишер, 2017. – 570 с.
4. Верин В. В. Право в истории русской философии / В. В. Верин. – М.: Когито-Центр, 2002. - 168 с.
5. Масаев М. В. Культурологическое (вертикальное) измерение структуры парадигмальных образов в качестве символов эпох и цивилизаций / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 108. – С. 102-104.
6. Масаев М. В. Праксиологическое измерение структуры парадигмального образа в качестве символа эпохи или цивилизации/ М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 104. – С. 118-122.
7. Масаев М. В. Аксиологическое измерение структуры парадигмального образа как категории философии истории / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 95. – С. 53-60.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АППАРАТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА С ВОЛОНТЕРСКИМ КОРПУСОМ КАК ПУТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Миронова С.Е.

Казанский федеральный университет», Институт социально-философских наук, кафедра религиоведения, магистрант; начальник отдела организации приема и рассмотрению жалоб и обращений граждан аппарата «Уполномоченного по правам человека в

Оренбургской области

E-mail: smironova314@gmail.com

Аннотация. В статье проводится анализ такого явления как волонтерская деятельность и ее развитие во взаимодействии с государством. В России наблюдается рост активности некоммерческих организаций, фондов, добровольческих движений, что обуславливает актуальность исследования данной темы. Волонтерство рассматривается как продолжение значимой ценностной традиции взаимопомощи и поддержки, солидарности и альтруизма с проявлением социальной активности человека. Схожие и отличительные черты волонтерской деятельности и социального служения религиозных организаций говорят о безусловном влиянии данных видов деятельности друг на друга. В статье на примере деятельности аппарата Уполномоченного по правам человека в Оренбургской области определяются роль государства в лице государственных органов в содействии осуществлению благотворительной деятельности. В статье использованы нормативно-правовые источники, регламентирующие деятельность субъектов исследуемых отношений, степень освящения данной темы в научной среде.

Ключевые слова: волонтерство, социальное служение, Русская православная церковь, гражданское общество, государство, молодежь.

INTERACTION OF THE OFFICE OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS WITH THE VOLUNTEER CORPS AS A WAY TO FORM A CIVIL SOCIETY

Mironova S.E.

*Kazan Federal University, Institute of Social and Philosophical
Sciences, Department of Religious Studies, MA student; Head of the
Department for the Reception and Consideration of Complaints and
Appeals from Citizens of the Office of the Commissioner for Human Rights
in the Orenburg Region*

E-mail: smironova314@gmail.com

Abstract. *The article analyzes the phenomenon of volunteerism and its development in cooperation with the state. In Russia, there is an increase in the activity of non-profit organizations, foundations, and volunteer movements, which determines the relevance of research on this topic. Volunteering is seen as a continuation of a significant value tradition of mutual assistance and support, solidarity and altruism with the manifestation of human social activity. The similar and distinctive features of volunteering and social service of religious organizations indicate the unconditional influence of these types of activities on each other. Using the example of the activities of the office of the Commissioner for Human Rights in the Orenburg Region, the article defines the role of the state, represented by state bodies, in facilitating charitable activities. The article uses normative and legal sources regulating the activities of the subjects of the studied relations, the degree of sanctification of this topic in the scientific community.*

Keywords: *volunteerism, social service, Russian Orthodox Church, civil society, state, youth.*

Термин «волонтерство» имеет многолетнюю и даже многовековую историю. В прошлом это слово ассоциировалось с военным делом. Тогда в европейских странах под волонтерами понимали гражданских лиц, которые участвовали в боевых действиях и не находились на официальном жалованье. В русской дореволюционной армии использовался другой термин – «вольноопределяющиеся» – гражданские добровольцы, идущие на военную службу, но обязательно имеющие среднее или высшее образование. В современном понимании волонтерство представляет

собой широкий круг добровольческой и безвозмездной деятельности, основанный на принципах взаимной помощи, поддержки и самопомощи.

Согласно Федеральному закону от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [1], доброволец (волонтер) имеет право осуществлять свою деятельность индивидуально и в составе добровольческой (волонтерской) организации; получать поддержку в форме предоставления ему питания, форменной и специальной одежды, оборудования, средств индивидуальной защиты, помещения во временное пользование и т. д., а также возмещение вреда жизни и здоровью, понесенного при осуществлении им добровольческой (волонтерской) деятельности.

Итак, с точки зрения социальной деятельности движение волонтерства опирается на добровольность участия и безвозмездность благотворительной работы.

В качестве примера первого можно привести широкую благотворительную деятельность Русской православной церкви (отчет Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению): на сегодняшний день создаются центры гуманитарной помощи, приюты для бездомных, сестричества милосердия, мобильные службы помощи бездомным и др.

По состоянию на начало 2023 года в России действует 210 165 некоммерческих организаций, в том числе 1230 национально-культурных автономий и значительное количество других объединений гражданского общества. Сохраняется тенденция роста зарегистрированных религиозных организаций [2].

Помощь беженцам с Украины, можно сказать, спровоцировала рост интереса к волонтерству и к социальной работе в епархиях и на приходах. Первый сбор средств на нужды беженцев с Украины был объявлен патриархом Кириллом («во исполнение миротворческого мандата Церкви») в июле 2014 года.

В Оренбургской области также организована активная работа множества фондов и организаций: Свято-Троицкий благотворительный Фонд, «Фонд социальных проектов «Православие», Православный центр защиты материнства и детства «Колыбель», Православный пансионат для престарелых и инвалидов, Сестричество прпмч. Елисаветы Федоровны при храме свт. Луки и другие.

В Оренбуржье движение православных волонтеров, объединяющее в себе множество неравнодушных людей, с каждым годом пополняется новыми лицами. Эти люди помогают инвалидам, одиноким пенсионерам, многодетным семьям, сиротам, бездомным. Добровольцы участвуют в проведении благотворительных концертов и акций. Большинство начинаний проводится под эгидой Оренбургской епархии и Сестричества милосердия. Говоря о благотворительности, нельзя не отметить работу благотворительных фондов и центров, которые помогают многим жителям самого города и всего Оренбургского региона. Нуждающиеся всегда могут обратиться в «Город милосердия», специализирующийся на помощи детям и семьям, а также людям в трудной жизненной ситуации. Действуют проекты «Движение вверх», «Мама рядом», «Накорми голодного», «Паллиативная помощь в больнице», а также инклюзивный проект «Оренбург без границ», в рамках которого проводится социализация людей с инвалидностью.

Волонтерское же движение стало столь популярным в период пандемии коронавирусной инфекции, когда возникла потребность в дополнительных силах молодых людей (менее подверженных риску осложнений), для оказания помощи пожилым и маломобильным категориям населения.

Начало специальной военной операции дало следующий толчок развития волонтерского движения в России в целом и в регионах в частности. Можно очень много писать об организациях, центрах, фондах, которые помогают раненым, содействуют в поиске пропавших без вести, оказывают психологическую помощь родным.

На развитие волонтерской и благотворительной деятельности оказывают влияние негативные события и происшествия, требующие консолидации усилий и сплоченности.

Так, в качестве примера, можно привести паводок в Оренбургской области, в результате которого десятки тысяч жителей остались без жилья, одежды, предметов первой необходимости. Паводок уничтожил тысячи строений, погубил домашних животных. Последствия в экологическом плане были чудовищны.

С федерального центра незамедлительно была направлена помощь на устранение последствий стихии. Но именно неравнодушие и сплоченность жителей региона, желание помочь ближнему, сострадание помогли консолидировать и организовать

негосударственную форму поддержки населения, оказавшегося в трудной жизненной ситуации.

Синодальный отдел по благотворительности РПЦ при содействии православной службы добровольцев «Милосердие», среди которых менеджеры, инженеры, врачи, бизнесмены, студенты активно помогали в формировании добровольческой помощи жителям Оренбургской области, пострадавшим от сильнейшего наводнения в 2024 году.

В регионе активно работали волонтеры, доставляя лекарства и продукты, юристы и психологи бесплатно консультируют нуждающихся в их помощи, а тысячи партнеров помогали услугами и товарами.

Сравнивая волонтерскую деятельность и социальное служение религиозных организаций нельзя не согласиться с точкой зрения О.В. Галковой и О.Н. Савицкой (конфессиональный взгляд на благотворительность), что «социальное служение церкви (или, по-другому, благотворительность, социальная деятельность, diakonia) – это инициированная, организованная, координируемая и финансируемая церковью или с помощью церкви деятельность. Цель такой деятельности – оказание помощи нуждающимся, но при этом задача – не дублировать функции государства. Главная цель социального служения – духовная: ее участники призваны научиться любви, т. к. милосердное служение – помогает человеку обрести любовь, а вместе с ней – самоотверженность, кротость, долготерпение, смиренномудрие и другие христианские добродетели» [3].

Религиозно-церковное видение благотворительности на первый план выдвигает не достижение материальных результатов, целесообразности, своевременности и результативности оказания помощи, а ценность обретения благотворителями и благо творимыми христианских добродетелей, процесс нравственного самосовершенствования.

Как обращает внимание О.К. Шиманская, внутриконфессиональное социальное служение существовало и во времена гонений, сплавляя общину. Конфессионально ориентированное – это часть миссионерского служения: через открытие реабилитационных центров, организацию бесплатных обедов, введение конфессионального образования в религиозную организацию привлекаются новые члены, расширяется и упрочивается ее влияние и авторитет. Принцип помогать человеку в том, в чем он нуждается, и там, где он находится. Церковь пребывает ни вне, ни над людьми,

объединенными социально, но существует исключительно для Главное в социальном служении – это помощь нуждающемуся человеку в поиске правильного жизненного пути, ибо христианин должен видеть в каждом человеке, обращающемся за помощью, образ Божий и неповторимую личность [4].

И даже при наличии некоторых отличий радостно наблюдать слаженное взаимодействие волонтерского движения и социального служения религиозных организаций. Ведь как верно подмечено в статье Р. Лункина и Т. Степашиной «волонтерские проекты привлекли в Церковь массу новых людей, возможно, не совсем или даже совсем не воцерковленных, но готовых помогать в рамках церковных проектов, и, как правило, постепенно становящихся прихожанами. Социальные проекты поставили новые цели и задачи перед церковными активистами и перед самим духовенством: более строгой организации приходской жизни, ориентации на сотрудничество с другими общественными организациями и конфессиями, создания возможностей для вовлечения активных верующих, в первую очередь, молодых людей, в жизнь общины и социальные проекты» [5].

Патриарх Кирилл отмечает, что следует заботиться о том, чтобы волонтерские движения развивались по возможности на каждом приходе, «необходимо обсуждать эту тему с настоятелями храмов и с прихожанами. Убежден в том, что развитие волонтерского движения в Церкви и привлечение мирян к более активному участию в жизни приходов тесно связано с молодежной работой» [6].

Однако в ходе научно-исследовательской работы хотелось бы обратить внимание и на другую сторону волонтерского движения. Она связана с социальной активностью его участников и выступает формой самоорганизации в условиях гражданского общества.

В настоящее время становится все более очевидным, что неотъемлемыми элементами национальной культуры, как культуры современного гражданского общества России, должны быть: активная гражданская позиция, сознательность, связь с правовым государством и ответственность за его судьбу, а также трансляция национального опыта (культурных ценностей) и другие аспекты.

Гражданское общество – это люди и проявляемая ими активность и гражданская инициатива. Это совокупность общественных и социальных связей, закреплённая в деятельности различных институтов, организаций. Это реальная возможность граждан влиять

на процессы развития страны, на принятие решений, касающихся жизни граждан.

Гражданское общество любого государства, в том числе современной России должно быть открыто к положительным мировым новшествам и достижениям. Однако его культурная основа должна быть национальной, неразрывно связанной с правовым государством. В противном случае, под влиянием глобализации, культура гражданского общества может трансформироваться в культуру потребления и массовости, что приведет к утрате индивидуальной идентичности.

В качестве примера взаимодействия общества и государства выбрана работа Уполномоченного по правам человека в Оренбургской области, поскольку правозащитная деятельность не только сохраняет действие закона и прав там, где это необходимо, но и стимулирует появление новых инициатив от граждан.

Деятельность Аппарата происходит не только при взаимодействии с органами и силовыми структурами, она невозможна без поддержки и тесного взаимодействия с гражданским обществом. Только при активном участии общественности и выстраивании эффективной системы обратной связи с населением можно говорить о качественном и объективном мониторинге соблюдения прав и свобод человека в целом и при реализации различных государственных программ в частности.

Большую помощь деятельности Уполномоченного оказывает Экспертный совет – коллегиальный совещательный орган, созданный в целях оказания консультативной помощи по вопросам правозащитной деятельности. В состав Экспертного совета входят представители органов государственной власти, общественных объединений, научных организаций, средств массовой информации, ученые, специалисты в области права, экономики, медицины, нотариата, миграции, социального страхования, социологии и культуры, что также подчеркивает интеграцию различных сфер жизни для решения проблем граждан, поиска самых разных способов решения, находящихся не только в рамках работы органов.

Заметную роль в работе Уполномоченного с населением играют общественные приемные омбудсмена. Действуя от имени Уполномоченного, руководители общественных приемных принимают все возможные меры к разрешению проблем граждан, используя при этом налаженное взаимодействие. Значение работы общественных

приемных Уполномоченного в муниципалитетах области подтверждается существующим спросом на помощь и поддержку со стороны жителей муниципалитета, а авторитет предопределен жизненным опытом и руководителей – ушедших в отставку прокуроров, сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих, юристов, журналистов и т. д.

В настоящий момент жители области получают квалифицированную юридическую помощь в городах Бузулуке, Орске, Тюльгане, поселке Саракташе. Информация о действующих общественных приемных размещена на официальном сайте Уполномоченного.

В аппарате Уполномоченного практикуется проведение мероприятий для привлечения к гражданским инициативам и пробуждения интереса у молодежи. В 2022 году было принято решение создать Молодежный общественный совет при региональном омбудсмене. Цель – привлечение активных молодых людей к правозащитной деятельности. В окончательный состав Молодежного общественного совета вошли молодые сотрудники аппарата Уполномоченного, студенты ведущих вузов области, молодые преподаватели, представители волонтерского корпуса, СМИ и НКО области. За время существования членами Совета реализовано значительное количество мероприятий и проектов различной направленности: патриотические, просветительские, образовательные, гуманитарные и т. д. Также, благодаря работе членов Совета, большая часть которых является студентами, качественно новый уровень вышло взаимодействие с учебными заведениями региона. На площадках образовательных учреждений проводятся правопросветительские мероприятия, круглые столы, научно-практические конференции с участием Уполномоченного и сотрудников аппарата. Активно выстраивается работа и с юридическими клиниками региона. Наиболее активные студенты, оказывающие юридические консультации в юрклиниках вузов, вошли в состав МОС, руководитель одной из ведущих юридических клиник области, функционирующей при Оренбургском институте (филиале) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) – член Экспертного совета при Уполномоченном.

Уже в 2020 году в период угроз короновирусной инфекции аппарат вышел на тесное взаимодействие с волонтерскими движениями, которые начали к этому времени набирать популярность.

Анализ деятельности государственных органов в тот период показал, что эффективность их работы была достигнута в том числе при непосредственном участии общественных организаций, добровольцев в помощи населению. С этого времени началось тесное взаимодействие института Уполномоченного с волонтерскими движениями.

С 2022 года аппарат Уполномоченного совместно с волонтерами оказывает помощь военнослужащим, принимающим участие в СВО, и членам их семей, а также жителям Донбасса, собирая гуманитарные грузы и оказывая юридическую помощь.

Особенно на взаимодействие с волонтерами и повлиял паводок весной 2024 года. В этот период мы активно взаимодействовали с волонтерским корпусом. В непростые для Оренбуржья дни паводка совместно с волонтерами Оренбуржья сотрудники аппарата и члены Молодежного общественного совета при Уполномоченном принимали участие в сборе, сортировке и распределении гуманитарной помощи пострадавшим, оказывали юридическую и психологическую помощь населению. Оказывалась адресная помощь пострадавшим, в первую очередь социально уязвимым категориям граждан, в том числе и в оформлении положенных выплат.

В ежегодных докладах Уполномоченного неоднократно ставился вопрос о необходимости поддержки добровольческих движений от предоставления бонусов при поступлении в вузы до гарантий безопасности в их деятельности.

В заключение, хотелось бы отметить, что только консолидация и тесное сотрудничество государства с общественными и религиозными организациями может способствовать реализации общероссийских тенденций, таких как возрождение духовности и уважения к исторической памяти, признание обществом важной роли религии в жизни многих людей, стабилизация темпов роста числа верующих и религиозных общин, повышение уровня и значимости общегражданской идентичности.

Оформление религиозных норм во влиятельную субкультуру современного общества может способствовать смягчению общественных отношений, ориентировать граждан и представителей государственной власти на солидарность, добросовестный труд, приоритет духовных ценностей над материальными.

Государству со своей стороны еще предстоит много работы, в том числе в сфере совершенствования законодательства, для создания

благоприятных условий развития благотворительной и добровольческой деятельности в России.

Список литературы

1. Федеральный закон № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // СЗ РФ от 14.08.1995 N 33 ст. 3340
2. О деятельности некоммерческих организаций // Минюст России: официальный сайт. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/942/>
3. Галкова, О. В. Конфессиональный взгляд на благотворительность / О. В. Галкова, О. Н. Савицкая // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 5(128). – С. 197-204. – EDN XQXRQL.
4. Шиманская, О. К. Цивилизационный кризис России и десекуляризация/контресекуляризация как вариант его разрешения / О. К. Шиманская // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – № 2(20). – С. 50-56. – EDN UABDAF.
5. Степашина, Т. Н. Русское православие: первые шаги волонтерского служения / Т. Н. Степашина, Р. Н. Лункин // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 2. – С. 229-237. – DOI 10.15211/vestnikieran2201834. – EDN UPEGVI.
6. Патриарх Кирилл: Каким должен быть приход XXI века. URL: <https://www.pravmir.ru>.
8. Федеральный закон от 18.03.2020 N 48-ФЗ "Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации"// СЗ РФ от 23.03.2020 №12 ст.1640.
9. Закон Оренбургской области от 18 ноября 2010 г. N 3997/924-IV-ОЗ "Об Уполномоченном по правам человека в Оренбургской области"// «Южный Урал» от 26.11.2010 №144-145.
10. Семенов Н. Л. Влияние религиозности на участие в каритативной деятельности (по эмпирическим материалам Владимирской области) // Вестн. Ом. унта. 2023. Т. 28, № 1. С. 51–56. DOI: 10.24147/1812- 3996.2023.28(1).51-56.

11. Арефьев М. А., Давыденкова А. Г. Василенкова А. А. Феномен волонтерства как отражение традиционной ценности взаимопомощи и поддержки (к 100-летию ухода из жизни П. А. Кропоткина) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 262–272. DOI: 10.15507/2078-9823.55.021.202103.262-272.
12. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/>
13. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Оренбургской области. URL: <http://www.ombudsman-oren.ru/>

ОПЕКА НАД ЖЕНЩИНАМИ В РИМСКОМ ПРАВЕ: АНАЛИЗ ИНСТИТУТА TUTELA MULIERUM

Миятович М.Д.

Доктор юридических наук

Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич,

Республика Сербия

научный сотрудник

E-mail: marina.mijatovic@gmail.com

Нешич Н.Б.

Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич,

Республика Сербия, исследователь-стажер

E-mail: nevena.n.724@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается правовое положение женщин в римском праве, с особым вниманием к институту *tutela mulierum* – одному из ключевых механизмов, формировавших их правовой и социальный статус. Исследование сосредоточено на эволюции и сложности правовых норм, определявших положение женщин, с акцентом на роль и последствия института опеки в их повседневной жизни. Римское право, как основа европейской правовой традиции, оставило неизгладимый след в истории правовой мысли, и вопрос женских прав в этом контексте является чрезвычайно важным для понимания процессов правовой эмансипации и ограничений, сопровождавших этот процесс. *Omnes viae Romae*

discunt – максима, побуждающая нас к размышлениям о социальных, культурных и политических нормах того времени. *Tutela mulierum*, как неотъемлемый элемент правовой системы, обеспечивала женщинам определённый уровень защиты, одновременно налагывая ограничения на их автономию. С расширением Римской империи правовой статус женщин претерпевал значительные трансформации, понимание которых необходимо для формирования целостного представления об их положении. Настоящая статья предлагает углублённый анализ прав римлянок в коммерческой сфере, подчёркивая, что их экономическая деятельность не была столь ограниченной, как часто принято считать. Эта точка зрения будет подтверждена рассмотрением природы римского брака, развода и института *tutela mulierum*, которые вместе формировали правовую и социальную динамику жизни римских женщин.

Ключевые слова: *Tutela mulierum*, Рим, опека, брак, права женщин.

TUTORSHIP OF WOMEN IN ROMAN LAW: ANALYSIS OF THE INSTITUTION TUTELA MULIERUM

Mijatovic M.D.

PhD of Legal Science

Institute of Serbian Culture Prishtina – Leposavic, Republic of Serbia

Research associate

E-mail: marina.mijatovic@gmail.com

Nesic N.B.

Institute of Serbian Culture Prishtina – Leposavic, Republic of Serbia

Junior Research Assistant

E-mail: nevena.n.724@gmail.com

Abstract. *This paper analyzes the legal position of women in Roman law, with a special focus on the institution of tutela mulierum, as one of the most important mechanisms that shaped their legal and social status. The research focuses on the evolution and complexity of legal norms that determined the position of women, with an emphasis on the role and implications of the institution of guardianship in their everyday lives. Roman law, as the foundation of the European legal tradition, left an*

indelible mark on the history of legal thought, and the issue of women's rights in this context represents an extremely important topic for understanding legal emancipation and the restrictions that accompanied it. Omnes viae Romam ducunt is a maxim that leads us to reflect on the social, cultural and political norms of that time. Tutela mulierum, as an inevitable element of that legal framework, provided women with a certain level of protection, while at the same time placing limits on their autonomy. With the expansion of the Roman Empire, the legal position of women underwent significant transformations, the understanding of which is crucial for creating a complete picture of their status. This paper offers an in-depth analysis of Roman women's rights in the commercial sphere, highlighting that their economic activity was not as limited as is often assumed. This thesis will be supported by a consideration of the nature of Roman marriage, divorce, and the institution of tutela mulierum, which together shaped the legal and social dynamics of Roman women's lives.

Keywords: *Tutela mulierum, Rome, tutor, marriage, women's rights.*

Анализ вопроса правового статуса женщины в рамках семейного законодательства требует тонкого подхода и глубокого понимания права в контексте каждой социальной общности, стремящейся посредством своих правовых норм урегулировать положение женщины в обществе. Систематическое изучение института *tutela mulierum* выявляет глубоко укоренившиеся отношения, которые, с одной стороны, характеризовались как покровительственные, но одновременно порождали неравенство в правовом положении женщин. Такой аналитический подход требует внимания к ключевой, но нередко игнорируемой роли женщины в семейных структурах, чьё опосредованное влияние оказывало более широкое воздействие на всё общество. В рамках римского права женщина считалась юридически недееспособной, что выражалось не только в подчинённости отцу, деду или мужу, но и в ограниченной возможности самостоятельно реализовывать свои права, даже в таких ситуациях, как наследование имущества или участие в других юридических сделках. Женщина воспринималась как божественное и привилегированное существо, предназначенное исключительно для деторождения, а ввиду своей «легкомысленности» нуждалась в наличии опекуна. В римском праве существовало две основные причины для установления опеки – несовершеннолетие и принадлежность к женскому полу. Мужчины имели опекуна до достижения совершеннолетия, а женщины, не

находившиеся под властью отца или мужа, нуждались в опеке по причине своей «нежной природы», слабости и незнания правовой терминологии, необходимой для самостоятельного заключения сделок. При анализе правового положения женщины, помимо акцента на институт *tutela mulierum*, необходимо учитывать два различных типа заключения брака. Первый – брак *cum manu*, требующий соблюдения формальных юридических процедур, и второй – свободный брак (*matrimonium sine manu*), который вступал в силу при совместном ведении хозяйства и наличии намерения вступить в брак. Такая форма сожителства могла со временем трансформироваться в брак *cum manu* по прошествии одного года. Если пара желала избежать этой трансформации, им необходимо было провести три ночи раздельно до истечения года. Институт опеки в римском праве рассматривался как обязанность публичного значения, основная цель которой заключалась в обеспечении правовой защиты женщин в ряде юридических действий. Однако сохранение женской идентичности и её социальной роли требует целостного подхода, включающего как правовые, так и социальные механизмы поддержки. Женская роль, обладающая особой социальной функцией и ценностью, должна быть признана и поддержана в рамках системы, способной реагировать на современные вызовы и изменения. В этом смысле необходимо принять соответствующие меры для улучшения защиты женщины как в юридической, так и в социальной сфере, с целью сохранения её достоинства и обеспечения полной реализации её роли в обществе.

Функция и роль тьютора в римском праве

Римское право изначально различало институты опеки (*tutela*) и попечительства (*cura*). Опека (*tutela*) представляла собой законное полномочие над лицом, которое по причине несовершеннолетия или иных ограничивающих факторов не могло самостоятельно эффективно заботиться о своих интересах. В этом контексте различают *tutela impuberum* (опека над несовершеннолетними) и *tutela mulierum* (опека над женщинами). Попечительство (*cura*) относилось к правовой защите лиц, которые вследствие психических или физических недостатков либо по возрастным причинам не могли самостоятельно заботиться о защите своих прав и интересов. Различают три основных вида попечительства: *cura furiosi* (попечительство над душевнобольными), *cura prodigi* (попечительство над расточителями) и

cura minorum XXV annorum (попечительство над лицами младше 25 лет). Хотя эти термины определялись по-разному, они часто переплетались, что приводило к необходимости их синхронизации, чтобы уменьшить часто возникающую путаницу. В эпоху Юстиниана данные эти термины объединяются в один [3]. Таким образом, функция опекуна в римском праве не ограничивалась лишь правовой защитой – она также служила инструментом контроля, отражающим доминирующие социальные нормы и гендерное неравенство. Его роль была комплексной – как правовой и экономической, так и идеологической, что требует критического осмысления способов, с помощью которых правовая система закрепляла и институционализировала ограниченную автономию женщин как в частной, так и в публичной сферах. Институт опеки как лично правовое отношение прекращался в случае смерти самого опекуна, а также при наступлении *capitis deminutio* среднего или высшего уровня, то есть при утрате гражданского статуса или правоспособности. В свою очередь, попечительство прекращалось также при достижении подопечной совершеннолетия или в случае её смерти. В римском праве *capitis deminutio* обозначало изменение или утрату правового статуса лица и подразделялось на три степени:

- *Capitis deminutio maxima* – самая тяжёлая форма, означала утрату свободы, гражданства и принадлежности к семье, например, в случае, если человек становился рабом. В этом случае лицо полностью переставало быть субъектом права.
- *Capitis deminutio media* – средняя степень, предполагала утрату римского гражданства при сохранении свободы, что влекло за собой ограничения в пользовании гражданскими правами, а, следовательно, и прекращение определённых правовых отношений, включая опеку.
- *Capitis deminutio minima* – самая лёгкая форма, касалась изменения семейного статуса, например, при переходе женщины из одной семейной власти в другую при заключении брака *sui tui*. В этом случае изменялись лишь семейно-правовые отношения, без влияния на гражданский статус.

Эти правовые изменения напрямую влияли на действие института *tutela*, поскольку считалось, что с утратой правоспособности одной из сторон прекращаются и сами отношения опеки. Опеку над женщинами в римском праве не следует рассматривать исключительно как следствие их юридической неспособности к управлению имуществом или участию в правовых сделках. Суть этого института

проистекает из тогдашней семейной структуры, основанной на патриархальной власти и доминирующем положении отца как носителя семейной и имущественной власти. Речь идёт, таким образом, о правовом отражении патриархальной общественной организации, в рамках которой мужчина представлял главу семьи, тогда как женская самостоятельность в правовом и социальном смысле воспринималась как нечто необычное, а порой даже неприемлемое.

С ослаблением традиционной модели патриархальной семьи начались постепенные изменения в восприятии положения женщины. С ростом степени её индивидуализации и снижением распространённости браков *sui maris*, в которых женщина переходила под власть мужа, наблюдается и ослабление института *tutela mulierum*. Женщины всё чаще приобретали определённую правовую и экономическую самостоятельность, а роль опекуна сводилась к формальному контролю, постепенно терявшему своё практическое значение.

В римском праве различают три основные формы опеки над женщинами:

1. *Tutela legitima* – законная опека, которая принадлежала ближайшему мужчине, родственнику по мужской линии;

2. *Tutela testamentaria* – опека, установленная завещанием, когда завещатель сам назначал опекуна;

3. *Tutela dativa* – опека, назначаемая компетентным магистратом в случае отсутствия законного или завещательного опекуна.

Сфера, в которой полномочия опекуна проявлялись наиболее значительно, касалась важных юридических действий, таких как составление завещания, освобождение рабов и другие имущественные или статусные акты особой значимости. Для совершения этих действий было необходимо получение согласия опекуна, известного как *auctoritas tutoris*. В случае необоснованного отказа опекуна дать согласие женщина имела право обратиться к претору, который мог обязать опекуна санкционировать определённое юридическое действие. Со временем этот институт утратил своё практическое значение, а окончательная юридическая отмена *tutela mulierum* была официально установлена в 410 году н. э. во время правления императора Гонория, чем была *de iure* упразднена прежняя обязанность женщины действовать с разрешения опекуна [5, с. 140–141]. Римское общество по праву считается одним из самых развитых и организованных сообществ в истории. Его способность на протяжении веков

эффективно отвечать на вызовы социальной трансформации, одновременно совершенствуя правовую систему, свидетельствует о высоком уровне правовой зрелости. Скорость и точность в нормативном регулировании различных сфер жизни, включая правовой статус женщины, указывают на исключительное значение, которое римское общество придавало праву как средству поддержания социальной стабильности и порядка [1, с. 219].

Женщина в тени патриархальной власти

Правовой статус римской женщины был глубоко обусловлен господствующим патриархальным устройством, в котором мужчина, как *pater familias*, обладал абсолютной властью над членами семьи. Эта власть не была лишь моральной или традиционной, но имела прочную юридическую основу, которая ограничивала женщин даже в случаях, когда они были совершеннолетними и имущественными. Хотя в период Империи наблюдаются определённые смягчения правовых ограничений, на практике женщина редко достигала полной правовой автономии. Институт *tutela mulierum* является олицетворением такого правового подчинения – функция опекуна заключалась не в защите женщины от третьих лиц, а в ограничении её способности самостоятельно распоряжаться собственным имуществом. Женщина представляет собой сложную социальную и правовую категорию, положение которой на протяжении всей истории подвергалось многочисленным ограничениям, а также значительным трансформациям. В рамках римского общества роль женщины была заранее определена и институционально закреплена – речь шла не о выборе, а о социальной и правовой обязанности. Тем не менее, исторические свидетельства указывают на то, что римские женщины, несмотря на ограничения, активно участвовали в общественной жизни и, в рамках возможностей, предоставленных системой, находили способы утвердить своё положение. В своих ролях матери, супруги, а также собственницы имущества или участницы общественной жизни, женщины внесли значительный вклад в римское общество, продемонстрировав, что даже юридические ограничения не могли полностью подавить их силу и влияние [6, с. 24]. Современные правовые институты брака, семьи и имущественных отношений между супругами существенно отличаются от концепции, существовавшей в римском праве. Это различие является результатом длительного

развития цивилизационных достижений и эволюции прав человека. В отличие от римской эпохи, сегодняшний брак основывается на свободе воли и равноправии супругов. Правовой статус женщины больше не зависит от её имущественного или социального положения и не подчиняется авторитету члена семьи мужского пола. Современные правовые системы стремятся к полному равенству в осуществлении прав и обязанностей в рамках брачного союза, что является важным шагом на пути к улучшению положения женщины в обществе [4, с. 45]. С провозглашением христианства официальной религией Римской империи начались постепенные изменения в общественном отношении к женщине и её правовому статусу. Новые религиозные и этические взгляды способствовали восприятию женщины как самостоятельного правового субъекта, способного выступать независимо в правовых отношениях. Хотя процесс эмансипации был медленным и обусловлен многочисленными социальными факторами, именно в этот период можно увидеть начало признания полной юридической и деловой компетентности женщины в римском правовом порядке [2, с. 231].

Институт *tutela mulierum* представляет собой один из ключевых индикаторов положения женщины в римском праве и в общей социальной структуре того времени. В основе этой правовой конструкции лежит идея о том, что женщина, якобы вследствие своего правового и жизненного неопытства, нуждается в надзоре со стороны мужчины – будь то отец, муж или опекун. Хотя формально *tutela mulierum* основывалась на принципе защиты, по своей сути она отражала глубоко укоренившуюся патриархальную матрицу и служила инструментом контроля над участием женщин в правовой и экономической жизни. Со временем, под воздействием социальных изменений, развития права и особенно распространения христианства как новой системы ценностей, положение женщины постепенно изменялось. Отмена обязательного опекуновства над совершеннолетними женщинами и признание их правоспособности свидетельствуют о явном шаге к большей эмансипации и общественному признанию женщины как самостоятельного правового субъекта. Анализируя развитие и трансформацию этого института на протяжении истории, можно проследить, насколько значительным было влияние форм семейной организации и патриархальной власти на правовой статус женщины, а также как постепенные изменения в обществе способствовали возникновению новой, более сильной и независимой женской правовой идентичности.

Список литературы

1. Бајић, М. Пословна способност и почеци старатељства у римском праву. Годишњак Правног факултета. Сарајево, 1953.
2. Игњатовић, М. Старатељство над малолетницима у римском и савременом праву. Правни Факултет „Јустинијан Први“. Скопље, 2005.
3. Јовановић, М. Старатељство у античком Риму уз посебан осврт на *cura nascituri (ventris)*. Ниш, 2003.
4. Хусеинспахић, А. *Tutela mulierum* и правни положај жене у старом вијеку. Анали Правног факултета Универзитета у Зеници. Год. 4, бр. 8. Зеница, 2011.
5. Игњатовић, М. *Capacitas iuridica* и *status familiae* у римском праву Зборник радова Правног факултета у Нишу. Бр. 78, год. LVII. Ниш, 2018.
6. Јанковић, Р. *Tutela* и *cura* у римском праву, Универзитет у Нишу - Правни факултет. Ниш, 2014.
7. Стефановић, Н., Зарубица, С. Концепт брака у римском праву и положај жене у њему, Право – теорија и пракса. Бр. 2. Правни факултет за привреду и правосуђе, Универзитет Привредна академија. Нови Сад, 2020.
8. Шкалић, А., Вучак, А. Скрбништво у римском праву // Параграф : часопис за правна и друштвена питања Правног факултета Свеучилишта Јосипа Јурја Стросмајера у Осијеку. 2019.Бр.1. Год. 3.
9. Штрок, М. Жене у римском свијету // Свеучилиште Ј.Ј. Стросмајера у Осијеку, завршни рад. Филозофски факултет Осијек, 2023.

«КВАНТОВЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ ВООРУЖЁННЫМИ КОНФЛИКТАМИ

Мохов А.В.

Черноморский информационно-аналитический центр, директор

E-mail: chiac@bk.ru

Сенюшкина Т.А.

Доктор политических наук

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
профессор*

E-mail: tsenyushkina@cfuv.ru

Аннотация. В статье исследуется влияние «квантового интеллекта» на управление вооружёнными конфликтами. По мнению авторов, развитие квантового интеллекта и его применение в вооружённых конфликтах принципиально меняет облик современной войны. Основополагающее значение квантовых технологий для управления вооружёнными конфликтами заключается в том, что они потенциально могут предложить новые возможности в области вычислений, коммуникаций и ситуационной осведомленности, которые не имеют аналогов среди технологий, имеющихся в настоящее время, и которые могут стать значительным стратегическим преимуществом в процессе управления вооружёнными конфликтами. В качестве перспективных исследований данной темы указывается на изучение киберпространства как новой оперативной среды для вооружённых конфликтов, проявляющейся в форме когнитивной войны.

Ключевые слова: Квантовый интеллект, квантовые технологии, управление вооружёнными конфликтами, искусственный интеллект, оборона, информационная безопасность, когнитивная война.

«QUANTUM INTELLIGENCE» AS A FACTOR IN THE MANAGEMENT OF ARMED CONFLICTS

Mokhov A.V.

Black Sea Information and Analytical Center, Director

E-mail: chiac@bk.ru

Senyushkina T.A.

Doctor of Political Sciences

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Professor

E-mail: tsenyushkina@cfuv.ru

Abstract. *The article examines the influence of “quantum intelligence” on the management of armed conflicts. According to the authors, the development of quantum intelligence and its use in armed conflicts is fundamentally changing the face of modern warfare. The fundamental importance of quantum technologies for the management of armed conflicts lies in the fact that they can potentially offer new opportunities in the field of computing, communications and situational awareness, which have no analogues among the technologies currently available, and which can become a significant strategic advantage in the process of managing armed conflicts. The study of cyberspace as a new operational environment for armed conflicts, manifested in the form of cognitive warfare, is indicated as promising research on this topic.*

Keywords: *Quantum intelligence, quantum technologies, management of armed conflicts, artificial intelligence, defense, information security, cognitive warfare.*

Введение. В современном мире вооружённые конфликты приобретают новые свойства, связанные с кардинальными сдвигами в процессе технологического развития. В условиях цифровизации геополитического противоборства «совершенно по-новому предстают многие проблемы защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности. Если в течение всей предшествующей истории человечества главным инструментом выполнения этой функции считалась вооруженная мощь, то в нынешних условиях наряду с ней все более растущее значение приобретают иные формы, методы и средства» [1], при этом «прогресс современных технологий обусловил появление новых угроз безопасности» [2, с. 23].

Информационная революция и связанные с ней организационные инновации меняют природу конфликтов и виды военных структур, доктрин и стратегий [3], а «количественный и качественный прогресс в развитии ИИ может дать начало различным негативным сценариям» [4, с. 141]. В этой связи в гонке за технологическое лидерство в эпоху индустрии 4.0 большое внимание уделяется не только большим данным и технологиям искусственного интеллекта, но и квантовым

информационным технологиям — «революционному направлению, возникшему на стыке фундаментальной физики и теории алгоритмов. Несмотря на то, что на текущий момент подобные технологии еще далеки от внедрения в повседневную жизнь людей, они привлекают все больший интерес» [5].

Всё вышесказанное актуализирует тему квантового интеллекта и его использования в современных вооружённых конфликтах. Целью данной статьи является постановка и исследование проблемы влияния квантового интеллекта на управление современными вооружёнными конфликтами.

Результаты исследования. В рамках Международного десятилетия наук ГА ООН 7 июня 2024 года приняла резолюцию о проведении в 2025 году Международного года квантовой науки и технологий, в связи со 100-летием создания Э.Шрёдингером волновой формулировки квантовой механики, а уже 4-5 февраля 2025 года в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже состоялась церемония открытия Международного года квантовой науки и технологии [6].

Как известно, Эрвин Шрёдингер предложил волновую формулировку квантовой механики — описание состояния квантово-механической системы с помощью волновой функции. Уравнение Шрёдингера описывает эволюцию квантовых систем, и основано на постулате Луи де Бройля о том, что вся материя имеет связанную с ней волну материи. Волновая функция описывает квантовое состояние и его эволюцию как облако вероятностей. Пока частица остаётся ненаблюдаемой, она распространяется подобно волне, интерферирует с собой и другими частицами, существуя в «суперпозиции» состояний. Подход Шрёдингера позволяет предсказать вероятностное распределение местоположения и импульса частиц.

Наряду с Э. Шрёдингером, основоположниками квантовой механики считаются Макс Планк, Альберт Эйнштейн, Нильс Бор, Макс Борн. Однако, по мнению экспертов, начало квантовым вычислениям положил Стивен Визнер, автор сопряженного кодирования. Будучи студентом Колумбийского университета, Стивен Визнер направил работу «Сопряженное кодирование» в журнал IEEE Information Theory. В ней он описал идею использования квантовых состояний фотонов для защиты денежных банкнот. Работа редакторам показалась слишком революционной — ее сочли фантастической. В итоге опубликована она была лишь в 1983 году и в другом журнале [7].

В академических исследованиях на эту тему авторы часто упоминают о двух квантовых революциях. Во время первой квантовой революции, произошедшей в начале XX века, ученые научились понимать и применять свойства квантовой механики – взаимодействия молекул, атомов и даже более мелких частиц, таких как фотоны и электроны. В конечном итоге это позволило им создать транзисторы, лазеры и микропроцессоры: фундаментальные технологии для компьютеров, телекоммуникаций, спутниковой навигации, смартфонов, современной медицинской диагностики и многого другого. Для характеристики существенных отличий современной экспериментальной и технологической революции, вызванной развитием квантовой теории, в последнее десятилетие используется термин «вторая квантовая революция» [8, с. 177].

Благодаря первой квантовой революции в физике и технологиях было создано атомное оружие; атомная энергетика; сверхпроводники; лазеры; полупроводники, приведшие к созданию интегральных микросхем, компьютеров, интернета, мобильной связи, медицинских технологий и много другого. Основным объектом исследования и технического манипулирования были молекулы, атомы, группы частиц и их наблюдаемые свойства. Но в последние два десятилетия специалисты научились «манипулировать отдельными квантовыми системами (ионами, фотонами и атомами) в состоянии суперпозиции, а также сложными системами в запутанном состоянии. Именно эти новые навыки стимулировали вторую квантовую революцию, объединяющую новые технологии передачи и обработки информации, в том числе квантовой криптографии и квантового компьютера; квантовые часы; квантовые датчики; новые подходы в когнитивных науках и создании искусственного интеллекта» [8, с.177-178].

Квантовые технологии являются одной из наиболее актуальных тем современной международной повестки. Так, 17 июня 2025 года на встрече «Большой семёрки» в Кананаскисе (Канада), квантовые технологии рассматривались в качестве стратегического приоритета, имеющего большой потенциал для трансформации экономики, безопасности и решения глобальных проблем.

2 июля 2025 г. была принята «Стратегия квантовой Европы: квантовая Европа в меняющемся мире», которая основана на научных исследованиях и практическом опыте на базе стартапов, осуществляемых за счёт государственных инвестиций. В стратегии выделены пять сфер деятельности: исследования и инновации

(консолидация передового опыта в области квантовой науки и ее промышленной трансформации); Квантовые инфраструктуры (создание масштабируемых, скоординированных инфраструктурных узлов для поддержки производства, проектирования и разработки приложений); укрепление квантовой экосистемы (обеспечение безопасности цепочек поставок и индустриализация квантовых технологий за счет инвестиций в стартапы и расширения масштабов деятельности); космос и квантовые технологии двойного назначения (безопасность и оборона); интеграция надежных, суверенных квантовых возможностей в стратегии в области космоса, безопасности и обороны; а также «Качественные навыки» (создание разнообразной рабочей силы мирового класса посредством скоординированного обучения, переподготовки и мобильности талантов) [9].

Амбициозный план ЕС по доминированию в сфере квантовых технологий, объединяющий исследования, инфраструктуру и отраслевые стратегии в единый план, направлен на обеспечение глобальной конкурентоспособности, технологического суверенитета и экономической устойчивости, однако, как отмечают А. Смирнов и И. Кохтюлина, «несмотря на масштабность Стратегии, её реализация остаётся сложной задачей. Многие государства-члены сталкиваются с бюджетными ограничениями, нехваткой квалифицированных кадров и неразвитостью экосистем венчурного капитала [10].

Рынок квантовых вычислений в мире пока только формируется. К 2040 году при благоприятном сценарии его размер составит порядка 131 млрд долларов [11]. При этом страны БРИКС в совокупности претендуют на то, чтобы занять порядка 20–25% мирового рынка квантовых вычислений. Доля России при наиболее благоприятном развитии событий составит до 6% [12].

Осенью 2024 года глава «Росатома» объявил о создании 50-кубитного ионного квантового компьютера. По словам главы Росатома Алексея Лихачева, это означает, что «Россия вошла в число мировых лидеров сферы квантовых технологий» [14]. Отдельно необходимо отметить, что сильной стороной России в «квантовом соревновании» является наличие собственных квантовых компьютеров, работающих на всех четырех основных платформах. Над процессорами на ионах трудятся ученые из РКЦ и ФИАН, сверхпроводниковыми процессорами занимаются в МИСиС и МФТИ, а в МГУ работают над процессорами на фотонах и на нейтральных атомах.

В 2025 году Китай представил сверхпроводниковый квантовый компьютер Zuchongzhi-3 [13] и развернул сеть 2000 км оптоволоконного кабеля и двух спутников связи QKD, которые он использует для шифрования сообщений с Россией и Южной Африкой. КНР считает эту сеть усилением безопасности, так как ее можно использовать для защиты от любых квантовых компьютеров.

В Индии в 2025 году в рамках стартапа QPiAI-Indus был запущен 25-кубитный сверхпроводниковый квантовый компьютер [15]. Соответствующие технологические разработки ведутся в ОАЭ и ЮАР, где совместно с Китаем с помощью микроспутника и портативных наземных станций создали самую длинную в мире линию квантовой связи – почти 13 тыс. км – и обменялись данными, используя общий шифровальный ключ. По сути, это ключевой шаг к созданию глобальной квантовой сети, исключающей возможность взлома.

Квантовый интеллект активно обсуждается на уровне военных политиков и экспертов, становясь стратегическим ресурсом в сфере обороны и безопасности. В решающей степени это связано с тем, что квантовые технологии могут иметь разрушительные последствия, которые могут снизить способность к сдерживанию противника и обороне. Применение квантового интеллекта в вооружённых конфликтах связано как с дестабилизацией противника (взлом шифрования противника, обнаружение стелс-технологий), так и со стабилизацией собственных возможностей (защищенные коммуникации (QKD), улучшенная навигация и разведка и др.).

На стратегическое значение «квантового интеллекта» указывается в стратегических документах НАТО. В частности, в Стратегии НАТО по квантовым технологиям от 16 января 2024 года говорится о том, что стремительный прогресс в области квантовых технологий приближает к глубокому сдвигу в науке и технике, который будет иметь далеко идущие последствия для безопасности и обороны: «Эти технологии могут революционизировать сенсорику, визуализацию, точное позиционирование, навигацию и синхронизацию по времени, связь, вычислительную технику, моделирование и информатику» [16].

С методологической точки зрения следует обратить внимание на то, что «законы, действующие на микроуровне, выявленные квантовой теорией, можно применить к изучению объектов макроуровня, не исключая возможность политологической рефлексии универсальных законов» [17, с. 185].

Заключение. Развитие «квантового интеллекта» и его применение в вооружённых конфликтах, в т.ч. квантового зондирования в сочетании с ИИ, микроэлектроникой и возможностями в сфере ИКТ принципиально меняет облик современной войны.

Основополагающее значение квантовых технологий для управления вооружёнными конфликтами заключается в том, что они потенциально могут предложить новые возможности в области вычислений, коммуникаций и ситуационной осведомленности, которые не имеют аналогов среди технологий, имеющихся в настоящее время, и которые могут стать значительным стратегическим преимуществом в процессе управления вооружёнными конфликтами.

В качестве перспективных направлений для изучения данной темы можно указать на исследование киберпространства как новой оперативной среды для вооружённых конфликтов в форме когнитивной войны.

Список литературы

1. Гаджиев К. Метаморфозы конфликтов и войн в современном мире // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1738>
2. Белоконь С.П. Технологические аспекты современных вооружённых конфликтов и военная безопасность России // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. №4. С.23-44.
3. Arquilla J., Ronfeldt D. Cyberwar is coming // Comparative Strategy. 1993. Volume 12. № 2. P. 141-165.
4. Сенюшкин, Е. А. Искусственный интеллект как фактор геополитической конкуренции / Е. А. Сенюшкин, Т. А. Сенюшкина, М. Е. Сенюшкин // Политическое пространство и социальное время: геоэкономические модели формирования полицентричного мира: Сборник научных трудов XLIV международного Харакского форума, Ялта - Симферополь, 21–25 ноября 2024 года. – Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2025. – С. 295-300. – EDN BEFLEP.
5. Киктенко Е. Когда готовиться к квантовой угрозе? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kogda-gotovitsya-k-kvantovoy-ugroze>

6. Opening Ceremony of the International Year of Quantum Science and Technology, 2025. URL: <https://www.unesco.org/en/event/opening-ceremony-international-year-quantum-science-and-technology-2025>
7. Первое теоретическое обоснование использования квантовых эффектов для защиты информации. URL: <https://proquant.ru/quantums/whatisit/history/pervoe-teoreticheskoe-obosnovanie-ispolzovaniya-kvantovykh-effektov-dlya-zashchity-informatsii>
8. Терехович, В. Э. Три подхода к проблеме квантовой реальности и вторая квантовая революция / В. Э. Терехович // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56, № 1. – С. 169-184. – DOI 10.5840/eps201956114. – EDN YWZWST.
9. Quantum Europe Strategy. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/quantum#ecl-inpage-quantum-europe-strategy>
10. Смирнов А., Кохтюлина И. Гонка технологий «квантового интеллекта» и новые угрозы международной безопасности // Международная жизнь. 08.07.2025. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/52151>
11. Digital. Quantum Technology Monitor. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/the-year-of-quantum-from-concept-to-reality-in-2025>
12. «Квантовый» БРИКС. 20.08.2025. URL: <https://bricsmagazine.com/biznes/tehnologii/kvantovyy-briks>
13. Тихонова П. Китай представил квантовый чип, который в 1 квадриллион раз быстрее лучшего в мире суперкомпьютера // Hi-tech. - URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/123631-kitaj-predstavil-kvantovyy-chip-kotoryj-v-1-kvadrillion-raz-bystree-luchshego-v-mire-superkompyutera>
14. В РФ создали 50-кубитный ионный квантовый компьютер. ТАСС. 23 сентября 2024. URL: <https://tass.ru/nauka/21937207>
15. Startup selected under NQM launches one of India's most powerful quantum computers. URL: <https://dce.visionias.in/news-today/2025-04-16/science-and->

[technology/startup-selected-under-nqm-launches-one-of-indias-most-powerful-quantum-computers](https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_221777.htm)

16. Summary of NATO's Quantum Technologies Strategy. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_221777.htm
17. Сенюшкина, Т. А. Синергия политического пространства и социального времени с точки зрения квантовой теории / Т. А. Сенюшкина // Политическое пространство и социальное время: Синергия смыслов и ценностей: Сборник научных трудов XXXIV Международного Харакского форума, Ялта, 17–20 мая 2018 года / Под редакцией Т.А. Сенюшкиной. – Ялта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 181-188. – EDN HOYMNF.

ФЕНОМЕН СЕМИОТИКИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ КОММУНИЦИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ АГРОСЕКТОРА

Норков А. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
студент*

Гриневич А. П.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
студент*

Муслиядинов А. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
студент*

Научный руководитель: Масаев М.В.,

*доктор философских наук, Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского», профессор кафедры культурологии и
социокультурного проектирования Института медиакоммуникаций,
медиа технологий и дизайна*

Аннотация. В статье на основе историко-философского и социокультурного анализа, связанного с культурой коммуникации, выявляются проблемы рефлексии семиотики культуры в данном контексте.

Ключевые слова: семиотика, культура, коммуникация в агросекторе, корпоративная культура.

THE PHENOMENON OF CULTURAL SEMIOTICS IN THE CONTEXT OF COMMUNICATION OF AGRICULTURAL SECTOR SPECIALISTS

Norkov A.V.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, student

Grinevich A.P.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, student

Muslyadinov A. A.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, student

Scientific Supervisor: Masayev M. V.

Doctor of Philosophy

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,

*Professor of the Department of Culturology Studies and Socio-
Cultural Projecting of the Institute of Media communications, Media
technologies and Design (SD). Academician of the Crimean Academy of
Sciences*

Abstract. *This work, based on historical, philosophical and socio-cultural analysis related to the culture of communication, reveals the problems of reflection of culture semiotic in that context.*

Keywords: *semiotics, culture, communication in the agricultural sector, and corporate culture.*

*«Заговори, чтобы я тебя увидел».
Сократ.*

Знаменитый афоризм великого Сократа «Заговори, чтобы я тебя увидел» означает, насколько важно не только «лицезреть» образ человека, но и слышать его речь, знать, как он говорит (или что хочет, но порой не может сказать в прямом смысле, прибегая к так называемому «Эзоповому языку»). Так становится легче понять его и чётко, выражаясь языком царицы наук математики, «вычислить», что же в реальности повседневной жизни и пресловутой «культуры повседневности» он хочет сказать.

О роли общения в жизни людей восторженно заметил Антуан де Сент-Экзюпери: «Единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения». Однако, для современного человека вообще, и руководителя, специалиста, в частности, общение не столько роскошь, сколько постоянная жизненно и профессионально необходимая потребность. Как показывают исследования в области менеджмента, на общение расходуется 80 % рабочего времени руководителей всех уровней. Любопытно в этой связи высказывание Дж. Рокфеллера: «Умение общаться с людьми – такой же покупаемый за деньги товар, как сахар или кофе. И я готов платить за это умение больше, чем за какой-либо другой товар» [1].

Акцентируя внимание на актуальности поставленной проблемы, необходимо особо отметить, что культура коммуницирования в различных цивилизациях обладает богатой историей и является значимым аспектом социокультурной динамики. И действительно, бросая ретроспективный взгляд, требуется подчеркнуть, что феномен коммуникации охватывают множество культур и исторических периодов. По сути дела, коммуникация как жизненный (а для кого-то и «смыслжизненный феномен», поскольку коммуникация – один из характерных признаков выделения и возвышения человека из животного мира) в ракурсе концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов, несомненно является парадигмальным символом [6, с. 210; 7, с. 23], а культурологическое измерение структуры парадигмальных образов в качестве символов эпох и цивилизаций [8, с. 102], – важный структурный компонент исследований подобного характера.

Поэтому овладение искусством делового общения необходимо для каждого человека независимо от того, каким видом деятельности он занимается или будет заниматься. Но особенно важно умение общаться для деловых людей: предпринимателей, экономистов, менеджеров, людей, занятых в сфере управления. Не исключение и специалисты агросектора.

Однако, как свидетельствует практика современного российского бизнеса, к сожалению, у наших руководителей, предпринимателей крайне низка культура устной речи, что значительно снижает их деловой потенциал и не позволяет максимально реализовать свои возможности.

Известно, что во многих странах мира курсы «Речь», «Деловое общение», «Корпоративная культура» входят в учебные программы

университетов и колледжей. В нашей стране эти предметы только начинают пробивать себе дорогу. А ведь для делового человека низкая культура общения «должна бы считаться таким же неприличным явлением как неумение читать и писать». Речь – лучший паспорт человека. Поэтому кто хочет успешно продвигаться по карьерной лестнице, должен овладеть определенными знаниями и навыками в области деловых коммуникаций.

Деловая практика XXI века представляет собой новый этап в развитии деловых отношений, когда первостепенное значение приобретает профессиональная подготовка специалистов в любой сфере общественной жизни, что в равной степени, относится и к сфере аграрного производства.

Сегодня именно образованные, творческие, инициативные люди становятся главным фактором экономического роста и развития страны, способные обеспечить реализацию конкурентных преимуществ.

Следовательно, современный специалист агросектора должен владеть не только специальными знаниями и навыками, но и быть профессионально компетентным человеком, знающим принципы организации и развития общества, в котором он живет и работает, владеющим азами грамотного и культурного общения, умеющим решать поставленные жизнью проблемы.

Поэтому перед специалистами агросектора стоит главная задача – получить и овладеть такими знаниями, сформировать такие общекультурные и профессиональные компетенции, такие ценностные ориентации и установки, обладая которыми он сможет успешно трудиться во всех сферах многофункциональной экономики [2].

«Деловые коммуникации» тесно связаны с такими дисциплинами, как русский язык и культура речи, риторика, логика, социальная психология, этика государственной и муниципальной службы. Овладев знаниями, полученными в ходе указанной дисциплины, специалист агросектора сформирует правильную грамотную речь и речевой имидж; повысит уровень владения теоретическими и практическими аспектами культуры речи, ораторского мастерства, искусства спора; сформирует соответствующие культурные, психологические и нравственные качества, как необходимых условий их успешной профессиональной деятельности. Изучив дисциплину «Деловые коммуникации», специалист агросектора сформирует общекультурные и профессиональные компетенции.

Общекультурные – связанные со стремлением работать на благо общества; способностью представлять результаты своей работы для других специалистов, отстаивать свои позиции в профессиональной среде, находить компромиссные и альтернативные решения; умение логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь; способностью к эффективному деловому общению, публичным выступлениям, переговорам, проведению совещаний, деловой переписке, электронным коммуникациям; способностью использовать для решения коммуникативных задач современные технические средства и информационные технологии; способностью к работе в коллективе, исполняя свои обязанности творчески и во взаимодействии с другими членами коллектива.

Профессиональные:

- в организационно-управленческой деятельности: способностью применять адекватные инструменты и технологии регулирующего воздействия при реализации управленческого решения;

- в коммуникативной деятельности: способностью анализировать, проектировать и осуществлять межличностные, групповые и организационные коммуникации; умение общаться четко, сжато, убедительно, выбирая подходящие для аудитории стиль и содержание; владением медиативными технологиями, умением организовывать, проводить и оценивать эффективность переговоров и примирительных процедур;

Овладев указанными компетенциями специалист агросектора будет знать: основные характеристики делового взаимодействия; методы анализа и самопознания личности и познания других людей; этические нормы деловых взаимоотношений принципы и методы организации деловых коммуникаций; сущность и методы управления организационной культурой; особенности национального этикета; способы и приемы психической саморегуляции и снятия напряжения. Уметь: преодолевать психологические и коммуникативные барьеры в общении; распознавать невербальные сигналы делового общения; формировать положительный имидж делового человека и вызвать к себе симпатию; вести деловые переговоры, совещания, телефонные беседы; диагностировать проблемы морально-психологического климата в организации; правильно оформлять деловую документацию. Владеть: основными инструментами эффективной деловой коммуникации; навыками управления и предупреждения конфликтов в деловом взаимодействии; использования психологических приемов

влияния на партнера; основами ораторского искусства ведения деловых бесед, совещаний, споров; техникой вербального и невербального делового общения; делового этикета, культуры делового человека; психодиагностики и прогнозирования наиболее вероятного поведения партнера; современными методами управления человеческими ресурсами; навыками деловых коммуникаций [3].

В условиях рыночных отношений ценность образования возрастает день ото дня. Разумеется, бесполезных знаний нет, а процесс получения этих знаний – прекрасное условие для самореализации и самосовершенствования. Эти знания должны служить не только залогом высокой профессиональной деятельности специалиста, но также представлять собой важнейший ресурс, который в отличие от природного сырья, не исчерпывается, а приумножается.

Современным специалистам, в том числе агросектора, необходимо разбираться не только во всех нюансах своего дела, но и знать правила поведения в обществе, в сфере бизнеса. Успех дела во многом будет зависеть от умения создать собственный имидж, умения соответствующим образом вести себя в различных ситуациях, правильно излагать свои мысли.

Очевидно, что сегодня новые экономические и социальные условия выдвинули на первый план необходимость повышения коммуникативной компетентности. Высокая речевая культура и развитая экономика неотделимы друг от друга. Карьера любого специалиста многогранна. В любой профессии можно остаться на самой низкой ступеньке иерархической лестницы, а можно достичь высоты, стать высокообразованным и квалифицированным профессионалом. Коммуникативная компетентность, как оправа для бриллианта, может помочь реализовать свои замыслы и стать преуспевающим человеком, вызывающим уважение у деловых партнеров. Китайская мудрость гласит: хочешь сделать человека счастливым на один день – дай ему рыбу, хочешь сделать человека счастливым на всю жизнь – научи его ловить рыбу [4].

Таким образом, **семиотика культуры** изучает знаки в их коммуникативной, а не познавательной функции. Она рассматривает значение знаков в их отношении к объектам и людям [9; 10].

Коммуникация в контексте семиотики — это образование знаков и значений, их восприятие и понимание, возникновение новых значений (смыслов) у субъектов. Принимая информацию в знаках,

человек не только её воспроизводит, а создаёт субъективное понимание, значение, смысл на основе своей культуры, интеллекта, эмоций и опыта [10; 11].

Полагаем, что овладение основами коммуницирования позволит будущим специалистам эффективно взаимодействовать с партнерами по работе, применяя правильные в данной ситуации стратегии и тактики поведения, направленные на достижение компромисса и сотрудничества. Знание различных психотипов деловых партнеров, клиентов, коллег и руководителей, владение приемами влияния на них, будет способствовать формированию такого коммуникативного опыта делового человека [5], который необходим в процессе развития цивилизованных рыночных отношений.

Список литературы

1. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Деловая риторика. – Ростов н/Д: 2002. – 512 с.
2. Игебаева Ф. А. Культура речи и деловое общение в контексте компетентного подхода // Аграрная наука – сельскому хозяйству: сб. материалов VII-й Международной научно-практической конференции. Барнаул, 2013. – 580 с. – С. 34-37.
3. Игебаева Ф. А. Деловые коммуникации: практикум. – Уфа: Башкирский ГАУ, 2013. – 176 с.
4. Панфилова А. П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. –СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2001. – 496 с.
5. Игебаева Ф. А., Леонтьева М. С. К вопросу о необходимости изучения курса «Деловое общение» в аграрном университете // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. – 2008. – № 11. – С. 59-60.
6. Масаев М. В. Научная парадигма и интервальный метод: соотношение. Понятие парадигмального образа в философии истории / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 21. – С. 210-221.
7. Масаев М. В. Феномен соотношения научной парадигмы и интервального метода в контексте понятий парадигмального образа и символа в философии истории /

- М. В. Масаев // Философские традиции и современность. – 2013. – № 1 (3). – С. 23-41.
8. Масаев М.В. Культурологическое (вертикальное) измерение структуры парадигмальных образов в качестве символов эпох и цивилизаций / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 108. – С. 102-104.
 9. Семиотика культуры: учебное пособие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-univers.ru/upload/iblock/41e/1dprm9po9efsj4ly4s5tgql7iuwxk8o2.pdf> (дата обращения – 19.05.2025).
 10. Семиотика коммуникаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://masscommunication.tilda.ws/4544444> (дата обращения – 19.05.2025).
 11. Основы семиотики коммуникаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://massinfcomunicat.tilda.ws/osnsemcom> (дата обращения – 19.05.2025).

**ЛАЗАРЬ ХРЕБЕЛЯНОВИЧ И ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ
ЩЕРБИНА В СЕВЕРНОЙ КОСОВСКОЙ МИТРОВИЦЕ:
ЧТО СЕРБСКИЙ КНЯЗЬ «ПОРУЧИЛ» РОССИЙСКОМУ
КОНСУЛУ?**

Павлович А.С.

*Доктор этнологии и антропологии
Институт сербской культуры, Приштина-Лепосавич, Сербия
старший научный сотрудник
E-mail: alek.pavlovic@hotmail.com*

***Аннотация.** В статье анализируются символические аспекты двух мемориалов в северной, преимущественно сербской части этнически разделенной Косовской Митровицы, а именно памятника российскому консулу Григорию Степановичу Щербине, установленного в 2007 году, и памятника сербскому князю Лазарю Хребеляновичу, воздвигнутому в 2016 году. В сербской истории консулу Щербине приписывают роль защитника от албанского самовластия, которому подверглись сербы в Косовском вилайете на рубеже XIX и XX веков, а князя Лазаря в сербских преданиях помнят как мифического мученика битвы на Косовом поле, выбравшего царство*

небесное вместо царства земного. Символика памятников, воздвигнутых в честь вышеупомянутых исторических деятелей, относящихся к двум разным временным периодам, рассматривается в статье в контексте положения сербов в Косово и Метохии в современной общественно-политической обстановке на территории южной сербской провинции таким образом, что система связи мемориалов, как важных пространственных маркеров северной Косовской Митровицы, интерпретируется с точки зрения их взаимного «диалога».

Ключевые слова: Григорий Степанович Щербина, Лазарь Хребелянович, Косовска-Митровица, Косово и Метохия, сербы, мемориалы, памятники, мемориальная символика.

GRIGORIJE STEPANOVICH SHCHERBINA AND LAZAR HREBELJANOVIĆ IN NORTHERN KOSOVSKA MITROVICA: WHAT WAS THE “MESSAGE” OF THE PRINCE OF SERBIA TO THE RUSSIAN CONSUL?

Pavlovic A.S.

PhD of ethnology and anthropology

Institute for Serbian Culture, Prishtina-Leposavic, Serbia

Senior research associate

E-mail: alek.pavlovic@hotmail.com

Abstract. *This paper analyzes the symbolic aspects of two memorabilia in the northern, majority-Serbian part of the ethnically divided Kosovska Mitrovica, namely the monument to the Russian consul Grigori Stepanovich Shcherbina, erected in 2007, and the monument to the Serbian prince Lazar Hrebeltjanović, erected in 2016. In Serbian history, Consul Shcherbina has been attributed the role of protector against Albanian autocracy, to which Serbs in the Kosovo vilayet were exposed at the turn of the 19th and 20th centuries, while Prince Lazar is remembered in Serbian lore as a mythical martyr in the Kosovo battle, who instead kingdom of the earth chose the kingdom of heaven. The symbolism of the monuments erected in honor of the aforementioned historical figures, which are related to two different time periods, is discussed in the paper in the context of the position of the Serbs in Kosovo and Metohija in the contemporary socio-political circumstances in the area of the southern Serbian province, in such a way that the communication system of the observed memorabilia is, as*

significant spatial markers of northern Kosovska Mitrovica, interpreted from the aspect of their mutual "dialogue".

Keywords: *Grigorije Stepanovich Shcherbina, Lazar Hrebeltanović, Kosovska Mitrovica, Kosovo and Metohija, Serbs, memorabilia, monuments, memorial symbolism.*

После окончания агрессии НАТО против Союзной Республики Югославии в 1999 году, происшедшей одновременно с конфликтом между сербской полицией и армией и албанской военизированной Армией освобождения Косово, целью которой было отделение провинции Косово и Метохия от Сербии вооруженным путем, город Косовска-Митровица был разделен рекой Ибар на две части – южную, населенную албанцами, и северную, населенную преимущественно сербами [1, с. 18, 20-22]. В результате разделения между гражданами сербской и албанской национальности были возведены многочисленные барьеры, в основе которых лежало глубокое недоверие между представителями двух этнических групп [2, с. 128], подогреваемое взаимным конфликтом, который, несмотря на прекращение боевых действий после окончания агрессии НАТО, продолжался в условиях, которые можно было бы назвать послевоенным статус-кво, или «продолжение войны в мирное время» [3, с. 2]. Повседневная реальность разделенной Косовской Митровицы демонстрировала черты приграничных городов, под которыми понимаются города, расположенные на линиях более широких этнических, религиозных или идеологических разногласий, где ключевой проблемой является конфликт по вопросу суверенитета между двумя или более сторонами [4, с. 228-229]. Для сербов часть Косовской Митровицы к северу от Ибара стала эпицентром сопротивления включению в систему временных институтов самоуправления, базирующихся в Приштине, то есть интеграции в рамки албанского, самопровозглашенного независимого Косово в феврале 2008 года, а это означает, что выживание этой части города в их руках означало для сербов оставаться в институционально-правовой системе государства, которое они считают своим, то есть государства Сербия. Для албанцев эта часть Косовской Митровицы представляла собой препятствие для установления господства над всей территорией города, а также помеху для распространения власти на район Косово и Метохии к северу от Ибара [5, с. 1237].

Раздел Косовской Митровицы привел к «войне» символов между двумя этническими группами, особенно в области практик, связанных с концепцией пространства. И сербы, и албанцы стремились обозначить населенные ими части города как образования, определяемые в соответствии с определением их этнической идентичности, что включало идеологизацию пространства в доминирующем национальном духе посредством использования многочисленных символов, будь то названия улиц и площадей или памятники, здания и тому подобное [5, с. 1234-1235]. После раздела Косовской Митровицы в южной части города произошло удаление всего сербского, а это означает, что почти все названия улиц, площадей, населенных пунктов или общественных мест, которые ассоциировались с Сербией или Югославией, были удалены, и вместо этого в топонимию города были введены символы, строго связанные с албанской историей, культурой и мифологией [5, с. 1242]. С другой стороны, в северной Косовской Митровице доминировал символизм, унаследованный в основном со времен до 1999 года. Здесь пространственная текстура была основана главным образом на сербских национальных идеях, опираясь на отдельные элементы югославской топографии, сохранившиеся с социалистического периода и связанные с борьбой народов Косово и Метохии против фашистских оккупантов [5, с. 1242, 1246].

В Северной Косовской Митровице было установлено несколько мемориалов как символическое напоминание об исторической преемственности сербов в Косово и Метохии, а также об их страданиях. В 2007 году на центральной площади города был установлен памятник российскому консулу Григорию Степановичу Щербине, убитому албанцами в Косовской Митровице в 1903 году. В сербской истории его запомнили как человека, защищавшего сербов от албанского самоуправления в Косовском вилайете на рубеже XIX и XX веков. Памятник российскому консулу впервые был установлен в Косовской Митровице в 1928 году, на месте где был убит Щербина, однако после Второй мировой войны его перенесли во двор городского музея, а после раздела города в 1999 году Албанцы уничтожили его [5, с. 1248]. В 2016 году в непосредственной близости от памятника российскому консулу был установлен памятник князю Лазарю Хребеляновичу, сербскому средневековому правителю и мифическому мученику битвы на Косовом поле. Это событие, в котором погиб князь Лазарь, как предводитель сербской армии,

выступавшей против превосходящего турецкого завоевателя, выбрав, по преданию, царство небесное, т. е. смерть и вечную жизнь, а не земное царство, в котором он будет слугой турецкого султана. Памятник князю Лазарю был открыт в Видовдан [1, с. 264], день когда произошла битва на Косовом поле в 1389 году и которая вошла в культурно-историческую память сербов как переломный символ решения не только для армии Лазаря и средневекового сербского государства, но и всей исторической судьбы сербского народа [6, с. 220]. Памятник был установлен на общую высоту более одиннадцати метров и благодаря своей монументальности он занял доминирующее положение на центральной площади северной Косовской Митровицы по отношению к памятнику российскому консулу Щербине. Фигура князя Лазаря расположена так, что он опирается правой рукой на меч, а указательный палец левой руки указывает в сторону Газиместана – места на Косовом поле, где столкнулись сербская и турецкая армии в XIV веке.

Городское пространство теоретически содержит черты текстуальности, поэтому представляет собой созвездие знаков и символов или тип языка, а значит, его можно рассматривать как «текст», то есть своеобразную коммуникативную систему. [7, с. 11]. Важная роль в этой системе принадлежит, среди прочего, мемориалам или памятникам как объектам, имеющим особое значение, которые обычно служат для обозначения исторических событий или как память об исторических личностях [8, с. 101]. С помощью памятников в пространство загружаются представления о прошлом, часто с целью формирования воображаемой структуры нации/родины, где нация символически проецирует себя на сцены городской среды, так что таким образом она отражается обратно к зрителям этих сцен, т. е. гражданам [7, с. 27]. Понимаемые таким образом памятники всегда были «способом формирования воспоминаний, маркерами времени, разделителями пространства, отражениями политических идей, учителями морали и высших добродетелей эпох, инструментальными формами искусства, которые должны были остановить определенный момент истории и победить быстротечность» [9, с. 181]. Они обладают определенной *святостью*, проистекающей из важности эпохи, события или личности, о которой они свидетельствуют, но также и из положения, которое они занимают между прошлым и настоящим [9, с. 181]. Выставленные в публичном пространстве события или лица, которым посвящены памятники,

живут вместе с этим пространством «новой, можно сказать, отдельной жизнью в меняющихся временах» [10, с. 93], благодаря чему они как символы вместе с названиями улиц раскрывают господствующую идеологию общества и ее изменения [10, с. 61-62, 93].

Возведенные на центральной площади северной Косовской Митровицы памятники российскому консулу Щербине и сербскому князю Лазарю являются важными пространственными маркерами, тесно связанными со стремлением местных сербов отметить эту часть города как *свою собственную*, в отличие от южной части, населенной албанцами. Речь идет о меморабилиях, символика которых, усматриваемая в коммуникационном ключе, заметна прежде всего с точки зрения сообщений, которые можно «прочитать» в контексте положения сербов Косовской Митровицы, но и всех сербов Косово и Метохии, которое в период после агрессии НАТО против СР Югославии в 1999 г. можно охарактеризовать как драматическое [1, с. 305]. Эта позиция, в самом общем смысле, отмечена давлением албанцев и ведущих стран Запада, в направлении отделения Косово и Метохии от Сербии, то есть интеграции косовско-метохийских сербов в институционально-правовую систему албанского, в 2008 году самопровозглашенного независимого Косово. Не упуская из виду преследования, которым подверглись сербы после вывода сербской полиции и армии из Косово и Метохии, в результате чего сотни тысяч человек покинули территорию южной сербской провинции [1, с. 89], положение косовско-метохийских сербов в рассматриваемый период еще больше осложнялось рисками безопасности, дискриминацией, чувством угрозы и страхом перед неопределенным завтрашним днем.

Российский консул Щербина и сербский князь Лазарь представляют исторических личностей, принадлежащих к двум разным временным эпохам. Поскольку памятники, посвященные этим фигурам, были воздвигнуты таким образом, что они в символическом смысле практически определяют пространственную идентичность центральной площади северной Косовской Митровицы, возможность интерпретации их «встречи» в контексте современных, нынешних общественно-политических обстоятельств в Косово и Метохии навязывается с точки зрения «чтения» их взаимного «диалога».

Послания, которые российский консул Щербина и сербский князь Лазарь «наставляют» друг другу неотделимы от символики, связанной с этими двумя деятелями сербской культуры и истории, а значит, и от посланий, «вплетенных» в оба памятника при их возведении.

Памятники российскому консулу Щербине и сербскому князю Лазарю на центральной площади северной Косовской Митровицы (фото автора, сделанное 20 февраля 2024 года).

На открытии памятника консулу Щербине присутствовал посол России в Сербии, который отметил, что памятник символизирует поддержку россиян сербам в усилиях по сохранению территориальной целостности своей страны и оставанию Косово и Метохии в составе Сербии [11, с. 214]. Консул Щербина, на памятнике которого написаны его якобы последние слова: «Я первая жертва в новой сербской истории за освобождение Старой Сербии», своему «собеседнику» князю Лазарю, с того дня, как он появился на центральной площади северной Косовской Митровицы, в данном символическом контексте «передает» послание о дружбе сербов и русских и их общем сопротивлении врагу, но также «напоминает» о том, что положение сербов в Косово и Метохии после агрессии НАТО против Союзной Республики Югославии в 1999 году все еще такое же тяжелое, как и тогда, когда он был убит в начале XX века.

Открытый в Видовдан, в день «решения» - памятник князю Лазарю в северной Косовской Митровице был преподнесен с посланием Сербам: «Князь Лазарь останется здесь, потому что сербы останутся здесь». Епископ Рашко-Призренский Феодосий освятил и благословил памятник, подчеркнув, что Видовдан, день гибели князя Лазаря в Косовской битве, определил сербскую историю [12]. Этот день в сербском коллективном сознании связан с событием, которое исторически, но и символически отделяет прошлое от будущего, символизируя тем самым «разрыв между тем, чем Сербская империя была и могла стать, если бы не произошел роковой удар, и тем, что последовало за перенаправлением существования в новых исторических условиях» [6, с. 9]. Это судьбоносный поворотный момент, который в национальном мифе сербов – мифе о Косово – занимает центральное место, имея характер символа, прославляющего героизм и победу над злом [13, с. 168], но и обет, в котором говорится: «Косово всегда было и будет сербским» [14, с. 26]. Именно в свете вышеизложенного можно интерпретировать послание, которое князь Лазарь «направил» консулу Щербине на центральной площади северной Косовской Митровицы. В этом послании говорится, что сегодня сербы в Косовской Митровице переживают испытание, сравнимое с тем же историческим, но также и духовным поворотным моментом, с которым столкнулся князь Лазарь на Косовском поле, в Видовдан. Главное, что князь Лазарь «сказал» консулу Щербине, это то, что он существует на том месте, чтобы напомнить сербам в Косовской-Митровице о Косовском Завете и тем самым побудил их принять решение, что, несмотря на трудное положение, в котором они оказались в существующих обстоятельствах, они должны быть полны решимости и упорно следовать своему намерению остаться и выжить в Косово и Метохии.

Список литературы

1. Павловић А. Свакодневица Срба у северној Косовској Митровици. Лепосавић: Институт за српску културу Приштина – Лепосавић, 2021. 352 с.
2. Castan Pinos J. Mitrovica – A city (re)shaped by division // Politics of Identity in Post-Conflict States / Ed. by Ё. Ó Ciardha, G. Vojvoda. London: Routledge, 2015. P. 128-142.
3. Gusic I. Contesting Peace in the Postwar City: Belfast, Mitrovica and Mostar. London: Palgrave Macmillan, 2020. 298 p.

4. Kotek J. Divided Cities in the European Cultural Context // *Progress in Planning*. 1999. Vol. 52. Issue 3. P. 227-237.
5. Павловић А. Елементи просторне симболике Срба у северној Косовској Митровици // *Етноантрополошки проблеми*. 2017. Год. 12. Св. 4 (н. с.). С. 1233-1257.
6. Бошковић С. Косовски културолошки мит. Београд: Службени гласник, 2014. 488 с.
7. Radović S. Grad kao tekst. Beograd: Biblioteka XX vek, 2013. 358 с.
8. Hegediš I. Fizička struktura urbanog prostora // *Zbornik radova Građevinskog fakulteta Subotica*. 2008. Br. 17. С. 81-107.
9. Павићевић А. Време (без) смрти: Представе о смрти у Србији 19-21. века. Београд: Етнографски институт САНУ, 2011. 271 с.
10. Rihtman-Auguštin D. Ulice moga grada: Antropologija domaćeg terena. Beograd: Biblioteka XX vek, 2000. 285 с.
11. Елезовић З., Обрадовић Ф., Мијатовић М. Споменик Григорију Степановичу Шчербини – Симбол јединства Србије и Русије по питању статуса Косова и Метохије // *Српско-руски односи у прошлости и садашњости*. Књ. 2 / Ур. В. Зарковић, М. Јефtimiјевић Михајловић, Д. Велојић. Лепосавић: Институт за српску културу – Приштина, 2018. С. 211-217.
12. <https://www.politika.rs/scc/clanak/358130/> [приступљено 16. 02. 2024.]
13. Popović M. Vidovdan i časni krst. Beograd: Biblioteka XX vek, 2007. 266 с.
14. Maliqi S. Rat simbola: Sećanje na Kosovu // *Monumenti: Promenljivo lice sećanja* / Beograd: Centar za kulturnu dekontaminaciju, 2012. С. 26-27.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РУСОФОБСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБОСТРЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЗАПАДА

Пашковский П. И.

*Доктор политических наук,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
профессор кафедры политических наук и международных
отношений*

E-mail: petr.pash@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности русофобских проявлений в условиях современного обострения отношений России и Запада. Обозначены аспекты западной русофобии как инструмента гибридной войны. Охарактеризованы основные вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации, ставшие производными русофобского курса коллективного Запада. Показано, что современная гибридная война и её производные – масштабные проявления русофобии – представляются следствием спланированных действий введомого Соединёнными Штатами коллективного Запада, являясь инструментом геополитического сдерживания России, а в дальнейшем – её ослабления и разрушения. Это соотносится с западными намерениями нивелировать идентичность русских как государствообразующего народа, установив контроль над российскими пространством и ресурсами, что подразумевает смену в нашей стране политического режима, обусловив её научно-технологическую и финансово-экономическую зависимость, потерю статуса сверхдержавы и одного из лидеров формирующегося миропорядка. Проведённое исследование свидетельствует о значительной активизации в настоящее время тенденций русофобии, проявляясь в научно-философском, международно-правовом, экономическом, военно-стратегическом, а также культурно-психологическом, идеологическом и религиозном аспектах.

Ключевые слова: русофобия, Россия, Запад, геополитическое соперничество, гибридная война.

THE MAIN ASPECTS OF RUSSOPHOBIC MANIFESTATIONS IN THE CIRCUMSTANCES OF THE CURRENT AGGRAVATION OF RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE WEST

Pashkovsky P. I.

PhD, Doctor in Political Science,

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

Professor of the Department

of Political Science and International Relations

E-mail: petr.pash@yandex.ru

Abstract. *The article considers the characteristics of Russophobic manifestations in the context of the current aggravation of relations between Russia and the West. Aspects of Western Russophobia as an instrument of hybrid warfare have been identified. The main challenges and threats to the national security of the Russian Federation, which have become derivatives of the Russophobic course of the collective West, have been characterized. It is shown that the modern hybrid war and its derivatives – large-scale manifestations of Russophobia – appear to be a consequence of the planned actions of the collective West led by the United States, being an instrument of geopolitical containment of Russia, and subsequently – its weakening and destruction. This correlates with Western intentions to level the identity of Russians as a state-forming people by establishing control over Russian space and resources, which implies a change in the political regime in our country, causing its scientific-technological and financial-economic dependence, the loss of the status of a superpower and one of the leaders of the emerging world order. The conducted research testifies to the significant intensification of the current tendencies of Russophobia, manifesting itself in scientific-philosophical, international-legal, economic, military-strategic, as well as cultural-psychological, ideological and religious aspects.*

Keywords: *Russophobia, Russia, West, geopolitical rivalry, hybrid war.*

В обстоятельствах интенсивного формирования полицентричного миропорядка приобретающие всё более изощрённые и опасные формы русофобские тенденции – особенно с началом специальной военной операции на Украине – являлись источниками не только внешних, но и внутренних вызовов и угроз российской национальной безопасности, на которые необходимо должным образом реагировать. Составляющей данного явления стало т. н. «расчеловечивание» России, «придание ей

образа злонамеренного и опасного государства». В результате «Запад делает всё возможное, чтобы ограничить» её «мягкосиловое воздействие», «отменяя» русскую культуру, спорт, духовно-нравственные ценности [1, с. 565, 587]. Учитывая активное содействие этому США и их союзников, всплеск антироссийских настроений наблюдается в странах Европы, других «либеральных демократиях» и некоторых государствах постсоветского пространства [2; 3].

Представляется, что западная русофобия как инструмент геополитического сдерживания России на глобальном и региональном уровнях проявляется в следующих аспектах [4].

1) Научно-философский аспект: оформление носителями русофобских взглядов своих убеждений в теоретико-методологической плоскости с опорой на получение практико-ориентированного знания (американские мыслители Дж. Дьюи и Ч. Пирс), концепцию конвенционализма (американский философ Р. Карнап и французский философ А. Пуанкаре) и идеи англосаксонской геополитики (американский эксперт и идеолог внешней политики США З. Бжезинский и др.) [5–10].

2) Международно-правовой аспект: политика двойных стандартов. Так, с одной стороны, имеют место многочисленные и безосновательные обвинения России представителями коллективного Запада в якобы актах нарушения международного права, вмешательствах во внутренние дела других государств, агрессии и наличии имперских амбиций, а, с другой, – частые примеры игнорирования реальных проявлений этого в действиях Соединённых Штатов и их союзников. При этом в отношении Российской Федерации под указанными предлогами перманентно и по нарастающей вводятся санкции и ограничения [9; 11; 12; 13].

3) Экономический аспект: санкционная политика Запада в целях нанесения ущерба российской экономике; увеличивающееся давление Вашингтона на европейские страны в контексте противодействия строительству и вводу в эксплуатацию газопроводов из России, преследуя в дальнейшем переориентацию на собственный сжиженный газ и соответствующую ценовую политику; позиция коллективного Запада (в особенности США) в отношении Арктики, приобретающая откровенно антироссийский характер в ракурсе актуализации данного региона как места сосредоточения масштабных месторождений полезных ископаемых и увеличения стратегического (в том числе, в экономической сфере) значения Северного морского пути [11; 13; 14].

4) Военно-стратегический аспект: проявление в официальной риторике, доктринальных основах и практических шагах западных государств русофобских настроений. В частности, в Стратегии национальной безопасности и Стратегии национальной обороны Соединённых Штатов [15; 16; 17] РФ, наряду с КНР, была объявлена основным противником Вашингтона, стремящегося в период президентства Дж. Байдена консолидировать союзников по НАТО перед лицом мнимого усиления данных угроз. Североатлантический альянс, достигший в результате расширения на Восток западных границ России, устами своего руководства и отдельных членов декларирует откровенно русофобскую риторику. Участились попытки Запада (в основном США) переложить вину за гонку вооружений на Российскую Федерацию. В действительности же нарушение Соединёнными Штатами Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (принятого в 1988 г.), производство и поставка ими на боевое дежурство беспилотников, размещение в Польше, Румынии и Японии ракет МК-Н1 – вызвало ответные меры с российской стороны [12; 13; 14].

5) Культурно-психологический, идеологический и религиозный аспекты: антироссийские императивы и соответствующая риторика коллективного Запада становятся фундаментом современной международной политики, соперничества за умы и сердца с применением когнитивного инструментария, информационной войны против России [5; 7; 8; 19]. Это проявляется в демонизации и вытеснении всего русского и прямо или косвенно связанного с Россией, её достижениями и историческими этапами государственного могущества и международно-политического влияния. Речь идёт о феномене «культуры отмены» как производной русофобского курса Запада. Применение данного инструментария предназначено для исключения русской культуры из мирового коммуникационного пространства и организации цивилизационной блокады. К этому относятся и действия международных организаций по изоляции российского спорта. Реализуемая под влиянием коллективного Запада международная политика «культуры отмены» нашла системное воплощение в рамках постсоветского пространства для недопущения успешного развития евразийских интеграционных процессов, фундаментом которых выступает русская культура [20]. Происходит фальсификация истории на уровне системы образования и в рамках научного дискурса в западных и некоторых постсоветских

государствах, когда славные и героические страницы общего имперского и советского прошлого переписываются в нейтральном или откровенно русофобском духе [18; 21]. Своеобразным атакам подвергается русский язык, «выдавливаясь» методами государственной политики из сферы образования, культуры, информационного пространства и бытовых отношений [5; 11]. Русофобия осуществляется и под эгидой декоммунизации и десоветизации – борьбы с наследием, достижениями и проявлениями могущества советского многонационального государства со столицей в Москве, сформировавшегося на основе интегрирующей роли русского этноса – воплотившись в массовом переименовании населённых пунктов, демонтаже памятников, «подмене понятий» и придании забвению позитивных моментов советской эпохи [4; 10; 12]. Тенденцией русофобии можно считать и системное давление Запада на Русскую Православную Церковь в целях ослабления роли России как центра мирового православия, наиболее ярко проявившееся в ситуации на Украине. В глобальном измерении США стремятся разделить и ослабить мировое православие, а в локальном – разрушить исторические и духовные связи православия в Российской Федерации и в государствах, где таковое традиционно имело сильные позиции [1; 11; 12; 18; 22].

Таким образом, современная гибридная война и её производные – масштабные проявления русофобии – представляются следствием спланированных действий введомого Соединёнными Штатами коллективного Запада, являясь инструментом геополитического сдерживания России, а в дальнейшем – её ослабления и разрушения. Подобное соотносится с западными намерениями нивелировать идентичность русских как государствообразующего народа, установив контроль над российскими пространством и ресурсами, что подразумевает смену в нашей стране политического режима, обусловив её научно-технологическую и финансово-экономическую зависимость, потерю статуса сверхдержавы и одного из лидеров формирующегося миропорядка. В этом проявляются порождаемые политикой Вашингтона основные вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Ставшая следствием реализации указанных подходов русофобия, как инструмент гибридной войны, проявляясь на глобальном и региональном уровнях, воплощается в следующих аспектах: научно-философский аспект (философия прагматизма и конвенционализма, а

также идеи англосаксонской геополитики); международно-правовой аспект (политика двойных стандартов, безосновательные обвинения России и антироссийские санкции); экономический аспект (системные попытки нанесения максимального ущерба российской экономике по ряду направлений); военно-стратегический аспект (акцентирование России как противника на доктринальном уровне и антироссийские шаги – на практическом, учитывая перевооружение, нарушение действующих договоров и военно-стратегическое наступление Запада к российским границам); культурно-психологический, идеологический и религиозный аспекты (антироссийская информационная война, «культура отмены», фальсификация истории, притеснение русского языка, декоммунизация и десоветизация, давление на Русскую Православную Церковь).

Список литературы

1. Буянов В. С. Внешняя политика России: история и современность. М.: Международные отношения, 2024. 632 с.
2. Пашковский П. И., Крыжко Е. В., Крыжко Л. А. Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения // Регионоведение. 2025. Т. 33. № 1. С. 33–47.
3. Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение // Регионоведение. 2023. Т. 31. № 1. С. 30–45.
4. Стрелецкий Я. И. Русофобия: философско-социологический анализ // Межвузовский сборник научных трудов. Краснодар: ВВАУЛ, 2019. С. 323–328.
5. Баранов Н. А. Ценностные аспекты геополитического конфликта России и Запада // PolitBook. 2024. № 3. С. 180–194.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2005. 256 с.
7. Ильин А. Н. Русофобия как идеологический тренд в информационном пространстве Запада // Свободная мысль. 2020. № 1. С. 23–34.

8. Gutorov V. A., Myrikova A. V., Shirinyants A. A. Russophobia Concept in Modern Political Discourse // Political Expertise: POLITEX. 2023. Vol. 19. № 2. P. 166–177.
9. Неймарк М. А. Перед стратегическим выбором: новые императивы мировой политики // Проблемы постсоветского пространства. 2017. Т. 4. № 3. С. 184–201.
10. Boman B. The Coexistence of Nationalism, Westernization, Russification, and Russophobia: Facets of Parallelization in the Russian Invasion of Ukraine // International Politics. 2023. Vol. 60. P. 1315–1331.
11. Глазьев С. Ю. Что происходит. Доклад Изборскому клубу// Свободная мысль. 2022. № 5. С. 5–44.
12. Меркурьев В. В., Боброва О. В. Антироссийская риторика Запада: правовые и геополитические оценки // Обозреватель. 2023. № 5. С. 108–125.
13. Nitoiu C. The Path to Russia's 2022 Invasion of Ukraine: Moscow's Framing of Conflict and Cooperation with the West under Putin's Rule // Southeast European and Black Sea Studies. 2024. P. 1–19.
14. Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern // Foreign Affairs. 2016. Vol. 95. № 3. P. 2–9.
15. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).
16. National Security Strategy of the United States of America. 12 October 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).
17. The National Defense Strategy, the Nuclear Posture Review and the Missile Defense Review. 27 October 2022. URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).
18. Ильницкий А. М. Цивилизационные аспекты ментальной войны // Военный академический журнал. 2024. № 1. С. 5–10.

19. Wahlang J. Russophobia and the West: a Study on Europe Anti-Russian Sentiments // International Journal of Russian Studies. 2021. № 10. P. 115–123.
20. Багдасарян В. Э. и др. «Культура отмены»: феномен цивилизационного остракизма. Материалы экспертного круглого стола // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 4. С. 6–35.
21. Бедрицкий А. В. Внешние факторы внутренней русофобии // Внутренняя русофобия как главная угроза Российской государственности: Материалы форума: Сборник докладов и статей. М.: Горячая линия – Телеком, 2022. С. 222–226.
22. Панарин А. С. Православная цивилизация / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 377 с.

СИМВОЛИКА ВОЙНЫ И МИРА В РАССКАЗАХ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И ПОСЛЕВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ В КОСОВО И МЕТОХИИ

Петровиц М.Л.

*Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, Республика
Сербия, младший научный сотрудник
E-mail: masapetrovic01084@gmail.com*

***Аннотация.** Сербская проза Косово и Метохии, созданная после Второй мировой войны и до конца XX века, формировалась в условиях политических и исторических сложностей, без опоры на предшествующее наследие. Цель данного исследования – определить, можно ли в символике войны и мира выявить объединяющий поэтический элемент, который бы устанавливал связь между различными поэтиками косовско-метохийских прозаиков. На примере рассказов «Цыганский нож» Данила Николича, «Злое задание» Драгана Ристича, «Бабуш» Драгутина Мичовича и «Корыто» Светомира Арсича Басары проводится семантический и идеологический анализ символов войны и мира как продолжения конфликта другими средствами, а именно – идеологическими преследованиями и социальной несправедливостью. Особое внимание уделяется символике ножа, берета, покрытой мусульманской женщины и корыта, через*

которые авторы строят повествование о взаимоотношениях сербов и албанцев, насилии и взаимном (не)понимании, политических трансформациях, а также судьбе личности в условиях войны и послевоенного периода. Анализ показывает, что литература является важным хранителем коллективной памяти о Второй мировой войне и послевоенных событиях.

Ключевые слова: символика, война, мир, Вторая мировая война, Косово и Метохия, сербско-албанские отношения, послевоенная проза Косово и Метохии.

THE SYMBOLISM OF WAR AND PEACE IN SHORT STORIES ABOUT WORLD WAR II AND POST-WAR CONFLICTS IN KOSOVO AND METOHIJA

Petrović M.L.

Institute for Serbian Culture Prishtina - Leposavic, Republic of Serbia

Junior research assistant

E-mail: masapetrovic01084@gmail.com

Abstract. *Given that Serbian prose from Kosovo and Metohija, produced in the aftermath of World War II and up until the late 20th century, developed under complex political and historical circumstances, without reliance on a preceding literary tradition, this paper aims to determine whether the symbolism of war and peace reveals a unifying poetic element that establishes a connection among the diverse poetics of Kosovo-Metohija prose writers. Through the analysis of the short stories *The Gypsy Knife* by Danilo Nikolić, *The Evil Assignment* by Dragan Ristić, *Babuš* by Dragutin Mićović, and *The Trough* by Svetomir Arsić Basara, this study conducts a semantic and ideological examination of the symbols of war and peace, understood as the continuation of conflict through alternative means—specifically, ideological persecution and social injustice. Particular attention is given to the symbolism of the knife, the beret, the veiled Muslim woman and the basin, through which the authors construct narratives on Serbian-Albanian relations, violence and mutual (mis)understanding, political transformations, as well as the fate of the individual in times of war and the post-war period. The analysis demonstrates that literature serves as a crucial repository of collective memory regarding World War II and the post-war era.*

Keywords: *symbolism, war, peace, World War II, Kosovo and Metohija, Serbian-Albanian relations, post-war prose of Kosovo and Metohija.*

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы НИО по договору, заключенному с Министерством науки, технологического развития и инноваций РС № 451-03-136/2025-03 от 27 января 2025 года.

Когда упоминается война в Косово и Метохии, чаще всего вспоминаются последние конфликты 1999 года и начала 2000-х годов. Однако следует учитывать, что корни этих конфликтов уходят в период Второй мировой войны, и что важно рассматривать соотношение войны и мира в Косово и Метохии через призму анализа отношений между сербами и албанцами до, во время и после Второй мировой войны. Указанные конфликты конца XX и начала XXI века, которые продолжаются в некоторых районах и по сей день, являются прямым следствием событий 1944 и 1945 года, а также крупного конфликта между сербскими партизанами и баллистами или албанскими партизанами и баллистами [1, с. 173–174]. Этот тройственный конфликт в изменённых формах продолжился в мирное время и стал ключевым для понимания сегодняшних отношений. Поэтому в данной статье мы обращаемся к интерпретации сербской прозы, созданной после 1945 года и тематически посвящённой вышеупомянутому военному конфликту и его мирным вариантам, чтобы увидеть, как литература сохраняет коллективную память о периоде войны и мира в Косово и Метохии.

Прежде чем приступить к анализу самих литературных произведений, важно отметить, что сербская проза, создававшаяся на территории Косова и Метохии после Второй мировой войны, не имела идейно-стилевой непрерывности с литературой, созданной в период между мировыми войнами [2, с. 216]. Её начало было «жестoko реальным, необычайно трудным и тяжёлым: как будто письменное слово появилось в этой местности впервые, как будто не существовало многовековой традиции литературного творчества» [3, с. 6]. Похоже, что за короткий промежуток времени коммунистическая послевоенная идеология и благодарность сербов за то, что они выжили и обрели свободу, разорвали связи с прошлым и определили дальнейшее развитие прозаического творчества. Общеизвестное стремление к

утверждению идеи братства и единства среди многонационального и многоконфессионального югославского народа оказало влияние на то, как сербские писатели из Косова и Метохии стали освещать темы войны и мира.

Хотя, зная историю, читая многочисленные военные свидетельства и изучая другие вещественные доказательства, мы могли бы ожидать, что сербские писатели будут изображать плохие отношения между сербами и албанцами, открыто говорить о насилии, совершённом против сербского народа во время войны, о жестоких убийствах и изнасилованиях, однако ситуация была иной. В своих рассказах они тематизировали свою привязанность к албанцам как к людям с другим языком и другими обычаями, при этом в основном игнорируя их поступки, а также самокритично размышляя о собственных недостатках в контексте взаимных конфликтов, что подчёркивает их стремление к более глубокому и объективному осмыслению исторических и культурных различий, а также роли этих различий в процессе формирования коллективной идентичности и восприятия. Такое письмо подтверждает понимание писателей, что «сербь из Косово никогда не будут ненавидеть шиптаров» [4, с. 67] и что они всегда будут стремиться к принятию модели уравнивания народов и культур, основанной на взаимном уважении и признании исторической и культурной уникальности каждого народа. В этом контексте подчёркивается, что, несмотря на все исторические конфликты и сложности, необходимо искать пути к гармонии и солидарности, что становится важным аспектом не только личного, но и общественного восприятия.

Подобные поэтические и идеологические устремления уже присутствуют в рассказе Данила Николича «Цыганский нож», где рассказчик от первого лица передаёт атмосферу послевоенного г. Печ. Кратко затронув военные события, повлиявшие на описываемую им жизнь, он утверждает, что в наибольшей степени от военного конфликта и захвата территории Косова и Метохии великими державами пострадали сербы и черногорцы: «Всё сразу изменилось, когда пришли немцы, их сменили итальянцы, а затем восстали баллисты. Когда рухнуло здание без фундамента – Югославия. [...] Сербь и черногорцы – угнетённые, сожжённые, избитые и убитые, изгнанные, и даже если они могли остаться, не осмеливались купить ничего, что могло бы быть оружием» [5, с. 32]. В этой атмосфере преследования сербского народа после войны, как отмечает рассказчик,

роли поменялись: сербы, а точнее югославы, начали расправляться с оставшимися сторонниками баллистического движения, бунтарями и преступниками. Однако в центре его повествования не эти эпизоды, а развитие истории хулигана Мони Мюрета – мусульманского цыгана и коллаборациониста, который становится символом своей эпохи и социальной среды. Развивая символику ножа, который Мони изготавливает сам, как предмета, кормившего его в довоенный период и защищавшего в послевоенный, рассказчик воссоздаёт атмосферу послевоенного времени, в которой сталкиваются не только сербы и албанцы, но и сами албанцы, соперничая за женщин, работу и социальное положение.

Особенно заметен символ мусульманских женщин в чадрах, под которыми маскируются албанские преступники, чтобы скрыться от врагов. Это пример того, как в послевоенную эпоху происходит упадок ценностей, когда священные религиозные принципы утрачивают своё значение и как деидеализированное общество создаёт условия для религиозной нетерпимости и угрозы для женщин, носящих чадру по религиозным убеждениям. Отрывок из рассказа: «Печ был очернён ходячими призраками, с головы до ног покрытыми тёмным шёлком, с прорезью для глаз в вуали, скрывающей их лица» [5, с. 22] ярко иллюстрирует то, как преступные действия отдельных албанских группировок способствовали усилению религиозной нетерпимости и формированию восприятия мусульманских женщин как призрачных, лишённых индивидуальности фигур. В этом контексте чадра теряет своё изначальное сакральное значение и начинает ассоциироваться не с религиозной традицией, а с образом угрозы и социальной изоляции.

Несколько иную художественную интерпретацию военного времени предлагает рассказ Драгана Ристича «Злое задание», в котором символ берета становится средством передачи смысловых и идеологических посланий о конфликте между четниками и партизанами в Косово и Метохии. Кроме того, через этот символ раскрывается внутренняя драма героя Павла, которому поручено убить отца своего друга детства, подозреваемого в пособничестве четникам. Это «обращение повествования к военной тематике, фактически к моральным дилеммам на войне – убивать или не убивать, мстить или не мстить» [3, с. 30] оформлено символикой оружия как предостережение, моральный регулятор, пробуждающий совесть в герое и напоминающий ему, что даже на войне нужно оставаться человеком и не поддаваться бессердечному выполнению приказа.

Используя необычную повествовательную перспективу от второго лица единственного числа, рассказчик описывает Вторую мировую войну как символическую борьбу внутри человеческой природы, борьбу между зверем и человеком, между животным инстинктом и человеческим разумом.

Строки поражают: «И ты думаешь, что Станица не может прочесть твои намерения, что она видит в тебе врага и что она может выплюнуть его тебе в лицо и выгнать из тебя Человека, разбудив Зверя, который будет реветь. И она этого не делает, она с таким теплом ещё больше убаюкивает Зверя в тебе и не даёт уйти Мужчине – он присутствует в тебе, и пока она обнимает тебя, как сына, Мужчина в тебе плачет, и ты плачешь вместе с ним, хотя Бог знает, как давно ты не видел слёз» [6, с. 42], которые показывают, что борьба внутри человека столь же трудна, если не труднее, чем та, что происходит на поле боя. В данном фрагменте глубоко раскрывается концепция нравственного кризиса, переживаемого героем; демонстрируется, что война ведётся не только против внешнего врага, но и против собственных страхов, сомнений и инстинктивных побуждений. Автор умело использует символику Человека и Зверя, чтобы подчеркнуть внутреннюю дуальность личности, в которой сострадание и жестокость вступают в непримиримое противостояние, создавая напряжение, разрешение которого невозможно без осознания собственной человеческой сущности. Таким образом, произведение выходит за рамки конкретного исторического контекста, превращаясь в философское размышление о природе морали в условиях экстремального насилия и приобретает универсальное художественное значение.

Рассказчик углубляет моральную дилемму героя Павла, ставя перед ним вопрос о последствиях его решения: что произойдёт, если он вернётся в партизанский коллектив, не выполнив приказ, какова будет его дальнейшая судьба и не поступят ли с ним боевые товарищи как с «паршивой собакой» [6, с. 44]. При этом автор расширяет значение символической оппозиции «человек – зверь», вводя в неё мотив дьявола, что переводит конфликт из сферы чисто психологических и этических размышлений в область религиозной интерпретации. Цитата: «Приходит время, когда дьявол входит в человека, заставляет его нападать на чужую жизнь, пробуждает в нём злые силы, и он становится злым, зверем, причём самым страшным, самым кровожадным зверем. Вот какой человек, которого ограбила война, и он потерял рассудок» [6, с. 46], подчёркивает трансформацию

личности под влиянием военной действительности и крайних моральных испытаний. Этот фрагмент свидетельствует о том, что война не просто разрушает привычные социальные нормы, но и подчиняет индивидуальную моральную систему человека логике насилия, превращая его в существо, действующее не по собственному выбору, а под воздействием иррациональных, тёмных сил. Сопоставление зверя и дьявола усиливает представление о деградации личности: если образ зверя можно трактовать в контексте инстинктивного выживания, то мотив дьявола предполагает полное моральное падение, потерю способности к раскаянию и осознанию границ дозволенного. Таким образом, через психологическую глубину персонажа и символическую многослойность образов рассказ поднимает не только вопрос индивидуальной этики в условиях войны, но и более широкую тему природы зла и его воздействия на человеческую сущность.

Иную интерпретацию событий Второй мировой войны предлагает рассказ «Бабуш» Драгутина Мичовича, писателя, заслужившего репутацию «одного из лучших летописцев Метохии военного периода, особенно г. Печ в годы оккупации, а также до и после этого времени» [3, с. 51]. В этом рассказе изображено стремление отдельных сербов и албанцев продемонстрировать свою лояльность перед многочисленной немецкой армией и администрацией, сделать всё возможное для того, чтобы план Гитлера в Косово и Метохии мог быть беспрепятственно реализован, извлечь выгоду и обеспечить себе более выгодное социальное и материальное положение. В главном герое, полицейском Бабуше, мы видим покорную фигуру, человека, который без эмоций и раздумий выполняет поставленную перед ним задачу, и который без колебаний одинаково относится как к своим, так и к чужим. Эта безличностная и подчинённая позиция героя отражает трагическое состояние человека, который утратил моральные ориентиры и стал инструментом более мощной силы, не ставя под сомнение приказы, получаемые от властей. Из слов его начальника Сейди-бея: «Оборона великого германского рейха – это также наше интимное дело», – ответил Сейди-бей по-немецки. «Скажи нам, что нам делать [...] Мы должны обезопасить дорогу на Митровицу. Особенно мосты. Бабуш, от Руговы до Лютовицы и Митровицы, у дяди Гитлера не должна ни одна волоска упасть. «Я дал бесу» [7, с. 143], читатель замечает, что данный фрагмент подчёркивает полное подчинение местных сил власти,

которые, несмотря на свою этническую принадлежность, становятся на службу иностранной оккупационной силе.

Это иллюстрирует моральную деградацию и разрушение национальных идентичностей в условиях войны. Поведение Бабуша, лишённого внутренних переживаний и размышлений, указывает на превращение человека в механического исполнителя, который выполняет приказы без осознания их моральных последствий, что делает его символом утраты человеческой свободы и достоинства в условиях диктатуры и тоталитаризма. Тонкий акцент на обещаниях и обязательствах, таких как «Я дал бесу», подчёркивает безусловную преданность идеологическим и политическим структурам, что, в свою очередь, указывает на постепенную утрату личной автономии и поглощение индивида внешними силами, что отражает не только судьбу персонажа, но и более широкий феномен подчинения личности тоталитарным режимам. Этот фрагмент также поднимает важный вопрос о моральной ответственности индивида в условиях войны. Бабуш, выполняя приказы без какого-либо внутреннего сопротивления, становится примером того, как человек может утратить чувство личной ответственности, поддаваясь внешнему давлению и идеологической манипуляции. Важно отметить, что его отношения с начальником Сейди-беем показывают не только подчинение, но и механизм коллективного согласия, в котором личные убеждения исчезают, уступая место безусловной лояльности к власти, независимо от её моральных оснований.

Отсутствие морали характерно и для послевоенного периода, который в рассказе Светомира Арсича Басары «Корыто» изображён как продолжение конфликта иными средствами, а точнее, распространением социальной несправедливости. В этой истории с её ярко выраженной интимной биографической тематикой используется символ детской кровати, сделанной из дерева героем Николой, чтобы заработать деньги для своей семьи и пережить суровую и холодную зиму, чтобы рассказать о судьбе, ожидающей ветеранов войны. Рассказчик откровенно говорит о том, как те, кто отдал больше всего сил в борьбе за сохранение независимости своей родины после войны, оказываются на грани существования, что подтверждается следующими строками: «Его предал тот, кому он служил вернее всего». Он вспомнил надпись на медали, полученной им за храбрость: «За верность Отечеству». И он был ей по-настоящему верен! И что она дала ему в обмен на его преданность? Ничего! Он стал рабом,

простолюдином, живущим охотой [...] Вот он, этот воин, который не умел отступать даже на шаг, когда мог» [8, с. 155]. Анализируя данную цитату, можно заметить глубокую критику общественного устройства, которое предаёт своих героев. Главный герой, бывший солдат, верно служивший своей родине, теперь оказывается в ситуации, далекой от того, что следовало бы ожидать от человека, который принёс такие жертвы.

Это отчаяние подчёркивается ярким контрастом между его заслугами в прошлом и тяжелой борьбой за выживание в настоящем. Фраза «Его предал тот, кому он служил» вернее всего выражает трагическую иронию: человек, отдавший всё ради своей страны, теперь оказывается без всякой поддержки и признания. Этот контраст ставит вопрос о справедливости вознаграждения тех, кто пожертвовал всем ради общего блага, что связано с социальной несправедливостью в послевоенном обществе. Данный фрагмент также исследует отношения между верностью к родине и реальностью, которая наступает после войны. Медаль «За верность Отечеству», которую солдат получил, становится символом несбывшихся надежд, поскольку она не принесла ему ни материальных, ни социальных преимуществ. Вместо этого он стал «рабом, простолюдином», что указывает на резкое падение его социального статуса и является метафорой для более широкой картины послевоенной нестабильности. Этот образ демонстрирует, как послевоенное общество не ценит тех, кто принёс наибольшие жертвы, превращая их в маргинализированных и забытых людей. Наконец, последняя фраза цитаты «Вот он, этот воин, который не умел отступать даже на шаг, когда мог», усиливает трагизм ситуации, противопоставляя стойкость солдата в бою и его нынешнее унижённое положение. Эта строка подчёркивает, что общество не ценит героизм и верность, что ведёт к его забвению. Таким образом, автор раскрывает не только внутренний конфликт героя, но и критикует более широкую социальную несправедливость послевоенного общества, где ветераны становятся забытыми жертвами войны.

Как можно заключить из ранее приведённых и проанализированных примеров литературных текстов Николича, Ристича, Мичовича и Арсича в сербской прозе Косово и Метохии, символы, изображающие Вторую мировую войну и последовавший за ней мирный период, играют ключевую роль в сохранении коллективной памяти, поскольку они освещают исторические

конфликты и события мирного времени, сформировавшие идентичность народа. Используя символы, связанные с взаимоотношениями между сербами и албанцами, жертвами войны, патриотизмом, а также социальной несправедливостью, писатели из этого региона передают послание, которое позволяет глубже понять конфликты и послевоенные трудности, отразившиеся на социальных и этнических отношениях в регионе. Такой подход не только художественно сохраняет историю, но и предоставляет ключевое представление о сложности сегодняшних отношений между сербами и албанцами в Косово, способствуя диалогу и взаимопониманию в контексте долгосрочного исторического опыта.

Список литературы

1. Антонијевић, Н. Албански злочин над Србима на Косову и Метохији у Другом светском рату. Документа. Београд: Музеј жртва геноцида, 2009. 208 с.
2. Бован, В. Народно стваралаштво и књижевност //Косово и Метохија током векова: зубља Приштина: Григорије Божовић, 1999. С. 119–232.
3. Костић, Д. Српска проза на Косову и Метохији (1945–2000). Лепосавић: Институт за српску културу – Приштина, 2002. 95 с.
4. Милидраговић, Б. Продан на Косову. Београд: Народна књига, 1984. 149 с.
5. Николић, Д. Цигански нож// Свила у пепелу – антологија српске прозе Косова и Метохије 1945 – 2000. Приштина: Институт за српску културу, 2000. С. 20–34.
6. Ристић, Д. Зли задатак// Свила у пепелу – антологија српске прозе Косова и Метохије 1945 – 2000. Приштина: Институт за српску културу, 2000. С. 35–48.
7. Мићовић, Д. Бабуш// Свила у пепелу – антологија српске прозе Косова и Метохије 1945 – 2000. Приштина: Институт за српску културу, 2000. С.140–148.
8. Арсић Басара, Д. Корито // Свила у пепелу – антологија српске прозе Косова и Метохије 1945 – 2000. Приштина: Институт за српску културу, 2000. С. 149–172.

СТРАТЕГИЯ «ШИ» КАК КИТАЙСКОЕ ИСКУССТВО ВОЙНЫ

Романович Н. А.

Доктор социологических наук

*РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал),
профессор кафедры политологии и политического управления;
генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас»
E-mail: nelly@qualitas.ru*

Аннотация. В статье изложены тезисы древнекитайского мудреца Сунь-Цзы относительно нюансов военного искусства. Умудренные наставлениями Сунь-Цзы, восточные народы неоднократно одерживали победу над западными войсками. В числе разработанных Сунь-Цзы советов есть указания на стратегию «ши», которой должен придерживаться полководец, если желает добиться успеха. Стратегия «ши» касается не только военных, но и психологических приемов, используемых для победы над противником. Изречения древнекитайского мудреца Сунь-Цзы получили популярность и на Западе в виде изданий «Искусства войны», которые оказались востребованы не только в процессе военных сражений, но и в процессе управления государством.

Ключевые слова: военное искусство, победа, поражение, восточная мудрость, стратегия «ши».

SHI STRATEGY AS A CHINESE ART OF WAR

Romanovich N.A.

Doctor of sociological sciences

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Voronezh branch, Professor of Political Science and Political Governance Department,
General Director of the Public Opinion Institute "Qualitas".
E-mail: nelly@qualitas.ru*

Abstract. The article presents the theses of the ancient Chinese sage Sun Tzu regarding the nuances of military art. Having learned from Sun Tzu's instructions, the Eastern peoples have repeatedly defeated Western troops. Among the advice developed by Sun Tzu are indications of the "shi"

strategy, which a commander must adhere to if he wants to achieve success. The "shi" strategy concerns not only military, but also psychological techniques used to defeat the enemy. The sayings of the ancient Chinese sage Sun Tzu have also become popular in the West in the form of publications of "The Art of War", which have proven to be in demand not only in the process of military battles, but also in the process of governing the state.

Keywords: *military art, victory, defeat, eastern wisdom, "shi" strategy.*

Различия в культурах разных народов особенно становится явным, когда они сталкиваются на поле боя. Противники ждут друг от друга примерно той же тактики и стратегии, которой бы они следовали сами, если бы были на противоположной стороне. Зачастую их ждет стресс и шок, если они будут упорствовать в этом заблуждении. Хорошо вооруженная и многочисленная армия вопреки всякой логике терпит поражение. Так случилось в период гражданской войны в Китае XX столетия, когда многочисленная Гоминдановская армия, укрепленная союзом с Японией, столкнулась с нелогичными действиями ученика Сунь-Цзы Мао Цзэдуна и потерпела поражение фактически от горстки плохо вооруженных крестьян. Так случилось и во время вьетнамской войны в действиях Хо Ши Мина и Во Нгуен Зиапа, использовавших принципы Сунь-Цзы о непрямых атаках и психологических сражениях против Франции и потом против Соединенных Штатов.

Кто такой Сунь-Цзы? Древний китайский мудрец, написавший трактат «Искусство войны», который отразил нюансы вековой восточной мудрости военного искусства. Это о нем советник президента США по национальной безопасности (в 1969–1975 годах) и государственный секретарь США (в 1973–1977 годах) Генри Киссинджер скажет: «Пренебрежение его наставлениями явилось главной причиной американских фиаско в азиатских войнах» [1, с. 42].

Какие же наставления давал Сунь-Цзы воюющей армии? Он слагал свой трактат красивым слогом, стихами, потому что невозможно учить гармонии негармоничным методом. Логистика военных действий представлялась ему следующей.

*«Высшим совершенством является
Не достижение победы в каждом сражении,
А нанесение поражения противнику,*

*Даже не начиная битвы.
Наивысшей формой войны
Является удар по стратегии [неприятеля];
Следующим шагом следует
Нападение на его союзников.
Дальше следует атаковать армии;*

*Самой низкой формой войны
Является нападение на города.
Осада как война
Является последним средством...
Опытный стратег наносит поражение врагу
Без развязывания сражения,
Захватывает города без их осады,
Сваливает государства противника
Без продолжительных войн» [2, с. 18].*

Для Сунь-Цзы победа – это не просто триумф вооруженных сил, наоборот, это достижение тех наивысших политических целей, которые, как предполагалось, могли бы быть обеспечены при помощи военного столкновения. Гораздо лучше вызова противника на поле боя подрыв его морального духа или втягивание его на невыгодные ему позиции, откуда спасение невозможно. Поскольку война есть крайне ужасное и сложное мероприятие, стратегия сводится к психологическому соревнованию. Фактически, учение Сунь-Цзы есть собрание неявных тактических приёмов и система непрямых ходов, используемая для достижения скрытой цели, получения преимущества и перехвата инициативы.

Отдельной строкой в учении Сунь-Цзы о военном искусстве стоит следование стратегии «ши». Стратегия «ши» означает умение определить направление развития событий и поставить этот «путь» на службу своим целям. Если попробовать найти западный или российский эквивалент китайского понятия «ши», то, пожалуй, придется сделать вывод, что такового прямого эквивалента не существует. Приходит на ум только цитата из Евангелия, когда Христос сочувственно отвечает ослепленному и упавшему на колени Савлу, который позже делается апостолом Павлом: «Трудно тебе идти против рожна» [3]. Это присловье несет мысль о тщетности усилий противодействовать неодолимому, тому направлению, куда стремится

поток событий. Точно так же, как трудно одинокому человеку идти против движения толпы.

В военном смысле китайское понятие «ши» имеет дополнительное значение, близкое понятию стратегического направления, и означающее *«потенциальная энергия»* развивающейся обстановки. По убеждению Сунь-Цзы успешный полководец *выжидает, перед тем как очертя голову ринуться в схватку*. Мудрый командир отклонится от столкновения с мощью противника, он предпочтет заняться наблюдением и обработкой данных об изменениях на стратегическом ландшафте. Умудренный военный проводит подготовительные мероприятия и изучает моральный дух противника, экономно расходует ресурсы и четко определяет их назначение, играет на слабостях своего противника – до тех пор, пока наконец не почувствует, что *настал момент нанести врагу удар в его самое уязвимое место*. Затем он спешно и неожиданно для противника размещает свои ресурсы и наносит решающий удар.

Для того, чтобы понять и не ошибиться с направлением «ши», годятся все подручные способы и методы. Как утверждал Сунь-Цзы, в военном или политическом противостоянии все относительно и все взаимосвязано: погодные условия, формы местности, дипломатическая активность, шпионские донесения и агентурные данные, снабжение и работа тыловых служб, соотношение сил, общие исторические предпосылки, а также такие нематериальные факторы, как внезапность, моральный дух. Не бывает изолированных друг от друга событий. Каждый фактор влияет на другие, придавая тончайший импульс движению в ту или иную сторону и давая тем самым относительное преимущество. Ни одна из конкретных совокупностей факторов не является статичной, каждый пример верен для конкретной ситуации и в конкретном контексте.

Опытный полководец, пользуясь всеми подручными средствами, должен сам определить направление неведомой энергии «ши», а затем принимать правильное решение в русле «пути войны» (Сунь-Цзы иногда использует «путь войны» в качестве синонима стратегии «ши»). А дальше следует детальный совет: «Если, согласно Пути войны, ты должен победить, непременно сражайся, хотя бы государь и говорил тебе: «Не сражайся». Если согласно Пути войны, получается так, что ты не можешь победить, тогда не сражайся, хотя бы государь и говорил тебе: «Непременно сражайся». Поэтому полководец, который идет в наступление не ради славы и отступает не потому, что страшится

наказания, который печется только о людях и служит только во благо государю и в согласии с ним, есть сокровище государства» [2, с. 32].

Прочитав эти строки, военный западного толка помыслит про себя: «Это сокровище, пожалуй, приговорят к расстрелу. Дисциплинка-то у китайцев хромает»... А вот русский генерал Скобелев, был готов и к расстрелу за непослушание командованию, лишь бы ему разрешили занять Константинополь (Стамбул), так как был уверен в победе. В 1878 году авангард Скобелева подошел к Константинополю и занял предместье Сан-Стефано (до храма св. Софии км 15, её видно невооруженным глазом). Один рывок – и город у его ног, но у Скобелева нет приказа заходить в город, более того, есть распоряжение в город не входить. Генерал Скобелев в донесении великому князю Николаю Николаевичу писал: «Давайте я без Вашего спроса займу город, вопреки Вашему приказу, а на следующий день Вы меня арестуете и расстреляете. Но с одним условием: город мы потом никому не отдадим!» [4]. Скобелева считали «заговоренным», так как его пуля не брала и победы следовали одна за другой... А может, разгадка в том, что Михаил Скобелев правильно просчитывал «путь» войны, опираясь на свою интуицию и опыт, следовал стратегии «ши», даже не будучи знаком с трудами древнекитайского мудреца...

Из прочитанного можно сделать вывод, что стратегия «ши» представляет собой лишь умение подстраиваться под обстоятельства, а не влиять на них. Но это не так. Цель успешного полководца заключается в том, чтобы различными маневрами сделать противника слабым, а самому построить собственное «ши», или стратегическую позицию. Из изречений Сунь-Цзы: «Тот, кто искушен в делах войны, управляет противником и не позволяет ему управлять собой» [2, с. 23]. Самое главное, к чему надо стремиться, так это добиться гармонии в данном процессе (гармония важнее победы!).

Пример, каким образом выстраивали свою стратегию «ши» ученики Сунь-Цзы можно взять из XX века. В октябре 1962 года Мао Цзэдун (лидер Китая) собрал военных и политиков на встречу в Пекине. В 2-х тысячах миль к западу китайские и индийские войска оказались на грани столкновения из-за территориального спора (участок границы, на который претендовали оба гос-ва). Переговоры зашли в тупик [1, с.17-18].

Что сделал Мао Цзэдун? Он собрал срочное совещание и поведал своим соратникам, что за всю историю отношений Китай и Индия провели в общей сложности полторы войны. Первая война произошла

более 1300 лет назад во время правления династии Тан (618-907 гг.), когда Китай направил войска, чтобы поддержать одно из индийских княжеств против незаконного и агрессивного врага. После вмешательства несколько веков Китай и Индия жили мирно. «Полвойны», по мнению Мао, произошло 700 лет назад, когда монгольский правитель Тамерлан разграбил Дели. Тамерлан добился выдающейся победы, но, находясь в Индии, его армия уничтожила более 100 тыс. пленников. Мао Цзэдун пояснил, что поскольку Монголия и Китай были в то время частью одной политической общности, это была «половинка китайско-индийской войны».

Урок древнего похода свидетельствовал, по мнению Мао, что у Китая и Индии нет причин для вечной вражды. Наоборот, между ними может вновь воцариться долгий и крепкий мир. Китаю следует лишь применить силу и подтолкнуть Индию снова сесть за стол переговоров. В отличие от жестокого Тамерлана (действия которого правитель не одобрял) Мао Цзэдун потребовал от китайских войск проявить «сдержанность и принципиальность».

Удивительно, что никто из окружения Мао Цзэдуна не поставил под сомнение связь прецедентов прошлого с текущими задачами Китая, хотя руководство коммунистической партии стремилось изменить мировой порядок и отказаться от феодального прошлого. Кто бы сегодня в других странах стал всерьез слушать историю тысячелетней давности, чтобы запланировать военную операцию?

Для выстраивания собственной стратегии «ши» нападение планировалось с применением сформулированных Мао Цзэдуном принципов. Китай нанес внезапный сокрушительный удар по индийским позициям, а затем отступил на прежнюю линию контроля, пойдя при этом даже на то, чтобы вернуть захваченное индийское тяжелое вооружение.

Мао Цзэдун оказался прав – страны возобновили переговоры, и конфликт был решен. Ни в одной другой стране никогда современный лидер не предпринял бы военное действие, опираясь на принципы и события тысячелетней давности, и не мог бы рассчитывать на понимание со стороны своих коллег. Это было возможно только в Китае с его уникальной историей, уходящей в неисчисляемую древность, и уникальными мудрецами, советы которых не имеют срока давности.

По мнению Генри Киссинджера, никто не может сравниться с Китаем в убеждении и понуждении своих соседей к уступкам [1, с. 18].

Можно предположить, что такие уникальные способности китайских дипломатов тоже связаны с причастностью к древней мудрости, стремлением уловить «дух времени» и умением выстроить собственную стратегию «ши».

Следует отметить, что Сунь-Цзы получил как бы вторую жизнь на Западе в виде популярных изданий «Искусства войны», превративших его в гуру современного делового управления. И в наше время крылатые выражения Сунь-Цзы читаются как изречения, отвечающие духу сегодняшнего дня, способные проникать в суть вещей, что ставит его в один ряд с наиболее знаменитыми мыслителями-стратегами мира.

Список литературы

1. Киссинджер Г. О Китае / Генри Киссинджер: [перевод с английского В.Н.Верченко]. М.: Издательство АСТ, 2023. – 640 с.
2. Ли Синбинь, Су Иань. Военная мысль Китая. М., 2022. – 175 с.
3. Новый Завет. Деяния апостолов. 9:5.
4. Мединский В. Рассказы из русской истории. Скобелев. Белый генерал. URL: <https://historyofrussia.mave.digital/ep-90>

КОНКРЕТНОЕ, ОБОБЩЕННОЕ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ БАТАЛЬНОГО ЖАНРА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗ СОБРАНИЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИМ. М.П. КРОШИЦКОГО И СОВРЕМЕННЫХ РАБОТ КРЫМСКИХ, ДОНЕЦКИХ И ЛУГАНСКИХ ХУДОЖНИКОВ)

Сайгушкина Т.П.

*Севастопольский художественный музей им. М.П. Крошицкого,
старший научный сотрудник
E-mail: saigu@yandex.ru*

Аннотация. Ставится проблема изучения современных работ о Великой Отечественной войне и Специальной военной операции. Рассматриваются и сравниваются живописные и графические произведения художников-фронтовиков и поколения детей войны из

собрания Севастопольского художественного музея имени М.П. Крошицкого и наших современников.

Ключевые слова: война, СВО, Великая Отечественная война, батальный жанр, натюрморт, живопись, графика.

**THE CONCRETE, GENERALIZED AND SYMBOLIC IN THE
VISUAL ART OF THE BATTLE GENRE
(USING THE EXAMPLE OF WORKS FROM THE
COLLECTION OF THE SEVASTOPOL ART MUSEUM NAMED
AFTER M.P. KROSHITSKY AND MODERN WORKS BY
CRIMEAN, DONETSK AND LUGANSK ARTISTS)**

Saygushkina T.P.

*Senior Researcher Sevastopol Art Museum
named after M.P. Kroshitsky
E-mail: saigu@yandex.ru*

Abstract. *The problem of studying modern works on the Great Patriotic War and the Special Military Operation is posed. The article examines and compares the paintings and graphic works of front-line artists and the generation of war children from the collection of the Sevastopol Art Museum named after M.P. Kroshitsky and our contemporaries.*

Keywords: *war, OWN, the Great Patriotic War, battle genre, still life, painting, graphics.*

Задачи работы художественного музея – не только сохранение, изучение и популяризация произведений прошлого, но и выявление новых имен, тем, проблем в изобразительном искусстве. В том числе для патриотического воспитания средствами искусства.

Идет специальная военная операция. Она выявляет примеры необыкновенного героизма, красоты и высоты человеческого духа. Художники уже начинают фиксировать события, осмыслять и обобщать их, вновь возвращаясь к теме «человек на войне». Здесь искусствоведение и художественная критика отстают, так как серьезных работ на эту тему нет. Можно возразить, что еще рано, война не закончилась, но сбор материала, его систематизация и начальное осмысление должны проходить уже сейчас. Тем более, что у нас есть произведения донецких и луганских художников, для которых война длится уже более десяти лет. «Большое видится на расстоянии»,

полноценное значение батального творчества этих лет мы осознаем позже, спустя не один год после окончания войны, когда мелкое отбросится, а важное укрупнится. Но отбор и систематизация нужны уже сейчас. Материала для изучения немного, так как выставок на эту тему почти нет, а публикуют такие работы больше социальные сети, чем государственные СМИ. Помочь может сравнительный метод, когда произведения о Великой Отечественной войне прошлых лет мы можем сравнить с современными работами о войне, ведь художники военных лет и послевоенной поры пользовались теми же методами художественного осмысления и воплощения, что и современные живописцы, и графики. И доказать это – главная цель этой статьи.

Задачи для достижения этой цели традиционны - подбор, систематизация и обзор работ на тему о Великой Отечественной войне из собрания Севастопольского художественного музея им. М.П. Крошицкого и работ современных крымских, донецких и луганских художников на тему Великой Отечественной войны, Русской весны и Специальной военной операции; выявление методов визуального изучения, обобщения и подачи военной темы авторами разных поколений и сравнение их. Это будут произведения, как уже имеющие историю, так и написанные недавно.

Поводом для изучения стала совместная выставка донецких, луганских и крымских художников, экспонировавшаяся всего два дня в ноябре 2022 года в Севастопольском центре культуры и искусства. Автору статьи повезло побывать на ее открытии, пообщаться с художниками, представившими свои работы.

Параллели напрашивались сами собой.

Сравним эскизы «репортажного» характера и картины-«фиксации», встреченные на выставке, например, «Освобождение» (2022, холст, акрил) донецкого художника Радмира Кочанова (р.1970), или портреты, сочетающие изображения отдельных людей, но выбранных, как воплощение Воина, Защитника (Владимир Скибицкий (р. 1951) из Донецка в «Портрете ополченца. Позывной «Мора» (2021, холст, масло); Артем Фесенко (р. 1981) из Луганска в сурово лиричном портрете «Позывной «Маэстро». Шире шаг», где изображен солист Луганской филармонии Сергей Чуйков; Сергей Кондрашов из Луганска «Освободители» (2016, холст, масло) с работами художников-ветеранов Великой Отечественной войны, очевидцев изображенных ими событий.

В собрании Севастопольского художественного музея им. М.П. Крошицкого есть живописные этюды и рисунки 1941-1942 и 1944 годов Константина Дорохова (1906-1960), выполненные в осажденном и уже освобожденном Севастополе; зарисовки Севастополя 1944-го года и Будапешта 1945-го Сергея Исидоровича Владимирова (1907-1981) и замечательный живописный этюд Н.С. Сергеева (1908-1989) «Севастополь. Центральный городской холм» (1944, картон на оргалите, масло, СХМ им. М.П. Крошицкого). Целью и работ фронтовиков 1940-х, и наших современников было не только отразить свои чувства и мысли, находясь в воюющем или лежащем в руинах городе, но и фиксировать происходящее для возможного написания в будущем одной или цикла работ.

Такие работы появились у фронтовиков после войны: у Виктора Ивновича Толочко (1982-1987) – «Партизаны» (1982-1987, холст, масло, СХМ им. М.П. Крошицкого), автопортреты разных лет участника обороны Москвы Зиновия Ивановича Филиппова (1923-2012).

Великая Отечественная война внуками победителей сейчас, когда вновь идет борьба с фашизмом, переосмысливается и прочувствуется по-новому. К этой теме обращаются и художники, ранее далекие от войны, как евпаториец Иван Кудрявцев (р.1984), в своих работах ведущий непростой разговор о трагических страницах истории родного города – евпаторийском десанте и его героях («Подвиг Давида Паша», 2018, холст, масло). Этот же живописец сумел увидеть и отразить общечеловеческое – доброе, светлое, в самой теплой работе экспозиции «Весна в ДНР» (2016, холст, масло). Поездка на Донбасс и вызвала у художника интерес к военной теме.

Страдания мирных жителей, особенно детей, не могли не отразиться в творчестве художников, которые на этой войне «живут» и жили, творят и творили, холсты их перекликаются с работами художников из собрания нашего музея, но уже из поколения детей войны или первого послевоенного поколения. (Лилия Агабекян (р. 1951) «Дети войны», 2015; Анатолий Сухоруких (1935-2015) «В осажденном Севастополе», 1975, картон на фанере, гуашь, белила, «В осажденном Севастополе. Папа ушел на войну», 1977, картон, темпера, обе - СХМ им. М.П. Крошицкого; Николай Дудченко (р. 1949) «Инкерман. Посвящение матери», 1988, офорт), о бесчеловечности войны (Л. Агабекян «Кровавый час. Уходящие в небо», 2022; С. Кондрашов «Кто с мечом к нам придет...»). Многим «помогало»

пережитое ранее. Лилии и Мелику Агабекянам уже пришлось раз стать беженцами: в 1988 году они покинули разрушенный до основания землетрясением Спитак. Супруги поселились в Донецке, не предполагая, что уже военное «землетрясение» настигнет их и здесь. И этот опыт страдания, особенно, как у всякой женщины, за детей, позволил художнице не просто констатировать страшные факты, но и поднять их на общечеловеческую высоту, рассказать о них языком притчи.

Еще одну притчу представил на выставке Сергей Берлов - страшный холст «Брат на брата. Ощущение гражданской войны» (2022, холст, масло), где изображены полуобнаженные воины в кровавых повязках на глазах. Обоих ослепила ненависть?

Притчу – «Баллада о золотом оружии» (1975, холст, масло) мы встречаем у художника-ветерана М.Ф. Чухланцева, которому вообще свойственен притчевый язык. Соединяя меч витязей прошлого с Золотой Звездой Героя советских времен, он словно передает эстафетную палочку героям СВО.

О войне можно говорить не только в батальном жанре. И часто такие работы передают боль и ужас войны сильнее.

Такова картина Люции Мальвы (р. 1978) из Луганска «На краю Вселенной» (2022; холст, масло). Дом с заколоченными окнами, словно призрак из «Сталкера» А. Тарковского, в котором обитают то ли люди, то ли тени... И от этой пустоты и одновременно красоты становится страшнее, чем от изображения крови.

«Осень в Луганске» (2022, холст, масло) Маргариты Асташевой (р. 1991) сходна с работой Михаила Павловича Крошицкого (1894-1972) «Томск. Осень» (1944, холст, масло, СХМ им. М.П. Крошицкого) не только названием и колоритом, но и ощущением мгновений тишины и красоты, столь драгоценных в военное время и так тепло переданных художниками.

О войне можно рассказать и через натюрморт. На выставках, и на названной выше, и на тех, что открываются сейчас к юбилею Великой Победы на разных площадках, мы встречаем натюрморты, которые могли быть написаны как во время Великой Отечественной войны, так и сейчас. Построенные композиционно и содержательно на основе Памяти – фотографий родных-участников войны, писем с фронта, бережно сохраненных, они словно переключаются с послевоенными натюрмортами фронтовика, которому в 2024 году исполнилось бы 100 лет, Петра Коломойцева (1924-2013) «Фронтные подснежники» (1971,

холст, масло, и «На земле Севастополя» (1980, холст, масло, оба - СХМ им. М.П. Крошицкого). А его товарищ и по оружию, и по художественному цеху Май Чухланцев тремя натюрмортами о хлебе рассказал о нелегких, но святых буднях фронта и тыла («Трудный хлеб», 1964, «Солдатский хлеб», 1969 и «Хлеб, разделенный пополам», 1975, все – холст, масло, СХМ им. М.П. Крошицкого). От обобщения автор поднимается к метафоре, символическому ряду.

Художники задумываются и о причинах войны и специальной военной операции. И сознательно, или бессознательно видят одну из главных причин в разрушении веры, в бездуховности (Юрий Данилов (ДНР, р. 1951) «О демоны, что вы натворили» (2015-2016, холст, масло).

Очевидно, что художники прошлого и настоящего пользовались и пользуются одними и теми же методами – фиксацией для дальнейшего обобщения, затем осмысления до возведения в символ.

Формат статьи не позволяет детально рассмотреть каждую работу. А количество материала растет. И это радует, так как открывает перед искусствоведами и художественными критиками обширное поле деятельности.

РАЗВИТИЕ ЯПОНСКИХ ПОДХОДОВ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА МИРОВОГО ПОРЯДКА

Сайфутдинова Ю.Э.

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, студент*

Нурышев Г.Н.

*Доктор политических наук
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, профессор
E-mail: g.nuryshhev@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается развитие подходов Японии к международным отношениям в период послевоенного восстановления и трансформации, начавшиеся с оккупации и принятия новой пацифистской Конституции 1947 года. Исследуется влияние

Соединенных Штатов на становление внешнеполитической стратегии Японии, в особенности, через Сан-Францисский мирный договор и Договор безопасности, которые и создали основу для японо-американского альянса. Анализируется процесс адаптации западных теорий международных отношений, таких как, например, реализм и либерализм, к японским реалиям и азиатской специфике, благодаря чему сформировались самобытные подходы, как экономическая дипломатия. Выделяются ключевые послевоенные японские подходы к международным отношениям, и подчеркивается вклад японских ученых, таких как Кенъити Омаэ и Иногучи Такаши, в развитие японской теории международных отношений. Также отмечается продолжающееся влияние послевоенного опыта Японии на ее современную внешнюю политику.

Ключевые слова: *теория международных отношений (ТМО), Япония, японское мировоззрение, политология, японская самобытность, культура Востока.*

THE DEVELOPMENT OF JAPANESE APPROACHES TO INTERNATIONAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE POST-WAR RESTRUCTURING OF THE WORLD ORDER

Sayfutdinova Yu.E.

Saint Petersburg State University of Economics, student

Nuryshv G.N.

Saint Petersburg State University of Economics, Doctor of Political Sciences, Professor

E-mail: g.nuryshv@yandex.ru

Abstract. *This article examines the development of Japan's approach to international relations during the period of post-war reconstruction and transformation that began with the occupation and adoption of a new pacifist Constitution in 1947. It examines the influence of the United States on the formation of Japan's foreign policy strategy, especially through the San Francisco Peace Treaty and the Security Treaty, which created the basis for the Japan-U.S. alliance. The process of adapting Western theories of international relations, such as realism and liberalism, to Japanese realities and Asian specificity is analysed, resulting in distinctive approaches such as economic diplomacy. Key post-war Japanese approaches to international*

relations are highlighted and the contribution of Japanese scholars such as Ken'ichi Omae and Inoguchi Takashi to the development of Japanese international relations theory is emphasised. The continuing influence of Japan's post-war experience on its contemporary foreign policy is also noted.

Keywords: *international relations theory (IRT), Japan, Japanese worldview, political science, Japanese identity, Orientalist culture.*

Положение Японии после окончания Второй мировой войны оказалось крайне непростым. Государство, оставшееся с разрушенной экономикой, потрясенным обществом и разгромленными городами, было оккупировано войсками стран-победителей. Это оккупационное время, тянувшееся с окончания Второй мировой войны по 1952 год, характерно преобразованиями политической системы и общества в Японии. На формирование новой идеологии и стратегии внешней политики страны существенное влияние оказали Соединенные Штаты, сыгравшие ключевую роль в ее послевоенном восстановлении.

Принятие в 1947 году новой Конституции Японии – одно из самых важных результатов в период оккупации. Американские власти тщательно контролировали процесс разработки этого документа, который в корне поменял политическую систему государства. Согласно довоенной конституции, японский император наделялся неограниченной властью, в новой же были провозглашены демократические принципы и закреплён отказ от военных конфликтов. Статья 9 Конституции Японии запрещала создание военной силы, которая была бы способна начать наступательные действия, из-за чего стала символом послевоенной Японии [1]. Это стало фундаментом для начала формирования внешней политики, опирающейся на пацифистские принципы, а также отражало стремление японского общества избежать повторения в истории своего государства подобных конфликтов. Однако, при всех положительных сторонах пацифистская Конституция имела и определенный недостаток. Соединенные Штаты, ограничивающие военную мощь Японии, сделали тем самым ее зависимой от них в контексте вопросов национальной безопасности. Японское общество опасалось вовлечения страны в конфликт между сверхдержавами того времени, учитывая их острое противостояние и Холодную войну. Внешнеполитический курс Японии, оказавшейся под влиянием США, был определен на долгие годы вперед.

Японо-американский союз стал не столько просто политическим соглашением, сколько своеобразным импульсом для глубокой адаптации западных, в первую очередь американских, теорий международных отношений к японской действительности. В Японии началось активное изучение и анализ ведущих западных школ мысли, таких как реализм, либерализм и конструктивизм. Японские ученые и политики пытались их применить для интерпретации международной обстановки и выработки практических решений. Но эти теории не были слепо приняты. Происходила их адаптация, учитывающая специфику и самобытность Японии и населявшего его общества. Принимались во внимание пацифистские принципы, закрепленные в Конституции Японии, географическое положение государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе с его сложными переплетениями экономических и политических интересов. Вопросы об обеспечении безопасности через развитие дипломатических отношений и международного сотрудничества, а не через наращивание военной мощи стали приоритетными.

Так, значимость экономической дипломатии и мягкой силы как основных инструментов внешней политики подчеркивалась японскими учеными и исследователями. Такая стратегия была особенно актуальна, учитывая условия конституционных ограничений на использование военной силы. Япония начала активно развивать экономические отношения с рядом стран, предоставляя через различные программы свою помощь развивающимся странам. Продвигались японские культурные ценности, включающие в себя, например, кухню, музыку и искусство. Все эти усилия способствовали росту влияния Японии на международной арене, не используя традиционные методы жесткой силы.

Стоит отметить, что японские ученые, такие как Кенъити Омаэ, разрабатывали собственные теории, которые учитывали особенности японской экономики и ее роль в глобальной системе [8, с. 134-147]. В частности, Кенъити Омаэ предложил концепцию «регионального государства», подчеркивая роль экономических регионов в современности на фоне анализа динамики глобализации. Так, эти труды в развитии теории международных отношений как научной дисциплины сыграли важную роль, а также стали катализатором лучшего понимания Японией своей собственной роли в мире и помогли сформулировать собственные подходы к внешнеполитической стратегии, основанные на уникальном симбиозе геополитических и

исторических обстоятельств. Работы японских ученых и исследователей помогли в формировании самобытной японской перспективы на международные отношения.

Послевоенное время в Японии характеризовалось не только преобразованиями в различных сферах жизни, но и расцветом академической мысли, особенно в области международных отношений. В условиях новой действительности, в которой государство пыталось переосмыслить свою роль в международном пространстве, проблемы безопасности и мира стали центральными темами для изучения японскими исследователями. Внутренние проблемы, а именно глубокая травма от войны и ее чудовищных последствий, породили мощный запрос на переосмысление причин конфликта и поиск предотвращения подобных трагедий в будущем. Внешние угрозы, такие как Холодная война и нарастающая опасность ядерного конфликта, также сыграли существенную роль в выработке Японией собственного понимания мировых процессов и выработки стратегии защиты своих национальных интересов. Именно в это время произошло усиление влияния Соединенных Штатов и активная адаптация западных теорий и подходов к японским реалиям. Послевоенная оккупация Японии США колоссально повлияла на все сферы жизни японского общества, затрагивая также и политическую мысль с теорией международных отношений. Американское влияние проявилось в активном внедрении западных, преимущественно американских, теоретических подходов к изучению международных отношений в университетах и исследовательских центрах Японии, что выражалось в создании новых исследовательских институтов и факультетов, приглашении западных ученых для преподавания и финансировании различных научных проектов в этой области.

Однако, важно отметить, что японские ученые не занимались слепым копированием западной модели. Они стремились к ее адаптации к уникальным условиям японских реалий, учитывая при этом исторические, культурные и геополитические факторы. Эта адаптация должна была быть подвергнута нескольким уровням, в которые входили, например, концептуальное переосмысление, эмпирическая проверка и критический анализ. К примеру, концепция реализма, в которой акцент ставится на национальных интересах государства и силовую политику, была переосмыслена в контексте пацифистской Конституции и отказа Японии от военной силы. Японские реалисты стали сосредотачиваться на экономических и

дипломатических инструментах, чтобы обеспечить национальную безопасность. Так, ученые, которые придерживались реалистического подхода, начали развивать концепцию «экономического реализма» (economic realism), акцентируя внимание на важности экономического влияния и технологического превосходства в качестве инструментов для укрепления позиций Японии в мировом сообществе [5, с. 268-274]. Также они подчеркивали необходимость диверсификации внешнеэкономических связей и укрепления регионального сотрудничества в Азии, что важно для снижения зависимости от Соединенных Штатов, что нашло отражение в участии Японии в процессах создания и развития региональных экономических институтов, как, например, АСЕАН и АТЭС. Важным примером является вклад Японии в создание Чиангмайской инициативы, созданной в ответ на азиатский финансовый кризис 1997-1998 годов и ставшей одним из проявлений регионального экономического сотрудничества, целью которого стало снижение финансовой зависимости от контролируемых Западом международных институтов [2, с. 49-55].

Либеральные теории, подчеркивающие необходимость и важность международного сотрудничества, правах человека и демократии, тоже были адаптированы к японским реалиям. Японские либералы, хоть в Японии и были приняты демократические институты, акцентировали внимание на важности консенсуса и гармонии в обществе, что отличалось от характерного для западного либерализма индивидуалистического подхода. Ими также подчеркивалась роль международных организаций и многосторонней дипломатии в решении глобальных проблем. Тем не менее, в отличие от западных либералов, японские приверженцы либералистического подхода чаще ставили акцент на реформировании международных институтов, при котором учитывались бы интересы развивающихся стран, а также на продвижении концепции ответственного суверенитета [3, с. 2221-2226]. Ярким примером можно выделить активную роль Японии в реформировании Совета Безопасности ООН и ее стремление получить в этом органе постоянное место. Также, в Японии под влиянием американской политической науки активно развивались исследования, касающиеся тем демократии, прав человека и международного права. Но они рассматривались японскими учеными не только с позиции универсальных принципов, а с учетом японских традиций и ценностей. Например, интерпретация концепции прав человека происходила с

учетом акцента на социальную гармонию и коллективизм в Японии [9]. Кроме этого, изучались с большим интересом проблемы международного права, особенно большое внимание уделялось вопросам морского права и территориальных споров в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что объясняется претензиями Китая на острова Сенкаку и его активностью в Восточно-Китайском море.

Важно упомянуть для общего понимания процесса формирования японских подходов и теорий международных отношений не только в послевоенное время, но и в целом, одного из самых известных японских политологов XX века – профессора Иногучи Такаши (род. 1944 г.), который внес значительный вклад в развитие японской теории международных отношений. Стоит отметить, что он критически относился к реалистическим теориям, продвигая идеи «мягкой силы» и культурной дипломатии. Он также классифицировал японские теории международных отношений, отнес к ним как послевоенные, так и довоенные. Японский политолог выделяет четыре основополагающих направления, в которых в Японии развивались взгляды о теориях международных отношений. Они включают в себя *Staatslehre*, марксизм, историзм и позитивизм [6, с. 369-381].

Staatslehre, или государственоведение, является наукой, которая изучает различные аспекты теории государства, связанные со структурой и функциями государства, его взаимоотношение с гражданским обществом, законы, политику и в целом его природу. Автором считается Герман Хеллер (1891-1933 гг.), являющийся немецким ученым-юристом, философом. Теория *Staatslehre* возникла в Японии в период распространения влияния немецкой науки, так как для Страны восходящего солнца Германия являлась прообразом для построения государства западной модели. Благодаря ее традициям было отведено особое внимание таким сферам, как колониальные исследования и военное дело. Ученые в области политической теории и международного права оказали большое содействие для развития данного направления. Документальная база источников и описательные методы являются характерным маркером в вопросе учения о государстве.

Следующее направление, марксизм, Иногучи Такаши определяет как интеллектуальное направление, изучающее определенные явления сквозь парадигму диалектики производительных сил, производственных связей, а также их проявлений в политике. Философское, политическое и экономическое учение авторства Карла

Маркса и Фридриха Энгельса получает свое распространение после Первой мировой войны. Особую популярность обретает во время зарождения рабочего движения при изучении социально-экономических проблем. В Японии среди профессионалов в экономической дисциплине широкое распространение марксистская трактовка классово́й борьбы наступает к 1920-м годам. Причина тому открытие в 1919 году кафедры экономики в двух императорских университетах, Токийском и Киотском. Это, в свою очередь, и придало стимул японским экономистам в изучении марксизма. Однако, из-за осознания японскими властями того, что левые организации обретают реальную политическую силу, марксисты в 1920-е годы подвергаются репрессиям. Ярким примером проводившейся в этот период политики японского правительства является инцидент 15 марта 1928 года. Власти предприняли массовые аресты членов пролетарских партий для того, чтобы подавить среди рабочего класса коммунистическую пропаганду [4, с. 71-81]. Из-за подобной ситуации в Японии развитие марксизма как науки было ограничено.

Историзм как направление развития японских исследований в области международных отношений после Второй мировой войны оставался доминирующим течением. Впрочем, тот факт, что японские ученые в послевоенное время обратили особое внимание на изучение и исследование причин, которые привели Японию к положению, в котором она находилась на тот момент, неудивительно. Созданная в 1956 году Японская ассоциация международных отношений и занимавшаяся преимущественно на тот момент изучением исторических вопросов объединила политологов-международников страны [6, с. 374-381].

Последнее направление, выделенное Иногучи Такаши, это позитивизм, или американская политическая традиция. Согласно данному учению единственным источником подлинного знания являются эмпирические исследования. Свой пик в развитии оно получило в 1970-е-2000-е годы. Однако, Иногучи Такаши пишет о том, что неверно считать появление позитивистского течения в Японии исключительно плодом влияния Соединенных Штатов, так как в Японии также имеются примеры идей в духе позитивизма. Так, еще в конце XIX века такой выдающийся японский деятель, как Фукудзава Юкити, написал один из своих самых известных трактатов «Призыв к знаниям», в котором он постулирует, что абсолютно все люди рождены равными, но обеспечить им этого равенства существующее

общество не может, и что необходимо исключить в обществе разных сословий и классов социальное неравенство [7, с. 81-83.].

Нельзя не упомянуть и о примерах оригинальной японской идеи Ириэ Акира и Хирано Кенъитиро, появившихся на рубеже XX и XXI столетий. Концепция «культурного интернационализма» Ириэ опирается на социальный контекст, а не на теории баланса сил. Хирано выделил не отдельное смысловое поле от экономики и политики, а развил общий культурологический подход к международным отношениям. Япония также активно использовала политику «мягкой силы» для того, чтобы продвигать свои интересы на международной арене. Кроме пацифизма и конституционализма в послевоенной японской внешней политике важным элементом стала экономическая дипломатия. Япония после восстановления своей экономики в 1960-х годах стала активно использовать свои экономические ресурсы в целях укрепления международных связей. Государство стало одним из крупнейших доноров помощи развивающимся странам. Кроме этого, популяризация японской культуры, включавшая в себя традиционные искусства, а также мангу и аниме, способствовала формированию положительного имиджа государства за рубежом. Начало участия Японии в 1980-х годах в различных международных программах помогло ей в укреплении своих позиций в качестве глобального лидера в области образования и культуры.

В силу всего вышеизложенного, можно выделить следующие ключевые послевоенные японские теоретические подходы к международным отношениям:

- конституционализм и пацифизм;
- экономическая дипломатия;
- укрепление многосторонних институтов;
- региональное сотрудничество;
- политика «мягкой силы»;
- адаптация западных теорий.

Таким образом, формирование послевоенных японских подходов к международным отношениям стало итогом сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов. Основа для новой внешнеполитической стратегии Японии, которая была направлена на сотрудничество и мирное сосуществование, была заложена конституционализмом и пацифизмом. Усиление влияния США и переосмысление западных теорий с учетом уникальной японской культуры позволили государству интегрироваться в международное

сообщество. Хотя на сегодняшний день Япония и сталкивается с новыми вызовами, как необходимость пересмотра своей роли в международной системе безопасности и рост напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ее опыт послевоенного времени все еще продолжает оказывать влияние на японскую внешнеполитическую стратегию, характеризуя ее как одну из самых предсказуемых и стабильных в мире.

Список литературы

1. Constitution of Japan: Constitution: promulgated on November 3, 1946, Came into effect on May 3, 1947 // Prime Minister of Japan and His Cabinet: official website. 1946. URL: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html
2. Амиров В. Б. Истоки и эволюция Чиангмайской инициативы / В. Б. Амиров // Международная жизнь. 2010. № 10. С. 49-55.
3. Чжоу Ч. Эволюция суверенитета как базового актора международных отношений / Ч. Чжоу // Научный аспект. 2024. Т. 18. № 1. С. 2221-2226.
4. Чугров С. В. Корни и тренды японских теорий международных отношений / С. В. Чугров // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. С. 71-81.
5. Gilpin R. The political economy of international relations / R. Gilpin, J. M. Gilpin // International Organization. 1990. Vol. 44. P. 261-281.
6. Inoguchi T. Are there any theories of international relations in Japan? / T. Inoguchi // International Relations of the Asia-Pacific. 2007. Vol. 7. №3. P. 369-390.
7. Nguen T. N. Fukuzawa Yukichi's conception of practical learning in "An encouragement of learning" and its historical significance / T. N. Nguen, X. L. Cao // AUFKLARUNG, Joao Pessoa. Vol.10. №3. 2023. P. 81-88.
8. Ohmae K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economics / K. Ohmae // Simon and Schuster Inc. New York. 1995. 214 p.
9. Takemoto, M. Peace Studies in Japan: Co-evolution of Knowledge and Practice / M. Takemoto // Asian Journal of Peacebuilding: digital journal. C. 60-72. URL:

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ВЫЗОВ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Самсонов В. П.

*Российский государственный гуманитарный университет,
магистрант*

E-mail: vasyok2001@outlook.com

Аннотация. В статье комплексно анализируется влияние этнической составляющей на формирование и реализацию миграционной политики Российской Федерации, рассматривая ее как многоаспектный фактор, определяющий эффективность интеграционных процессов. Подробно исследуются проблемы, возникающие в связи с существенными социокультурными различиями между мигрантами и принимающим населением, включая языковые барьеры, различия в религиозных и культурных традициях, а также особенности адаптации к новым социальным нормам. Особое внимание уделяется изучению существующих интеграционных механизмов, их сильных и слабых сторонах, а также выявлению факторов, препятствующих успешной адаптации мигрантов. Предлагаемые меры учитывают необходимость сохранения культурного разнообразия и уважения к этнической идентичности мигрантов, при одновременном формировании общероссийской гражданской идентичности и соблюдении принципов правового государства.

Ключевые слова: миграция, этничность, интеграция, политика, конфликт, адаптация, Россия.

ETHNIC FACTOR AS A CHALLENGE TO THE MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Samsonov V.P.

Russian State University for the Humanities, master's student

E-mail: vasyok2001@outlook.com

Abstract. *The article comprehensively analyzes the influence of the ethnic component on the formation and implementation of the migration policy of the Russian Federation, considering it as a multidimensional factor determining the effectiveness of integration processes. The problems that arise in connection with significant socio-cultural differences between migrants and the host population, including language barriers, differences in religious and cultural traditions, as well as features of adaptation to new social norms, are studied in detail. Special attention is paid to the study of existing integration mechanisms, their strengths and weaknesses, as well as to the identification of factors hindering the successful adaptation of migrants. The proposed measures take into account the need to preserve cultural diversity and respect for the ethnic identity of migrants, while simultaneously forming an all-Russian civic identity and respecting the principles of the rule of law.*

Keywords: *migration, ethnicity, integration, policy, conflict, adaptation, Russia.*

Миграционные процессы, характеризующиеся высокой интенсивностью и разнонаправленностью, оказывают существенное воздействие на социально-экономическую и политическую обстановку в современном мире. Российская Федерация, являясь крупным центром притяжения трудовых мигрантов и лиц, ищущих убежища, сталкивается с необходимостью разработки и реализации эффективной миграционной политики, учитывающей различные аспекты, в том числе и этнический.

Актуальность исследования этнического фактора в контексте миграционной политики обусловлена возрастанием числа мигрантов, принадлежащих к различным этнокультурным группам, что создает определенные вызовы для принимающего общества. Недостаточная социокультурная адаптация и интеграция мигрантов, различия в ценностных ориентациях и поведенческих моделях могут приводить к возникновению социальной напряженности и межэтническим конфликтам. В связи с этим возникает потребность в анализе влияния этнической идентичности на процессы интеграции мигрантов и разработке соответствующих мер, направленных на гармонизацию межэтнических отношений.

Этническая принадлежность является важным фактором, определяющим особенности адаптации и интеграции мигрантов в принимающем обществе. Языковые барьеры, культурные различия,

религиозные убеждения и традиции могут затруднять взаимодействие мигрантов с местным населением и препятствовать их полноценному включению в социальную жизнь. Как отмечает Р. Явчуновская, миграционный фактор оказывает влияние на этнодемографическую ситуацию в стране, что требует особого внимания со стороны государства при формировании миграционной политики [1, с. 192].

Миграционная политика Российской Федерации испытывает воздействие этнокультурных особенностей, что создает определенные трудности в процессе интеграции иностранных граждан. Федеральный закон № 109-ФЗ регламентирует порядок учета прибывающих лиц [2], однако не учитывает в полной мере этнокультурное разнообразие миграционных потоков, что потенциально может приводить к формированию замкнутых этнических анклавов и осложнению взаимодействия с принимающим обществом. Влияние этнической принадлежности на принимающее общество представляет собой сложную и многоаспектную проблему, имеющую как позитивные, так и потенциально негативные последствия. Этническое многообразие, при условии грамотного управления и создания благоприятных условий, способно стимулировать культурный обмен, обогащать социальный капитал и генерировать новые идеи. Различные культурные традиции, знания и навыки, привнесенные мигрантами, могут стать катализатором для инноваций в различных сферах экономики и общественной жизни, повышая тем самым конкурентоспособность страны на международной арене.

Однако, при отсутствии целенаправленной интеграционной политики, высокая концентрация мигрантов, объединенных общей этнической идентичностью, может приводить к формированию замкнутых этнических районов. В подобных обособленных сообществах часто сохраняются традиционные нормы и ценности, которые могут отличаться от преобладающих в принимающем обществе. Это, в свою очередь, способно затруднить процесс вхождения мигрантов в социокультурное пространство, замедлить их адаптацию к новым условиям жизни и спровоцировать социальную разобщенность.

В свою очередь, Федеральный закон № 115-ФЗ устанавливает требования к владению русским языком, знанию истории России и основ законодательства Российской Федерации, что является необходимым условием для успешной адаптации и интеграции мигрантов [3]. Тем не менее, эффективность данной нормы может быть

снижена, если не учитывать этнокультурные характеристики различных групп мигрантов при разработке образовательных программ и оценке уровня знаний. Усиление внимания к этнокультурному фактору в миграционной политике, в том числе при реализации норм указанных законов, представляется важным условием для обеспечения успешной интеграции иностранных граждан и предотвращения социальной напряженности. Возникающие барьеры в общении и взаимодействии с представителями других культур могут усугубить отчуждение и привести к усилению сегрегации, что негативно сказывается на социальной сплоченности.

Важно подчеркнуть, что этническая самоидентификация представляет собой динамичный конструкт, подверженный изменениям под воздействием различных социокультурных факторов. Влияние новой социальной среды, доступность образовательных возможностей, расширение опыта межличностного взаимодействия с представителями других культур – все это способно трансформировать представления о собственной этничности и способствовать адаптации к новым условиям жизни.

В связи с этим, миграционная стратегия государства должна быть ориентирована не на насильственную ассимиляцию, предполагающую отказ от собственной культурной идентичности, а на создание оптимальных условий для социокультурной адаптации и интеграции. Главной целью должно стать формирование инклюзивного общества, в котором каждый, независимо от этнического происхождения, имеет равные возможности для самореализации и внесения вклада в развитие страны.

Этническая составляющая порождает комплекс задач для миграционной политики Российской Федерации. Первостепенной задачей выступает разработка действенных инструментов, способствующих социокультурной адаптации и включению в общество мигрантов, представляющих различные этнокультурные общности. Реализация данной цели предполагает организацию языкового обучения, предоставление доступа к образовательным программам и проведение мероприятий, направленных на приобщение приезжих к российской истории, культуре и традициям.

Существенное значение имеет предупреждение предвзятого отношения и нетерпимости к мигрантам, а также противодействие экстремистским и радикальным проявлениям, возникающим на межэтнической основе. Достижение указанного требует проведения

просветительской работы среди населения, ориентированной на формирование уважительного отношения к приезжим и укрепление взаимопонимания между различными этническими группами.

Как подчеркивает А.И. Бардаков, взаимодействие различных этносов и перемещение людей являются существенными аспектами формирования российской идентичности [4, с. 61].

Наконец, необходимо укреплять связи с этническими объединениями и организациями, представляющими интересы мигрантов, поскольку они способны играть важную роль в процессе их адаптации и интеграции. По мнению И.В. Горшколеповой, взаимодействие властных структур и организаций мигрантов является необходимым условием для эффективной реализации миграционной политики [5, с. 57].

Совершенствование миграционной политики Российской Федерации, направленное на разрешение проблем, обусловленных этнической составляющей, требует реализации комплекса мер по следующим направлениям.

Необходимо проектирование и внедрение всесторонних программ, обеспечивающих социокультурную адаптацию и включение мигрантов в принимающее общество, с акцентом на их этнокультурные особенности и нужды. Важно формирование системы отслеживания и анализа межэтнического взаимодействия, предоставляющей возможность оперативного выявления и предотвращения конфликтов, возникающих на этнической почве. Следует акцентировать внимание на усилении контроля за соблюдением прав приезжих и борьбе с проявлениями дискриминации, неприязни к иностранцам.

Существенным элементом является развитие образовательной системы и просветительской деятельности, ориентированных на формирование уважительного отношения к мигрантам и укрепление взаимопонимания между различными этническими группами. Целесообразно внесение изменений в нормативно-правовую базу в сфере миграции, учитывающих международные нормы и принципы защиты прав человека.

Существенное значение имеет поощрение и развитие деятельности этнических сообществ и организаций мигрантов, ориентированной на сохранение их культурной уникальности и встраивание в российскую социокультурную среду. Реализация данной задачи требует конкретных мер поддержки, таких как выделение грантов на осуществление культурных и образовательных проектов,

направленных на популяризацию родного языка, обычаев и традиций. Это может включать финансирование этнокультурных центров, организующих языковые курсы, мастерские народных промыслов, фестивали национальной культуры, тем самым содействуя сохранению культурной идентичности и взаимообогащению культур.

Учёт этнокультурных аспектов в миграционных процессах имеет решающее значение для формирования результативной миграционной политики в Российской Федерации. Необходима корректировка нормативно-правовой базы, регулирующей миграционные процессы, с целью более полного учета этнокультурного фактора. Противодействие дискриминации и ксенофобии, наряду с сотрудничеством с этническими диаспорами и международными институтами, являются ключевыми элементами в предотвращении межэтнических разногласий. Адаптация миграционной политики к этническим реалиям позволит Российской Федерации эффективно управлять миграционными потоками и обеспечит поступательное и сбалансированное развитие социума.

Список литературы

1. Явчуновская, Р. Миграционный фактор в этнодемографической политике России // Безопасность Евразии. 2015. № 2(50). С. 192-194.
2. Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ.
3. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ.
4. Бардаков, А. И. Российская нация в фокусе межэтнической интеграции и социальной миграции // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 2(2). С. 61-71.
5. Горшколепова, И. В. Политические факторы миграционных процессов (Взаимодействие органов государственной власти и мигрантских организаций): специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Горшколепова Ирина Викторовна. Ростов-на-Дону, 2002. 168 с.
6. Демидов, А. В. Формирование современной миграционной политики Российской Федерации в контексте

сотрудничества с международными организациями:
специальность 23.00.02 "Политические институты,
процессы и технологии": диссертация на соискание ученой
степени кандидата политических наук / Демидов Андрей
Владимирович. Москва, 2002. 274 с.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО КАК СПОСОБ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Саралидзе В. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
студент*

Сухарев Р. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
студент*

Научный руководитель: Масаев М.В.,

*доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и
социокультурного проектирования Института медиакоммуникаций,
медиа технологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь*

***Аннотация.** В работе подчёркивается, что искусство способствует межкультурной коммуникации тем, что представляет собой уникальную систему транслирующих информацию символов. Оно апеллирует не сухими логическими фактами, а художественными образами, рождающими сильную эмоциональную реакцию.*

***Ключевые слова:** современное искусство, культура, межкультурная коммуникация, способ.*

CONTEMPORARY ART AS A WAY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Saralidze V.A.

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
student*

Sukharev R.V.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, student

Scientific Supervisor: Masayev M. V.

*Doctor of Philosophy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Professor of the Department of Culturology Studies and Socio-
Cultural Projecting of the Institute of Media communications, Media
technologies and Design (SD). Academician of the Crimean Academy of
Sciences*

Abstract. *The work emphasizes that art contributes to intercultural communication by being a unique system of symbols transmitting information. It appeals not to dry logical facts, but to artistic images that generate a strong emotional reaction.*

Keywords: *contemporary art, culture, intercultural communication, method.*

«У искусства очень много ролей. Самая поверхностная — украшать нашу жизнь. Но самое главное предназначение — раскрывать в человеке те качества, о которых он не догадывается, но предчувствует».

Эрнст Неизвестный.

Современное искусство выступает, в том числе, и как транслятор национальной культуры, и как поле межкультурных коммуникаций. Благодаря интернациональности современного искусства рождаются уникальные произведения, впитавшие в себя самобытность каждой культуры. Искусство способствует межкультурной коммуникации тем, что представляет собой уникальную систему транслирующих информацию символов. По сути дела, искусство как феномен, в ракурсе концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов, несомненно является парадигмальным символом [12, с. 210; 13, с. 23], а культурологическое измерение структуры парадигмальных образов в качестве символов эпох и цивилизаций [14, с. 102], – важный структурный компонент исследований подобного характера, что ещё раз подтверждает актуальность и злободневность поставленной проблемы.

Оно апеллирует не сухими логическими фактами, а художественными образами, рождающими сильную эмоциональную реакцию. Эмоционально окрашенные художественные высказывания эффективнее внедряются в сознание человека и формируют его нравственно-ценностную систему. Вот следующие примеры, как искусство способствует сближению народов:

- книги и фильмы, переводящиеся на десятки языков;
- заграничные турне знаменитых музыкальных групп;
- знаменитые картины, вызывающие к общечеловеческим ценностям и известные практически любому человеку, вне зависимости от национальности;

- песни и инструментальные композиции, получающие популярность не только в родной стране, но и за рубежом.

Кроме того, многие образцы искусства становятся толчком к более глубокому изучению чужого языка, традиций, религии.

В XXI веке коммуникация стала ключевым аспектом повседневной жизни каждого человека. Современные технологии позволяют нам не только поддерживать связь с родственниками, друзьями и знакомыми, находящимися рядом, но и общаться с незнакомцами, живущими на другом конце земного шара. Интерактивность стала важным компонентом общения, предоставляя возможность диалога с представителями различных областей, которые формируют наше общество. Искусство занимает особое место в духовной жизни общества, и я намерен исследовать, как осуществляется коммуникация в этой области. Для начала необходимо рассмотреть, что такое коммуникация. Она включает в себя пути передачи информации и взаимодействие между людьми, осуществляемое в основном с помощью языка.

Коммуникация (лат. *communicatio* - от *communico* - делаю общим, связываю, общаюсь) – 1) путь сообщения, связь одного места с другим, 2) Общение, передача информации от человека к человеку – специфическая форма взаимодействия людей в процессах их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющаяся главным образом при помощи языка (реже при помощи др. знаковых систем).

Исследование коммуникативных аспектов искусства в контексте истории эстетической и философской мысли становится особенно актуальным из-за увеличившегося интереса к культуре и её коммуникационным элементам в современной науке, а также из-за влияния семантической теории на современную эстетику. Б. Бозанкет

предложил теорию символа как основу для классификации исторических эстетических учений. Б. Кроче утверждает, что искусствознание и лингвистика представляют собой одну и ту же научную дисциплину, рассматривая историю эстетических идей с этой точки зрения. Всестороннее изучение коммуникативных вопросов, таких как язык, символика и знаковые системы в контексте искусства, способствует освещению культурных коммуникативных аспектов в текущих научных исследованиях.

Когда речь идет об искусстве как о средстве коммуникации, важно сначала определить само понятие искусства. Мы воспринимаем искусство не только как творческую деятельность, но и как способ познания окружающего мира, осмысленного восприятия реальности, а также как процесс и результат выражения идей. Искусство можно разделить на различные категории, включая изобразительные (живопись, графика и пр.), сценические (театр, опера, кино) и не изобразительные (литература, музыка, архитектура). Кроме того, медиаискусство охватывает такие направления, как цифровая живопись и сетевое искусство. Реклама также нередко рассматривается как форма искусства.

Художественные произведения играют важную роль в процессе межкультурной коммуникации, так как именно они напрямую связаны с культурой, хранят информацию об истории, национальной психологии, национальном поведении, то есть обо всех составляющих культуры. С этой позиции произведение рассматривается как «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое число косвенных. В свою очередь, правила построения произведения зависят от контекста культуры, в котором он возникает». Произведение — это истинный стык лингвистики и культурологии, так как оно принадлежит языку и является его высшим ярусом, и в то же время оно выступает как форма существования и форма общения культуры. В первых десятилетиях XX в. мысль о коммуникативной природе художественного творчества неоднократно развивалась как поэтами (О. Э. Мандельштам, Н. С. Гумилев и др.), так и учеными (М. М. Бахтин, А. И. Белецкий и др.). Литература — это своеобразный диалог, который ведут между собой автор и его потенциальный читатель. При этом, создавая художественный текст, автор ориентируется на закрепленные в той или иной культуре образцовые модели отражения мира. Искусство

интерпретации текста читателем состоит в умении увидеть невидимое, не лежащее на поверхности, содержащее в себе ментальный пласт сознания, а именно увидеть то, как определенные черты индивидуальности автора текста, его мировоззренческие установки, которые «навязаны» ему внешними обстоятельствами, влияют на характер произведения. «Увидеть и понять автора произведения — значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект» [3].

Однако необходимо учитывать и особенности реципиента (читателя), так как специфика его сознания задана не только личным опытом, но и особенностями национальной культуры, что определяет выбор интерпретации текста.

Вслед за Д. С. Лихачевым можно сказать, что «всякое литературное произведение существует в определенной среде: в среде реальной жизни и в среде окружающих его литературных произведений, на которые оно отвечает или которые продолжает, с которыми спорит или соглашается» [9; 12].

По выражению В. С. Библера, текст, понимаемый как произведение, «живет контекстами... все его содержание только в нем, и все его содержание — вне его, только на его границах, в его небытии как текста» [3].

Чтение зарубежной литературы сопоставимо с процессом межкультурной коммуникации, так как при восприятии данного текста мы вступаем в коммуникацию с представителем иной культуры. Ниже мы рассмотрим обстоятельства, которые выступают в роли факторов, определяющих специфику межкультурной коммуникации при чтении художественного текста. В качестве иллюстрации приводятся примеры из романов Эми Тан, американской писательницы китайского происхождения. К их числу относятся “The Hundred Secret Senses”, “The Joy Luck Club”, “The Kitchen God’s Wife”.

При непосредственном общении получатель и отправитель стараются попутно устранить или минимизировать помехи, которые мешают процессу общения. Замечено, что участники коммуникации имеют тенденцию менять коммуникативный стиль при общении с представителями другой культуры: они склонны избегать ярко выраженных культурно-специфических элементов коммуникации, которые могут оказаться проблематичными для носителей другой культуры. Поэтому героиня романа “The Kitchen God’s Wife”, пытаясь

объяснить своим внукам китайский божественный пантеон, прибегает к сравнениям, взятым из американских реалий.

В условиях непосредственной коммуникации ее участники стремятся подстроиться под коммуникативное поведение своего партнера, что значительно способствует адекватному восприятию информации и позволяет устранить помехи в случае их возникновения. Межкультурное общение посредством художественного произведения такой возможности не предоставляет.

Уникальность художественного произведения проявляется в характере соотносённости с реальностью: текст — объект реального мира и в то же время — художественно освоенное и эстетически переосмысленное отражение мира реальности. Эта особенность художественных произведений диктует необходимость при их анализе учитывать и экстралингвистические параметры текста.

Значительная национальная специфика наблюдается и в социальном символизме народа, который представляет собой совокупность символических значений, приписываемых действиям, поступкам, явлениям и предметам окружающей действительности той или иной лингвокультурной общностью, и рассматривается в рамках невербального коммуникативного поведения. Эта совокупность предметно-бытовых действий включается в коммуникативный процесс и влияет на общение людей. Один и тот же факт «значащего» бытового поведения получает разную коммуникативную интерпретацию в разных культурах. Гостевая комната, которую дочь, китайка по происхождению, родившаяся и выросшая в США, предложила своей матери-китайке, не отвечала этикетным ожиданиям последней. Согласно китайской традиции, гость — очень почетный человек, который заслуживает всего самого лучшего.

Главной причиной непонимания при межкультурном общении является не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов, при этом диалог культур представляет собой не столько общение разных сознаний, сколько общение образов разных культур в рамках одного сознания. Постижение образов другой культуры происходит либо через поиск «эквивалентного» образа своей культуры, либо через поиск различий в образах своей и чужой культуры. Неоправданное перенесение стереотипных образов своей культуры в чужую провоцирует коммуникативные сбои и затрудняет понимание сообщения. Поэтому становится важным исследование и описание базовых стереотипных представлений различных культур,

что позволит решить многие проблемы, возникающие при межкультурной коммуникации — как реальной, так и опосредованной чтением художественного произведения.

Особенностью социокультурного развития современной России является переход к типу полистилистической культуры, позволяющей сосуществовать разнообразным социокультурным мирам [11]. Наличие в едином пространстве разнородных культурных форм, жизненных стилей, субкультур и т. п., маркирует онтологически [16, с. 112] присущие современному миру плюралистические интенции.

Состояние российской культуры можно характеризовать как переход от моностилистической к полистилистической культурной организации. Сами термины «моностилистическая» и «полистилистическая» культура выдвигает Л. Г. Ионин полагая, что необходимо выявить механизмы и закономерности перехода в российском обществе от моностилизма к полистилизму и предвидеть возможные результаты и последствия этого перехода для социума [7].

Процессы, происходящие в российской культуре, трудно однозначно оценить, но тем не менее, можно выделить некоторые тенденции, наиболее ярко проявившиеся в период модернизации российского общества. Данные тенденции связаны с крайней неоднородностью отечественной культуры, для которой характерны полиэтничность и поликонфессиональность, сложное историческое и культурное наследие. Неоднородность культуры, по мнению В. Ф. Мамонова, определяется также тем, что российское общество развивается на основе локальных культур [10]. Он выделяет «высокую» культуру, продолжающую историческую традицию национальной элитарной культуры, которая с трудом адаптируется к современным социально-экономическим условиям; «советскую» культуру, основанную на приоритете коллективного над личным и вере в государственный патернализм; «западную», преимущественно американскую культуру, для которой характерны приоритеты социокультурного индивидуализма, престижность материального благополучия; комплекс маргинальных субкультур социальных «низов», который проявляется в широком спектре от «блатного» стиля и криминального образа жизни до национал-шовинистических и мистико-оккультных движений.

Выводы. Современный мир стремительно погружается в эпоху глобализации, формируя единое информационное и культурное

пространство. В этом контексте значение искусства в объединении народов становится все более весомым. На рубеже XXI века оно все чаще выступает в роли одного из главных «механизмов» международной интеграции.

Искусство занимает в обществе важное место и его значение трудно переоценить. Эта культура на протяжении веков служила той силой, что сплачивала людей вокруг общих идей и переживаний. Музыка, живопись и поэзия поддерживают людей, предоставляя возможность коммуникации, особенно когда другие формы общения невозможны.

Сегодня искусство выполняет несколько ключевых функций: развлекательную, интеграционную, информационную и воспитательную. Литература, музыка, кинематограф, живопись и другие виды искусства отражают душу народа, который их создал — так, матрешка и Хохломская роспись стали символами России, а звук волынки вызывает ассоциации с Шотландией.

Увеличение потока информации усиливает роль искусства в сближении людей. В отличие от научных текстов, которые требуют полной достоверности, искусство может воздействовать через фрагменты, что делает его восприятие более интуитивным и эмоциональным.

Список литературы

1. Басин Е. Я. Искусство и коммуникация: Очерки из истории философско-эстетической мысли. – М., 1999. – 240 с.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / Сост. С. Бочаров и В. Кожин. – М.: Художественная литература, 2016. – 543 с.
3. Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс: Гнозис, 2015. – 176 с.
4. Бозанкет, Б. // Большая советская энциклопедия. В 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969.
5. Боров Ю. Б. Эстетика. 3-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 399 с. : ил.
6. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М. : Логос, 2000. – 112 с.
7. Кроче Б. Теория и история историографии / Пер. с итал. И. М. Заславской; посл.Т. В. Павловой; науч. ред. М. Л.

- Андреева. –М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 192 с
8. Культура и коммуникация: глобальные и локальные измерения / под общ. ред. докт. филос. наук Ю. В. Петрова. – Томск : Издательство научно-технической литературы, 2004.
 9. Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература: Статьи. Л.: Советский писатель, 2016. – 272 с.
 10. Мамонова В. А. Мультикультурализм: разнообразие и множество. URL: <http://credonew.ru/content/view/606/59/>
 11. Tan A. The Hundred Secret Senses. N. Y.: Ivy Books. 406 p. URL: <http://www.uzelac.eu>
 12. Масаев М. В. Научная парадигма и интервальный метод: соотношение. Понятие парадигмального образа в философии истории / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 21. – С. 210-221.
 13. Масаев М. В. Феномен соотношения научной парадигмы и интервального метода в контексте понятий парадигмального образа и символа в философии истории / М. В. Масаев // Философские традиции и современность. – 2013. – № 1 (3). – С. 23-41.
 14. Масаев М.В. Культурологическое (вертикальное) измерение структуры парадигмальных образов в качестве символов эпох и цивилизаций / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 108. – С. 102-104.
 15. Волкова Паола. Письма Эрнста Неизвестного. – М.: Хорошая книга, 2014. – 208 с.
 16. Масаев М. В. Онтологическое измерение структуры парадигмального образа как категории философии истории / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 89. – С.112-119.

ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ПОНЯТИЕ И ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Сбойчикова М.В.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, старший преподаватель
E-mail: sbmariia718@gmail.com

Аннотация. Дано определение «цифрового общества» как феномена. Приведены многочисленные примеры обозначения современного социального состояния, доказывающие распространенность в научном дискурсе термина «цифровое общество». Произведен анализ феномена и понятия «цифровое общество» в сравнении с определениями социального состояния до начала XXI века в рамках теорий, основанных на идее обусловленности социального прогресса экономическими и технологическими аспектами. Понятие «цифровое общество» представлено как вариант обозначения общества через отдельные характеристики его социальной структуры в продолжение научной традиции и с использованием методологии теорий постиндустриального, информационного общества и постмодернизма.

Ключевые слова: цифровое общество, периодизация истории, социальная, культурная, экономическая сферы, процессы сетевизации, датификации, алгоритмизации, платформизации, автоматизации.

THE DIGITAL SOCIETY PHENOMENON: CONCEPTUALIZATION AND INTERPRETIVE FRAMEWORKS

Sboichikova M. V.

National Research Tomsk State University, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Senior Lecturer
E-mail: sbmariia718@gmail.com

Abstract. The definition of "digital society" as a phenomenon is presented. Multiple framings of modern societal organization are presented, evidencing the established academic currency of the "digital society" concept. An analysis of the phenomenon and the concept of "digital society" is conducted in comparison with definitions of social conditions prior to the

21st century, within the framework of theories based on the idea of social progress being determined by economic and technological factors. The concept of "digital society" is introduced as a way to characterize society through specific features of its social structure, following established scholarly traditions and employing the methodological approaches of post-industrial society theory, information society theory, and postmodernism.

Keywords: *digital society, periodization of history, social sphere, cultural sphere, economic sphere, processes of networked transformation, datafication, algorithmic mediation, platform-based reorganization, automation.*

Понятие «цифровое общество» появилось как еще одна попытка обозначить состояние цивилизации, формирующееся под влиянием информационно-коммуникационных и цифровых технологий приблизительно с середины XX в. Несомненно, появление нового понятия говорит о том, что трансформация общества, начавшаяся с 1960-х гг., все еще продолжается, тенденции развиваются и усиливаются, оказывая воздействие на социальную, экономическую, культурную сферы.

В 60-70-х гг. XX в. в рамках постиндустриальной теории прогресса, формировавшейся в этот период, складывающееся общественное состояние было обозначено как «постиндустриальное» (Р. Дарендорф, К. Кларк, Ж. Фурастье, Д. Рисман, Д. Белл, А. Турен, Дж. Гэлбрейт, К. Э. Боулдинг, Г. Кан, Э. Тоффлер, У. Ростоу, К. Томинага, Р. Рихта, и др.). В это же время философы, социологи, культурологи и экономисты Запада, основываясь на тех же принципах оценки исторического процесса, что и основатели постиндустриализма – периодизация истории на основе исследования технологических аспектов организации производства благ, их распределения и обмена и структуризация секторов производства внутри обществ, с нарастающим доминированием третичного сектора – развивали свои теории исторического прогресса, акцентируя внимание на определенном аспекте нового социального состояния («информационное общество» – Ф. Махлуп, Т. Умесао, М. Порат, Й. Масуда, Т. Стоуньер, Р. Катц, и др.; «постмодернити» – Р. Барт, Ж. Батай, М. Бланшо, Ж. Бодрийяр, П. Вирильо, Ж. Делез, Ж. Деррида, С. Крук, С. Лэш, и др.), или предлагали концепции становящегося социума по одному или нескольким признакам.

С 1959 по 1972 год в научный оборот были введены термины с префиксом «пост-», противопоставляющие новое технологическое общество развитому «индустриальному» буржуазному обществу. Кроме собственно ведущих теорий постиндустриального общества и постмодернити, дополняли и конкретизировали образ нового общества такие концепции как «постиндустриальный капитализм» (Р. Хейлбронер), «постиндустриальный социализм» (А. Горц), «экологический постиндустриализм» (Т. Розак, Р. Баро), «конвенциональный постиндустриализм» (И. Илич), «постбуржуазное» (Г. Лихтхайм), «посткапиталистическое» (Р. Дарендорф), «постпредпринимательское», (П. Дракер), «пострыночное» (Т. Бернс), «посттрадиционное» (А. Гидденс), «постцивилизационное» (К. Боулдинг), «постисторическое» (Р. Зайденберг) общество [1, с. 100-101].

Подход к определению новой цивилизации через рассмотрение отдельных характеристик социальной структуры, без противопоставления предыдущему «индустриальному» состоянию, возглавляет теория информационного общества. К этому же подходу относятся другие концепции и доктрины, разной степени научной разработки и признания, дающие представление о различных аспектах нового социального состояния: концепция технетронного общества (Зб. Бжезинский), «сетевое общество», «цифровое общество», «информационное общество» (М. Кастельс), «информационное общество» И. Масуда, «knowledgeablesociety» (Р. Лэйн), «knowledgesociety» (Д. Диксон), «knowledge-valuesociety» (Т. Сакайя), «организованное» (С. Крук), «конвенциональное» (М. Уотерс), «программируемое» (А. Турен), «активное» (А. Этциони), «хорошее» общество (Дж. Гэлбрейт, А. Этциони) [1, с. 102-103]. К этому же ряду можно отнести понятия, появившееся в последние годы: «societyofcontrol» – «общество контроля» (Жиль Делёз, Феликс Гваттари, 1992 г.), «stakeholdercapitalism» – «капитализм всех заинтересованных сторон» (К. Шваб, 2021 г.), «surveillanc capitalism» – «капитализм слежки», «informationcivilization» – «цивилизация информации», «digitizedsociety» – «оцифрованное общество», «digitalcapitalism» – «цифровой капитализм» (Шошана Зубофф, 2018, 2019 гг.), «hyperhistoricalsociety» – «гиперисторическое общество» (Лучано Флориди, 2010 г.), «datafiedsociety», «datacolonialism» – «общество данных», «колониализм данных» (Ник Кудри, 2014, 2019 гг.), «digitalsociety», «digitalizedsociety», «digitizingsociety» – «цифровое

общество», «цифровизированное общество», «цифровизирующееся общество» (Ян Ван Дейк, 2015), «digitizedsociety» – «оцифрованное общество» (Е. Морозов, 2011 г.), «digitalsociety», «platformsociety» – «цифровое общество», «общество платформ» (Хосе ван Дейк, 2013, 2018), «digitalsociety» – «цифровое общество» (Хелен Маргеттс, Сандра Гонсалес-Байлон, 2021 г.), «digitalsociety», «digitalcapitalism», «transparent society», «smartphonesociety» – «цифровое общество», «цифровой капитализм», «прозрачное общество», «общество смартфонов» (Бьён-Чхоль Хан, 2016, 2017, 2021 гг.), «theageofdisruption», «computationalcapitalism» – «эпоха разрушения», «вычислительный капитализм» (Бернар Стиглер, 2019 г.), «digitalisiertegesellschaft», «digitalisiertemoderne», «algorithmischgesteuerteGesellschaft» – «оцифрованное общество», «цифровое модернизи», «общество, управляемое алгоритмами» (Хартмут Роза, 2016 г.), и др.

Как показывает исследование, термин «цифровое общество» начал использоваться практически точно с XXI в. (1998 – 2002 гг.), то есть, именно с периода распространения персональных компьютеров и Интернета, с периода, который К. Шваб относит к «четвертой промышленной революции». Термин «цифровое общество» является зонтичным, наиболее общим термином, подчеркивающим критическое влияние технологий на социальную жизнь во всех проявлениях: власть, экономику, культуру, саму природу человеческих отношений. В «цифровом обществе» все стороны жизни охвачены сетевизацией, датификацией, алгоритмизацией и платформизацией, и само понятие, что примечательно, несет не положительную, но нейтральную, или даже отрицательную коннотацию. Стоит ознакомиться с терминами, обозначающими формирующиеся общество до начала XXI в., и сравнить их с терминами, обозначающими общество со времени начала необычайно быстрой эволюции вычислительных мощностей процессоров и снижения их стоимости, развития цифровой инфраструктуры, роста скорости передачи данных, чтобы увидеть, как технологический оптимизм сменяется тревогой и пессимизмом. Так, если в конце XX в. М. Кастельс видел сети как средство демократизации, то в 2018 г. Х. ван Дейк доказывает, что платформы технологических компаний превратили сети в инструмент получения собственной прибыли и огромной власти. Х. ван Дейк критикует цифровое общество («digitalsociety») как олицетворяющее не свободный обмен между людьми, но «подключенность»

(«connectivity»), управляемую корпорациями. Ян ван Дейк, И. Масуда прямо указывают на то, что следующей ступенью после сетевого (Ян ван Дейк) или информационного (И. Масуда) общества станет цифровое общество – «digitalsociety», или, по И. Масуда, цифровая цивилизация - «digitalcivilization».

Дадим определение «цифровому обществу» как феномену. Цифровое общество – это общество, в котором все оцифрованные сферы социальной жизни переживают метаморфозы под влиянием процессов сетевизации, датификации, алгоритмизации, платформизации, автоматизации. Глубокие изменения в социальной, культурной, экономической сфере «вызывают шок, уничтожающий антропологические константы привычного существования и устоявшегося понимания мира» [2, с. 45].

Возникновение феномена и понятия «цифровое общество» относят к началу XXI в., когда основанные на третьей промышленной, «компьютерной» или «цифровой» революции, произошедшей в 1960 – 1990-х гг., цифровые технологии, «уходя все дальше от третьей промышленной революции», становились «все более усовершенствованными и интегрированными, вызывая трансформацию общества и глобальной экономики» [3, с. 16]. Технологическая база цифрового общества – это сочетание необычайно быстрого роста вычислительных мощностей с доступностью огромного объема данных: «вездесущий и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины» [3, с. 16]. Глобальный эффект на мировую экономику выражается в воздействии на ВВП, торговлю, инфляцию, экономический рост, инвестиции, потребление, рынок труда и занятость [3, с. 43]. В социальной сфере меняются парадигмы работы и общения, способы получения информации, развлечений и самовыражения [3, с. 10]. Культура также претерпевает изменения в форме «знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций» [4, с. 524].

Есть тенденция рассматривать период с 2000-х гг., характеризующийся «переплетением технологий из мира физики, биологии и цифровых реалий» [3, с. 9], искусственным интеллектом, Интернетом вещей, машинным обучением, квантовыми вычислениями, и т.д., в рамках постиндустриальной теории как отдельную, четвертую

«Волну», если пользоваться терминологией Э. Тоффлера. Так, К. Шваб относит происходящие в современном обществе перемены к четвертому этапу эволюции, поскольку новые технологии, сами синтезируя «все более передовые и эффективные технологии», провоцируют в современном взаимосвязанном мире быстрые и глубокие изменения «в экономике, бизнесе, социуме и в отдельной личности», «целостные внешние и внутренние преобразования всех систем по всем странам, компаниям, отраслям и обществу в целом» [3, с. 11], растущую интеграцию разнообразных научных дисциплин.

С другой стороны, есть тенденция рассматривать «цифровое общество» как третью фазу общественного развития. Так, оставаясь в рамках постиндустриальной теории и используя ее методологию, о «четвертой промышленной революции», «второй эре машин», «цифровой цивилизации» говорят К. Шваб, Эрик Бринолфссон и Эндрю МакАфи, И. Масуда. К третьей промышленной революции относят последние технологические достижения Джереми Рифкин, Карлота Перес, Шошана Зубофф, Джеймс Робинсон.

По-видимому, неопределенность в периодизации даже на базе одной постиндустриальной теории как методологической парадигме, и вариативность в определениях объясняется тем, что технологии, обеспечившие третью промышленную революцию, продолжают совершенствоваться, и современной философии и социологии сложно охватить весь спектр отношений и противоречий трансформирующегося общества, пока оно не стало сложившимся целым.

Список литературы

1. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества: Научное издание. М.: «Academia» - «Наука», 1998. 640 с.
2. Бек У. Метаморфозы мира. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 336 с.
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва: ЭКСМО, 2020. 208 с.
4. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. Науч. Ред. и сост. А. А. Грицанов. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.

ДИАЛЕКТИКА ВОЙНЫ И МИРА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Сенюшкина Т.А.

Доктор политических наук

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
профессор; Институт этнологии и антропологии РАН, ведущий
научный сотрудник*

E-mail: tsenyushkina@cfuv.ru

Сенюшкин Е.А.

Кандидат политических наук

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
доцент*

E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru

Аннотация. Война и мир сопровождают историю человечества, вмещающая в себя крайние состояния общества между разрушением и созиданием, хаосом и порядком. Начиная с глубокой древности, война и мир чередовали друг друга, порождая тем самым неиссякаемый повод для осмысления этих взаимосвязанных феноменов. В символическом пространстве древности война сравнивалась с хаосом, а мир ассоциировался с гармонией. В начале XXI века грань между войной и миром стала стираться, в результате чего в научный оборот были введены понятия «гибридная война» и «гибридный мир». Имеет ли этот процесс отношение к диалектике войны и мира, и как отражается эта тема в теоретической рефлексии, начиная с древнейших времён и до наших дней – на эти вопросы мы и попытались ответить в данной статье.

Ключевые слова: диалектика войны и мира, хаос и гармония, гибридная война, гибридный мир, когнитивная война.

DIALECTICS OF WAR AND PEACE AS A THEORETICAL PROBLEM

Senyushkina T.A.

*Doctor of Political Sciences, V.I. Vernadsky Crimean Federal
University, Professor; Institute of Ethnology and Anthropology Russian
Academy of Sciences, Leading Researcher*

Senyushkin E.A.
Candidate of Political Sciences,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Associated Professor

Abstract. War and peace accompany the history of mankind, accommodating the extreme states of society between destruction and creation, chaos and order. Since ancient times, war and peace have alternated, giving rise to an inexhaustible reason for understanding these interrelated phenomena. In the symbolic space of antiquity, war was compared to chaos, and peace was associated with harmony. At the beginning of the 21st century, the line between war and peace began to blur, as a result of which the concepts of «hybrid war» and «hybrid peace» were introduced into scientific circulation. Whether this process is related to the dialectic of war and peace, and how this topic is reflected in theoretical reflection, from ancient times to the present day, we have tried to answer these questions in this article.

Keywords: dialectics of war and peace, chaos and harmony, hybrid warfare, hybrid peace, cognitive warfare.

«Выиграть войну, не сражаясь – это вершина мастерства».

Сунь Цзы.

В условиях кризиса современной системы международных отношений актуализируется вопрос о разработке теорий и концепций, адекватных новейшим политическим изменениям на мировой арене [1, с. 207]. Несмотря на широкий диапазон методологических подходов, которые используют современные авторы, диалектика остаётся одним из универсальных методов, при помощи которого можно исследовать такие взаимосвязанные феномены как война и мир, сопровождающие историю человечества и вмещающая в себя крайние состояния общества между разрушением и созиданием, хаосом и порядком.

Начиная с глубокой древности, война и мир чередовали друг друга, порождая тем самым неиссякаемый повод для осмысления этих взаимосвязанных феноменов. В символическом пространстве древности война сравнивалась с хаосом, а мир ассоциировался с гармонией. Одной из наиболее ранних философских рефлексий на эту тему можно считать высказывания древних даосских мудрецов, сравнивавших войну с хаосом, а мир с гармонией. К примеру, Лао-цзы

считал, что хаос сам порождает гармонию: «Хаос – мать всех вещей. Когда его беспорядок достигает предела, он сам собой превращается в порядок» [2, с. 112-113].

Диалектическое осмысление взаимосвязи войны и мира вслед за китайцами продолжили древнегреческие философы. Так, Гераклит рассматривал войну как основу миропорядка *«Πόλεμος πάντων μὲν πατήρ ἐστι, πάντων δὲ βασιλεύς»* («Война – отец всего, царь всего») – в этом контексте война понималась им как всеобщий закон бытия, источник изменений. Конфликт противоположностей (добро/зло, жизнь/смерть) создает гармонию, подобно натяжению лука или лиры.

Платон сравнивал войну и идеальное государство: война – следствие несовершенства общества, но в «идеальном полисе» она регулируется философами [3]. Аристотель считал, что война оправдана, если она ведет к «благой жизни». В «Никомаховой этике» он утверждал, что война нужна для того, чтобы жить в мире [4].

Древнеримская проекция на эту тему продолжает античную традицию, заложенную древними греками. Цицерон разделял войны на справедливые (защита республики) и несправедливые (захватнические) [5]. Сенека критиковал жестокость войн, но при этом признавал неизбежность конфликтов в природе человека: «Война – это дикое безумие, но даже мудрец не может избежать столкновений, ибо зло в мире активно, а добро должно уметь постоять за себя» [6, с. 117].

Предваряя модернизм, Ницше высказал мысль о том, что мир – это лишь передышка между войнами, рассматривая диалектику дионисийского начала (хаос, стихия) и аполлонического (гармония, форма): «Эти два столь различных стремления идут рядом, большей частью в открытой между собой вражде, взаимно возбуждая и стимулируя друг друга к порождению все новых и более крепких плодов...» [7, с. 33].

Литературную проекцию осмысления войны при помощи категории хаоса на российской интеллектуальной почве предложил Лев Толстой. В романе «Война и мир» он описал внутреннюю гармонию как источник истинного мира, размышляя о переплетении личной судьбы с глобальными событиями. Толстой не просто описывает эпоху Наполеоновских войн – он раскрывает парадоксальный закон бытия: глобальные катастрофы становятся зеркалом внутренних поисков человека, а подлинный мир рождается не из политических договоров, а из духовного преодоления хаоса. Символы войны и мира отражают глубинные архетипы

человеческого сознания: стремление к разрушению и жажду покоя. Толстой показывает, что мир – не отсутствие войны, а новое качество бытия [8].

В начале XXI века теоретическая проблема диалектической взаимосвязи войны и мира приобретает новые черты. Внимание исследователей всё больше привлекают новые формы конфликтов, в частности, гибридные войны, как сочетание военных, информационных, экономических и кибернетических методов; трансформация понятий «война» и «мир» в условиях нелинейных угроз; роль цифровых технологий и искусственного интеллекта в современных конфликтах; этика и право в гибридных войнах (проблема легитимности, международное гуманитарное право). Большинство авторов сходятся во мнении, что инструментарий гибридного воздействия направлен на достижение политических, экономических, социальных, демографических, военных целей. Гибридное влияние осуществляется при помощи истории, культуры, религии, языка, науки, образования, так как это основные области восприятия человека. Гибридная война – новая форма противостояния, при котором вооруженный конфликт не является обязательным и необходимым условием для победы: «жесткая сила» сменяется «мягкой», а чаще работает в паре [9].

Рассуждая в этом направлении, Мартин ван Кревельд подчёркивает, что «гибридность» – не новое явление, а просто усложнение старых форм конфликтов. В книге «Трансформация войны» он осуществляет пересмотр парадигмы военно-теоретической мысли, господствующей со времен Клаузевица, предложив новое видение войны как культурно обусловленного вида человеческой деятельности [10].

Дальнейшее теоретическое обоснование проблемы взаимосвязи войны и мира как диалектического процесса нашло своё отражение в осмыслении феномена «когнитивной войны», которая является новейшей формой гибридных конфликтов, направленной на манипуляцию сознанием. Механизмы когнитивной войны основаны на одновременном и взаимодополняющем использовании кибератак, дезинформации, нейротехнологии и социальной инженерии. В числе российских авторов, исследующих эту тему, особо следует отметить А.М. Ильницкого, который исследовал когнитивные войны в эпоху цифровых технологий [11]. Когнитивное оружие как элемент системы

фальсификации истории Великой Отечественной войны исследовалось нами в ряде публикаций [12].

Обобщая сказанное выше, следует отметить, что истоки диалектического осмысления взаимосвязи войны и мира как противоречия между хаосом и гармонией находятся в мировоззренческих и философских системах древнего мира, как на Востоке (даосизм), так и на Западе (Платон, Аристотель, Цицерон, Сенека и др.). Диалектику дионисийского начала (хаос, стихия) и аполлонического (гармония, форма) исследовал Фридрих Ницше в своей ранней работе «Рождение трагедии из духа музыки». Литературную проекцию осмысления войны при помощи категории хаоса предложил Лев Толстой, считавший, что мир – не отсутствие войны, а новое качество бытия.

В современных исследованиях диалектической взаимосвязи войны и мира наиболее востребованными темами можно считать следующие: гибридные войны, как сочетание военных, информационных, экономических и кибернетических методов; трансформация понятий «война» и «мир» в условиях нелинейных угроз; роль цифровых технологий и искусственного интеллекта в современных конфликтах; этика и право в гибридных войнах (проблема легитимности, международное гуманитарное право).

Особый интерес, на наш взгляд, приобретает тема когнитивной войны, которая нацелена на человеческое сознание. Её цель – не физическое уничтожение, а контроль над восприятием, памятью и принятием решений. В качестве противодействия методам когнитивных войн можно указать на развитие «когнитивного иммунитета» при помощи формирования медиаграмотности, особенно у молодёжи, а также государственное регулирование нейротехнологий.

Список литературы

1. Мохов А. В., Сенюшкина Т.А. Цивилизационный подход в новейших политологических исследованиях: проблемы и перспективы // Политическое пространство и социальное время: цивилизационные модели формирования многополярного мира: материалы XLIII Международного Харакского форума, Ялта, 06–08 мая 2024 года. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. С. 206-210.

2. Лао-цзы. Дао Дэ Цзин / перевод с древнекитайского, вступительная статья и комментарии В.В. Малявина. М.: АСТ, 2020. 256 с.
3. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова ; под ред. А. Ф. Лосева. М.: Наука, 2020. 576 с.
4. Аристотель. Никомахова этика / пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской, Т. А. Миллер. М. : Академический проект, 2020. 349 с.
5. Цицерон М. Т. О государстве / пер. с лат., вступ. ст. и коммент. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 2022. 399 с.
6. Сенека Л.А. О гневе // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / Сост. А.А. Столяров. М.: Республика, 1995. 352 с.
7. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм / Пер. с нем. Г.А. Рачинского; вступ. ст. А.А. Россиуса. М.: Академический проект, 2007. 166 с.
8. Толстой Л. Н. Война и мир. М.: Эксмо, 2021. 1408 с.
9. Тёмкина А.М. Эволюция войны. Новые методы защиты. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/evolyutsiya-voyny-novye-metody-zashchity/>
10. Ван Кревельд М. Трансформация войны / пер. с англ. А. Колина. М.: Альпина Паблишер, 2022. 300 с.
11. Ильницкий А.А. Когнитивные войны. М.: МГИМО, 2023. 180 с.
12. Сеньюшкина Т. А. Когнитивное оружие как элемент системы фальсификации истории Великой Отечественной войны // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2021. Т. 7. С. 106.

ВЕРБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ ПИСЕМ, АДРЕСОВАННЫХ ЦК КПСС

Столетова А.С.

*Кандидат исторических наук
доцент кафедры гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО
Вологодская ГМХА, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ
ВО «Вологодский государственный университет»
E-mail: Stoletova-A-S@yandex.ru*

Аннотация: В освещаемом тексте анализируются впервые вводимые в научный оборот источники, извлеченные из фондов Российского государственного архива, отражающие частные мнения о хозяйственной роли и авторитете советских управленцев. Размышления построены на материалах, территориально относящихся к границам Русского Севера. Особое внимание уделяется группе писем, характеризующих деятельность секретарей обкомов партии, а также фиксирующих их личностные черты, поведенческие маркеры, а вместе с тем и групповое сознание.

Подчеркивается, что культурный консерватизм, потребительские стратегии, корыстолюбие, видоизмененные нравственно-управленческие ценности: бездушие к народу, риторика, связанная с пустословием, славословием, невыполнением своих обязательств определяли динамику общественного мнения, в конечном итоге разрушая веру народа в партию и создавая коррупционную модель жизни, наиболее ярко проявившуюся в предперестроечный и перестроечный периоды.

Ключевые слова: Русский Север, общественное сознание, ценностные сдвиги, мировоззрение, ментальность, советский управленец, секретарь обкома.

VERBAL DIMENSION OF SPACE AND WORKING TIME IN THE TEXTS OF LETTERS ADDRESSED TO THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU

Stoletova A.S.

Candidate of Historical Sciences,

Associate Professor of the Department of Humanities, Vologda State
Agricultural Academy, Associate Professor of the Department of National
History, Vologda State University
E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

Abstract. *The text under review analyzes sources, extracted from the funds of the Russian State Archive, which are being introduced into scientific circulation for the first time. They reflect private opinions on the economic role and authority of Soviet managers. The reflections are based on materials that are territorially related to the borders of the Russian North. Particular attention is paid to a group of letters that characterize the activities of the secretaries of regional party committees, as well as recording their personal traits, behavioral markers, and, at the same time, group consciousness. It is emphasized that cultural conservatism, consumer strategies, self-interest, modified moral and managerial values: callousness to the people, rhetoric associated with empty talk, glorification, failure to fulfill their obligations determined the dynamics of public opinion, ultimately destroying the people's faith in the party and creating a corrupt model of life, which was most clearly manifested in the pre-perestroika and perestroika periods.*

Keywords: *Russian North, public consciousness, value shifts, worldview, mentality, Soviet manager, regional committee secretary.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Векторы эволюции общественного сознания в историко-культурном пространстве Русского Севера второй половины XX века», проект № 25-28-00938

Измерение политического пространства и социального времени второй половины XX в., народное восприятие, в первую очередь связанное с представлениями о типе советского руководителя, путях хозяйствования на земле, моральных качествах гражданина, духовной стороне жизни, наконец, трансформация национальных черт характера – тема, заслуживающая всеобщего внимания: исторической, философской, литературоведческой, политологической и др. оценок. В данном направлении имеются довольно масштабные сдвиги – это прежде всего работы общего плана о региональной партноменклатуре, ее корнях, перспективах развития в постсоветский период и

социологическом «портрете» политического лидера [1; 2; 9], а также конкретные локальные исследования [8].

Однако архивы хранят множество не введенных в научный оборот источников, транслирующих анализ ситуаций, связанных с процессом сложения системы привилегий и обуржуазиванием региональной номенклатуры [10]. Эволюция социально-экономического, политического и ментального ландшафта, в особенности в переломные и переходные исторические периоды вызывала, обнажала и демонстрировала персональные, качественные характеристики, размывала нравственные оболочки.

В настоящей статье мы ограничимся периодом позднего социализма, ввиду выявленного в фонде РГАНИ комплекса писем за 1964–1990 гг., территориально касающихся Русского Севера. Особенностью данного источникового комплекса выступает общая критическая направленность материалов: замечания, касающиеся стиля работы, незаконной реализации прав собственности, бесхозяйственности и прочих упущений, корыстных устремлений, морального разложения, не смотря на достойные партийные характеристики, заслуги, медали ответственных лиц. Вероятно, авторские описания довольно субъективны, а выводы, построенные на исследовании данных документов, вряд ли могут считаться универсальными. Однако все же они дополняют портреты первых лиц регионов, выявляют общие закономерности в развитии общественного самосознания. Кроме того, большой интерес представляет анализ реагирования власти на негативные выпады, построения линии обратной связи с населением, проведения проверок фактологической информации.

В письмах присутствует не только описание негативных моделей поведения, далеких от социалистических норм, но и утверждавшихся во власти социальных архетипов, свидетельствующих о нарастании социального неравенства. Обзор документов позволяет выявить спектр развивающихся общественных тенденций, фиксируемых в народном сознании и мировосприятии.

Первая тенденция – это стремление к усилению роста благосостояния, т. н. обуржуазивание партийных элит, а вместе с тем проявление «барственности», высокомерия, гордыни, грубого отношения к подчиненным и соответственного злоупотребления должностными полномочиями. В письме от 15 апреля 1965 г. значится: «К сожалению, мы не можем пока поставить своих подписей под этим

письмом, т. к. у нас жестко расправляются за критику. Многие из ответственных работников стали жертвами первого секретаря Коми обкома КПСС Д*, который чрезмерно зазнался, стал невыносимо груб с руководящими работниками республики, перестал считаться даже с мнением членов бюро обкома [6, л. 4]. «Отдельные партийные работники забыли ленинские нормы поведения, ведут себя как удельные князья, как старые губернаторы. Даже хуже в сто раз. Так ведет себя первый секретарь нашего [Архангельского] обкома партии П*. Где такого нам выкопали? Были у нас секретари – И.С. Латунов, С.П. Логинов, К.А. Новиков, действительно коммунисты. Их народ знал, уважал, любил. ... Оскорбить, унижить человека ему ничего не стоит. Ходить на партсобрания он не считает нужным», – писал анонимный автор в 1975 г. председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС А.Я. Пельше [4, л. 3]. Оценка деятельности, связанная с явным неудовлетворением методами работы, возрастными и служебными превышениями содержится в письме без подписи, обращенном к ЦК КПСС от 1979 г. из г. Вологды. Авторами, именовавшими себя низовыми партработниками, сообщалось, что первый секретарь Вологодского обкома КПСС редко бывал на рабочем месте и не пользовался авторитетом у партийного актива [5, л. 8].

Вторая тенденция – это неправомерное обеспечение комфортной жизни и связанных с этим излишеств, привилегированного отдыха партноменклатуры. «Я с семьей поехал отдыхать на Сийские озера, их десятки – любимое место для отдыха жителей Архангельска и Северодвинска. Не доезжая до озер 10 км по распоряжению П* на дороге установлен шлагбаум и поставлен пост милиции. Теперь никого туда не пускают, потому что там отдыхает П* и его супруга. Остальным дорога закрыта. Так отвечают работники милиции. Люди вынуждены отдыхать где попало, возле дороги. Он отобрал у народа десятки и тысячи га земли и занял бывший монастырь для одного себя. Так не поступал ни один губернатор в царской России», – констатировал анонимный автор в 1975 г. [4, л. 3, 4]. За аморальное поведение, приверженность ездить на «Волгах», жить в «люксах» гостиницы «Металлург», осуществление обустройства новых «люксов» в отдельных коттеджах, что потребовало «выселение» детского сада, критиковался первый секретарь Вологодского областного обкома партии. В анонимном письме из Череповца от 1975 г., утверждалось, что об указанных обстоятельствах знали руководство города и завода, но попустительствовали, а многие руководители

благодаря потворству, что называется выходили «сухими из воды» [5, л.3-4об.].

О произволе в Мурманском обкоме партии, руководимом гражданином П* сообщал «анонимщик-доброжелатель» в письме от 20 июля 1986 г.: «Первый секретарь Мурманского обкома П* окружил себя подхалимами. Любимое место пикников П*– Кировск. Сколько алкоголя выпито вместе с директором комбината «Апатит» Г*, председателем горисполкома К*, на глазах у рабочих. Зачем нужны персональные служебные машины в районах Мурманской области? Ездить некуда, разве только на рыбалку с попойками. Поехал в прошлом году инструктор Мурманского обкома партии и работник Печенгского РК КПСС на пьянку-рыбалку за границу и на погранреке утонул заведующий Отделом райкома партии. И все шито-крыто. А народ-то знает и видит...» [7, л. 52].

Третья тенденция связана с присваивающим настроем в отношении института собственности, развитием «семейственности», внеочередным и незаконным разрешением жилищно-бытовых вопросов, нецелевым расходованием государственных средств со стороны руководителей. В частности, в письме Трофимова и Зайцева от 1967 г., обращенного к секретарю Л.И. Брежневу отрицательно охарактеризована фигура секретаря Мурманского горкома партии К*, который по многочисленным свидетельствам, приведенным в источнике, устраивал на должности и предоставлял квартиры по «блату» [Там же, л. 8-10об.]. В письме в ЦК КПСС за подписью Попова, Ларионова от 1975 г. отмечалось, что первый секретарь Архангельского обкома партии утерял чувство ответственности и скромности, допустил излишества при строительстве административных зданий обкома и горкома партии, а также жилых домов для работников аппарата обкома партии [4, л. 5]. В анонимном письме из Ленинграда за 1984 г. отмечалось, что первый секретарь Мурманского обкома КПСС «добился квартиры дочери, хотя она имела достаточную площадь» [7, л. 18].

Согласно направленным в ЦК КПСС компрометирующим материалам, инициировались проверки. Чаще всего обозначенные факты не подтверждались, именовались вымышленными, рассмотрение поднятых вопросов на этом завершалось. [4, л. 1; 5, л. 1; 7, л. 7]. Формулировки довольно распространенные, сухие, носящие отписочный характер. Как раз они и разрушали веру народа в партию, на которую долгое время народ возлагал надежды. Очень редко

встречается жанр предупредительного характера с объявлением выговора. Так, в ответ на письмо без подписи из г. Архангельска сообщавшем о том, что руководители колхозов не создавали условий для разведения скота в личном хозяйстве населения, а первый секретарь обкома не проявлял должной требовательности к хозяйственным руководителям, в 1979 г. было установлено, что подобные случаи имели место быть. За допущенную волокиту и бесконтрольность в организации заготовки сена директору совхоза «Шипуновский» был объявлен выговор с занесением в учетную карточку [4, л. 10]. К вышестоящим лицам никаких мер воздействия не принималось. Примечательна информация ЦК КПСС за подписью заместителя заведующего Ю. Петрова и заведующего сектором Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС В. Валуева от 1984 г. с простой отметкой «Первый секретарь обкома ознакомлен с содержанием письма. Он заявил, что все изложенное является надуманным, таких фактов не было» [7, л. 19]. Подобные формулы вызывают закономерные предположения о нежелании проведения надлежащих административных мероприятий либо формальном их соблюдении. С другой стороны, в документальном комплексе присутствуют довольно объемные справки, составленные ввиду поступающих в ЦК КПСС сигналов (за подписью секретаря обкома КПСС А. Победоносцева от 1985 г.). Они изобилуют такими штаммами как «автор освещает сведения в извращенном виде», «не удалось установить фактов», «немедленно приняты меры», «считаем надуманным заявление», «наши руководящие кадры в абсолютном своем большинстве хорошо понимают задачи, поставленные партией, и не жалеют сил для их выполнения» [7, л. 23-27] и др.

Таким образом, на Севере, не смотря на его удаленность и размеренность жизни, в период позднего социализма довольно активно, с явным равнодушием обсуждалось политическое пространство и противоречия социального времени. Так, в письме из Ленинградской области от 17 июня 1990 г. в адрес XXVIII съезда КПСС обозначено явное разочарование: «Все эти годы жил среди рабочих и хорошо знаю и чувствую их помыслы и настроения. Убежден, что народ уже не верит партии, а сейчас многие коммунисты уходят из ее рядов. Это, конечно, не бойцы. Даже Б. Ельцина я не считаю идейным бойцом после того, как он заявил в аудитории университета в Америке – “коммунизм – это что-то такое в небесах, а мы живем на земле”. Я был очень огорчен и мне стыдно за него –

человека, возглавлявшего обком партии, горком Москвы. И не только верхние эшелоны способствовали этому, а и действия коммунистов – руководящих работников своим корыстолюбием, нечестными поступками, бездушием к народу, пустословием, славословием, невыполнением своих обещаний разрушали веру народа в партию. Восстановить эту веру будет ох как трудно» [3, л. 3]. Тем не менее, автор письма идеалистически завершает размышление: «Хозяйствовать должны хозяева. Если мы накажем всех нарушителей коммунистической морали, очистим партию от нечестных людей при билете, не в одночасье, но народ сможет снова поверить в идеи партии» [Там же, л. 4].

Подводя итог, отметим, что обзор группы эпистолярных документов, ограниченных северной территорией, позволяет выделить черты поведения руководителей и мировидения жителей региона, в целом совпадающие с общероссийскими данными [1]. Надежды быть услышанными замещались пессимизмом: «Ни к какому начальству не подступиться... Творятся у нас на Севере большие безобразия... Если нашему Михаилу Сергеевичу нет времени приехать к нам, то кто-нибудь приезжайте и наведите порядки в горисполкоме, облизполкоме и обкоме партии» [7, л. 42-44об.]. Общая критическая направленность материалов связана с негативными отзывами в отношении ценностных сдвигов в общественном сознании управленцев. Дрейф в сторону упрочения формализма, поверхностного и неквалифицированного отношения к проблемам регионов, нарушения дисциплины, расстановки кадров, утверждения приобретательства, накопительства, престижности и вещизма вызывал в народном восприятии волну неприятия, особенно усилившуюся к началу 1990-х гг.

Список литературы

1. Безнин М.А., Димони Т.М., Столетова А.С. Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 77–86.
2. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь: Пермское книжное изд-во, 2003. 238 с.
3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 95. Оп. 1. Д. 181.
4. РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 90.
5. РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 110.

6. РГАНИ. Ф.100. Оп. 6. Д. 128.
7. РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 152.
8. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А. В. Дуки. СПб: Алетейя. 2001. 352 с.
9. Сельцер, Д.Г. Региональная номенклатура КПСС: размышления о границах дозволенного // Центр элитологических исследований при Академии политической науки. URL: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=33&pod3_id=209 (дата обращения: 18.04. 2025).
10. Столетова А.С. Из записной книжки журналиста А.И. Серегина: Критика деятельности первого секретаря Тамбовского обкома КПСС В.И. Черного // Вестник ВоГУ (серия: исторические и филологические науки). 2020. № 3 (18). С. 40–45.

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ, РЕЛИГИОЗНЫХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Широкова М.А.

Доктор философских наук

*Алтайский государственный университет,
профессор кафедры философии и политологии*

E-mail: mshirokova1@rambler.ru

Аннотация. На основе работ российских и зарубежных авторов рассматриваются особенности мифологии, религии и идеологии как форм фиксации исторического сознания и социальной памяти человечества. Прослеживается трансформация отношения ко времени как одному из главных общественных ресурсов при переходе от традиции к модерну и далее к постиндустриальному (информационному) обществу. Выявляются причины обособления идеологии от мифологического и религиозного мировоззрений и ее роль на разных этапах социальной динамики. Подчеркиваются различия в восприятии времени и происходящих в нем социально-политических изменений между классическими идеологическими системами

либерализма, консерватизма и социализма. Кроме того, ставится вопрос о соотношении научного и идеологического (ценностного) компонентов в содержании современных университетских курсов, затрагивающих проблемы теоретического осмысления развития общества.

Ключевые слова: идеология, религия, мифология, общественное развитие, время, традиция, модерн.

REFLECTION OF SOCIAL TIME IN MYTHOLOGICAL, RELIGIOUS AND IDEOLOGICAL CONCEPTS OF SOCIAL DEVELOPMENT

Shirokova M.A.

The Altay State University, professor

E-mail: mshirokova1@rambler.ru

Abstract. *Based on the works of Russian and foreign authors, the article examines the features of mythology, religion and ideology as forms of recording the historical consciousness and social memory of mankind. It traces the transformation of the attitude to time as one of the main social resources during the transition from tradition to modernity and then to the post-industrial (information) society. The reasons for the separation of ideology from mythological and religious worldviews and its role at different stages of social dynamics are revealed. The differences in the perception of time and the socio-political changes occurring in it between the classical ideological systems of liberalism, conservatism and socialism are emphasized. In addition, the question is raised about the relationship between the scientific and ideological (value) components in the content of modern university courses touching on the problems of theoretical understanding of the development of society.*

Keywords: *ideology, religion, mythology, social development, time, tradition, modernity.*

Рассмотрение общества как сложной динамической системы в современном социально-гуманитарном дискурсе побуждает нас обратиться к категории времени и ее рецепции с точки зрения различных форм, в которых воплощались историческое сознание и

историческая память человечества. Помимо науки, к таким формам относятся мифология, религия и идеология. Каждая из них порождает соответствующий тип мировоззрения, нередко противопоставляемый научному мировоззрению как неправильная, примитивная, фантастическая картина мира, по сравнению с наукой обладающая меньшей эвристической ценностью. Но, на наш взгляд, стоит согласиться с исследователями, предлагающими более взвешенный подход и считающими «недоразумением» пренебрежительный «взгляд свысока» на ненаучные или донаучные концепции социальной динамики. Так, в отношении образа времени в античной мифологии Т.Ю. Денисова отмечает, что многие его характеристики, которые казались раньше досужим вымыслом, «игрой воображения», например, «возможность находиться одновременно в разных местах, несовпадение течения времени для разных персонажей, «выключение» времени в процессе преодоления пространства, асимметрия и смещение времен – в XX-XXI веках становятся предметом естественнонаучных гипотез» [1, с. 58] Как известно, воображение выполняет связующую роль между сознанием и бессознательным, будучи при этом не ограниченным рамками того и другого. Отсюда, «мифологическое мышление, основанное на воображении, угадывало раньше и глубже то, что впоследствии докажет наука» [1, с. 58]. Данное утверждение не стоит абсолютизировать, однако, действительно, темпорологические модели, возникшие до науки и помимо нее, оказывают непосредственное воздействие на современное познание, как природы, так и общества. Сама же мифология может рассматриваться как форма гносеологии (позиция, которую выражает, в частности, Я.Э. Голосовкер [2]).

Мифологическое время нелинейно, оно, как правило, циклично, и циклы воспроизводят деградацию мира людей, истощение в их жизни принципов блага и справедливости. Таким образом, идея регресса появляется в общественном сознании значительно раньше идеи прогресса как поступательного восходящего развития. Данная особенность зафиксирована в мифах Месопотамии, Египта, Индии, Израиля [3, с. 70], но наиболее яркое и структурированное воплощение она находит в Древней Греции [1]. Прежде всего – в поэме Гесиода «Труды и дни», где описывается нисходящее историческое движение человечества, охватывающее пять веков: «золотой», «серебряный», «медный», «век героев» и, наконец, современную эпоху – «железный век». Затем та же «опрокинутая иерархия», состоящая из пяти

ступеней, демонстрируется в платоновской классификации государственных форм, выстроенных в соответствии с качественным критерием, от лучшей – к худшей: аристократия, тимократия, олигархия, демократия, тирания. И если сами циклы конечны, то их количество – бесконечно, все в мире подвержено постоянному круговороту бытия, в котором практически нивелируется человеческая субъектность, отсутствует свобода выбора.

По мнению А.А. Трунова, специфика мифологического отношения ко времени состоит в том, что «время не являлось главным ресурсом человеческой жизни» и, как следствие, «не порождало предельных форм концентрации человеческой активности, связанной с необходимостью поиска смыслов и их реализацию через социальное творчество». Классический миф «ориентирует нас на некую эпическую цикличность, для которой категория времени не имеет определяющего значения» [4, с. 36], или, во всяком случае, эта категория оценивается принципиально иначе, чем в культуре социальных проектов модерна.

Укажем еще некоторые характеристики образа времени в мифологическом сознании: время не имеет единой системы измерения и единой скорости движения, не подчиняется законам формальной логики, «для различных субъектов, процессов и событий время может течь по-разному» [1, с.62]. Кроме того, уже в мифологии формируется такая особенность восприятия времени как телеологичность, которая впоследствии станет важнейшей чертой христианской философии истории.

При несомненной близости качеств мифологического и религиозного мировоззрений, мифологической картине мира свойствен синкретизм, тогда как религиозная характеризуется различными формами дуализма, прежде всего, дуализмом естественного и сверхъестественного, «посюстороннего» и «потустороннего», «Града Земного» и «Града Небесного». Наиболее зримо дуалистическая концепция представлена у Аврелия Августина, который первым развернул христианскую схему исторического процесса. Кроме того, Августин показал парадоксальность времени как категории, связующей то, чего уже нет (прошлое), то, чего еще нет (будущее) и то, что не имеет длительности (момент настоящего). В целом, христианское вероучение и философия привнесли в темпорологические представления целый ряд черт, не присущих мифологическому сознанию. Это, прежде всего, разделение концептов времени и вечности. Вечность соотнесена с божественным началом, а

время – с человеческим. Человеческая история протекает во времени, но через веру осуществляется связь индивида и общества с вечностью. Отсюда, так же как человек с помощью веры способен к самотрансценденции, выходу за пределы собственного «Я», социальное и историческое время порой совершает прорывы в вечность. Далее, на смену цикличному мифологическому времени приходит линейное христианское, с такими его характеристиками, как направленность и необратимость. Появляется образ «стрелы времени», движущейся от начала к концу. Христианская эсхатология придает смысловое и ценностное измерение историческому процессу, который развивается, с одной стороны, в соответствии с замыслом Провидения, с другой – в результате реализации свободной воли человека.

С развитием научного мировоззрения телеологичность и аксиологичность темпорологии христианства, соединившись с идеей научно-технического прогресса, обусловили чрезвычайную историческую активность христианских народов в период модерна. Как подчеркивает, в частности, И.А. Безнос, «христианство продолжает определять темпорологические представления современной Европы на всех уровнях сознания». Именно такую модель времени преимущественно использует и человек постиндустриальной эпохи, стремящийся «сохранить свою темпоральную идентичность в условиях инновационной динамики и футурошока» [5].

При переходе от традиции к модерну формируется еще один мировоззренческий феномен – идеология. А.А. Трунов определяет суть модерна как «постоянное обновление обновляемого, в ходе которого трансформируются не только несущие конструкции жизненного мира отдельных индивидов, но и системные характеристики общества в целом» [6, с. 234]. В традиционных обществах идеология не являлась самостоятельным институтом конструирования смыслов, поскольку в этот период еще не представляется возможным провести демаркацию идеологических и религиозных форм сознания и поведения. Религия охватывала практически всю духовную сферу, выполняя в том числе и функции идеологии (мировоззренческую, смыслообразующую, компенсаторную, регулятивную, легитимирующую, а также интеграционно-деинтеграционную). Феномен идеологии обрел самостоятельность тогда, когда социальные и культурные трансформации сделали наиболее значимым условием

общественной жизни. Они «заставили людей, которые занимались производством и распространением политических смыслов, публично сформулировать своё отношение к происходящим в обществе изменениям. Тогда же встал вопрос и о субъекте стратегического действия, способном эти перемены возглавить и осуществить на благо всего общества, а не каких-либо отдельных его сегментов» [7, с. 80]. Формирование институционализированной публичной политической сферы с ее практикой обсуждения насущных проблем, вовлекающей достаточно широкие слои населения, также выступило одной из причин, по которым ведущие социальные группы и их лидеры должны были указать обществу на то, «что делать с переменами, и кто же именно должен их возглавить» [8, с. 149].

Собственный вариант ответов на эти два вопроса предложили представители каждой из классических идеологий модерна. Консерваторы отнеслись к переменам негативно, полагая, что преобразования осуществляются чересчур быстро и разрушают социальный порядок, который сам по себе является ценностью. Отрицательные последствия происходящих кардинальных изменений можно нейтрализовать, только опираясь на традицию. Главным социальным субъектом, способным осуществлять эффективное управление обществом, а также обеспечивать преемственность высокой культуры, консерваторы считали аристократию. Либералы, представлявшие идеологический центр, полагали, что перемены в жизни общества крайне важны, но должны осуществляться путем тщательно продуманных реформ, направляющей силой которых должна быть промышленная и финансовая буржуазия. Сторонники же социализма и коммунизма были убеждены, что перемены идут слишком медленно, и их необходимо ускорить в интересах трудящихся масс, авангардом которых выступает пролетариат [См.: 6].

Через отношение к преобразованиям общества проявляются и концепты социального времени, характерные для основных идеологических течений. Сторонники либерализма и социализма используют линейно-стадиальные подходы в своих рецепциях динамики социума. Консерваторы же, выдвигая на первый план ценность традиции, интегрируют в своем мировоззрении элементы религиозной и мифологической темпорологии, совмещая их с теми или иными представлениями о цивилизационной специфике стратегий жизни отдельных сообществ.

В современную эпоху, несмотря на трансформации классических идеологий модерна, идеологическое конструирование реальности получает новый импульс в общественном сознании с распространением интернета и соцсетей. Что касается системы социально-гуманитарного образования, то одной из закономерностей ее построения является диалектическое взаимодействие и взаимодополнение научного и идеологического (аксиологического) компонентов. Как мы отмечали в предыдущих публикациях, в содержании нового университетского курса «Основы российской государственности» идеологическому компоненту отводится весьма значимое место [9], особенно в части теоретико-методологических оснований изучения исторического процесса. Таким образом, мы наблюдаем актуализацию и переосмысление в контексте современных реалий идеологических, а также мифологических и религиозных представлений о социальном времени.

Список литературы

1. Денисова Т.Ю. Образ времени в мифологических моделях античности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 1. С. 58-63.
2. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 218 с.
3. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с франц. М.: Акад. проект, 2010. 251 с.
4. Трунов А.А. Идеология как феномен репрезентативной и проектной культуры модерна // Наука. Искусство. Культура. 2019. Вып. 2 (22). С. 34-43.
5. Безнос И.А. Христианский образ времени в европейской культуре. Автореферат дисс... канд. филос. наук. Саратов. 1999. URL: <https://cheloveknauka.com/hristianskiy-obraz-vremeni-v-evropeyskoj-kulture> (дата обращения 25. 05. 2025)
6. Трунов А.А. Идеология в обществах модерна и постмодерна: сравнительный анализ// Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. 44 (2). С. 234–243.

7. Трунов А.А. Великая французская революция и генезис классических идеологий модерна // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 17 (266). Вып. 41. С. 78-89.
8. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.
9. Широкова М.А. Цивилизационный фактор в содержании курса «Основы российской государственности» // Политическое пространство и социальное время: цивилизационные модели формирования многополярного мира. Сборник научных трудов XLIII Международного Харакского форума 6-8 мая 2024 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сеньюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сеньюшкин] Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2024. 336 с. С. 323–329.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ДОГМАТИКИ В ПИСАНИИ НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ «ЦЕРКВИ ПОСЛЕДНЕГО ЗАВЕТА»

Шишкина В.Г.

*Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский)
федеральный университет», студент
E-mail: oreshik.shish145@gmail.com*

Научный руководитель: Горин А.А.

*Кандидат исторических наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, доцент
кафедры религиоведения
E-mail: anton-gorin-2009@mail.ru*

***Аннотация.** В настоящее время особое внимание уделяется изучению источников вероучений той или иной религиозной организации. В этом понимании «Церковь Последнего завета» не исключение. Исследуя отмеченную ранее организацию, можно сделать вывод, что большая часть основ вероучения заимствована из*

нескольких совершенно отличных религиозных доктрин. При том, что «Церковь Последнего завета» делает большой акцент на своей преемственности от Русской Православной Церкви. В данном исследовании мы рассмотрим алгоритмы и способы интерпретации православной терминологии и догматики в книгах «Последний завет».

Ключевые слова: догматика, терминология, Церковь Последнего завета, новые религиозные движения.

INTERPRETATION OF ORTHODOX TERMINOLOGY AND DOGMATICS IN THE WRITINGS OF THE NEW RELIGIOUS MOVEMENT «THE CHURCH OF THE LAST TESTAMENT»

Shishkina V.G.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) Federal University", student

E-mail: oreshik.shish145@gmail.com

Scientific supervisor: Gorin A.A.

Candidate of Historical Sciences,

Kazan (Volga Region) Federal University, Associate Professor of the Department of Religious Studies

E-mail: anton-gorin-2009@mail.ru

Abstract. *Currently, special attention is paid to the study of the sources of the doctrines of a particular religious organization. In this understanding, the "Church of the Last Testament" is no exception. Studying the previously noted organization, we can conclude that most of the foundations of the doctrine are borrowed from several completely different religious doctrines. Despite the fact that the "Church of the Last Testament" places great emphasis on its continuity from the Russian Orthodox Church. In this study, we will consider the algorithms and methods of interpreting Orthodox terminology and dogmatics in the books of the "Last Testament".*

Keywords: *dogmatics, terminology, Church of the Last Testament, new religious movements.*

«Церковь Последнего завета» смешивает в себе несколько абсолютно разных религиозных учений: даосизма, буддизма, христианства и ислама. При этом перечень заимствований не заканчивается: так же отмечается инкорпорация идей джайнизма и

теософского учения Блаватской и Рерихов. В настоящей работе мы рассмотрим интерпретацию православной терминологии и догматики в вероучении «Церкви Последнего завета».

Отметим, что «Последний завет» – это название серии вероучительных книг «Церкви Последнего завета». Исследование данных текстов необходимо, так как это позволит увидеть трансформацию и инкорпорацию религиозных идей в новом религиозном движении. Также исследование позволит определить более точную классификацию данного религиозного движения, что в свою очередь даст корректную оценку деятельности ныне закрывшейся религиозной организации «Церкви Последнего завета».

Скажем несколько слов, о том, что интерпретация православного теологического базиса не является чем-то новым и особенным для религии. Вспомним первые века христианства, как только Бог умер, воскрес и вознёсся, сразу стали возникать мудрые люди, которые в последующем получили название гностики. Прежде чем перейти к рассмотрению гностической интерпретации христианского теологического учения в первые века установления Христианской Церкви, скажем немного о раннехристианском периоде.

Историки называют временные рамки раннехристианского периода с начала 30-х годов I века до первого Вселенского собора в городе Никее в 325 году. Зачастую раннехристианский период, в первую очередь, ассоциируется с искусством, которое изначально формировалось в катакомбных условиях. Единицы подумают о том, в каком положении оказались христиане ранних веков: ведь был Мессия, за которым пошло большое количество людей, он дал им учение, после распятия исполнились пророчества, Бог Воскрес и Вознёсся, а верующие остались на Земле проповедовать слово Божье, но кто проповедовал? Проповедовали обычные люди, зачастую не имеющие базового образования, тем более философского. Следовательно, как и у любой новой религии, появлялись разночтения и понимания в вероучении. Так, в первые годы христианства стали появляться сторонники (в основном это были учёные люди, особенно философы) учения о том, что для познания истинной сути и глубины христианского Откровения необходимы дополнительные знания. Последователей данного учения, прозвали «гностиками», что означает «знание» и «мудрость».

Гностицизм – особая форма философско-религиозного учения, самовыражения. В основе гностических культиов заложены:

христианское и иудейское богословие, восточные религии и практики, философия. Большая часть гностических сект исповедует дуализм [2].

Гностики отмечали, что человек, не имеющий дополнительных знаний о Божественном Откровении, не может быть полноценным христианином. Человек, которому открыто данное знание, имеет больше шансов на Спасение.

Возникает вопрос: от чего отталкивались гностики, выводя такие умозаключения? Гностики ссылались на первое послание апостола Павла к коринфянам. Во второй главе послания апостол пишет о том, что мудрость, проповедуемая учениками Христа, открывается только «совершенным» людям, определённом кругу лиц [3]: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы» [3].

Благодаря правдоподобным и обоснованным аргументам, гностицизм получил широкое распространение в среде первых христиан, которые в свою очередь с интересом разделили это новое учение. Эти события пошатнули и без того слабую позицию раннехристианской общины, так как переживала период гонений со стороны государственной власти Римской империи [5]. Как бы сказал христианин: «Слава Богу! Ибо Истина оказалась сильнее всех ересей», и в жизни христиан наступил мир.

С развитием ересей, в частности гностицизма, развивалась и Церковь. Христианство также имело мудрых и начитанных мужей-апологетов, которые вступали в полемику с главными идеологами и последователями новообразовавшихся ересей. Так, известны имена таких великих апологетов христианской веры: Иустин Философ, Тертуллиан, Ориген, Татиан, Климент Александрийский, Епифаний Кипрский, который на ряду с Иринеем Лионским разоблачил учение Симона Волхва.

Симон Волхв привлекает наше внимание тем, что, во-первых, он считается первым известным гностиком, а во-вторых, его упоминает евангелист Лука в книге «Деяния апостолов». Апостолы Пётр и Филипп знакомятся с Симоном Волхвом в Самарии, во время своей миссии. Симон был знаменит своим даром волхвовать и изумлять народ, но прознав учение о Христе, которое привезли с собой апостолы, он уверовал и крестился. По дальнейшим описанным

событиям, можно сделать вывод, что Симон желал стать одним из учеников апостолов и пойти проповедовать Слово Божье. Такое заключение мы делаем, исходя из того, что увидев, как апостолы рукополагают учеников, Симон собрал свои деньги и пришёл к Петру и Филиппу, прося о том же совершении. Ответ апостола был следующим: «...серебро твоё да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий за деньги. Нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое неправо пред Богом. Итак, покайся в сем грехе твоём и молись Богу: может быть отпустится тебе помысел сердца твоего; ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды» [4]. Исходя из продолжения истории, можем сделать вывод, что Симон Волхв, вероятно, не раскаялся в своих помыслах.

О дальнейшей судьбе Симона нам известно из апокрифической книги «Деяния Петра» и трудов святых Иринея Лионского и Ипполита Римского, которые ссылались на «Синтагму против ересей» (не сохранилась до наших дней) святого Иустина Философа.

Симон Волхв разрабатывает своё учение, а точнее возрождает забытые гностические практики, которые были известны задолго до прихода Мессии. По изученным данным, можно сформулировать цель, преследуемую Синомом: покорение всего мира через подрыв патриархального устройства общества. Первый идеолог гностиков формулирует учение о некоей Елене как о женском начале божества. Здесь уже заметны предпосылки и отсылки к современным теософским учениям о женском начале, мудрости Божьей, Софии Соловьёва и т. д. В целом, Симон Волхв переосмысливает христианское учение, делает его более гибким, но в тоже время совершенно оккультным.

От времён Симона Волхва до времени Виссариона прошло более 1900 лет, а идеи, интересы и цели не изменились. Виссарион отчасти продолжает ту самую гностическую линию, но при этом «Церковь Последнего завета» остаётся весьма открытой для новых адептов, хотя постижение откровения Виссариона оказывается открытым не для всех.

Говоря об интерпретации православного теологического учения в вероучении Виссариона, отметим, что в первую очередь особое внимание уделяется догмату о Троицизме и используемой в нём терминологии. Вот что пишет учитель виссарионитов:

«Юное человечество не могло воспринять Истину о сущности своего развития, кое протекает на пяти Основах: Земля, Единый и Дух

Жизни, Бог-Сын и Святой Дух» [1, с. 6].

«1. Корнем Вселенной стал Единый (Абсолют). Он есть Великий Отец Вселенной и всего сущего в Ней. Он является Началом Истины Материального Бытия и Источником Духа Жизни (материальной энергии). Единый – Отец Великих Женских Начал, кои есть Планеты, Луны, Звёзды. И так как Он не обладает духовной тканью, то в Нём не заключено ни добро, ни зло» [1, с. 8].

«2. ...Отец Небесный. Он есть Великий Отец душ человеческих и Сын Единого. Бог ваш является Началом Истины Духовного Бытия и Источником Святого Духа (духовной энергии).

...слияние Духа Жизни и уникальной энергии Сердца Земли-Матушки. Время сие великое озарилось Светом рождения Сына Единородного, ибо более нет и не будет повторения.

Достигнув зрелости и Славы Своей, благословенный Единым, Бог Сын приступил к зарождению чад Своих, вкладывая уникальную духовную ткань, несущую особое предназначение, в плоть человеческую.

... Господь терпеливо, из эпохи в эпоху, терпя хулу и недовольство, выводит чад неразумных к вершинам Совершенства, ниспосылая им Духа Святого» [1, с. 8].

«3. Святой Дух есть Благодатная энергия и определённая сила мудрости, которая нисходит от Бога и входит в избранную плоть, дабы с помощью деяний сей плоти сотворить меж людей богоугодные дела». [1, с. 8].

«4. Дух Жизни, нисходящий от Единого, проходя через плоть человеческую, поддерживает в ней циркуляцию энергии, протекающей по определённой системе и питающей все внутренние органы плоти» [1, с. 8-9].

После описания онтологических основ и чётвероличностного бога принимаемых последователями Виссариона, автор пишет о том, как эти 4 лица дали началом всем религиям, так:

«Тайна Святого Духа дала начало Буддизму и Индуизму...» [1, с. 9]

«Тайна Духа Жизни дала начало Даосизму...» [1, с. 9]

«Следующие две Истины, несущие Тайны Единого и Сына Его, были ниспосланы несколько позже, когда разум человеческий возымел достаточную нужду в принятии их. Тайна Бога-Сына дала начало Христианству, а Тайна Единого дала росток Учению Ислама» [1, с. 9]

Из приведённых отрывков мы можем заметить использование такого христианского, в частности православного понятия «Единородный», которое обозначает рождение от Бога Отца и Бога Святого Духа, при этом личность Бога Сына не умаляется, он такой же Бог, как Отец и Святой Дух. «Единородный» является ключевым понятием для православных христиан, оно закреплено в «Символе веры», исповедуется и укрепляется.

Виссарион использует понятие «Единородный» также по отношению к Богу Сыну, но при этом рождение Сына отличается. Рождение произошло при слиянии Духа Жизни и энергии Сердца Земли-Матушки. Занимательным остаётся понятие «Земля-Матушка». У отечественного читателя это понятие будет ассоциироваться с Россией (Россия – Матушка), а теологи завидят в этом женское божественное начало. Говоря о женском начале, Виссарион также отмечает, что одно из божественных лиц – Единый, является Отцом Великих Женских Начал (планет, лун, звёзд).

Возвращаясь к искажению догмата о Троице в учении Виссариона, важно отметить, что сама идея и смысл отношения трёх основных лиц не меняются, но при этом появляются новые лица Единый и Дух Жизни. В этом понимании прослеживаются некие черты дуализма. Есть Единый, который является источником материального мира и источником Духа Жизни. Бог Отец – это уже духовный источник нашего бытия, он в свою очередь порождает Святой Дух, а самого Бога Отца порождает Единый. Бога Сына родил Дух Жизни и Земля-Матушка. Вся эта концепция подрывает догмат о Троице.

Таким образом, используя основы православного теологического учения, виссарионовцы мимикрируют под православие, аргументируя свой обновлённый облик тем, что люди, считающие себя христианами, неправильно понимают Откровение, данное им Единым. Изучив приведённые отрывки из текстов «Последнего завета», приходим к выводу о том, что, сравнивая виссарионовцев с первыми гностиками, мы находим много общего. Это общее определяется не только учением, но и историей двух религиозных направлений. Важно, что приведённый пример интерпретации догмата является лишь малой частью большого пласта неисследованного «Последнего завета».

Список литературы

1. Виссарион. Малая крупица Слова Виссариона, являющего

Последний завет от пославшего Его Отца Небесного. СПб: Общественный культурно-просветительский центр содействия развитию духовности и культуры «ИСТОЧНИК», 1993. 32 с.

2. Схемы и пособия изучающим православное христианство. URL: <https://azbyka.ru/shemy/tablitsa-eresi.shtml>
3. Библия. 1-е Кор. 2:6-8. URL: <https://azbyka.ru/biblia>
4. Библия. Деян. 8:20-23. URL: <https://azbyka.ru/biblia>
5. Акимов В. В. История Христианской Церкви в доникейский период. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/istorija-hristianskoj-tserkvi-v-donikejskij-period/6
6. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2021. 292с.

СОДЕРЖАНИЕ

Авдиенко А.О. ДИНАМИКА ОЦЕНОК МИРОВЫМ СООБЩЕСТВОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА РФ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТОВ ГОЛОСОВАНИЙ В ГА ООН)	4
Алимардонов Т.Т., Джураев Т.А. МИРОВОЙ ПОРЯДОК: КРИЗИС ИЛИ ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД?	13
Антонович Р.Д. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПУТЁМ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ	20
Баранецкий А.Н. СУБЪЕКТЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЙН: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КАННИБАЛЫ, ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ФЕОДАЛЫ	31
Баранов А.В. АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ ИЗ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ПРОЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ	40
Бойкович Гордан ЗАЩИТА ГРАНИЦ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ	46
Брад А.Н. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ДРАЙВЕР ЦИФРОВИЗАЦИИ РЕЛИГИИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ АНГОЛЫ И ГАБОНА	55
Вашенко С.А. «МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЛИЯНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ	62
Видосавлевич М. М. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И МАНИПУЛЯЦИЯ	69
Вилкова Д. В. ОСОБЕННОСТИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ЛУБКОВ XIX ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕ	79
Гаффаров И. З. МЕДИКО-САНИТАРНЫЙ АСПЕКТ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853-1856 ГГ.	84

Грбович В. Р. СЕЛЬСКИЕ ПРАЗДНИКИ (ЛИТИИ, ОБЕТЫ) КАК УНИКАЛЬНЫЙ ОБЫЧАЙ СЕРБСКОГО НАРОДА И ИХ ОТМЕНА ВСЛЕДСТВИЕ ИЗГНАНИЯ СЕРБСКОГО НАРОДА С ТЕРРИТОРИИ КОСОВО И МЕТОХИИ	89
Григорьев К. О. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И НАТО В ПЕРИОД 2014-2024 ГГ	97
Гузельбаева Г.Я. ВЫБОР СЕМЬЯМИ ВЕРУЮЩИХ МУСУЛЬМАН СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ	101
Духновский С. А. КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ВОЙНЫ И МИРА: СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ.....	110
Душабаева А. А. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ АБСЕНТЕИЗМА В РОССИИ: ВЗГЛЯД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ.....	116
Елезович З. М. КОНЦЕПЦИЯ ЖИВОЙ ИСТОРИИ НА ПРИМЕРЕ БИТВЫ ЗА КОСОВО И ЕЕ РОЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ В ПЕРИОДЫ ВЕЛИКИХ ПОТЯСЕНИЙ И ИСТОРИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ	127
Заркович В. С. СОТРУДНИЧЕСТВО КОНСУЛЬСТВА КОРОЛЕВСТВА СЕРБИИ В ПРИШТИНЕ И РОССИЙСКОГО КОНСУЛА В МИТРОВИЦЕ В 1904 ГОДУ	136
Иванков К. В. ВОЗДЕЙСТВИЕ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ГРУПП НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС УКРАИНЫ	145
Канифатов М.А. ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В РФ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК	153
Карицкая Л.Ю. «ЯЗЫК ВРАЖДЫ»: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖАРГОН В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ.....	163

Когут В.Г., Нурышев Г.Н. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА ЗАПАДА ПРОТИВ РОССИИ.....	169
Кушнерева К.В. ОТВЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЦК КПСС НА ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН (К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЯХ ПОВЕДЕНИЯ И МАРКЕРАХ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ)	174
Лагутин О.В. МЕГАПРОЕКТ КАК ДРАЙВЕР ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	181
Лиман П.С. ФАКТОР ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СТУДЕНТОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА КАК ЭЛЕМЕНТ СТРАТЕГИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ДОБРОСОСЕДСТВА	188
Лойко О.Т., Сидоров А.А. КОМИТЕТ ТОМСКИХ УЧЕНЫХ – ТРУД И ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ	194
Локтионова А.В. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США КАК ГЛОБАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РАМКАХ РАЗВЯЗАННОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ И ТЕХНОЛОГИЙ- ТРОЯНОВ: ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	202
Лыхойда Е.С. ПРОБЛЕМА ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И СЕВАСТОПОЛЕ.....	208
Луговских В.С., Кедык В.П. О ФЕНОМЕНЕ ЛИНГВОКУЛЬТУР И ИХ РОЛИ В ПОВСЕДНЕВНОМ ОСВОЕНИИ «ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА» (НА ПРИМЕРЕ АГРАРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)	219
Масаев М. В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ УРОКОВ «ЯЛТЫ-45» В ДЕЛЕ ПОСТИЖЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	226
Масаев М. В. НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ФЕНОМЕНУ ДИАЛЕКТИКИ СТАБИЛЬНОСТИ И НЕСТАБИЛЬНОСТИ	231

Миронова С.Е. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АППАРАТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА С ВОЛОНТЕРСКИМ КОРПУСОМ КАК ПУТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.....	236
Миятович М.Д., Нешич Н.Б. ОПЕКА НАД ЖЕНЩИНАМИ В РИМСКОМ ПРАВЕ: АНАЛИЗ ИНСТИТУТА TUTELA MULIERUM	246
Мохов А.В., Сеньюшкина Т.А. «КВАНТОВЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ ВООРУЖЁННЫМИ КОНФЛИКТАМИ.....	255
Норков А. В., Гриневич А. П., Муслядинов А. А. ФЕНОМЕН СЕМИОТИКИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ КОММУНИЦИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ АГРОСЕКТОРА	263
Павлович А.С. ЛАЗАРЬ ХРЕБЕЛЯНОВИЧ И ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ ЩЕРБИНА В СЕВЕРНОЙ КОСОВСКОЙ МИТРОВИЦЕ: ЧТО СЕРБСКИЙ КНЯЗЬ «ПОРУЧИЛ» РОССИЙСКОМУ КОНСУЛУ?	270
Пашковский П. И. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РУСОФОБСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБОСТРЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЗАПАДА	279
Петрович М.Л. СИМВОЛИКА ВОЙНЫ И МИРА В РАССКАЗАХ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И ПОСЛЕВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ В КОСОВО И МЕТОХИИ	286
Романович Н. А. СТРАТЕГИЯ «ШИ» КАК КИТАЙСКОЕ ИСКУССТВО ВОЙНЫ	296
Сайгушкина Т.П. КОНКРЕТНОЕ, ОБОБЩЕННОЕ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ БАТАЛЬНОГО ЖАНРА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗ СОБРАНИЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИМ. М.П. КРОШИЦКОГО И СОВРЕМЕННЫХ РАБОТ КРЫМСКИХ, ДОНЕЦКИХ И ЛУГАНСКИХ ХУДОЖНИКОВ).....	302
Сайфутдинова Ю.Э., Нурышев Г.Н. РАЗВИТИЕ ЯПОНСКИХ ПОДХОДОВ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА МИРОВОГО ПОРЯДКА.....	307

Самсонов В. П. ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ВЫЗОВ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	317
Саралидзе В. А., Сухарев Р. В. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО КАК СПОСОБ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	323
Сбойчикова М.В. ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ПОНЯТИЕ И ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ	332
Сенюшкина Т.А., Сенюшкин Е.А. ДИАЛЕКТИКА ВОЙНЫ И МИРА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	338
Столетова А.С. ВЕРБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ ПИСЕМ, АДРЕСОВАННЫХ ЦК КПСС	344
Широкова М.А. ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ, РЕЛИГИОЗНЫХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	351
Шишкина В.Г. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ДОГМАТИКИ В ПИСАНИИ НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ «ЦЕРКВИ ПОСЛЕДНЕГО ЗАВЕТА»	358

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ: СМЫСЛЫ
И СИМВОЛЫ ВОЙНЫ И МИРА»**

**Сборник научных трудов XLV Международного
Харакского форума**

(Ялта-Симферополь, 22-25 апреля 2025 г.)

Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной

Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 21,62. Тираж 500 экз. Заказ № 12А/03.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, зд. 31а,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, зд. 31а,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru